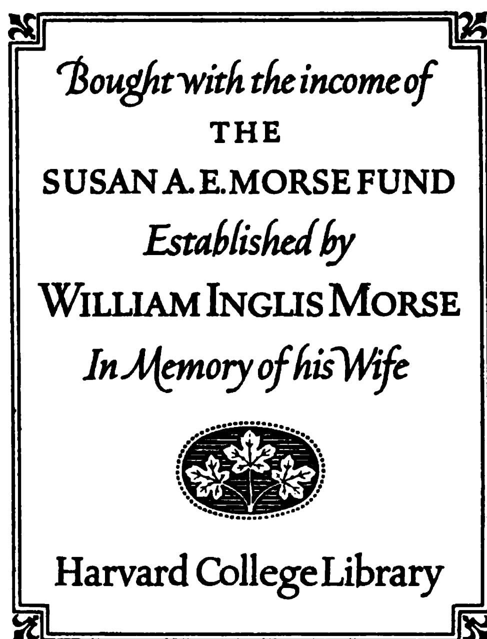


ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
ИСТОРІЯ
ПЕТРА ВЕЛИКАГО
ТЕКСТЪ
А. Г. БРИКНЕРА
ПРОФЕССОРА РУССКОЙ ИСТОРІИ ВЪ ДЕРПТСКОМЪ
УНИВЕРСИТЕТѢ
ГРАВЮРЫ НА ДЕРЕВѢ
Паннемакера и Маттэ въ Парижѣ; Кезеберга
и Эртеля въ Лейпцигѣ; Клосса и Хельма
въ Штутгартѣ; Зубчанинова, Рашевскаго, Шлипера
и Винклера въ Петербургѣ.
Заглавный листъ, заглавныя буквы и украшенія
художника ПАНОВА.
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
Выпускъ 1-й.

ИСТОРІЯ
ПЕТРА ВЕЛИКАГО

ТЕКСТЪ

А. Г. БРИКНЕРА,

профессора русской исторіи въ Дерптскомъ университетѣ

ГРАВЮРЫ НА ДЕРЕВѢ

ПАННЕМАКЕРА и **МАТТЭ** въ Парижѣ; **КЕЗЕБЕРГА** и **ЭРТЕЛЯ** въ Лейпцигѣ; **КЛОССА** и **ХЕЛЬМА** въ Штутгартѣ; **ЗУБЧАНИНОВА, РАШЕВСКАГО, ШЛИПЕРА** и **ВИНКЛЕРА** въ Петербургѣ.

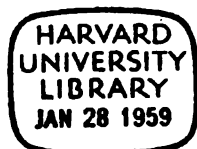
Заглавный листъ, заглавныя буквы и украшенія художника **ПАНОВА**.

ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА

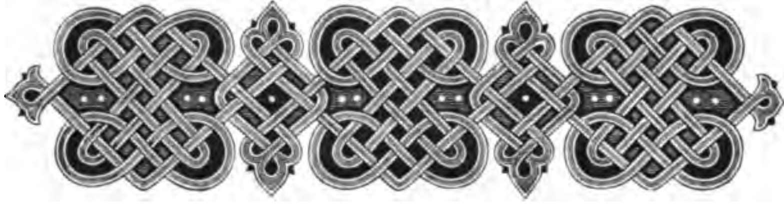
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1882


HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
JAN 28 1959

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ



Введеніе.

Россія, въ первое время царствованія государей изъ дома Романовыхъ, должна была ограничиваться въ борьбѣ съ сильнѣйшими сосѣдями обороною. И Швеція, и Польша—имѣли перевѣсъ надъ Московскимъ государствомъ. Не ранѣе, какъ около половины XVII вѣка, Россія перешла къ наступательнымъ дѣйствіямъ, которыя, однако, въ борьбѣ съ Швеціею не имѣли успѣха; завоеваніе Лифляндіи и береговъ Балтійскаго моря оказалось невозможнымъ. Зато борьба съ Польшею повела къ чрезвычайно важному результату,—къ завоеванію Малороссіи. Немного позже, произошло столкновеніе съ Оттоманскою Портою; попытка завладѣть Крымомъ не повела къ желанной цѣли. Затѣмъ, однако, благодаря стойкости юнаго Петра, во что бы то ни стало старавшагося стать твердою ногою у береговъ Чернаго и Азовскаго морей, сдѣлалось возможнымъ завоеваніе Азова. Появленіе въ Азовскомъ морѣ русскаго флота не допускало сомнѣнія въ томъ, что и впредь борьба между Россіею и Оттоманскою Портою сдѣлается неизбѣжною.

Для Россіи весьма важная выгода заключалась въ томъ обстоятельствѣ, что сосѣди ея, до тѣхъ поръ имѣвшіе перевѣсъ надъ нею, находились въ упадкѣ.

Въ Швеціи эпоха царствованія Густава Адольфа была крайне опасною для Россіи. Затѣмъ, однако, Швеція постепенно ослабѣвала. При Карлѣ XI борьба правительства съ лифляндскимъ дворянствомъ представляла собою какъ бы начало отчаяннаго антагонизма между монархическою властью и аристократіею, которая впродолженіе XVIII вѣка грозила Швеціи судьбою, постигшею Польшу, пока государственный переворотъ при Густавѣ III не положилъ конецъ этой опасности.

Въ Польшѣ процессъ разложенія развивался быстро и безостановочно; вмѣшательство другихъ державъ во внутреннія дѣла Рѣчи Посполитой усиливалось постоянно; Россія, присоединивъ къ своимъ владѣніямъ Малороссію, этимъ самымъ, такъ сказать, положила начало раздѣламъ Польши, и своимъ вмѣшательствомъ въ дѣла этого государства становилась ему особенно опасною.

Турція, еще во второй половинѣ XVII вѣка грозившая западной Европѣ наступленіемъ, съ тѣхъ поръ, какъ турецкія войска осаждали Вѣну въ 1683 году, падала быстро и подчинялась, наравнѣ съ Польшею, все болѣе и болѣе вліянію другихъ державъ. Во время чигиринскихъ походовъ еще обнаруживался перевѣсъ турецкаго оружія надъ русскимъ; однако, завоеваніе Азова Петромъ служило явнымъ признакомъ быстро возрастающихъ силъ и средствъ Московскаго государства.

Нѣтъ основанія говорить лишь о польскихъ «раздѣлахъ». Присоединеніе Прибалтійскаго края и Финляндіи къ Россіи можетъ быть названо раздѣломъ Швеціи, точно такъ же, какъ присоединеніе нѣкоторыхъ польскихъ провинцій къ Россіи, Австріи и Пруссіи обыкновенно называется раздѣломъ Польши. Всюду происходятъ подобные случаи раздѣловъ или, по французскому выраженію, «démembrements». Въ этомъ смыслѣ, завоеваніе береговъ Чернаго моря и занятіе Таврическаго полуострова можетъ быть названо раздѣломъ Турціи. Благодаря такому процессу «раздѣловъ» сосѣднихъ державъ, Россія превратилась въ великую державу и сдѣлалась членомъ европейской системы.

Недовольствуясь занятіемъ провинцій разныхъ сосѣднихъ странъ и присоединеніемъ ихъ къ своимъ владѣніямъ, Россія идетъ далѣе, усиливая всюду, путемъ дипломатическихъ дѣйствій, свое вліяніе. Русскіе посланники въ Стокгольмѣ, Варшавѣ и Константинополѣ по временамъ играютъ чрезвычайно важную роль, вмѣшиваются во внутреннія дѣла Швеціи, Польши и Турціи, и довольно часто успѣшно парализируютъ дѣйствія дипломатовъ другихъ державъ. Иногда они становятся вожаками политическихъ партій, участвуютъ

нѣкоторымъ образомъ въ управленіи дѣлами. Такова дѣятельность Бестужева, Панина, Разумовскаго—въ Швеціи, Штакельберга, Репнина, Сиверса—въ Польшѣ, Толстого, Неплюева, Обрѣзкова, Булгакова—въ Турціи.

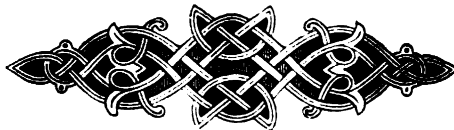
Всѣ эти явленія противоположны событіямъ первой половины XVII вѣка, когда Московскому государству со стороны Швеціи и Польши грозила опасность раздѣла, превращенія въ шведскую или польскую провинцію.

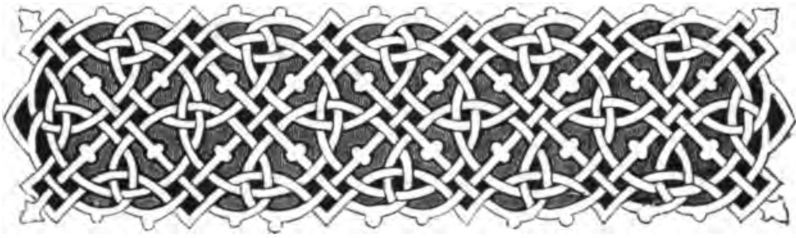
Царствованіе Петра Великаго въ этомъ процессѣ коренной перемѣны политической системы въ восточной половинѣ Европы составляло эпоху. Послѣ неудачныхъ усилій царя Алексѣя Михайловича занять берега Балтійскаго моря, эта цѣль была достигнута при сынѣ его, Петрѣ. Всѣ берега Финскаго залива и Остзейскаго края сдѣлались достояніемъ Россіи. Польша, впродолженіе десятилѣтія бывшая театромъ военныхъ дѣйствій русскихъ и шведскихъ армій, при Петрѣ все болѣе и болѣе подчинялась вліянію Россіи; во всѣхъ отношеніяхъ царь имѣлъ перевѣсъ надъ королемъ Августомъ; союзникъ Петра, мало по малу, превратился въ вассала. Зато въ борьбѣ съ Оттоманскою Портою, начавшеюся столь успѣшно завоеваніемъ Азова, не было достигнуто важныхъ результатовъ. Петръ не могъ удержать за собою этого завоеванія. Чрезмѣрно смѣлое предпріятіе царя, попытавшагося соединить славянскій вопросъ съ восточнымъ, обошлось весьма дорого и повело къ кризису на берегахъ Прута и потерѣ Азова. Зато въ послѣднее время своего царствованія Петръ обратилъ особенное вниманіе на Среднюю Азію и на Персію. Здѣсь происходили успѣшныя дѣйствія, давшія направленіе и позднѣйшимъ подвигамъ Россіи въ области восточнаго вопроса въ болѣе широкомъ смыслѣ.

Дѣятельность Петра на поприщѣ внѣшней политики началась борьбою противъ татаръ и турокъ; тутъ онъ впервые обнаружилъ необычайную силу воли и послѣдовательность дѣйствій, которыя, ранѣе или позже, должны были повести къ важнымъ успѣхамъ въ области внѣшней политики вообще. Созданіе флота было вызвано необходимостью борьбы противъ Порты. Участіемъ въ восточномъ вопросѣ Московское государство пріобрѣло, такъ сказать, право гражданства въ ряду европейскихъ державъ. Въ борьбѣ противъ общаго врага проявилась солидарность Россіи съ прочимъ христіанскимъ міромъ. Въ самой тѣсной связи съ этими событіями стояло, какъ мы видѣли выше, и путешествіе Петра въ западную Европу.

При окончаніи этого достопамятнаго путешествія, совершилась многознаменательная перемѣна въ системѣ внѣшней политики Петра. Вмѣсто продолженія борьбы съ Турціею, онъ вдругъ перешелъ къ занятіямъ балтійскими дѣлами. Необходимо было по возможности скорѣе прійдти къ какому нибудь соглашенію съ Оттоманскою Портою для того, чтобы напасть врасплохъ на неприготовленную къ борьбѣ Швецію. Закипѣла исполинская работа во время Сѣверной войны. Не ранѣе, какъ послѣ Полтавской битвы, оказалось возможнымъ возвратиться къ прерваннымъ дѣйствіямъ противъ Турціи. Такимъ образомъ, произошелъ эпизодъ Прутскаго похода. Слѣдующіе затѣмъ годы были посвящены обезпеченію завоеваній, сдѣланныхъ въ ущербъ Швеціи, укрѣпленію положенія Россіи, пріобрѣтшей значеніе великой державы. Московское царство превратилось во Всероссійскую имперію, призваніемъ которой сдѣлалось служить посредникомъ между Европою и Азіею, орудіемъ въ процессѣ европеизаціи востока.

Таковъ былъ въ главныхъ чертахъ ходъ внѣшней политики Россіи въ царствованіи Петра Великаго.





ГЛАВА I.

Отношенія къ Турціи до 1700 года.

ЖЕ ЗА ПОЛТОРА столѣтія до Петра Великаго, въ западной Европѣ возникла мысль склонить Московское царство къ участію въ борьбѣ противъ Оттоманской Порты. Испанскій король, Филиппъ II, старался, въ 1557 году, вооружить царя противъ султана. Въ этомъ же смыслѣ дѣйствовалъ папа Григорій XII [1]). Въ 1573 году, епископъ Фюнфкирхенскій, Анатолій Веранцій, представилъ императору Максимиліану II проектъ войны съ Турціей, въ которой должна была участвовать Россія. Предполагалось тогда задобрить царя обѣщаніемъ завоеванія и отдачи ему Крымскаго полуострова. Въ 1593 году, епископъ Лезинскій, Пьетро Чедолини, представилъ папѣ Клименту VIII записку, въ которой развивалась мысль, что императоръ и король польскій сдѣлаются непобѣдимыми лишь при посредствѣ тѣснаго союза съ московскимъ царемъ, такъ какъ султанъ никого такъ не боится изъ христіанскихъ государей, какъ московскаго царя, подданные котораго исповѣдуютъ ту же самую вѣру, какую исповѣдуютъ подданные султана. Епископъ утверждалъ, что, въ случаѣ крайней опасности, а именно нападенія султана на Австрію и

[1]) См. статью Пирлинга «Grégoire XIII et Bathori» въ журналѣ «Revue des questions historiques», январь 1882 г.

Италію, можно ожидать спасенія только отъ союза съ московскимъ царемъ.

Зато французскій король, Генрихъ IV, въ своемъ знаменитомъ проектѣ общаго христіанскаго союза государствъ («Association ou république très-chrétienne»), не хотѣлъ допустить къ участію въ такомъ союзѣ московскаго царя, котораго называлъ «Knés scythien», на томъ основаніи, что москвитяне принадлежатъ къ варварскимъ народамъ, и далѣе потому, что не должно присоединять къ тремъ различнымъ вѣроисповѣданіямъ, существующимъ въ западной Европѣ, еще четвертый, своеобразный, чуждый элементъ — православную церковь.

Однако, именно религіозное значеніе Московскаго государства заслуживало особеннаго вниманія государственныхъ дѣятелей въ западной Европѣ, наблюдавшихъ за ходомъ дѣлъ на востокѣ. Въ 1622 году, французскій путешественникъ Де-Ге (Des Hayes) сдѣлалъ замѣчаніе, что кавказскіе народы, признающіе надъ собою власть султана, охотно предпочли бы послѣднему московскаго царя, на томъ основаніи, что они одинаковой съ нимъ вѣры.

Такимъ образомъ, мысль о привлеченіи Россіи къ участію въ борьбѣ противъ ислама была высказываема довольно часто. Въ этомъ направленіи старался дѣйствовать на Венеціанскую республику и Паоло Сарпи, около половины XVII вѣка; однако, венеціанское правительство считало москвитянъ слишкомъ отдаленнымъ и неизвѣстнымъ народомъ и поэтому не желало слѣдовать совѣтамъ Сарпи [1]).

Несмотря на такого рода затрудненія, сближеніе между Россіею и Западною Европою все-таки состоялось. Неоднократно являлись русскіе дипломаты въ Венеціи и въ Римѣ. Между Московскимъ государствомъ и западно-европейскими державами заключались союзные договоры. При осадѣ Азова оказали московскому царю помощь австрійскіе, бранденбургскіе и венеціанскіе инженеры. Московское царство становилось все болѣе и болѣе извѣстнымъ западной Европѣ.

Спрашивалось, однако, насколько и дальше для западно-европейскихъ державъ окажется выгоднымъ дѣйствовать за одно съ Московскимъ государствомъ противъ Оттоманской Порты?

По случаю взятія Азова, съ разныхъ сторонъ Россіи было выражено живѣйшее сочувствіе. Во время пребыванія въ Венеціи

---

[1]) См. нѣкоторыя любопытныя частности обо всемъ этомъ въ статьѣ Цинкейзена «Der Westen und der Norden im dritten Stadium der orientalischen Frage», въ сборникѣ «Historisches Taschenbuch», 1858, стр. 485 и слѣд.

Бориса Петровича Шереметева, въ 1697 году, къ нему пріѣхалъ сенаторъ и отъ имени дожа и сената говорилъ, «что дожъ и сенатъ желаютъ, при Божіей помощи, ему, великому государю, обладати и царствующимъ градомъ Константинополемъ и въ томъ обѣщаются они чинити ему, государю, моремъ всякую помощь» [1]). Когда Петръ, въ мѣстечкѣ Коппенбрюгге, гостилъ у курфюрстинъ Бранденбургской и Ганноверской, одна изъ нихъ за столомъ выразила надежду, что Петръ успѣетъ прогнать турокъ изъ Константинополя [2]). Въ этомъ же смыслѣ, какъ мы видѣли выше, выразился іезуитъ Вольфъ, въ своей проповѣди въ присутствіи Петра, во время пребыванія послѣдняго въ Вѣнѣ [3]). Такого же содержанія были стихи, сочиненные Лейбницемъ по поводу сближенія царя съ императоромъ и польскимъ королемъ [4]).

Во время своего путешествія по западной Европѣ, царь постоянно былъ занятъ восточнымъ вопросомъ. Во многихъ письмахъ его къ пріятелямъ въ Москву разсказаны подробности о военныхъ дѣйствіяхъ австрійцевъ противъ турокъ, о подвигахъ Евгенія Савойскаго и пр. [5]). Однажды, онъ послалъ патріарху Адріану напечатанный въ голландскихъ газетахъ памфлетъ, въ которомъ были осмѣяны султанъ и турки [6]). Патріарху же онъ писалъ, какъ мы видѣли, что «до послѣдняго издыханія» не перестанетъ дѣйствовать противъ враговъ христіанства.

Азовъ долженъ былъ служить базисомъ операцій въ дальнѣйшей борьбѣ противъ Турціи. Городъ этотъ изъ турецкаго сдѣлался русскимъ; мечети въ немъ превращены въ церкви. Совѣщаясь съ боярами о средствахъ извлечь наибольшую пользу изъ такого завоеванія, Петръ замѣтилъ: «нынѣ же, аще воля есть, радѣти отъ всего сердца въ защищеніе единовѣрныхъ своихъ и себя къ безсмертной памяти просимъ, понеже время есть и фортуна сквозь насъ бѣжитъ, которая никогда къ намъ такъ близко на югъ бывала: блаженъ, иже имется за власы ея» [7]). Въ особенныхъ засѣданіяхъ обсуждался вопросъ о сооруженіи на югѣ значительнаго флота. Возникла мысль образованія «кумпанствъ» для постройки кораблей. Зажиточные люди обязывались, сораз-

---

[1]) «Записка путешествія Шереметева», Москва, 1773, стр. 38.

[2]) См. письмо Лейбница къ младшему Лефорту, въ соч. Герье, I, 18.

[3]) Памятники дипл. сношеній, VIII, 1363.

[4]) «Et si fata volunt, Caesar, Czar Saxoque juncti Europa poterunt pellere barbariem», см. соч. Герье, I, 24.

[5]) См., напримѣръ, письма къ Ромодановскому у Устрялова, III, 76.

[6]) «Русская Старина», 1878 г., I, 1—9.

[7]) Соловьевъ, XIV, 236.

мѣрно ихъ средствамъ, содѣйствовать въ извѣстный срокъ сооруженію судовъ. Такимъ образомъ, правительство надѣялось въ непродолжительномъ времени располагать флотомъ, состоящимъ изъ 48 судовъ. Образовались 17 свѣтскихъ и 18 духовныхъ «кумпанствъ». Закипѣла работа, надъ которою наблюдало особо учрежденное вѣдомство» [1]).

Кумпанства обязывались употреблять при постройкѣ судовъ значительное число иностранцевъ. Петръ, уѣзжая за границу, надѣялся на успѣшный ходъ этого дѣла [2]). Кромѣ того, онъ мечталъ о постройкѣ канала, долженствовавшаго соединить Волгу съ Дономъ; 350,000 рабочихъ, подъ руководствомъ полковника Бракеля, должны были трудиться надъ этимъ предпріятіемъ, которое, однако, не имѣло успѣха [3]). Все это находилось въ самой тѣсной связи съ предположеніемъ царя продолжать турецкую войну. Не даромъ иностранные дипломаты съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за этими работами. Въ одной брошюрѣ, изданной въ Аугсбургѣ, въ 1698 году, высказана была надежда на завоеваніе царемъ «Константинопольской и Требизондской имперіи», причемъ было сдѣлано замѣчаніе, что всѣ державы нуждаются въ союзѣ царя и что, напр., Венеціанская республика предпочла бы видѣть царя побѣдителемъ Стамбула, чѣмъ дожить до завоеванія Турціи австрійцами [4]). Венеціанскій дипломатъ Рудзини удивлялся безпечности турокъ, не обращавшихъ достаточнаго вниманія на усиленіе Московскаго государства, на громадныя приготовленія Петра къ войнѣ. Очевидно, продолжаетъ Рудзини въ своемъ донесеніи, москвитяне намѣреваются прежде завладѣть Крымомъ, а потомъ уже сдѣлать нападеніе на Константинополь. Однако, въ то же время Рудзини сомнѣвался въ успѣхѣ русскихъ. «Еслибы», писалъ онъ, «громаднымъ размѣрамъ этого царства соотвѣтствовали духъ и сила воли, то Московія была бы весьма великою державою; въ разныхъ частяхъ ея насчитывается до 400,000 солдатъ. Но въ нравѣ москвитянъ, по природѣ малодушныхъ, едва ли есть задатки благородной храбрости, которая служитъ подспорьемъ дисциплины и успѣха» и пр. Рудзини считаетъ развѣ только возможнымъ, но далеко не вѣроятнымъ, чтобы русскіе успѣли добиться

---

[1]) Гордонъ, III, 79—80. Елагинъ, «Ист. рус. флота», Спб. 1864 и пр.

[2]) См. письмо Лефорта, отъ 22-го января 1697 г., у Поссельта, II, 381—82. Устряловъ, II, 497—531.

[3]) Желябужскій, 115. Плейеръ у Поссельта, III, 314, 633.

[4]) Acxtelmeier, «Das Muscowittische Prognosticon oder der glorwürdige Czaar Peter Alexowiz», Augsburg, 1698.

господства на Черномъ морѣ [1]). Такое же мнѣніе было высказано въ то время папскимъ нунціемъ въ Варшавѣ [2]).

Въ Швеціи царь заказалъ для компанейскихъ судовъ 600 чугунныхъ пушекъ. Узнавъ объ этомъ, король Карлъ XI, въ доказательство своего участія къ успѣхамъ христіанскаго оружія въ войнѣ съ турками, подарилъ царю 300 пушекъ [3]). Во время своего путешествія, Петръ надѣялся убѣдить къ участію въ войнѣ съ турками Голландію; но переговоры въ Амстердамѣ и Гаагѣ по этому поводу не повели къ желанной цѣли. И Англія, и Голландія—дѣйствовали въ пользу мира съ Портою, имѣя въ виду вооружиться всею силою противъ перевѣса Людовика XIV. Европейскія державы, не желая участвовать въ войнѣ съ турками, одобряли намѣренія Петра продолжать эту войну; однако, онъ для успѣшныхъ дѣйствій нуждался прежде всего въ помощи императора. При этомъ всѣ старанія царя уговорить Леопольда къ болѣе энергичному веденію войны оставались тщетными. Петръ требовалъ, кромѣ удержанія всѣхъ своихъ завоеваній, еще крѣпости Керчи въ Крыму, и выразилъ желаніе, чтобы союзники продолжали войну, пока турки не согласятся на уступку этой крѣпости. Императоръ возразилъ, что русскимъ надобно взять Керчь оружіемъ, обѣщая, впрочемъ, поддерживать при предстоящихъ переговорахъ требованія Россіи [4]).

Прежде всего, Россія должна была стараться удержать за собою Азовъ. На западѣ было высказываемо опасеніе, что турки, воспользуясь отсутствіемъ Петра, займутъ вновь эту крѣпость [5]). Однако, успѣшныя военныя дѣйствія русскихъ въ 1697 году устранили такую опасность. Плейеръ замѣтилъ въ одномъ изъ своихъ донесеній, что русскіе въ борьбѣ съ турками и татарами дѣйствуютъ гораздо успѣшнѣе прежняго. Въ окрестностяхъ Азова были построены разные форты. Турки и татары, осаждавшіе Таванскъ, не имѣли успѣха, и Петръ въ Амстердамѣ, въ честь храбраго таванскаго гарнизона, праздновалъ его подвигъ фейерверкомъ и баломъ [6]). Впрочемъ, особенно важныхъ успѣховъ не было ни въ 1697, ни въ 1698 году.

---

[1]) «Fontes rerum austriacarum», т. XXVII, 370, 378, 431.

[2]) Theiner, 364.

[3]) Устряловъ, II, 314.

[4]) Соловьевъ, XIV, 261—262.

[5]) Письмо Туртона у Поссельта, II, 375.

[6]) Устряловъ, III, 78—84. Гордонъ, III, 98—156. См. также донесеніе Плейера у Устрялова, III, 632—642.

Успѣхи русскаго оружія, однако, пробудили въ обитателяхъ Валахіи и Молдавіи мысль свергнуть ненавистное иго турокъ и отдаться подъ покровительство Россіи.

Во время пребыванія царя за границею, пріѣхалъ въ Москву тайно посланный валахскимъ господаремъ, Константиномъ Бранкованомъ, дворянинъ его, Георгій Кастріота, и слезно молилъ московское правительство спасти Валахію отъ турокъ и нѣмцевъ, отъ мусульманъ и папистовъ, и принять ее подъ царскую державу въ подданство. Съ предложеніемъ подданства прислалъ въ Москву и молдавскій господарь, Антіохъ Кантеміръ, капитана своего, Савву Константинова. Кастріота даже представилъ слѣдующій проектъ военныхъ дѣйствій: наступить съ сухого пути на Очаковъ, ключъ Чернаго моря, нужнѣе Азова; отсюда можно нападать на Крымъ, на Буджаки;—послать войско въ молдавскую землю; къ этому войску скоро пристануть мѣстные жители. Петръ, узнавъ обо всемъ этомъ во время своего пребыванія въ Голландіи, поручилъ гетману Мазепѣ развѣдать о пристаняхъ при Черномъ морѣ отъ лимана Днѣпровскаго до гирла Дунайскаго, о путяхъ и станахъ чрезъ Буджаки въ Молдавію и Валахію. Очевидно, онъ хотѣлъ распространить военныя дѣйствія до береговъ Дуная [1]).

Склонность западно-европейскихъ державъ къ заключенію мира съ турками положила конецъ смѣлымъ проектамъ Петра. Между тѣмъ, какъ онъ мечталъ о завоеваніи Керченской крѣпости и бесѣдовалъ съ англійскимъ инженеромъ Перри о средствахъ превращенія этого мѣста въ сильную русскую гавань и распространенія русской торговли въ Средиземномъ морѣ [2]), между тѣмъ, какъ русскому дипломату, Возницыну, было вмѣнено въ обязанность при переговорахъ о мирѣ настаивать непремѣнно на уступкѣ Керчи Россіи [3]), въ октябрѣ 1698 года, въ мѣстечкѣ Карловичѣ, на правомъ берегу Дуная, открылся мирный конгрессъ, который кончился уже въ январѣ 1699 года.

Еще во время своего пребыванія въ Голландіи, Петръ велѣлъ спросить амстердамскихъ бургомистровъ: давно ли высокомочные штаты, послѣ всѣхъ увѣреній въ желаніи успѣховъ христіанскому оружію, приняли на себя роль посредниковъ? [4]). Теперь же въ Карловичѣ дипломаты Англіи и Голландіи дѣйствительно играли

---

[1]) Устряловъ, III, 246—247, 477—478.

[2]) Объ этихъ бесѣдахъ разсказываетъ подробно Перри; см. нѣмецкое изданіе 218—219.

[3]) Соловьевъ, XIV, 328.

[4]) Устряловъ, III, 112.

Торжественный въѣздъ султана Махмута въ Константинополь послѣ заключенія Карловицкаго мира.

Съ современной гравюры, находящейся въ „Путешествіи Ламотрея, изд. 1727 года.

такую роль и своимъ посредничествомъ содѣйствовали скорому заключенію мира.

Россія не могла не участвовать въ переговорахъ въ Карловичѣ. Однако, положеніе ея оказалось далеко не выгоднымъ. Нельзя было и думать о пріобрѣтеніи Керчи. Никто не изъявлялъ готовности заступиться за интересы Россіи. Возницынъ не хотѣлъ воспользоваться посредничествомъ голландцевъ и англичанъ для переговоровъ съ Турціею и поэтому вступилъ въ прямыя, но тайныя сношенія съ турецкимъ уполномоченнымъ Маврокордато, на котораго старался дѣйствовать подкупомъ. Въ этихъ тайныхъ сношеніяхъ Возницынъ доходилъ до того, что совѣтовалъ туркамъ затянуть переговоры до начала войны за испанское наслѣдство, такъ какъ, во время названной войны, турки могли-бы разсчитывать на болѣе успѣшныя дѣйствія въ борьбѣ съ австрійцами. Одновременно съ этимъ, однако, Возницынъ убѣждалъ царя готовиться къ усиленному продолженію турецкой войны, замѣчая: «еслибъ дойтить до Дуная—не только тысячи—тьмы нашего народа, нашего языка, нашей вѣры и всѣ миру не желаютъ» [1]).

Не имѣя возможности заключить миръ, Возницынъ началъ вести переговоры о перемиріи. Оно было заключено за два дня до заключенія мира между прочими державами и Турціею. При этомъ случаѣ оказалось, что Россія находилась въ полнѣйшемъ уединеніи и что интересы ея въ особенности расходились съ интересами Австріи.

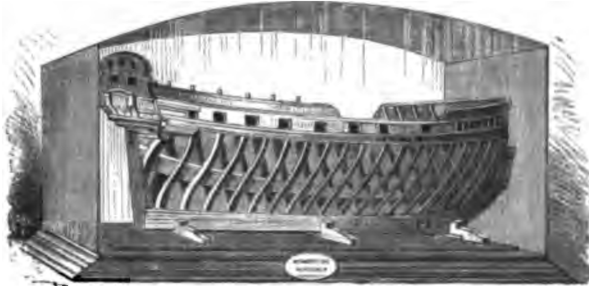
Для заключенія окончательнаго мира съ Турціею, Россія должна была готовиться къ продолженію войны. Работы надъ сооруженіемъ флота были усилены. Петръ Лефортъ, находившійся въ это время въ Воронежѣ, съ восхищеніемъ писалъ своему отцу о великолѣпномъ флотѣ, состоявшемъ изъ ста судовъ. Самъ Петръ послѣ стрѣлецкаго розыска наблюдалъ за успѣшнымъ ходомъ работъ въ Воронежѣ; сообщая Виніусу разныя подробности объ этомъ, онъ, однако, прибавилъ: «только еще облакъ сомнѣнія закрываетъ мысль нашу, да не укоснѣетъ сей плодъ нашъ, яко финиковъ, котораго насаждающіе не получаютъ видѣть». Собственноручно, по сдѣланному имъ самимъ чертежу, Петръ заложилъ 60-пушечный корабль «Предестинацію». Надъ этимъ кораблемъ онъ работалъ безъ помощи иноземныхъ мастеровъ, при содѣйствіи только своихъ товарищей, работавшихъ съ нимъ въ Амстердамѣ и Детфордѣ. Одновременно съ этимъ, Крюйсъ былъ занятъ исправленіемъ ком-

---

[1]) Соловьевъ, XIV, 329. Устряловъ, III, 480—484.

панейскихъ судовъ. «Здѣсь препараторіумъ великій», писалъ царь изъ Воронежа въ Москву: «только ожидаемъ благаго утра, дабы мракъ сумнѣнія нашего прогнанъ былъ» [1]).

Во все это время Петръ зорко слѣдилъ за ходомъ переговоровъ въ Карловичѣ. Возницынъ писалъ, что турки склонны къ миру и что нѣтъ ни малѣйшаго основанія ожидать нападенія со стороны Порты. По совѣту Возницына, царь назначилъ въ Константинополь для окончательныхъ переговоровъ чрезвычайнымъ посланникомъ опытнѣйшаго изъ дѣльцовъ посольскаго приказа, думнаго дьяка Емельяна Украинцева, который впродолженіе двухъ десятилѣтій до этого не разъ имѣлъ случай участвовать въ переговорахъ съ турецкими дипломатами.



Модель корабля, сдѣланнаго Петромъ Великимъ.
Хранится въ Морскомъ музеѣ, въ Петербургѣ.

По данному ему наказу, Украинцевъ долженъ былъ отправиться въ Константинополь на нарочно для этой цѣли приготовленномъ военномъ кораблѣ. Самъ царь намѣревался проводить его съ сильною эскадрою до Керчи. Въ подобномъ дѣйствіи заключалась довольно сильная политическая демонстрація. Царь хотѣлъ показать всему свѣту, что располагаетъ флотомъ и нисколько не стѣсняется появиться съ нимъ на Черномъ морѣ.

Въ Константинополѣ уже слышали о строеніи военныхъ судовъ на Воронежѣ и на Дону, но мало о томъ безпокоились, въ полномъ убѣжденіи, что большія суда не могутъ выйдти изъ Дона въ море; турецкіе моряки головою ручались султану, что русскіе корабли сядутъ на мель въ мелководныхъ гирлахъ. Но Петръ, самолично ознакомившійся съ этою мѣстностью и составившій собствен-

---

[1]) Устряловъ, III, 251—252.

норучно подробныя карты устьевъ Дона, не замедлилъ доказать неосновательность разсчетовъ турокъ.

За границею, при извѣстіи о намѣреніи царя предпринять морскую прогулку, разсказывали, что Петръ въ свитѣ Украинцева отправится и въ самый Константинополь совершенно такъ же, какъ онъ участвовалъ въ путешествіи пословъ, Лефорта; Головина и Возницына, по западной Европѣ [1]). Однако, Петръ хотѣлъ ограничиться рекогносцировкою морского пути до Керчи и демонстраціею, внушавшею туркамъ о твердомъ намѣреніи царя, въ случаѣ ихъ упорства, продолжать войну при помощи сильнаго флота.

Одежда матроса Петровскаго времени.
Съ современной гравюры Дальстена.

Весною 1699 года, въ Воронежѣ изготовлено было 86 военныхъ судовъ, предназначенныхъ къ походу въ Азовское море. Въ томъ числѣ было 18 кораблей, имѣвшихъ каждый отъ 36 до 46 пушекъ. Должность адмирала послѣ Лефорта, скончавшагося въ началѣ этого же года, занималъ Ѳ. А. Головинъ. Надзоръ надъ флотомъ имѣлъ вице-адмиралъ Крюйсъ. Петръ довольствовался званіемъ командора на 44 пушечномъ кораблѣ «Апостолъ Петръ», но, разумѣется, руководилъ всѣмъ предпріятіемъ. 27-го апрѣля, флотъ отплылъ изъ Воронежа; 16-го мая, онъ прибылъ къ Азову, гдѣ Петръ внимательно осмотрѣлъ новопостроенныя укрѣпленія. Около половины

[1]) Поссельтъ, II, 540.

іюня, весь флотъ очутился въ Азовскомъ морѣ. Самъ царь, дождавшись крѣпкаго западнаго вѣтра, который поднялъ воду въ донскихъ гирлахъ, съ искусствомъ опытнаго лоцмана вывелъ корабль за кораблемъ изъ донского устья въ открытое море. Собственноручнымъ письмомъ онъ поздравилъ своихъ сотрудниковъ, оставшихся въ Москвѣ, съ благополучнымъ выходомъ флота въ море. По случаю происходившихъ у Таганрога послѣднихъ приготовленій къ морскому походу, Крюйсъ писалъ: «мы принялись за килеванье, конопаченье и мазанье кораблей съ такою ревностью и съ такимъ проворствомъ, какъ будто на адмиралтейской верфи въ Амстердамѣ. Его величество изволилъ самъ работать неусыпно топоромъ, тесломъ, конопатью, молотомъ, смолою, гораздо прилежнѣе и исправнѣе стараго и хорошо обученнаго плотника». По вечерамъ, Петръ въ эти дни былъ обыкновенно занятъ составленіемъ подробной инструкціи для Украинцева. Главныя требованія Россіи, о которыхъ долженъ былъ заявить русскій посланникъ въ Константинополѣ, состояли въ окончательной уступкѣ Азова Россіи и въ безусловномъ прекращеніи всякой годовой дачи татарамъ.

Послѣ устройства у Таганрога «обучительной баталіи», или забавнаго боя, эскадра отплыла въ дальнѣйшій путь и, 18-го августа, пришла подъ Керчь съ пальбою изъ всѣхъ орудій, въ знакъ привѣтствія. Когда турецкому пашѣ въ Керчи на его вопросъ: зачѣмъ пришелъ столь большой караванъ, отвѣчали, что для провожанія царскаго посланника, онъ объявилъ, что не пропуститъ чужестранный корабль въ Черное море, и ни подъ какимъ видомъ не соглашался дать Украинцеву конвой. «Въ такомъ случаѣ», велѣлъ сказать ему Головинъ, «мы проводимъ своего посланника со всею эскадрою». Турки предлагали Украинцеву ѣхать въ Константинополь сухимъ путемъ, но Украинцевъ объявилъ, что поѣдетъ моремъ. «Видно, вы нашего моря не знаете», говорили турки, «не даромъ зовутъ его чернымъ: во время нужды на немъ бываютъ сердца человѣческія черны».

Крюйсъ побывалъ въ Керчи у адмирала Гассанъ-паши, который удивлялся, что англичане и голландцы, лучшіе друзья турокъ, служатъ московскому царю. Крюйсъ отвѣчалъ, что голландцы и англичане друзья тоже и Россіи. На замѣчанія адмирала объ опасности плаванія по Черному морю, Крюйсъ возразилъ, что въ русской службѣ много офицеровъ, которые не разъ ходили по Черному морю и легче найдутъ путь изъ Керчи въ Константинополь, нежели турки изъ Константинополя въ Керчь. Къ тому-же, Крюйсу удалось осмотрѣть керченскія укрѣпленія и

вымѣрять фарватеръ. Въ тотъ-же день, Ѳ. А. Головинъ посѣтилъ турецкаго адмирала и пробылъ у него съ часъ. При этомъ совѣщаніи присутствовалъ и царь подъ видомъ квартирмейстера адмиральской шлюпки, въ одеждѣ саардамскаго плотника.

Убѣдившись, что турки не помѣшаютъ Украинцеву отправиться моремъ въ Константинополь, Петръ съ эскадрою возвратился въ Азовъ, откуда, въ сентябрѣ, прибылъ въ Москву, между тѣмъ какъ Украинцевъ на кораблѣ «Крѣпость», состоявшемъ подъ командою опытнаго голландскаго шкипера Памбурга, несмотря на всѣ предостереженія турокъ, отправился въ путь. Сначала небольшая турецкая эскадра служила конвоемъ русскому кораблю, но нетерпѣливый Памбургъ поставилъ всѣ паруса и вскорѣ скрылся изъ виду конвоя. Въ полдень 2-го сентября, онъ безъ лоцмана вошелъ въ цареградское гирло, плылъ удачно Босфоромъ, внимательно осматривая берега и измѣряя глубину пролива; 7-го сентября царскій корабль пришелъ къ Царьграду съ пушечною пальбою и бросилъ якорь въ виду сераля, министровъ и народа. Турки спрашивали Украинцева неоднократно: много-ли у царя кораблей, всѣ-ли оснащены и какъ велики? и очень досадовали на голландцевъ, зачѣмъ они учатъ русскихъ кораблестроенію. Многія тысячи посѣтителей—между ними былъ и султанъ—пріѣзжали для осмотра русскаго корабля и хвалили прочность его работы. Разнесся слухъ, очень встревожившій турокъ, что большая русская эскадра стоитъ подъ Требизонтомъ и Синопомъ и грозитъ нападеніемъ на эти мѣста. Особенно перепугались турки, когда Памбургъ, угощая на своемъ кораблѣ знакомыхъ ему французовъ и голландцевъ, въ самую полночь открылъ пальбу изъ всѣхъ орудій, къ великому ужасу султана, женъ его, министровъ, народа: всѣ вообразили, что Памбургъ давалъ сигналъ царскому флоту, ходившему по морю, идти въ проливъ къ Константинополю. Султанъ въ крайнемъ раздраженіи требовалъ строгаго наказанія Памбурга; однако Украинцевъ успокоилъ турокъ, и этимъ дѣло кончилось [1]).

Во время переговоровъ съ турецкимъ правительствомъ, продолжавшихся не менѣе восьми мѣсяцевъ, Украинцевъ жаловался на дипломатовъ Англіи, Голландіи и Венеціи, нисколько не желав-

[1]) Матвеевъ изъ Гааги доносилъ царю, что султанъ прислалъ 300 челов. съ прещеніемъ, чтобы онъ такъ не стрѣлялъ, но что Памбургъ объявилъ, что когда всѣ они взойдутъ на корабль, то онъ взорветъ его и пр. Устр., III, 532. Достойно вниманія, что, когда Памбургъ побывалъ съ визитами у разныхъ пословъ, французъ и голландецъ приняли его хорошо, англичанинъ-же его къ себѣ не пустилъ. Соловьевъ, XIV, 332—333.

*

шихъ содѣйствовать успѣху Россіи. Сербъ Савва Рагузинскій сообщилъ Украинцеву, что «послы христіанскіе, которые въ Царьградѣ, всѣ противны миру нашему, и потому не доведется имъ ни въ чемъ вѣрить; у всѣхъ у нихъ то намѣреніе, чтобъ москвичей въ дальнюю съ турками войну вплесть». Іерусалимскій патріархъ утверждалъ также, что, «конечно, римляне, люторы и кальвины не желаютъ, чтобъ былъ миръ у великаго государя съ султаномъ, и православнымъ христіанамъ они естественные враги». Украинцевъ узналъ также, что и польскій дипломатъ старался препятствовать заключенію мира между Турціею и Россіею [1]).

Чрезвычайно трудно было склонить Порту къ уступкѣ Азова, къ согласію на постройку около этой крѣпости еще другихъ русскихъ фортовъ. Большимъ затрудненіемъ служилъ далѣе вопросъ объ уступкѣ лежавшей на Днѣпрѣ крѣпости Кизикермена.

Петръ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за переговорами. Онъ сильно нуждался въ заключеніи мира съ Турціею для открытія военныхъ дѣйствій противъ Швеціи, однако не хотѣлъ согласиться на чрезмѣрныя уступки. Получивъ, однажды, отъ Украинцева донесеніе съ извѣстіемъ о желаніи турокъ затянуть окончаніе переговоровъ, онъ въ гнѣвѣ разорвалъ бумагу и замѣтилъ, что готовъ возобновить войну [2]). Весною 1700 года, онъ снова отправился въ Воронежъ, гдѣ былъ занятъ сооруженіемъ корабля «Предестинація» [3]). Въ то же время, однако, онъ давалъ знать Украинцеву, что миръ необходимъ и что можно рѣшиться на нѣкоторыя уступки. Особенно любопытно въ донесеніяхъ Украинцева его замѣчаніе по вопросу о требуемой царемъ свободѣ плаванія по Черному морю. Турецкіе уполномоченные на это требованіе возразили: «Чернымъ моремъ и всѣми берегами его владѣетъ одинъ султанъ; владѣній же другихъ государей никогда не было и нѣтъ, и съ тѣхъ поръ, какъ стали господствовать на томъ морѣ турки, искони вѣковъ, никакой чужой корабль по водамъ его не плавалъ, да и плавать не будетъ. Просили Порту неоднократно, и теперь еще просятъ, французы, голландцы, англичане, венеціяне о дозволеніи ходить ихъ торговымъ судамъ для купечества по Черному морю, но Порта всегда имъ отказывала и отказываетъ для того, что владѣетъ всѣми берегами его одинъ султанъ, и никому другому владѣтелемъ быть нельзя. Оттоманская Порта бережетъ Чер-

[1]) Соловьевъ, XIV, 336 и слѣд. Устряловъ, III, 360 и слѣд.
[2]) Плейеръ у Устрялова, III, 651.
[3]) Устряловъ, III, 364.

ное море, какъ чистую и непорочную дѣвицу, къ которой никто прикасаться не смѣетъ, и скорѣе султанъ допуститъ кого во внутреннія свои (sic), чѣмъ согласится на плаваніе чужихъ кораблей по водамъ черноморскимъ. Это можетъ случиться развѣ тогда, когда Турецкая имперія обратится вверхъ ногами» [1]).

Такимъ образомъ, пока Петръ не могъ настаивать на правѣ плаванія по Черному морю. Осуществленіе смѣлыхъ проектовъ Юрія Крижанича было отложено до болѣе удобнаго времени.

Наконецъ, 3-го іюля 1700 года, былъ подписанъ мирный трактатъ, въ которомъ постановлено: быть миру въ образѣ перемирія на 30 лѣтъ. Русскіе обязываются разорить форты на Днѣпрѣ, мѣста-же, гдѣ они стояли, возвратить Турціи. Азову съ новыми фортами быть въ державѣ царя. Хану крымскому ежегодной дачи отъ Московскаго государства не требовать. Землямъ между Перекопомъ и Міусомъ, также между Запорожскою Сѣчью и Очаковомъ, быть впустѣ [2]).

Такимъ образомъ, на время прекратилась борьба между Россіею и Турціею. Результаты ея, въ сравненіи съ широкими проектами панславизма, оказались довольно скромными. Однако, все таки была достигнута весьма важная цѣль: Россія стала твердою ногою на берегахъ Азовскаго моря и положила конецъ дальнѣйшимъ набѣгамъ татаръ. Точно было опредѣлено направленіе дальнѣйшихъ дѣйствій въ будущемъ.

Отнынѣ царь могъ обратить вниманіе на рѣшеніе иныхъ задачъ. На очереди появился «Балтійскій вопросъ».

---

[1]) Устряловъ, III, 380—381.
[2]) Тамъ-же, III, 383.

ГЛАВА II.

Сѣверная война до 1710 года.

Дипломатическія сношенія наканунѣ войны.

Борьба между Швеціею и Россіею изъ-за Прибалтійскаго края началась еще за нѣсколько столѣтій до Петра. Рѣшаясь на разрывъ съ Карломъ XII, онъ продолжалъ то, что было начато его предшественниками. Россія, для болѣе удобнаго сообщенія съ западною Европою, нуждалась въ пріобрѣтеніи береговой линіи заливовъ Финскаго и Рижскаго. Царь Иванъ IV старался овладѣть Эстляндіей и Лифляндіей. Борисъ Годуновъ, во время царствованія Ѳеодора Ивановича, стремился къ занятію Нарвы. Царь Алексѣй Михайловичъ осаждалъ Ригу.

Для Россіи въ это время представляла большую выгоду борьба Швеціи съ Польшею, начавшаяся еще при Густавѣ Вазѣ. Антагонизмъ между этими обѣими державами могъ считаться, нѣкоторымъ образомъ, спасеніемъ для Московскаго государства. Трудно сказать, куда повели-бы дружескія и союзныя отношенія между Швеціею и Польшею, обращенныя противъ Россіи

Еще въ началѣ XVII вѣка, обнаружился сильный перевѣсъ Швеціи надъ Россіею въ области политики и ратнаго дѣла. Швед-

скія войска находились въ центрѣ Московскаго государства; шведскій принцъ, братъ Густава Адольфа, былъ избранъ въ цари московскіе. Заключеніе Столбовскаго мира (1617) могло считаться большою выгодою, хотя Россія этимъ трактатомъ и была отрѣзана отъ моря. Преемники Михаила Өеодоровича всячески старались устранить условія этого договора. Малороссійскія смуты около половины XVII вѣка лишали Россію возможности бороться успѣшно противъ Швеціи; царевна Софья не рѣшалась дѣйствовать наступательно. И Петръ въ первые годы своего царствованія не думалъ вовсе о разрывѣ съ Швеціею, хотя Россія и не упускала изъ виду своихъ притязаній на приморскія области, Ингерманландію, Карелію, Ижору и пр.

Вѣковая распря между Швеціею и Россіею именно въ это царствованіе повела къ точно опредѣленнымъ результатамъ, измѣнившимъ совершенно политическую систему на сѣверовостокѣ Европы. Швеція, благодаря Россіи, лишилась своего значенія первокласной державы, которое она пріобрѣла при Густавѣ Адольфѣ. Успѣшными дѣйствіями въ войнѣ со Швеціею, Россія пріобрѣла гегемонію въ этой части европейской системы государствъ. Прежнее Московское, полуазіатское государство превратилось во Всероссійскую имперію. Находясь до этого внѣ предѣловъ Европы, Россія, участіемъ своимъ въ дѣлахъ восточнаго вопроса заслуживавшая все болѣе и болѣе вниманіе запада, сдѣлалась путемъ результатовъ шведской войны полноправнымъ членомъ политической системы Европы. И въ области внѣшней политики, такъ же какъ и преобразованіями внутри государства, царствованіе Петра составляло собою эпоху не только въ исторіи Россіи, но и во всемірной исторіи.

Трудно опредѣлить время, когда именно въ царѣ Петрѣ родилась мысль о нападеніи на Швецію. До путешествія за границу, въ 1697 году, онъ былъ занятъ исключительно восточнымъ вопросомъ. Неблагопріятный пріемъ, оказанный царю въ Ригѣ весною 1697 года, послужилъ впослѣдствіи отчасти поводомъ къ объявленію войны Швеціи; однако, нельзя думать, чтобы этотъ ничтожный эпизодъ заставилъ царя рѣшиться на разрывъ со Швеціею. По крайней мѣрѣ Петръ, во время пребыванія въ Кенигсбергѣ, не согласился на заключеніе наступательнаго союза противъ Швеціи. Посланіе Лефорта къ шведскому министру Бенгту Оксеншерна изъ Липштата, отъ 1 августа 1696 г., въ которомъ говорилось о

польскихъ и турецкихъ дѣлахъ, было писано въ тонѣ мира и дружбы и заключало въ себѣ предложеніе возобновить прежній союзъ. Петръ имѣлъ въ виду отправить Лефорта въ качествѣ посла въ Швецію. Шведскій канцлеръ, въ своемъ отвѣтѣ на посланіе Лефорта, обѣщалъ оказать послѣднему благосклонный пріемъ въ случаѣ его пріѣзда [1]). Въ Гаагѣ русскіе путешественники находились въ благопріятныхъ отношеніяхъ съ шведскимъ дипломатомъ Лиліенротомъ. Въ это время Петръ выразилъ шведскому королю

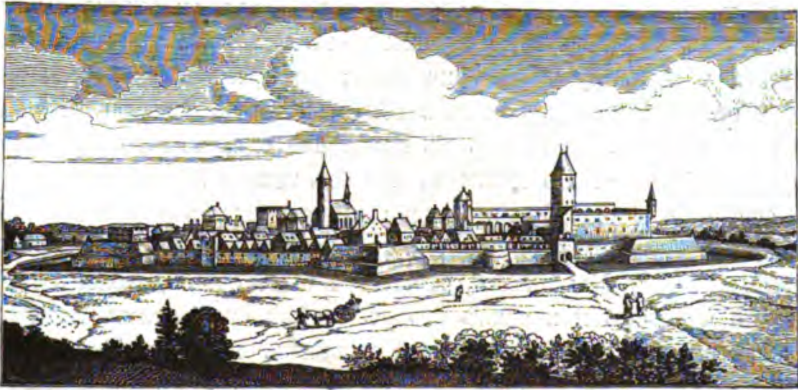
Іоганъ-Рейнгольдъ Паткуль.
Съ современнаго гравированнаго портрета.

благодарность за подаренныя имъ для турецкой войны пушки. Однимъ словомъ, нельзя было ожидать разлада между обѣими державами въ ближайшемъ будущемъ.

Съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что Петръ, во время пребыванія въ Курляндіи, говорилъ о своемъ желаніи стать твердою ногою на берегахъ Балтійскаго моря [2]). Для успѣшныхъ дѣйствій въ этомъ направленіи онъ нуждался въ содѣйствіи Польши.

[1]) Posselt, II, 429—435.
[2]) Бломбергъ писалъ, что царь намѣренъ: «Earnestly endeavour to gain a town on the Baltic». См. соч. «An account of Livonia».

Послѣ вѣковой вражды между Польшею и Московскимъ государствомъ, послѣ окончанія въ пользу Россіи упорной борьбы за Малороссію, было заключено, въ 1686 году, «вѣчное докончаніе». Несмотря на это, въ Польшѣ, какъ мы видѣли, питали надежду на пріобрѣтеніе вновь Малороссіи, гдѣ постоянно являлись польскіе эмиссары и агитаторы. Мы помнимъ, въ какой степени завоеваніе Азова Петромъ не понравилось полякамъ. Осенью 1696 года, русскій резидентъ въ Варшавѣ, Никитинъ, узналъ, что въ Польшѣ мечтали о заключеніи противъ царя союза съ крымскимъ ханомъ и что къ гетману Мазепѣ бывали безпрестанныя посылки отъ поляковъ.



Видъ Нарвы въ началѣ XVII столѣтія.
Съ современной гравюры Меріана.

Вскорѣ послѣ этого, произошла перемѣна на польскомъ престолѣ. Московское правительство содѣйствовало избранію саксонскаго курфирста, Фридриха Августа, неудачѣ французскаго кандидата, принца Конти. Не даромъ Виніусъ поздравилъ царя съ тѣмъ, что не былъ выбранъ «пѣтуховый», т. е. поддерживаемый Франціею кандидатъ. Въ то время, Московское правительство въ особенности мечтало о союзѣ съ Польшею противъ Турціи; принцъ Конти, находившійся въ зависимости отъ Людовика XIV, едва-ли оказался-бы склоннымъ содѣйствовать дальнѣйшимъ успѣхамъ царя въ борьбѣ съ Оттоманскою Портою. За то Августъ, получивъ царскую поздравительную грамату, объявилъ Никитину, что даетъ честное слово быть съ царемъ за одно противъ враговъ Креста святого, и что изъявленный ему Петромъ аффектъ никогда не

изгладится изъ его памяти [1]). При всемъ томъ, однако, и въ первое время царствованія короля Августа не прекращалась польская. враждебная Россіи агитація въ Малороссіи. Оказалось чрезвычайно труднымъ устранить вѣковой религіозный антагонизмъ между поляками и русскими, католиками и православными.

Тогда именно личное знакомство Петра съ Августомъ, свиданіе въ Равѣ (отъ 31-го іюля до 3-го августа 1698 года), положило начало весьма важному сближенію между Польшею и Россіею. Вотъ что сказано объ этомъ свиданіи въ «Гисторіи Свейской войны», составленной подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого Петра: «король Августъ говорилъ, что много поляковъ противныхъ имѣетъ, и примолвилъ, что, ежели надъ нимъ что учинять, то не оставь меня. Противъ чего Петръ отвѣтствовалъ, что онъ готовъ то чинить, но не чаетъ отъ поляковъ тому быть, ибо у нихъ такихъ примѣровъ не было; но просилъ его, дабы отъ своей стороны помогъ отмстить обиду, которую учинилъ ему рижскій губернаторъ Дальбергъ въ Ригѣ, что едва животъ спасся; что̀ король обѣщалъ». Но понятно, что отъ такого летучаго разговора до союза было еще очень далеко: «и такъ другъ другу обязались крѣпкими словами о дружбѣ, безъ письменнаго обязательства, и разъѣхались» [2]). Мы знаемъ, что Петръ былъ очень доволенъ встрѣчею съ королемъ и хвалилъ его въ бесѣдѣ съ боярами.

Саксонскій генералъ-маіоръ Карловичъ, находившійся въ Москвѣ въ 1699 году, въ запискѣ, составленной для короля Августа въ октябрѣ этого года, замѣчаетъ, что напомнилъ Петру о содержаніи бесѣды, происходившей въ Равѣ, и затѣмъ продолжаетъ: «Петръ выразилъ желаніе, чтобы ваше королевское величество помогли ему занять тѣ шведскія области, которыя, по Божіей милости и по праву, въ сущности принадлежатъ Россіи и были потеряны вслѣдствіе смуты въ началѣ этого вѣка» [3]).

Во всемъ этомъ кроется настоящая причина Сѣверной войны. Карловичъ не упоминаетъ о жалобахъ царя на Дальберга, но обращаетъ главное вниманіе на стремленіе царя къ уничтоженію условій Столбовскаго договора.

Одновременно съ этимъ, бывшій подданный Швеціи, лифляндецъ Іоганъ Рейнгольдъ Паткуль, явившійся при дворѣ польскаго короля, старался уговорить Августа къ нападенію на Швецію.

---

[1]) Соловьевъ, XIV, 253.
[2]) Тамъ-же, XIV, 377.
[3]) Устряловъ, III, 512—514.

Союзъ Польши съ царемъ, въ глазахъ Паткуля, служилъ удобнымъ средствомъ для обезпеченія интересовъ лифляндскаго дворянства. При этомъ, однако, указывая на возможность заключенія союза съ Даніею, Россіею и Бранденбургомъ, Паткуль, при ожидаемомъ въ будущемъ раздѣлѣ добычи, болѣе всего боялся Россіи. «Надобно опасаться», писалъ Паткуль, «чтобъ этотъ могущественный союзникъ не выхватилъ у насъ изъ подъ носа жаркое, которое мы воткнемъ на вертелъ; надобно ему доказать исторіею и географіею, что онъ долженъ ограничиться одною Ингерманландіею и Кареліею. Надобно договориться съ царемъ, чтобы онъ не шелъ далѣе Наровы и Пейпуса; если онъ захватитъ Нарву, то ему легко будетъ овладѣть Эстляндіею и Лифляндіею» и пр. [1]).

Опасенія Паткуля оказались не лишенными основанія. Война сдѣлалась ущербомъ для Польши, выигрышемъ для Россіи. Непосредственнымъ результатомъ агитаціи Паткуля было отправленіе польскимъ королемъ Карловича въ Москву и заключеніе тайнаго соглашенія съ лифляндскимъ рыцарствомъ, въ августѣ 1699 года.

Въ то самое время, когда Карловичъ, въ свитѣ котораго находился Паткуль, пребывалъ въ Москвѣ, тамъ находилось и шведское посольство, которому было поручено уговорить московское правительство къ подтвержденію Кардисскаго мира. Именно въ ту минуту, когда Россія готовилась къ войнѣ для занятія береговой линіи, Швеція надѣялась, что она откажется отъ своихъ прежнихъ владѣній у Финскаго залива. Шведское посольство было отправлено также для сообщенія о вступленіи на престолъ юнаго короля, Карла XII.

Въ октябрѣ 1699 года, былъ оказанъ торжественный пріемъ шведскимъ дипломатамъ, барону Бергенгіельму и барону Лиліенгіельму. Съ обѣихъ сторонъ были высказаны заявленія о дружбѣ и мирѣ. При переговорахъ съ послами было упомянуто и объ эпизодѣ, случившемся въ Ригѣ весною 1697 года, однако, безъ обращенія особеннаго вниманія на этотъ фактъ. Вообще переговоры оставались маловажными. Соблюдая обычныя формальности, договаривавшіяся стороны скоро пришли къ результату, т. е. къ возобновленію прежнихъ мирныхъ соглашеній.

Пустою формальностью оказалось и отправленіе князя Хилкова, въ качествѣ дипломата, въ Швецію; ему было поручено заявить о расположеніи царя къ миру; въ то же самое время, однако, онъ

---

[1]) Herrmann, IV, 100 и слѣд.

долженъ былъ собрать разныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ Швеціи къ сосѣднимъ державамъ [1]).

Впрочемъ, въ это время въ Швеціи уже проявлялись нѣкоторыя опасенія относительно намѣреній царя, что видно, напр., изъ переписки шведскаго ученаго Спарвенфельда съ Лейбницомъ [2]). Шведскій резидентъ въ Москвѣ, Книперкронъ, обратился къ Московскому правительству съ вопросомъ о причинахъ усиленія регулярнаго войска. Въ письмѣ къ Витзену, Лейбницъ высказалъ опасеніе, что Петръ сдѣлаетъ нападеніе на Швецію. Витзенъ старался

Ливонскій крестьянинъ, служившій проводникомъ шведской арміи въ походѣ 1700 г.

Съ современной гравюры.

успокоить своего друга, указывая на содержаніе своихъ бесѣдъ съ Петромъ, не думавшимъ о войнѣ со Швеціею и исключительно занятымъ мыслью о Турціи [3]).

11-го ноября 1699 года, былъ заключенъ наступательный союзъ царя съ королемъ Августомъ. Петръ обязался начать военныя дѣйствія тотчасъ же послѣ полученія извѣстія о заключеніи мира съ Оттоманскою Портою, какъ было сказано, «не позже апрѣля 1700 года». Договоръ этотъ пока долженъ былъ оставаться тай-

---

[1]) Устряловъ, III, 524—531.
[2]) Герье, Leibniz, 36.
[3]) Тамъ-же, 27.

ною [1]). Легко понять, какое значеніе имѣлъ, при такихъ обстоятельствахъ, успѣшный ходъ переговоровъ въ Константинополѣ. Весьма немногіе современники могли ожидать въ ближайшемъ будущемъ важныхъ событій, коренной перемѣны въ системѣ внѣшней политики Россіи.

Король шведскій Карлъ XII.

Съ гравированнаго портрета Танже, 1717 года.

Въ мартѣ 1700 года, Плейеръ доносилъ императору о слухахъ, будто царь, несмотря на только-что возобновленный миръ со Швеціею, намѣревается напасть на Ревель и Нарву [2]). О подобныхъ слухахъ упоминалъ еще въ іюнѣ 1700 года, въ своихъ донесеніяхъ къ Генеральнымъ Штатамъ, голландскій резидентъ фанъ-

[1]) Устряловъ, III, 341—342.
[2]) Тамъ-же, IV, 2, 663.

деръ-Гульстъ, замѣчая, что все это не заслуживаетъ вниманія, такъ какъ царь, несмотря на случившійся въ Ригѣ эпизодъ, расположенъ къ миру [1]). Въ іюлѣ, фанъ-деръ-Гульстъ замѣтилъ, что никто, кромѣ Головина, Меншикова и еще третьяго лица, не посвященъ въ тайныя намѣренія царя. Въ августѣ, Головинъ, въ бесѣдѣ съ нидерландскимъ резидентомъ, когда зашла рѣчь о возможности войны со Швеціею, замѣтилъ, что Петръ не желаетъ столкновенія, но что, въ случаѣ разлада, онъ не сдѣлаетъ нападенія на непріятеля до формальнаго объявленія войны [2]).

Простодушный Книперкронъ до послѣдней минуты не ожидалъ разрыва и постоянно успокоивалъ свое правительство миролюбіемъ царя. Между прочимъ, 16-го мая, онъ доносилъ королю: «его царское величество, на другой день по возвращеніи изъ Воронежа, посѣтилъ мой домъ и шутя выговаривалъ моей женѣ, зачѣмъ она писала къ своей дочери въ Воронежъ, будто русское войско готовится идти на Лифляндію, отчего въ Москвѣ всѣ шведы въ великомъ страхѣ: «дочь твоя», говорилъ царь, «такъ расплакалась, что я насилу могъ ее утѣшить. Глупенькая, сказалъ я ей, неужели ты думаешь, что я соглашусь начать несправедливую войну и разорвать вѣчный миръ, мною подтвержденный?» Мы всѣ такъ были тронуты его словами, что не могли удержаться отъ слезъ, и когда я просилъ у него извиненія моей женѣ, онъ меня обнялъ, примолвивъ: «если бы король польскій и овладѣлъ Ригою, она ему не достанется: я вырву ее изъ его рукъ» [3]).

Зато въ августѣ, на другой день послѣ полученія извѣстія о заключеніи мира съ Портою, Петръ писалъ польскому королю: «сего дня къ новгородскому воеводѣ указъ послали, дабы, какъ наискорѣе, объявя войну, вступилъ въ непріятельскую землю и удобныя мѣста занялъ, такожде и прочимъ войскамъ немедленно идтить повелимъ, гдѣ при оныхъ въ концѣ сего мѣсяца и мы тамъ обрѣтатися будемъ, и надѣемся въ помощи Божіей, что ваше величество инако развѣ пользы не увидите» [4]).

---

[1]) Устряловъ, IV, 2, 665.

[2]) Тамъ-же, IV, 2, 665—666.

[3]) Тамъ-же, III, 369—370. Въ нѣсколько иномъ видѣ этотъ же разсказъ встрѣчается въ соч. Фрикселя «о Карлѣ XII», нѣмецкое изд. I, 78.

[4]) Тамъ-же, III, 384.

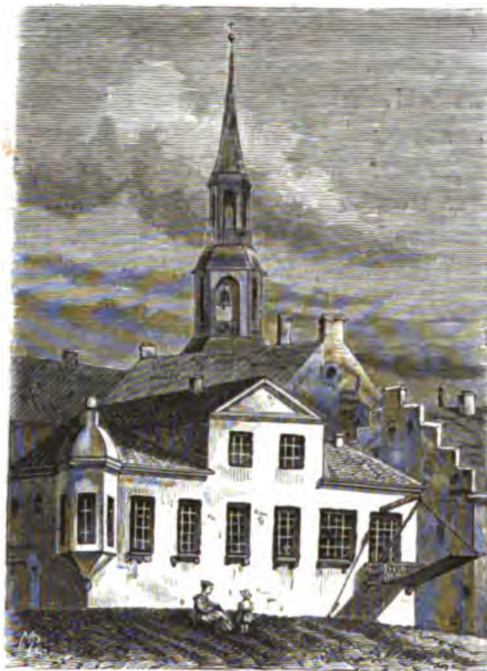
Надежда Петра, что Августъ «инако развѣ пользы не увидитъ», не исполнилась. Въ ту самую минуту, когда Петръ готовился напасть на шведскія области и занять тамъ «удобныя мѣста», Карлъ XII весьма удачно справился со своими противниками, Даніею и Польшею. Петръ напрасно разсчитывалъ на успѣшныя дѣйствія этихъ союзниковъ. Нападеніе саксонско-польскихъ войскъ на Ригу окончилось полною неудачею. Тѣмъ настойчивѣе король Августъ желалъ открытія военныхъ дѣйствій Петромъ. То обстоятельство, что Россіи только въ іюлѣ удалось заключить миръ съ Оттоманскою Портою, оказалось большою выгодой для Карла XII. Черезъ это замедленіе онъ успѣлъ принудить Данію къ заключенію Травендальскаго мира до разрыва съ Россіею. Этотъ договоръ состоялся (8-го (20-го) августа) въ то самое время, когда Петръ получилъ извѣстіе о заключенномъ Украинцевымъ въ Константинополѣ мирѣ съ Портою. Цѣлымъ мѣсяцемъ позже, т. е. 7-го сентября, Головинъ, не зная ничего о Травендальскомъ трактатѣ, писалъ царю: «по обнадеживанію датскаго посланника, конечно, мира у нихъ со шведами не будетъ» [1]). Скоро, однако, чрезъ Гамбургъ было получено достовѣрное извѣстіе объ окончаніи шведско-датской войны. Не даромъ фанъ-деръ-Гульстъ, 14-го сентября, въ своемъ донесеніи Генеральнымъ Штатамъ замѣчаетъ, что Петръ, узнавъ заранѣе о Травендальскомъ мирѣ, едва ли рѣшился бы объявить войну Швеціи [2]).

Между тѣмъ, какъ князь Хилковъ, въ іюнѣ 1700 года, былъ отправленъ въ Швецію съ увѣреніями дружбы и расположенія къ миру царя, князь Трубецкой спѣшилъ въ Берлинъ для сообщенія курфирсту тайны о предстоявшемъ въ ближайшемъ будущемъ нападеніи Россіи на Швецію и для испрошенія помощи. Для скорѣйшаго убѣжденія берлинскаго двора приступить къ союзу, князю Трубецкому словесно было наказано обнадежить курфирста въ готовности Петра признать его королемъ [3]).

На пути въ Швецію, Хилковъ собралъ нѣкоторыя свѣдѣнія о гарнизонѣ и укрѣпленіи Нарвы. «Солдатъ зѣло малое число», писалъ онъ оттуда, «и тѣ зѣло худы» [4]). Въ тотъ самый день, когда началось движеніе войска изъ Москвы въ направленіи къ Нарвѣ, Хилковъ имѣлъ аудіенцію у короля Карла XII, находившагося тогда въ датскихъ владѣніяхъ. Хилкову былъ оказанъ ласковый

[1]) Устряловъ, IV, 2, 148—149.
[2]) Тамъ-же, IV, 2, 667.
[3]) Тамъ-же, III, 370.
[4]) Тамъ-же, IV, 2, 459

пріемъ. Затѣмъ онъ отправился въ Стокгольмъ, гдѣ былъ взятъ подъ стражу, вслѣдствіе открытія военныхъ дѣйствій. Въ рескриптѣ Петра къ Хилкову, отъ 21-го августа, ему было велѣно объявить войну «за многія ихъ свейскія неправды и нашимъ царскаго величества подданнымъ за учиненныя обиды, наипаче за самое главное безчестіе, учиненное нашимъ царскаго величества ве-



Домъ, въ которомъ жилъ Петръ Великій въ Нарвѣ.
Въ его настоящемъ видѣ.

ликимъ и полномочнымъ посламъ въ Ригѣ въ прошломъ 1697 году, которое касалось самой нашей царскаго величества персоны» и пр. [1]).

---

[1]) Устряловъ, IV, 2, 1.

Битва при Нарвѣ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до открытія военныхъ дѣйствій, Петра, главнымъ образомъ, занимала мысль о завоеваніи Нарвы и Шлиссельбурга. 2-го марта 1700 года, онъ изъ Воронежа писалъ къ Головину о стольникѣ Корчминѣ, выученномъ за границею инженерному искусству: «накажи ему, чтобъ онъ присмотрѣлъ городъ и мѣста кругомъ (т. е. въ окрестностяхъ Нарвы); также, если

Видъ крѣпости Копорья въ концѣ XVII столѣтія.
Съ современной гравюры.

возможно ему дѣла сыскать, чтобъ побывалъ и въ Орѣшекъ (т. е. Шлиссельбургъ), а буде въ него нельзя, хоть возлѣ его. А мѣсто тутъ зѣло нужно: протокъ изъ Ладожскаго озера въ море (посмотри въ картахъ), и зѣло нужно ради задержанія выручки» и пр. [1]).

Союзники Петра были чрезвычайно недовольны стремленіемъ его къ занятію Нарвы. Паткуль писалъ саксонскому дипломату,

[1]) Соловьевъ, XIV, 387.

барону Лангену, что нужно употребить всѣ средства для отвлеченія вниманія царя отъ этого важнаго пункта; ежели, замѣтилъ Паткуль, царь займетъ Нарву, онъ этимъ самымъ будетъ имѣть возможность атаковать Ревель, Дерптъ, Пернаву, занять, пожалуй, и самую Ригу, и вообще завоевать всю Лифляндію; этого, по мнѣнію Паткуля, высоко цѣнившаго силу воли и предпріимчивость царя, нельзя было допустить ни подъ какимъ видомъ; съ другой стороны, Паткуль требовалъ крайней осторожности въ обращеніи съ царемъ и совѣтовалъ обѣщать ему Ингерманландію и Карелію [1]). Лангенъ отвѣчалъ Паткулю, что всѣ старанія отвлечь вниманіе царя отъ Нарвы оказались тщетными, что въ этомъ отношеніи Петръ упрямо стоитъ на своемъ, не терпя противорѣчія; при всемъ томъ, однако, Лангенъ не терялъ надежды, что въ концѣ концовъ Нарва всетаки сдѣлается достояніемъ польскаго короля.

Петръ, находившійся въ качествѣ капитана при войскѣ, писалъ изъ Твери, 26-го августа, къ Головину о слухѣ, будто Карлъ XII спѣшитъ въ Лифляндію съ 18,000-нымъ войскомъ. «Буде истина, то, конечно, Датскій осиленъ караванами соединенныхъ». Однако этотъ слухъ не могъ остановить движенія Петра; въ концѣ его письма къ Головину сказано: «а мы пойдемъ и будемъ дѣлать, какъ Богъ наставитъ» [2]).

Во время азовскихъ походовъ совѣтниками царя были Гордонъ и Лефортъ. Еще болѣе нуждался онъ въ содѣйствіи опытныхъ военныхъ людей, воюя съ Швеціею. Уже въ 1698 году, въ русскую службу вступилъ Карлъ-Евгеній, герцогъ де-Круи, до этого успѣшно сражавшійся въ австрійскомъ войскѣ съ турками [3]). Онъ долженъ былъ командовать царскими войсками подъ Нарвою, и съ нимъ Петръ совѣщался въ Новгородѣ о предстоявшихъ военныхъ дѣйствіяхъ.

Петръ прибылъ къ Нарвѣ въ концѣ сентября. Вмѣстѣ съ герцогомъ Круи и саксонскимъ инженеромъ Галлартомъ онъ руководилъ осадою города.

Хотя нѣкоторые иностранцы, какъ, напримѣръ, баронъ Лангенъ, Плейеръ, фанъ-деръ-Гульстъ и пр., съ похвалою отозвались о вооруженіи русскихъ, о войскѣ, о числѣ пушекъ, все-таки подъ Нарвою очень скоро обнаружился сильный недостатокъ въ военныхъ снарядахъ и орудіяхъ. При страшной распутицѣ, при отсут-

---

[1]) Устряловъ, IV, 2, 149.
[2]) Тамъ-же, IV, 2, 3.
[3]) Тамъ-же, III, 116.

ствіи достаточнаго числа лошадей и подводъ, оказалось невозможнымъ собрать около Нарвы болѣе 35—40,000 человѣкъ войска [1]). Впрочемъ, въ самомъ городѣ было не болѣе 1,200 человѣкъ пѣхоты, 200 человѣкъ конницы и 400 гражданъ.

Царь самоличнымъ участіемъ во всѣхъ работахъ удивилъ иностранцевъ. 20-го октября, началось бомбардированіе города. Всѣ ожидали сдачи его. Не разъ царь въ бесѣдѣ съ Галлартомъ обѣщалъ, тотчасъ же послѣ взятія Нарвы, помочь королю Августу завладѣть Ригою.

Вышло иначе. Положеніе царскихъ войскъ становилось хуже. Получено было извѣстіе о прекращеніи Августомъ осады Риги, о жалобахъ польскаго короля на царя за неоказаніе вò-время помощи. Русскіе пушки и порохъ при бомбардированіи Нарвы оказались негодными. Любимецъ государя, второй капитанъ бомбардирской роты, Янъ Гуммертъ, измѣнилъ Петру и перешелъ къ непріятелю. Бояринъ Шереметевъ, отправленный къ Везенбергу для загражденія пути шведскимъ войскамъ, приближавшимся подъ командою самого короля, не исполнилъ даннаго ему порученія. Тѣ самыя мѣста—тѣснины Пигайоки и Силламеги—которыя долженъ былъ занять Шереметевъ, очутились въ рукахъ шведовъ.

Тѣмъ не менѣе, въ русскомъ лагерѣ, гдѣ, впрочемъ, начали свирѣпствовать болѣзни, надѣялись на успѣхъ. Еще 31-го октября, баронъ Лангенъ писалъ королю, что Петръ, тотчасъ же послѣ занятія Нарвы, намѣренъ спѣшить на помощь королю; что Августъ можетъ порядкомъ проучить юнаго шведскаго короля и пр. [2]).

Вскорѣ, однако, получено достовѣрное извѣстіе о приближеніи къ Нарвѣ Карла XII. Развязка наступала. Въ эту рѣшительную минуту Петръ оставилъ русскій лагерь, покинулъ свое войско.

Нѣтъ пока возможности объяснить вполнѣ образъ дѣйствій царя. Противники упрекали его въ этомъ случаѣ въ малодушіи [3]). Однако, ни трусость, ни безразсудная отважность не были свойственны Петру. Онъ не считалъ себя опытнымъ полководцемъ и поэтому не могъ придавать особенно важнаго значенія своему дальнѣйшему присутствію въ войскѣ. Убѣдившись въ недостаточности своихъ средствъ, онъ, быть можетъ, участіемъ въ военно-административныхъ дѣлахъ у Пскова и Новгорода, надѣялся быть болѣе полезнымъ нежели подъ Нарвою. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что Петръ, остав-

---

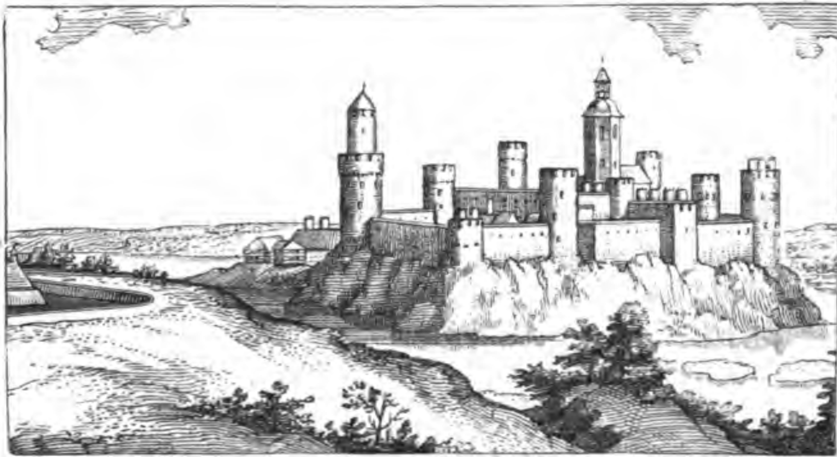
[1]) Устряловъ, I, 1, 8—9.

[2]) Тамъ-же, IV, 2, 165.

[3]) Кельхъ, «Liefland. Historia», II, 156. Фокеродтъ въ изд. Германа, стр. 40.

*

ляя войско, - былъ въ нѣкоторомъ волненіи. Галлартъ писалъ, что царь непосредственно до отъѣзда, въ сильномъ разстройствѣ, приходилъ къ герцогу Круи, требуя, чтобы сей послѣдній непремѣнно взялъ бы на себя все управленіе войсками. Инструкція царя для герцога, наскоро написанная, безъ числа и безъ печати, была, по выраженію Галларта, безтолковою [1]). «Петръ—не воинъ», писалъ саксонскій инженеръ королю, предоставляя себѣ устно сообщить подробнѣе свое мнѣніе объ этомъ предметѣ. Отзывъ Галларта оказывается несправедливымъ, по крайней мѣрѣ, относительно инструкціи, составленной для герцога Круи; содержаніе этого документа,



Видъ Ивангорода въ началѣ XVII столѣтія.

Съ современной гравюры Меріана.

правда, кратко, обще, но не безтолково [2]). Можно думать, что Петръ, оставляя лагерь подъ Нарвою, надѣялся побудить остальные полки скорѣе идти къ этому городу. Едва ли онъ ожидалъ такъ скоро столкновенія шведскихъ войскъ съ русскими. Плейеръ говоритъ о замѣчаніи Петра, сдѣланномъ въ 1702 году, что онъ могъ бы избѣгнуть пораженія при Нарвѣ, если бы двумя недѣлями раньше рѣшился предоставить всѣ распоряженія герцогу Круи [3]). Можно считать вѣроятнымъ, что совмѣстное руководство дѣлами Петра, Галларта и герцога Круи, подъ Нарвою оказалось столько же

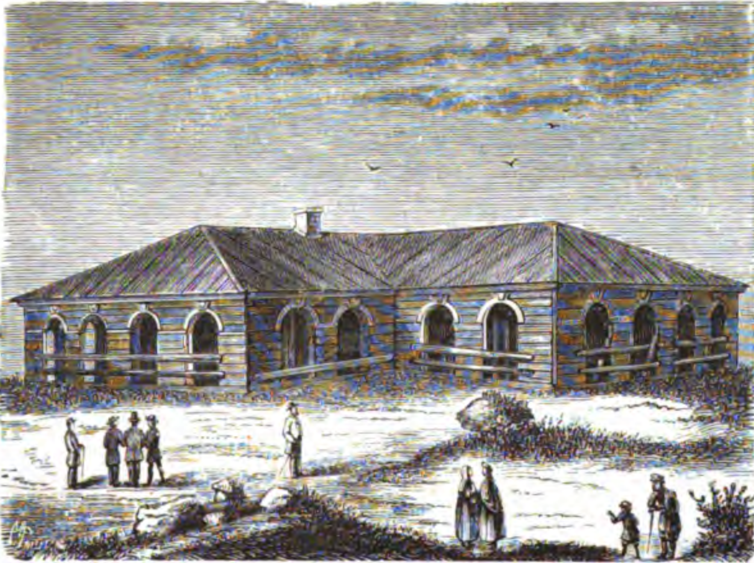
[1]) «Nicht gehauen, nicht gestochen», архивныя данныя въ сочиненіи Германа, IV, 116.

[2]) Устряловъ, IV, 1, 35—36.

[3]) Тамъ-же, IV, 2, 578.

неудобнымъ, какъ дѣйствіе «консиліума» во время перваго азовскаго похода. Нѣтъ сомнѣнія, что номинальный главнокомандующій, Головинъ, не имѣлъ никакого значенія, такъ какъ Петръ не задумался взять его съ собою въ Новгородъ.

Въ кругахъ иностранцевъ хвалили русскихъ солдатъ, рѣзко осуждая офицеровъ въ русскомъ войскѣ. Русскіе между ними считались неопытными, иностранцы-офицеры же не пользовались расположеніемъ солдатъ, а къ тому же не владѣли русскимъ языкомъ,



Домикъ Петра Великаго въ Новодвинской крѣпости.
Въ его настоящемъ видѣ.

и черезъ это не имѣли возможности командовать солдатами [1]). Плейеръ называетъ солдатъ «овцами безъ пастуховъ» [2]).

Чрезвычайная быстрота движеній юнаго короля шведскаго, его смѣлость и отважность доставили ему побѣду надъ русскимъ впятеро сильнѣйшимъ войскомъ. Битва началась въ полдень, 20-го ноября; къ вечеру все было рѣшено въ пользу Карла, постоянно подвергавшагося во время сраженія крайней опасности. Мужество восьми-тысячнаго шведскаго войска, отсутствіе дисциплины и опыт-

---

[1]) Устряловъ, IV, 2, 542.
[2]) Тамъ-же, IV, 2, 550. Чрезвычайно рѣзкій отзывъ о генералахъ Петра, см. въ донесеніи Галларта у Германа, IV, 116.

ности въ русской арміи, въ которой солдаты ненавидѣли своихъ офицеровъ, малодушіе послѣднихъ, преждевременно считавшихъ все дѣло потеряннымъ, то обстоятельство, что во время битвы сильный снѣгъ билъ въ лицо русскихъ—все это имѣло слѣдствіемъ страшное пораженіе царскаго войска.

Гуммертъ, перебѣжавшій къ непріятелю, но затѣмъ искавшій случая вступить вновь въ сношенія съ Петромъ, писалъ по поводу осады Нарвы: «люди (русскіе) сами по себѣ такъ хороши, что во всемъ свѣтѣ нельзя найдти лучше, но нѣтъ главнаго—прямого порядка и ученія. Никто не хочетъ дѣлать должнаго, думаютъ только наполнить свое чрево и мѣшокъ, а тамъ хоть все пропади... руками никто не хотѣлъ приняться, ходили, какъ кошка около горячей каши, и никто не хотѣлъ пальцевъ ожечь... что̀ пользы, когда псы очень бодры, а ловцы неискусны? Плохая ловля!» [1]) Въ этомъ же смыслѣ о полнѣйшемъ отсутствіи порядка въ войскѣ выразился и саксонскій инженеръ Галлартъ. Онъ былъ свидѣтелемъ многихъ случаевъ проявленія ненависти солдатъ къ офицерамъ. Опасность, грозившая иностранцамъ отъ собственнаго войска, заставила Галларта, Круи, Лангена и др. сдаться шведамъ [2]).

Иванъ Посошковъ, писавшій въ 1701 году о ратномъ дѣлѣ, приписывалъ уронъ подъ Нарвою главнымъ образомъ неумѣнію русскихъ войскъ обращаться съ оружіемъ, стрѣлять въ цѣль [3]).

Самъ Петръ въ своемъ «Журналѣ», или въ такъ называемой «Гисторіи свейской войны», говорилъ о Нарвской битвѣ слѣдующее: «и тако шведы надъ нашимъ войскомъ викторію получили, что есть безспорно: но надлежитъ разумѣть, надъ какимъ войскомъ оную учинили? ибо только одинъ старый полкъ лефортовскій былъ; два полка гвардіи только были на двухъ атакахъ у Азова, а полевыхъ боевъ, а наипаче съ регулярными войски, никогда не видали. Прочіе жь полки, кромѣ нѣкоторыхъ полковниковъ, какъ офицеры, такъ и рядовые, самые были рекруты, къ тому жь за позднимъ временемъ великій голодъ былъ, понеже за великими грязьми провіанта привозить было невозможно, и единымъ словомъ сказать, все то дѣло, яко младенческое играніе было: а искусства ниже вида: то какое удивленіе такому старому, обученному и практикованному войску надъ такими неискусными сыскать викто-

[1]) Устряловъ, IV, 1, 30—31.
[2]) Herrmann, IV, 118.
[3]) Соч. Ив. Посошкова, изд. Погодинымъ, I, 267 и 278.

рію? Правда, сія побѣда въ то время зѣло была печально чувственная, и яко отчаянная всякія впредь надежды, и за великій гнѣвъ Божій почитаемая. Но нынѣ, когда о томъ подумать, во истину не гнѣвъ, но милость Божію исповѣдати долженствуемъ: ибо, ежелибы намъ тогда надъ шведами викторія досталась, будучи въ такомъ неискуствѣ во всѣхъ дѣлахъ, какъ воинскихъ, такъ и политическихъ, то въ какую бы бѣду послѣ насъ оное счастіе вринуть могло, которое оныхъ же шведовъ, давно во всемъ обученныхъ и славныхъ въ Европѣ, подъ Полтавою такъ жестоко низринуло, что всю ихъ максиму низъ кверху обратило; но когда сіе несчастіе (или, лучше сказать, великое счастіе) получили, тогда неволя лѣность отогнала, и къ трудолюбію и искусству день и ночь принудила» и пр. [1]).

Все это писано послѣ Полтавскаго сраженія; тогда, разумѣется, было легче разсуждать хладнокровно и благоразумно о причинахъ и пользѣ ужасной бѣды, постигшей русское войско, чѣмъ непосредственно послѣ Нарвской битвы. Ударъ, нанесенный Петру, произвелъ сильное впечатлѣніе и въ Россіи, и за границею. Русскому горю соотвѣтствовала радость на западѣ.

Даже Лейбницъ, слѣдившій съ такимъ вниманіемъ за удачнымъ развитіемъ Россіи, теперь отъ души желалъ дальнѣйшихъ успѣховъ шведскому королю. Онъ выразилъ надежду, что Карлъ XII овладѣетъ всѣмъ Московскимъ государствомъ, до рѣки Амура, и привѣтствовалъ побѣду шведовъ стихотвореніемъ, въ которомъ указывалось на стараніе Петра скрыть предъ свѣтомъ нѣкоторую долю постыднаго пораженія [2]). И дѣйствительно, московское правительство старалось умолчать о числѣ убитыхъ и раненыхъ въ сраженіи и строжайше запретило говорить о Нарвской битвѣ. Плейеръ, сообщая обо всемъ этомъ въ своемъ донесеніи императору Леопольду, замѣчаетъ, что, быть можетъ, впродолженіе многихъ вѣковъ не было такого случая ужаснаго урона, какъ подъ Нарвою [3]).

Петръ, въ наказѣ русскому послу въ Нидерландахъ, Матвееву, представилъ Нарвское сраженіе въ смыслѣ, далеко не соотвѣтствовавшемъ истинѣ. Тутъ, между прочимъ, сказано: «шведы,.. видя свою бѣду, троекратно присылали трубача съ предложеніемъ перемирія; договоръ былъ заключенъ, но на другой день, когда русскіе полки одинъ за другимъ стали переходить чрезъ Нарову,

---

[1]) Журналъ Петра Великаго, 25—26.
[2]) Герье, приложенія, 48—49.
[3]) Устряловъ, IV, 2, 544—547.

шведы бросились на нихъ, вопреки королевскому слову, и все разграбили, захвативъ оружіе и артиллерію» [1]).

Карлъ XII вдругъ сдѣлался славнымъ героемъ. Въ разныхъ странахъ, не только въ Швеціи, сочинялись стихи, въ которыхъ восхваляли его мужество. Являлись и пасквили, направленные противъ Петра. Еще до битвы были напечатаны разныя брошюры, въ которыхъ указывалось на несправедливость образа дѣйствій царя, при неожиданномъ нападеніи на Швецію [2]). Катастрофа въ ноябрѣ 1700 года поставила русскихъ резидентовъ, находившихся за границею, въ самое неловкое положеніе. Голицынъ писалъ изъ

Остатки дороги, проложенной Петромъ I, въ Повѣнецкомъ уѣздѣ.
Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры В. Н. Майновымъ.

Вѣны: «главный министръ, графъ Кауницъ, и говорить со мною не хочетъ, да и на другихъ нельзя полагаться: они только смѣются надъ нами... всякими способами надобно домогаться получить надъ непріятелемъ побѣду. Хотя и вѣчный миръ учинимъ, а вѣчный стыдъ чѣмъ загладить? Непремѣнно нужна нашему государю хотя малая викторія, которою бы имя его попрежнему во всей Европѣ славилось. А теперь войскамъ нашимъ и управленію войсковому только смѣются». Матвеевъ доносилъ изъ Гааги: «шведскій

---

[1]) Устряловъ, IV, 1, 77.

[2]) Напр., брошюра Гермелина «Discussio criminationum, quibus usus est Moscorum Czarus».

посолъ, съ великими ругательствами самъ ѣздя по министрамъ, не только хулитъ ваши войска, но и самую вашу особу злословитъ, будто вы, испугавшись приходу короля его, за два дни пошли въ Москву изъ полковъ, и какія я слышу отъ него руганія, рука моя того написать не можетъ. Шведы съ здѣшними, какъ могутъ, всякимъ злословіемъ поносятъ и курантами на весь свѣтъ даютъ не только о войскахъ вашихъ, и о самой вашей особѣ... Жить мнѣ здѣсь очень трудно» и пр. [1]). Въ Польшѣ опять начали на-

Ѳедоръ Матвеевичъ Апраксинъ.
Съ портрета, принадлежащаго кн. Е. П. Кочубей.

дѣяться на возможность пріобрѣтенія вновь Малороссіи [2]). Въ Вѣнѣ Петръ такъ упалъ въ глазахъ цесарцевъ, что тамъ при дворѣ открыто читали вѣсти о новомъ рѣшительномъ пораженіи всего русскаго войска близъ Пскова, о бѣгствѣ царя съ немногими людьми, объ освобожденіи царевны Софьи изъ монастыря, о врученіи ей правленія государствомъ попрежнему. Голицынъ жаловался царю на безцеремонное обращеніе съ нимъ шведскаго резидента, который въ присутствіи Голицына и другихъ дипломатовъ смѣялся надъ Петромъ. «Что говоритъ шведъ, мерзко слышать», повторялъ Голицынъ неоднократно [3]).

[1]) Соловьевъ, XV, 44 и 54.
[2]) Тамъ-же, XIV, 359.
[3]) Устряловъ, IV, 1, 80.

Вездѣ удивлялись юному побѣдителю; выбивались медали въ честь Карла; на одной изъ нихъ была сдѣлана надпись: «Наконецъ, правое дѣло торжествуетъ!» Кромѣ медалей въ честь Карла, появилась медаль, выбитая въ насмѣшку надъ Петромъ, съ кощунскими сближеніями изъ исторіи апостола Петра: на одной сторонѣ медали былъ изображенъ царь Петръ, грѣющійся при огнѣ своихъ пушекъ, изъ которыхъ летятъ бомбы на Нарву; надпись: «Бѣ же Петръ стоя и грѣлся». На другой сторонѣ изображены были русскіе, бѣгущіе отъ Нарвы, и впереди ихъ Петръ: царская шапка валится съ его головы, шпага брошена, онъ утираетъ слезы платкомъ, и надпись говоритъ: «Изошедъ вонъ, плакася горько» [1]).

Разсказывали разныя небылицы объ отчаяніи Петра послѣ Нарвской битвы. Фокеродтъ, писавшій немного позже, но узнавшій многія подробности объ этихъ событіяхъ отъ современниковъ, говоритъ о стараніяхъ Петра и генераловъ Вейде и Головина, избѣгнуть опасностей послѣ битвы. Царь, сказано далѣе, отправившись весьма поспѣшно въ Новгородъ и получивъ извѣстіе о страшномъ пораженіи, одѣлся въ крестьянское платье, обулся въ лапти, плакалъ и былъ въ такомъ отчаяніи, что сначала никто не осмѣливался говорить съ нимъ о военныхъ дѣлахъ; въ это время, продолжаетъ Фокеродтъ, онъ былъ ласковъ только съ тѣми изъ генераловъ, которые совѣтовали заключить миръ, и изъявлялъ готовность исполнить это во что бы то ни стало и пр. [2]).

Все это нисколько не подтверждается фактами и вовсе не соотвѣтствуетъ характеру Петра. Мы, напротивъ, знаемъ, что имъ были приняты энергическія мѣры къ продолженію войны и что онъ не думалъ о заключеніи мира, по выраженію Фокеродта, на «немыслимыхъ» условіяхъ. Такого рода анекдотическія и легендарныя черты, передаваемыя въ подобныхъ источникахъ, каковы записки Фокеродта, свидѣтельствуютъ о степени нерасположенія къ царю въ нѣкоторыхъ кругахъ русскаго общества, и въ этомъ только заключается значеніе этихъ сочиненій.

Говоря о Нарвской битвѣ, Фокеродтъ замѣчаетъ, что Петръ вообще отличался осторожностью и, однажды испытавъ силу какого-либо непріятеля, никогда не подвергалъ себя во второй разъ одной и той же опасности. Напротивъ, Петръ постоянно выказывалъ удивительную стойкость и послѣдовательность въ своихъ пред-

[1]) Изображеніе медали въ соч. Нордберга, V, 231.
[2]) См. «Zeitgenöss. Berichte», изд. Германа, стр. 41—42.

пріятіяхъ, не унывалъ въ несчастіи и послѣ каждой неудачи былъ готовъ къ возобновленію прежнихъ усилій, чтобъ окончательно достигнуть желанной цѣли. Подобно тому, какъ послѣ перваго неудачнаго Азовскаго похода онъ сталъ готовиться ко второму, такъ и послѣ Нарвской битвы онъ обнаружилъ усиленную дѣятельность, неутомимость и предпріимчивость.

Начало успѣховъ.

Петръ не скрывалъ, что русскія войска, послѣ пораженія подъ Нарвою, отступили «въ конфузіи». Если бы Карлъ XII съумѣлъ воспользоваться благопріятными для него обстоятельствами, то могла пожалуй, хотя бы на время, осуществиться надежда Лейбница на превращеніе всего Московскаго государства въ шведскую провинцію. Но замѣчательно, что именно теперь слѣдовали одна за другою ошибки и промахи шведовъ въ области политики и военнаго искусства. Нецѣлесообразность дѣйствій Карла XII въ соединеніи съ геройствомъ и настойчивостью Петра повели къ совершенно противоположнымъ результатамъ.

Встрѣчаются разныя, противорѣчащія другъ другу данныя о намѣреніяхъ шведскаго короля послѣ Нарвской битвы. По одному разсказу, наиболѣе вліятельные генералы старались уговорить короля къ заключенію мира съ Августомъ и къ рѣшительному нападенію на Петра, на что, однако, Карлъ не соглашался, желая прежде всего отмстить польскому королю; по другому разсказу, планъ Карла продолжать войну противъ царя не былъ одобренъ его генералами, совѣтовавшими прежде всего уничтожить Августа [1]).

Какъ-бы то ни было, царь выигралъ время, чтобы поправиться, приготовиться къ дальнѣйшей борьбѣ. Впрочемъ, Петръ, какъ кажется, дѣйствительно, хотя лишь мгновенно, мечталъ о заключеніи мира съ Швеціею. Плейеръ пишетъ, что Петръ желалъ для этой цѣли посредничества бранденбургскаго курфирста [2]). Онъ также далъ знать англійскому королю, уже до этого предлагавшему свои услуги для заключенія мира, что «великій государь предложенія его о мирѣ съ короною свейскою не отрицается» [3]).

---

[1]) Такъ, напр., по сочиненію Фрикселя, I, 105, и Лундблада, I, 163, Пиперъ и Оксеншерна были противъ польской войны. Противоположный разсказъ Шлиппенбаха у Устрялова, IV, 2, 223, и Соловьева, XIV, прил. XII.

[2]) Устряловъ, IV, 2, 565.

[3]) Тамъ-же, IV, 2, 153.

Въ то же время, однако, въ Россіи готовились къ продолженію войны [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, датскій посланникъ въ Москвѣ не переставалъ дѣйствовать въ пользу энергическихъ мѣръ [2]).

Князь Репнинъ получилъ приказаніе привести въ исправность полки, шедшіе отъ Нарвы «въ конфузіи». Ожидая вторженія шведовъ въ предѣлы Россіи, Петръ позаботился объ укрѣпленіи Пскова, надъ которымъ трудились не только солдаты, но и частныя лица, и даже женщины. Петръ самолично руководилъ работами и неумолимо строго наказывалъ нерадивыхъ. Съ юношескимъ рвеніемъ Виніусъ принялся за приведеніе въ надлежащее состояніе артил-

Видъ Нотебурга при шведскомъ владычествѣ.
Съ гравюры, находящейся въ „Путешествіи" Олеарія.

леріи. Изъ переписки его съ царемъ за это время видно, въ какой степени Петръ входилъ во всѣ мелочи военной администраціи, какъ онъ зналъ обо всемъ, руководилъ всѣми частностями вооруженія. На заводѣ Бутенанта фонъ-Розенбуша въ Олонцѣ было заказано 100 пушекъ и 1000 ядеръ; сырымъ матеріаломъ при этомъ служили колокола, снятые съ церквей. Недостатку въ деньгахъ царь старался помочь введеніемъ новыхъ налоговъ, а также сборомъ съ монастырскихъ имѣній. Разнесся слухъ, что царь намѣревается конфисковать церковныя имущества. Разсказывали объ изрѣченіи

[1]) Особенно Перри хвалилъ Петра за эту дѣятельность; см. нѣм. изд. 324.
[2]) Донесеніе Плейера императору Леопольду отъ 19-го августа 1701 года у Устрялова, IV, 2, 567.

царя, что онъ хочетъ отмстить Карлу XII за Нарвскую битву во что бы то ни стало, если бы даже и приходилось для этого жертвовать всѣмъ царствомъ [1]).

Всѣ эти старанія повели къ желанной цѣли. Виніусъ вскорѣ могъ хвалиться, что впродолженіе года успѣлъ приготовить 300 новыхъ пушекъ [2]). Иностранцы, какъ, напримѣръ, саксонскій генералъ Штейнау или дипломатъ Паткуль, хвалили вооруженіе русскаго войска [3]). Уже въ мартѣ 1701 года говорили, что Петръ скоро опять подступитъ къ Нарвѣ. И дѣйствительно, еще въ декабрѣ 1700 года, Петръ приказалъ Шереметеву нетолько «беречь

Первоначальный видъ Петербурга и Кронштадта.
Съ современной гравюры Боденера.

ближнихъ мѣстъ», но «идтить въ даль для лучшаго вреда непріятеля». Вскорѣ во всѣхъ пограничныхъ пунктахъ, во Псковѣ, Новгородѣ, Изборскѣ и пр., усилены были гарнизоны. Были приняты мѣры для наступленія.

Въ «Журналѣ Петра Великаго» сказано, что, кромѣ другихъ причинъ, также и желаніе видѣться съ королемъ польскимъ заставило царя, въ ноябрѣ 1700 года, покинуть лагерь подъ Нарвою. И дѣйствительно, нужно было возобновить союзъ съ Августомъ и посовѣтоваться съ нимъ относительно совмѣстныхъ военныхъ дѣйствій. Такимъ образомъ, въ февралѣ 1701 года, состоялось свида-

---

[1]) Плейеръ у Устрялова, IV, 2, 554.
[2]) Соловьевъ, XIV, 357.
[3]) Herrmann, IV, 125—126.

ніе въ Биржахъ. Здѣсь, между прочимъ, было высказано вновь желаніе, чтобы царь возвратилъ Польшѣ Малороссію. Самымъ рѣшительнымъ образомъ и царь, и Головинъ—отвергли это предложеніе. Петръ и слышать не хотѣлъ даже объ уступкѣ нѣкоторыхъ малороссійскихъ пограничныхъ мѣстъ. Августъ и Петръ договорились о возобновленіи союза; царь обѣщалъ королю прислать отъ 15 до 20,000 пѣхоты въ полное распоряженіе и заплатить ему, кромѣ того, субсидію; король обѣщалъ употреблять свои войска противъ Швеціи въ Лифляндіи и Эстляндіи, дабы, отвлекая общаго непріятеля, обезопасить Россію и дать царю возможность съ успѣхомъ дѣйствовать въ Ижорской и Корельской земляхъ; Лифляндію и Эстляндію царь оставлялъ королю и Рѣчи Посполитой безъ всякихъ притязаній. Въ тайной статьѣ царь обязался прислать королю 20,000 рублей, «дабы нѣкоторое награжденіе и милость показать тѣмъ изъ польскихъ сенаторовъ, которые способы сыщутъ привести въ постановленные союзы и Рѣчь Посполитую».

По отзыву лицъ, видѣвшихъ Петра въ Биржахъ, онъ тамъ на всѣхъ произвелъ весьма выгодное впечатлѣніе. Удивлялись его разсужденіямъ о флотѣ и войскѣ, его предпріимчивости, его познаніямъ въ географіи и черченіи [1]).

Тѣмъ временемъ продолжались военныя дѣйствія. Хотя Шереметевъ далеко не отличился въ ноябрѣ близь Нарвы, царь все-таки поручилъ ему веденіе войны въ Лифляндіи. При движеніи къ Маріенбургу, въ декабрѣ 1700 года, Шереметевъ сначала, столкнувшись съ непріятелемъ, потерпѣлъ нѣкоторую неудачу, но затѣмъ, однако, онъ принудилъ генерала Шлиппенбаха къ отступленію. Началось систематическое и полнѣйшее опустошеніе Лифляндіи.

Тяжелое впечатлѣніе на союзниковъ произвела побѣда, одержанная шведами надъ саксонцами на берегу Двины, 9-го іюля 1701 года. Тогда раздробленіе силъ Польши и Россіи считалось крупною ошибкою. Полагали, что Петръ и Августъ, соединивъ свои войска, могли бы дѣйствовать гораздо успѣшнѣе. Особенно послѣ побѣды, въ іюлѣ 1701 года, Карлъ имѣлъ въ виду преслѣдованіе польскаго короля, не обращая вниманія на царя. Такимъ образомъ, Шереметеву удалось разбить Шлиппенбаха при Эрестферѣ (29-го декабря 1701 г.). Петръ былъ въ восторгѣ отъ первой побѣды надъ шведами, произвелъ Шереметева въ генералъ-фельдмаршалы и послалъ ему орденъ св. Андрея и свой портретъ,

---

[1]) Соловьевъ, XIV, 359—360.

Взятіе Нарвы въ 1704 году.

Картина профессора Коцебу. Гравюра Панненакера въ Парижѣ.

осыпанный бриліантами. Въ Москвѣ торжественно праздновали эту побѣду [1]).

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Шереметевъ одержалъ вторую побѣду надъ Шлиппенбахомъ, при Гуммельсгофѣ (18-го іюля 1702 г.). Шведы потеряли нѣсколько тысячъ человѣкъ убитыми. Остальное войско отступило въ направленіи къ Пернавѣ. Петръ приказалъ опустошить Лифляндію до того, чтобы непріятель во всей странѣ нигдѣ не могъ найдти себѣ убѣжища. Шереметевъ столь ревностно исполнилъ порученіе, что во всемъ краѣ остались цѣлыми и невредимыми только немногіе города. Шереметевъ писалъ: «чиню тебѣ извѣстно, что всесильный Богъ и пресвятая Богоматерь желаніе твое исполнили: больше того непріятельской земли разорять нечего — все разорили и запустошили безъ остатка» и пр. Плѣнныхъ было такъ много, что Шереметевъ не зналъ, куда ихъ дѣвать и какъ надзирать за ними.

Такимъ образомъ, страшная участь постигла многія мѣстечки въ Лифляндіи; были разрушены: Смильтенъ, Роннебургъ, Вольмаръ, Адзель, Маріенбургъ и пр. Затѣмъ, Шереметевъ, въ 1703 году, обратился къ сѣверу, взялъ Копорье и Ямбургъ. 5-го сентября, Везенбергъ былъ занятъ и превращенъ въ пепелъ; также были сожжены: Вейсенштейнъ, Феллинъ, Оберпаленъ, Руйенъ и пр.

Весною 1704 года, Петръ поручилъ Шереметеву приступить къ осадѣ Дерпта, сильно укрѣпленнаго и защищаемаго значительнымъ гарнизономъ. Шереметевъ спѣшилъ къ берегамъ Эмбаха, гдѣ ему удалось разбить шведскую флотилію, состоявшую изъ 13 судовъ. Осада Дерпта, однако, затянулась, и царь упрекнулъ Шереметева въ медленности дѣйствій. Фельдмаршалъ оправдывался тѣмъ, что сталъ здоровъ не по старому, что онъ одинъ, ни отъ кого — ни отъ царя, ни отъ Меншикова — помощи не имѣетъ. Для ускоренія дѣла, Петръ самъ явился подъ Дерптъ, и оттуда въ письмѣ къ Меншикову, жаловался на нецѣлесообразность мѣръ, принятыхъ Шереметевымъ для осады города. Осадные шанцы были сооружены въ слишкомъ большомъ разстояніи отъ города. Петръ тотчасъ же распорядился иначе, замѣчая въ письмѣ къ Меншикову: «я принужденъ сію ихъ Сатурнову дальность въ Меркуріусовъ кругъ подвинуть. Зѣло жаль, что уже 2,000 бомбовъ выметано безпутно». Дѣйствія Петра повели къ желанной цѣли. Го-

[1]) Съ этихъ поръ начался рядъ празднествъ, повторявшихся даже по случаю менѣе важныхъ событій. Фанъ-деръ-Гульстъ писалъ: «Lorsqu'on a remporté le plus leger avantage, on en fait ici un tel bruit, qu'il semblerait, qu'on vient de renverser le monde entier», Устряловъ, IV, 2, 668.

родъ сдался 13-го іюля 1704 года. «Итакъ, съ Божіею помощію симъ нечаемымъ случаемъ, сей славный отечественный градъ паки полученъ», писалъ Петръ къ своимъ, намекая на основаніе Дерпта-Юрьева Ярославомъ въ XI вѣкѣ. Неоднократно, и въ XVI и въ XVII столѣтіяхъ, Дерптъ на время находился въ рукахъ русскихъ. Теперь же онъ окончательно сдѣлался достояніемъ Россіи.

Первоначальный видъ Петропавловскаго собора въ С.-Петербургѣ.
Съ рисунка, приложеннаго къ „Описанію Петербурга" Рубана.

Между тѣмъ, фельдмаршалъ Огильви, вступившій не задолго до этого въ русскую службу, приступилъ къ осадѣ Нарвы. И туда поспѣшилъ самъ царь, послѣ занятія Дерпта. И тутъ, какъ подъ Дерптомъ, до прибытія Петра, осадныя работы шли медленно и неудачно. 9-го августа, городъ былъ взятъ штурмомъ. Недѣлю спустя, русскіе заняли и Иванъ-городъ. Петръ, обрадованный успѣхомъ, вспоминая о неудачѣ 1700 года подъ Нарвою, писалъ Ромодановскому: «гдѣ предъ четырьмя лѣты Господь оскорбилъ, тутъ

нынѣ веселыми побѣдители учинилъ». Въ отвѣтѣ Ромодановскаго сказано: «весь народъ радостно обвеселился, слыша совершенство такой знаменитой и славной викторіи, еже не малую разнесетъ не токмо по всей Европѣ россійскому народу похвалу, но и въ Азіи въ ушеса магометанскихъ чадъ съ печали и страха разгласится». Въ письмѣ къ Меншикову Ромодановскій писалъ: «по правдѣ есть побѣда знаменита, что у Варяжскаго моря такова крѣпкаго и славнаго града взятіе» [1]).

Домикъ Петра Великаго въ Петербургѣ.
Съ современной гравюры.

Стать твердою ногою на берегахъ именно «Варяжскаго моря» было важною задачею Петра.

Съ самаго начала войны, Петръ считалъ возможнымъ, что шведы сдѣлаютъ нападеніе на Архангельскъ. Поэтому онъ, еще весною 1701 г., позаботился объ укрѣпленіи этого города. Лѣтомъ этого же

[1]) Устряловъ, IV, 2, 23.

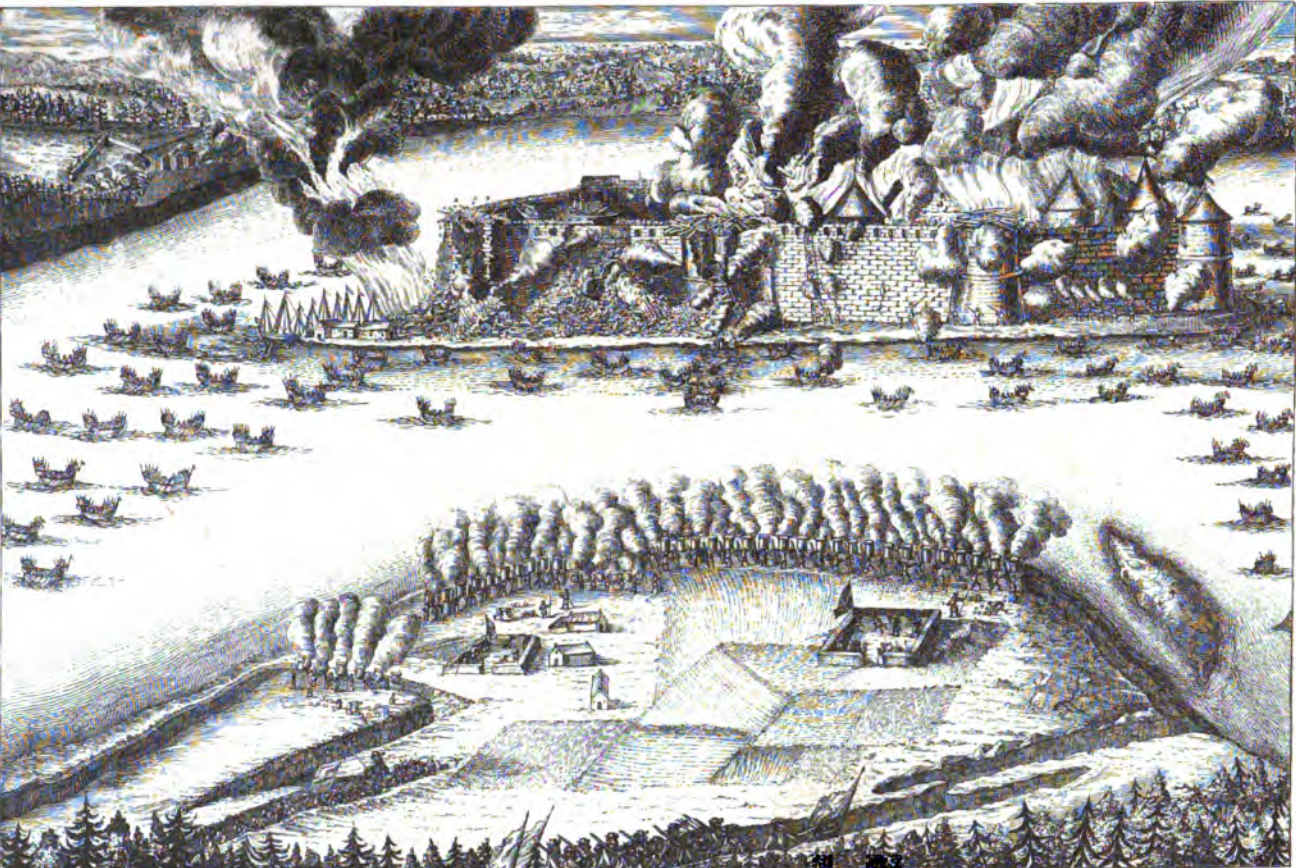
года, узнали чрезъ русскаго посланника при датскомъ дворѣ, Измайлова, что къ Архангельску приближается шведская эскадра, которая, однако, по прибытіи къ городу была отбита русскими, соорудившими по берегамъ батареи, причемъ два непріятельскихъ галіота были взяты. Петръ, сообщая Апраксину о подробностяхъ этого дѣла, поздравилъ его «симъ нечаемымъ счастіемъ».

При военныхъ дѣйствіяхъ по берегамъ Балтійскаго моря, мѣшавшихъ мореплаванію въ этихъ мѣстахъ, судоходство на сѣверѣ, именно въ это время, было особенно оживленнымъ. Чѣмъ болѣе Россія нуждалась въ сообщеніи съ западомъ, тѣмъ важнѣе должно было казаться обезпеченіе Архангельска. Не даромъ царь сильно безпокоился, получивъ, весною 1702 года, изъ Голландіи извѣстіе о приближеніи сильной французской военной эскадры къ этому городу. Зашла рѣчь объ отправленіи туда 20,000 войска; началась у самаго Архангельска постройка военныхъ судовъ. Однако, слухи объ опасности, грозившей будто этому порту, оказались лишенными всякаго основанія, такъ что и въ 1702 году къ Архангельску прибыло особенно значительное число кораблей, между тѣмъ какъ торговля въ портахъ Финляндіи и Лифляндіи находилась, вслѣдствіе войны, въ совершенномъ застоѣ. Петръ самъ, весною и лѣтомъ 1702 года, находился въ Архангельскѣ, гдѣ окончилъ постройку двухъ фрегатовъ. Отсюда онъ спѣшилъ къ берегамъ Невы, направляясь черезъ Повѣнецъ, прокладывая дорогу по лѣсамъ и болотамъ и таща по ней двѣ яхты. Слѣды этой необычайной дороги видны еще до сихъ поръ. На пути онъ писалъ къ королю Августу: «мы нынѣ въ походѣ близь непріятельской границы обрѣтаемся и, при Божіей помощи, не чаемъ праздны быть» [1]).

Уже выше нами было указано на вниманіе, которое обращалъ Петръ съ самаго начала войны на водный путь, соединявшій внутреннія области Московскаго государства съ Балтійскимъ моремъ. Онъ считалъ важнѣйшею задачею завоеваніе тѣхъ странъ, которыя, въ силу Столбовскаго договора, отошли къ Швеціи. Поэтому, онъ не былъ доволенъ тѣмъ, что Апраксинъ со своими войсками, столь же усердно, какъ Шереметевъ въ Лифляндіи, занялся опустошеніемъ этихъ областей, причемъ Апраксинъ, столкнувшись съ небольшимъ отрядомъ шведскихъ войскъ на берегахъ Ижоры, разбилъ его (13-го августа 1702 года).

Приближаясь, въ 1702 году, къ берегамъ Невы, Петръ разспрашивалъ сельскихъ обывателей о разныхъ подробностяхъ со-

[1]) Устряловъ, IV, 2, 35.



Взятіе Нотебурга въ 1702 году.

Съ современной гравюры, 1703 г., Шхонебека. Гравюра Кезеберга и Эртеля въ Лейпцигѣ.

Взятіе Нотебурга.

Картина профессора Коцебу. Гравюра Хельма въ Штутгартѣ.

общенія по рѣкамъ и на сушѣ, о разстояніи между собой селеній, въ особенности же о фарватерѣ на Невѣ, а также и о силѣ гарнизона въ Нотебургѣ и Ніеншанцѣ [1]).

Нотебургъ, древній городъ, построенный за нѣсколько столѣтій раньше новгородцами и названный Орѣшкомъ, лежалъ на островѣ при истокѣ Невы и былъ довольно сильною крѣпостью. Здѣсь находилось 450 человѣкъ гарнизона и 142 пушки; комендантомъ былъ родной братъ шведскаго генерала Шлиппенбаха, дѣйствовавшаго въ Лифляндіи.

Въ концѣ сентября 1702 года, царь съ войскомъ въ 12,500 человѣкъ явился у Нотебурга. Главнокомандующимъ считался Шереметевъ. Петръ участвовалъ въ осадныхъ работахъ, наравнѣ съ солдатами и корабельными плотниками. Въ первыхъ числахъ октября, началось бомбардированіе крѣпости, а 11-го октября, послѣ штурма, гарнизонъ сдался на капитуляцію. Всѣмъ шведскимъ войскамъ было дозволено выступить изъ Нотебурга, переименованнаго въ Шлиссельбургъ. Петръ приказалъ укрѣпить на западной башнѣ поднесенный ему комендантомъ ключъ, въ ознаменованіе того, что взятіемъ Нотебурга отворились ворота въ непріятельскую землю. Впослѣдствіи, каждый годъ, когда царь находился въ Петербургѣ, даже послѣ Ништадтскаго мира, 11-го октября онъ непремѣнно бывалъ въ Шлиссельбургѣ и весело праздновалъ покореніе его. 11-го октября 1711 года, Петръ изъ Карлсбада писалъ Екатеринѣ: «поздравляемъ симъ днемъ—началомъ нашего авантажа». А изъ Шлиссельбурга, 11-го октября 1718 года: «поздравляемъ вамъ симъ счастливымъ днемъ, въ которомъ русская нога въ вашихъ земляхъ ѳутъ взяла, і симъ ключемъ много замкòвъ отперто» [2]). Потеря русскихъ при осадѣ и взятіи крѣпости была довольно значительна: 538 убитыми и 925 ранеными. Намекая на прежнее названіе крѣпости, Петръ писалъ Виніусу: «правда, что зѣло жестокъ сей орѣхъ былъ,—однакожъ, слава Богу, счастливо разгрызенъ. Артиллерія наша зѣло чудесно дѣло свое исправила». Губернаторомъ, т. е. комендантомъ Шлиссельбурга былъ назначенъ бомбардиръ-поручикъ Преображенскаго полка Меншиковъ, который вообще съ этого времени началъ возвышаться и пользоваться довѣріемъ и дружбою Петра.

4-го декабря 1702 года, царь праздновалъ взятіе Шлиссельбурга торжественнымъ входомъ въ Москву, гдѣ были сооружены

[1]) Устряловъ, IV, 1, 195.
[2]) Письма р. государей, I, 25 и 85—86.

тріумфальныя ворота. Въ память этого событія, какъ и по случаю другихъ подобныхъ успѣховъ, была выбита медаль.

Послѣ краткаго пребыванія въ столицѣ, Петръ спѣшилъ въ Воронежъ для наблюденія за дальнѣйшимъ сооруженіемъ флота, въ которомъ онъ нуждался на случай столкновенія съ турками и татарами. На пути туда онъ положилъ основаніе городу Раненбургу (или Ораніенбургу, въ Рязанской губ.), который подарилъ своему другу, Меншикову. Въ мартѣ 1703 года, онъ уже опять находился въ Шлиссельбургѣ, откуда направился къ Ніеншанцу.

25-го апрѣля 1703 года, Шереметевъ осадилъ Ніеншанцъ; на другой день пріѣхалъ Петръ, принялся тотчасъ же за рекогно-

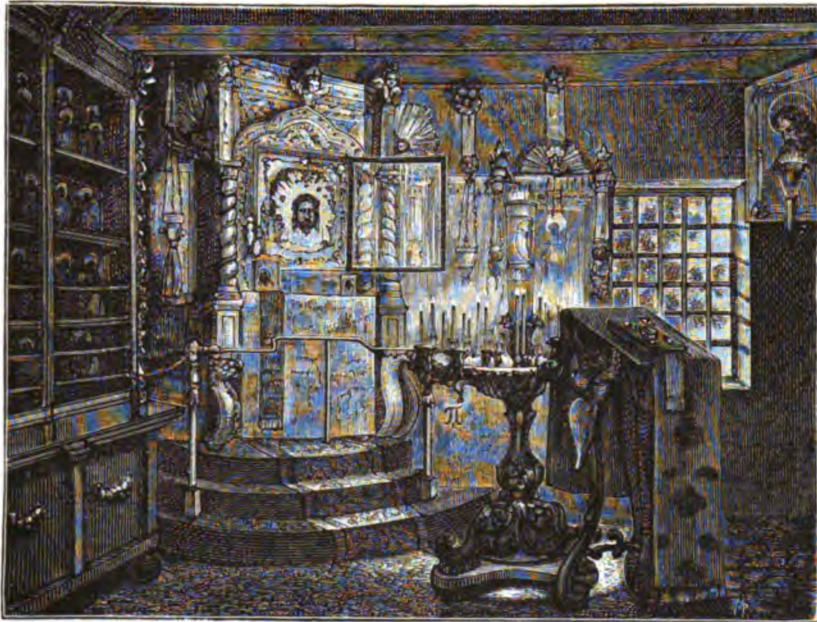
Внутренность домика Петра Великаго въ Петербургѣ.
Въ настоящее время.

сцировку устьевъ Невы и распорядился о принятіи мѣръ для занятія этихъ мѣстъ. Гарнизонъ Ніеншанца сдался на капитуляцію 1-го мая. На другой день, было принесено благодареніе Всевышнему, за покореніе крѣпости, «а наипаче за пріобрѣтеніе желаемой морской пристани».

Вслѣдъ за взятіемъ Ніеншанца, въ невскомъ устьѣ появилась небольшая шведская эскадра, которая была атакована русскими 6-го мая. Петръ и Меншиковъ съ солдатами въ 30 лодкахъ сдѣлали столь удачное нападеніе, что два шведскія судна были взяты. И въ «Журналѣ», и въ письмѣ къ Апраксину Петръ съ особенною радостію говорилъ о «сей никогда не бывшей викторіи». Царь и Меншиковъ за этотъ подвигъ были удостоены ордена св. Андрея. Князь Борисъ Голицынъ писалъ царю: «хотя отъ начала свѣта

всѣхъ собрать лѣтописцевъ, нигдѣ не найдемъ, какъ такою отвагою и смѣлымъ сердцемъ учинено, яко сіе тобою». Въ письмѣ Стрѣшнева сказано: «а за такую побѣду храбрымъ приводцамъ прежде сего какія милости были, и того въ разрядѣ не сыскано, для того, что не бывало взятья кораблей на морѣ никогда» [1]).

Уже весною 1702 года, Плейеръ доносилъ императору Леопольду, что Петръ стремится къ продолженію прямого воднаго пути для торговыхъ сношеній съ западомъ и что поэтому онъ об-



Внутренность часовни въ домикѣ Петра Великаго въ Петербургѣ.
Въ настоящее время.

ращаетъ еще большее вниманіе на устье Невы, чѣмъ на Нарву. Теперь же, послѣ взятія Ніеншанца, по разсказу Плейера, царь сообщилъ о занятіи имъ устья Невы въ Голландію и другія страны, объявляя при этомъ, что первому шкиперу, явившемуся въ «этой морской гавани», будетъ выдано сто червонцевъ [2]). Не даромъ Виніусъ, поздравляя царя со взятіемъ Ніеншанца, замѣтилъ, что

[1]) Устряловъ, IV, 1, 235—237.
[2]) Тамъ-же, IV, 2, 609.

этимъ городомъ «отверзошася пространная порта безчисленныхъ вамъ прибытковъ» [1]).

16-го мая 1703 года, на одномъ изъ острововъ невскаго устья былъ заложенъ городокъ—Петербургъ. Цѣль была достигнута. Новый городъ сдѣлался важнѣйшимъ результатомъ Сѣверной войны. Въ самую рѣшительную минуту послѣдней, непосредственно послѣ Полтавской битвы, Петръ писалъ: «нынѣ уже совершенно камень во основаніи С.-Петербурга положенъ съ помощію Божіею».

Петръ, уже въ первое время существованія Петербурга, называлъ это мѣсто своимъ «парадизомъ». Перенесеніемъ центра тяжести Россіи изъ Москвы въ новую столицу на всегда былъ рѣшенъ вопросъ о направленіи дальнѣйшаго развитія Россіи. Петербургъ сдѣлался звеномъ, соединявшимъ Россію съ западною Европою.

Послѣ взятія Ніеншанца, въ военномъ совѣтѣ обсуждался вопросъ, должно ли укрѣпить этотъ пунктъ, или искать другого мѣста для основанія торговаго города; совѣтъ рѣшилъ: искать другого мѣста. Прежде всего заложена была Петропавловская крѣпость; затѣмъ были построены: деревянная церковь, дома для царя и Меншикова, «австерія» и т. д.

Новый городъ не разъ подвергался опасности быть взятымъ шведами. Цѣлое лѣто 1703 г., около устья Невы простояла шведская эскадра. Петръ, не атакуя ея, ограничивался обороною, сооружая укрѣпленія для защиты Петербурга. Также и на сушѣ можно было ожидать нападенія шведовъ. Небольшой непріятельскій отрядъ, подъ командою генерала Кронгіорта, подошелъ къ новому городу, но былъ отбитъ русскими войсками и отступилъ къ Выборгу (въ началѣ іюля 1703 года). Осенью, послѣ удаленія шведской эскадры, царь побывалъ на Котлинѣ-островѣ (нынѣ Кронштадтъ) и самъ измѣрялъ около него глубину воды. Въ ноябрѣ 1703 года, явилось первое купеческое судно, шкиперъ и экипажъ котораго были приняты Меншиковымъ особенно радушно. Петръ заложилъ крѣпость Кроншлотъ, постройка которой подвигалась быстро. Изъ Олонца у Петербурга, гдѣ, въ 1704 году, было заложено адмиралтейство, явились русскія военныя суда.

И дальнѣйшія попытки шведовъ напасть на новый городъ оставались безуспѣшными. Лѣтомъ 1704 года, явился баронъ Майдель съ отрядомъ войска, но былъ принужденъ къ отступленію. Столь же неудачными были нападенія, сдѣланныя шведами на

[1]) Соловьевъ, XIV, 380.

Первое морское ораженіе въ устьяхъ Невы въ 1703 году.

Картина проф. Лагоріо. Гравюра А. Клосса въ Штутгартѣ.

Кроншлотъ (въ іюнѣ 1704 года) и на Котлинъ-островъ (зимою 1705 года). Въ 1705 г., явился шведскій адмиралъ Анкаршернъ съ приготовленными заранѣе въ Карлскронѣ 22 судами, въ Финскомъ заливѣ; въ то же время, сухимъ путемъ приближался къ Петербургу баронъ Майдель, съ отрядомъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Однако, царю удалось къ этому времени запастись судами, усилить войско, назначенное для защиты Петербурга. Такимъ образомъ, неоднократно повторяемыя нападенія шведовъ не имѣли успѣха и окончились ихъ отступленіемъ.

Современники могли убѣдиться въ томъ, что царь не упускалъ изъ виду цѣли войны. Весною 1703 года, въ Москвѣ находился дипломатическій агентъ Людовика XIV, заговорившій было о медіаціи. Царь сказалъ, что о мирѣ не можетъ быть и рѣчи безъ уступки Швеціею Россіи тѣхъ областей, которыми владѣли цари прежде и которыя были отняты шведами [1]). Когда около этого же времени Паткуль, недовольный успѣхами Петра близъ береговъ Балтійскаго моря, совѣтовалъ царю подумать о мирѣ, чтобъ не возбудить опасенія въ прочихъ потентатахъ, Петръ отвѣчалъ: Господь Богъ посредствомъ оружія возвратилъ большую часть дѣдовскаго наслѣдства, неправедно похищеннаго. Умноженіе флота имѣетъ единственною цѣлью обезпеченіе торговли и пристаней; пристани эти останутся за Россіею, во первыхъ, потому, что они изъ сначала ей принадлежали, во вторыхъ, потому, что пристани необходимы для государства, «ибо чрезъ сихъ артерій можетъ здравѣе и прибыльнѣе сердце государственное быть» [2]).

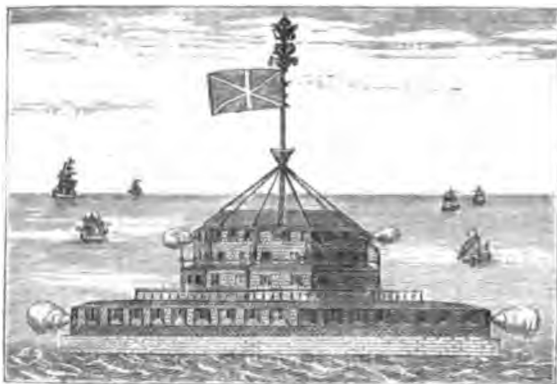
Дипломатическія сношенія.

По донесенію Матвеева, отъ 5-го іюля 1702 года, какой-то профессоръ во Франкфуртѣ на Одерѣ напечаталъ похвальную рѣчь прусскому королю, гдѣ прославлялъ тріумфъ шведовъ надъ московскими войсками и толковалъ, что христіанскіе государи не должны пропускать русскихъ кораблей на море, ибо, если русскіе овладѣютъ Ливоніею, то овладѣютъ также Польшею и Литвою и будутъ опасны Пруссіи [3]).

Положеніе Матвеева въ Нидерландахъ было непріятно послѣ Нарвскаго пораженія потому, что тамъ, какъ мы видѣли, смѣялись

[1]) Устряловъ, IV, 2, 606.
[2]) Соловьевъ, XV, 30—31.
[3]) Тамъ-же, XV, 110.

надъ Россіею, а послѣ первыхъ успѣховъ русскаго оружія, т. е. взятія Шлиссельбурга, Ніеншанца, Дерпта, Нарвы и пр., потому, что въ Голландіи опасались чрезмѣрнаго могущества Россіи. До начала шведско-русской войны, Генеральные Штаты чрезъ Матвеева просили царя не помогать датчанамъ въ ихъ войнѣ противъ Швеціи. Когда голландцы узнали, въ 1700 году, что Петръ приближается къ Нарвѣ, они не одобряли этого движенія царя къ берегамъ моря; такое же неудовольствіе возбудила постройка русскихъ судовъ въ Архангельскѣ. Желая препятствовать развитію значенія Россіи на морѣ, Генеральные Штаты не переставали дѣйствовать въ пользу мира. Матвеевъ писалъ: «нынѣшняя война со шведами Штатамъ очень непріятна и всей Голландіи весьма



Кроншлотъ при Петрѣ Великомъ.
Съ современной гравюры.

непотребна, потому что намѣреніе ваше взять у шведа на Балтійскомъ морѣ пристань Нарву или Новые-Шанцы; гдѣ же сойдутся, постоянно толкуютъ: если пристань тамъ у него будетъ, то не меньше француза надобно намъ его бояться; отворенными воротами всюду входить свободно будетъ». Къ тому же война мѣшала торговымъ сношеніяхъ съ Россіею: въ тѣхъ городахъ Лифляндіи, которые могли находиться въ опасности, голландскіе купцы имѣли запасы товаровъ, именно хлѣба. Ожидали, что русскіе займутъ Ревель. Витзенъ, вслѣдствіе дружбы своей съ Петромъ и торговыхъ связей съ Россіей, былъ, по словамъ Матвеева, «въ большомъ подозрѣніи у своихъ соотечественниковъ». Одинъ изъ голландскихъ купцовъ, Брантъ, поставлявшій для Россіи ружья,

посѣщалъ Матвеева тайкомъ, и едва не былъ убитъ за это шведами. Когда Петръ намѣревался сдѣлать Штатамъ предложеніе, чтобы они взяли въ свою службу изъ Архангельска 4000 матросовъ, Матвеевъ замѣтилъ: «имъ то зѣло не надобно, чтобъ нашъ народъ морской наукѣ обученъ былъ».

На выгодное для Россіи посредничество Нидерландовъ при заключеніи мира между Швеціею и Россіею, какъ полагалъ Матвеевъ, нельзя было надѣяться. «Могутъ ли», спрашиваетъ послѣдній въ письмѣ къ царю, «Англія и Штаты стараться о вашемъ

Фельдмаршалъ Огильви.
Съ современнаго гравированнаго портрета.

интересѣ или прибыточномъ мирѣ и сами отворить дверь вамъ ко входу въ Балтійское море, чего неусыпно остерегаются, трепещутъ великой силы вашей не меньше какъ и француза... Англичанъ и здѣшнихъ прямое намѣреніе, чтобъ не допустить васъ имѣть какую-нибудь пристань на Балтійскомъ морѣ; отнюдь не хотятъ и слышать такого сосѣдства ближняго. Хотя они ласковыми лицами поступаютъ, только ихъ сердце николи не право предъ вами». Всѣми способами, но безуспѣшно, Матвеевъ доказывалъ голландцамъ, что отъ русской гавани на Балтійскомъ морѣ имъ могутъ

быть только однѣ выгоды и что маленькій русскій флотъ назначается только для обороны этой гавани, а не для утвержденія русскаго владычества на морѣ [1]).

Такія же вѣсти приходили изъ Вѣны, гдѣ Паткуль узналъ отъ министровъ, датскаго и бранденбургскаго, что англійскій и голландскій министры, а также и ганноверскій дворъ, стараются всѣми силами помѣшать сближенію Австріи съ Россіею и во всѣхъ разговорахъ съ императорскими министрами выставляютъ имъ на видъ, какъ опасно увеличеніе могущества царя [2]).

При такихъ обстоятельствахъ, Петру оставалось прежде всего надѣяться на себя и успѣхъ русскаго оружія, и во вторыхъ, разсчитывать на разладъ между европейскими державами. Можно было воспользоваться антагонизмомъ между Австріею и Пруссіею, соперничествомъ между Англіею и Франціею, ненавистью между Ганноверскимъ домомъ и Пруссіею. Всякая борьба на западѣ Европы могла быть выгодною для царя; не даромъ Петръ, въ письмѣ къ Апраксину, отъ 5-го іюня 1702 года, говоря о началѣ войны за испанское наслѣдство, замѣтилъ: «дай Боже, чтобъ затянулась» [3]). Чѣмъ болѣе вниманіе Европы было обращено на чрезмѣрное могущество короля Людовика XIV, тѣмъ удобнѣе Россія могла стремиться дальше на пути къ морю и достигнуть желанной цѣли.

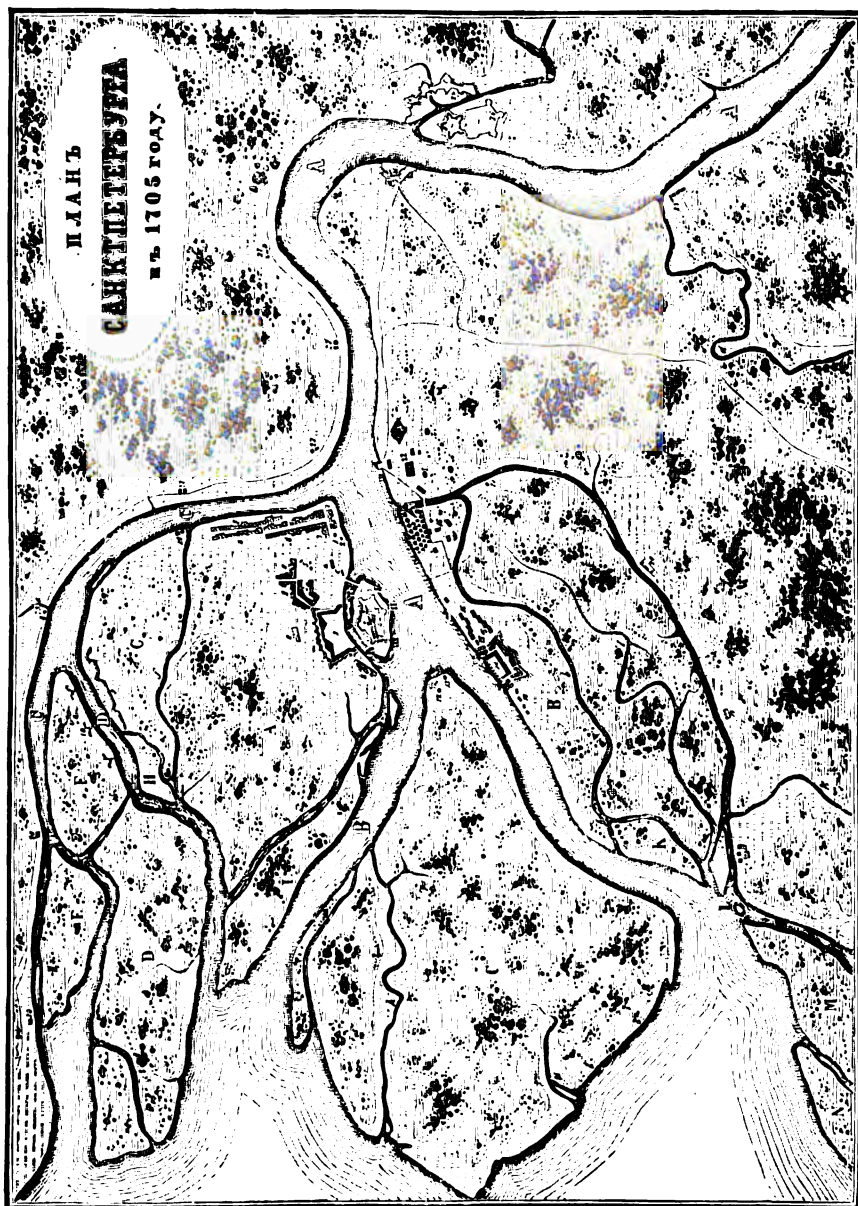
Такого рода положеніе дѣлъ придавало особенное значеніе попыткѣ короля Людовика XIV сблизиться съ Петромъ.

Когда, въ февралѣ 1701 года, происходило въ Биржахъ свиданіе между Петромъ и королемъ Августомъ, при послѣднемъ находился чрезвычайный французскій посланникъ, дю-Геронъ, который имѣлъ аудіенцію у царя. Петръ при этомъ случаѣ выразилъ дю-Герону свое уваженіе къ особѣ короля и желаніе соединиться съ нимъ теснѣйшими узами дружбы; въ теченіе бесѣды царь замѣтилъ, что надобно нѣсколько поумѣрить спѣсь Генеральныхъ Штатовъ, такъ какъ они забываютъ свое мѣсто, желая стоять наравнѣ съ первѣйшими государями и вмѣшиваться во всѣ европейскія дѣла и пр.

Въ январѣ 1702 года, дю-Геронъ имѣлъ свиданіе съ русскимъ посланникомъ въ Варшавѣ. При этомъ случаѣ послѣдній жаловался на императора, на Англію и Голландію, а также и на короля Августа. Далѣе, было высказано желаніе, чтобы Людовикъ

---

1) Соловьевъ, XV, 53—67.
2) Тамъ-же, XV, 47.
3) Устряловъ, IV, 2, 30.



Планъ Петербурга въ 1705 году.

Со снимка, приложеннаго къ „Исторіи Петра Великаго“ Устрялова.

Острова: A. Петербургскій.—B. Адмиралтейскій.—C. Васильевскій.—D. Крестовскій.—E. Мишинъ.—F. Каменный.—G. Аптекарскій.—H. Козій.—I. Петровскій.—K. Рыбный.—L. Овечій—M. Кустарные.—N. Каменный.

Рѣки: A. Нева.—B. Малая Нева.—C. Большая Нева.—D. Малая Невка.—a. Фонтанка.—b. Мья.—c. Большая Охта.—d. Черная.—e. Черная.—f. Карповка.—g. Ждановка.—h. Глухая.—i. Пряжка.—k. Таракановка.—l. Глухая.

Въ крѣпости: I. Бастіонъ Государевъ.—II. Нарышкина.—III. Трубецкого.—IV. Зотова.—V. Головкина.—VI. Меншикова.—1. Церковь Св. Петра и Павла.—2. Домъ коменданта.—3. Домъ плацъ-маіора.—4.—Гауптвахта.—5. Цейхгаузъ.—6. Провіантскіе магазины.—7. Подъемный мостъ.

На Петербургскомъ островѣ: 1. Кронверкъ.—2. Домикъ Петра I.—3. Домъ Меншикова.—4. Торговые ряды.—5. Первоначальная биржа.—6. Австерія.—7. Домъ чиновниковъ и частныхъ лицъ.—8. Домики и шалаши рабочихъ.

На Аптекарскомъ островѣ: 9. Русскія батареи, построенныя въ 1705 году.

На Каменномъ островѣ: 10. Шведскія батареи 1705 года.

На Васильевскомъ островѣ: 11. Батарея.—12. Домикъ.—13. Мельница.

На Адмиралтейскомъ островѣ: 14. Адмиралтейство.—15. Дома чиновниковъ и служителей морского вѣдомства.—16. Дома иностранцевъ.—Лагерь.

При Фонтанкѣ: 18. Деревня Калинкина или Кальюла.—19. Деревня Кемеіоки.—20. Деревня Метилле.—21 и 22. Отдѣльныя избы.

При Большой Невѣ: 23. Отдѣльные домики.—24. Крѣпость Ніеншанцъ.—25. Батареи.—26. Развалины шведскихъ укрѣпленій.—27—29. Рыбачьи домики.—30. Объѣзжій домъ таможенныхъ надсмотрщиковъ.

доставилъ царю возможность завладѣть какимъ-либо портомъ Балтійскаго моря; лишь только царь будетъ обладать такимъ портомъ, то вскорѣ построитъ столько кораблей, что, въ непродолжительномъ времени, одни только подданные его и французскаго короля будутъ производить торговлю въ Балтійскомъ морѣ, другіе же народы будутъ устранены и пр.

Также и съ Паткулемъ, около этого времени вступившимъ въ русскую службу, дю-Геронъ имѣлъ свиданія, при которыхъ Паткуль заявилъ, что царь желаетъ заручиться дружбою короля Людовика XIV, что Россія могла бы доставить Франціи казаковъ для того, чтобы произвести диверсію со стороны Трансильваніи въ борьбѣ Людовика XIV съ Австріею, что царь, въ случаѣ революціи въ Польшѣ, готовъ содѣйствовать возведенію на польскій престолъ принца французскаго дома и т. п. Далѣе, Паткуль говорилъ, что царь весьма недоволенъ королемъ Августомъ, императоромъ, англичанами и голландцами, что онъ теперь лучше узналъ курфиста бранденбургскаго и сталъ о немъ совершенно другого мнѣнія и пр.

Людовикъ XIV, желая воспользоваться такимъ расположеніемъ царя, рѣшилъ отправить въ Москву дипломата Балюза, въ концѣ 1702 года [1]). Въ инструкціи Балюзу было вмѣнено въ обязанность возбуждать всѣми средствами гнѣвъ царя противъ императора, бранденбургскаго курфиста, англичанъ и голландцевъ [2]).

Пребываніе Балюза въ Москвѣ сильно не понравилось въ особенности голландцамъ, предложившимъ посредничество между Швеціею и Россіею именно съ цѣлью ослабить подозрѣваемое французское вліяніе въ Россіи. Витзенъ прямо говорилъ Матвееву, что напрасно царь держитъ французскаго резидента въ Москвѣ; это шпіонъ, который доноситъ обо всемъ не только своему двору, но и шведскому» [3]). Также и Австріи сильно не понравилось появленіе Балюза въ Москвѣ, и Плейеръ не безъ удовольствія доносилъ императору, что Балюзъ играетъ тамъ весьма скромную роль, что о немъ никто не заботится и что онъ не можетъ имѣть никакого успѣха.

И дѣйствительно, Балюзъ не имѣлъ успѣха. Переговоры его съ Головинымъ не повели къ заключенію союза. Въ самыхъ лишь общихъ выраженіяхъ говорилось о желаніи короля сблизиться съ

---

[1]) Сб. И. Общ. XXXIV. Предисловіе стр. IV—IX.
[2]) Тамъ-же, XXXIV, 411.
[3]) Соловьевъ, XV, 64.

Петромъ. Оказалось, что Людовикъ XIV не столько имѣлъ въ виду принять на себя какія либо обязательства, сколько помѣшать доброму согласію между Петромъ и тѣми державами, съ которыми въ то время воевала Франція [1]).

Одновременно съ пребываніемъ Балюза въ Москвѣ, въ Парижѣ, съ 1703 года, жилъ дворянинъ Постниковъ безъ посланническаго

Князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ.
Съ портрета, принадлежащаго князю В. А. Меншикову.

характера. Черезъ него въ Россіи узнали, что французскій дворъ «ласковую приклонность оказуетъ шведамъ». Не мудрено поэтому, что Головинъ объявилъ въ Москвѣ Балюзу: «если царскому величеству вступить въ безполезный себѣ какой союзъ съ Франціею, то безславіе себѣ только учинитъ и старыхъ союзниковъ потеряетъ, а утаить этого будетъ нельзя». Балюзъ, въ мартѣ 1704 года, вы-

[1]) Сб. Ист. Общ. XXXIV. Предисловіе, XV и 23—33.

ѣхалъ изъ Москвы. Вскорѣ узнали, что французскіе каперы схватили русскій корабль «Св. Андрей Первозванный»; для улаженія этого дѣла пріѣхалъ въ Парижъ, также безъ характера, Матвеевъ. Пріемъ, оказанный русскому дипломату, не былъ особенно ласковымъ. Французы изъявили неудовольствіе на безуспѣшное пребываніе Балюза въ Москвѣ и жаловались на нерасположеніе Петра къ Франціи. «Шведъ здѣсь въ почитаніи многомъ и дѣла его», доносилъ Матвеевъ изъ Парижа. Въ выдачѣ русскаго корабля ему отказали. «Дружба здѣшняя, чрезъ сладость комплиментовъ своихъ безполезная, въ прибыльномъ дѣлѣ малой случай намъ

Иванъ Степановичъ Мазепа.
Съ портрета, принадлежащаго Академіи Художествъ.

кажетъ... житье мое здѣсь безъ всякаго дѣла; считаютъ меня болѣе за провѣдывальщика, чѣмъ за министра». Съ обѣщаніемъ готовности Франціи въ будущемъ, послѣ окончанія войны, заключить торговый договоръ съ Россіею, Матвеевъ, въ октябрѣ 1706 года, выѣхалъ изъ Парижа [1]).

На Польшу во все это время была плохая надежда. Не даромъ русскій посланникъ постоянно жаловался и на короля Ав-

[1]) Соловьевъ, XV, 67—74. Сб. И. О. XXXIV, 37—47.

густа, и на его министровъ, отличавшихся недобросовѣстностью, легкомысліемъ, расточительностью. Къ тому же, саксонско-польскія войска дѣйствовали неуспѣшно и были разбиты шведами при Клиссовѣ (19-го іюля 1702 года). Скоро послѣ этого, Карлъ XII занялъ Краковъ. Началось отступленіе Августа, которое повело къ заключенію Альтранштетскаго мира. Долгорукій жаловался, что въ Польшѣ нѣтъ денегъ для продолженія войны, но что Августъ тратилъ большія суммы на польскихъ дамъ, своихъ метрессъ, на оперы и комедіи; далѣе Долгорукій доносилъ, что многіе въ Польшѣ держатъ «факцыю непріятельскую», что разныя лица за деньги служатъ шведскимъ интересамъ и что «въ самой высокой персонѣ крѣпости немного». «Богъ знаетъ», писалъ онъ между прочимъ, «какъ можетъ стоять польская республика; вся отъ непріятеля и отъ междоусобной войны разорена въ конецъ, и, кромѣ факцій себѣ на зло, инаго дѣлать ничего на пользу не хотятъ. Только бы какъ ни есть ихъ удерживать отъ стороны непріятельской, а намъ вспоможенія отъ нихъ я никакого не чаю» и пр. О полякахъ онъ писалъ далѣе: «они не такъ озлоблены на непріятеля, какъ давнюю злобу имѣютъ къ нашему народу, только явно за скудостью и несогласіемъ не смѣютъ. Хотятъ они на коней сѣсть, только еще у нихъ стременъ нѣтъ, не почему взлѣзть. Какъ бестіи безъ разуму ходятъ, не знаютъ, что надъ ними будетъ» [1]).

Неурядица въ Польшѣ повела къ важной перемѣнѣ. Король Августъ долженъ былъ удалиться въ Саксонію. Станиславъ Лещинскій сдѣлался королемъ.

Петръ былъ доволенъ, что, по его выраженію, «шведъ увязъ въ Польшѣ». Тѣмъ успѣшнѣе онъ могъ дѣйствовать въ Лифляндіи и Ингерманландіи. Паткуль употреблялъ всѣ средства склонить царя къ отправленію войскъ въ Польшу, однако Петръ оставался вѣрнымъ своимъ предначертаніямъ занять берега моря и не обращалъ вниманія на увѣщанія Паткуля.

Отношенія Россіи къ Австріи въ это время оставались холодными. Немедленно послѣ Нарвской битвы, возникла мысль обратиться къ цесарю съ просьбою о посредничествѣ для окончанія войны со Швеціею [2]). Однако, во время пребыванія русскаго посла, Голицына, въ Вѣнѣ, онъ имѣлъ поводы къ разнымъ жалобамъ на цесарцевъ. Московское государство, послѣ Нарвскаго сраженія, въ Вѣнѣ не пользовалось никакимъ вниманіемъ; къ тому же

---

[1]) Соловьевъ, XV, 11—14.
[2]) Устряловъ, IV, 2, 15.

въ это время въ Вѣнѣ появилось сочиненіе Корба о Россіи, возбудившее негодованіе русскихъ, такъ какъ въ этой книгѣ, «Diarium itineris in Moscoviam», порядки Московскаго государства, образъ дѣйствій царя, нравы народа—были выставлены въ весьма невыгодномъ свѣтѣ. «На насъ смотрятъ теперь, какъ на варваровъ», писалъ Голицынъ Головину. Въ Россіи считали, впрочемъ, безъ основанія, императорскаго посла, Гваріента, авторомъ этой книги. Головинъ потребовалъ отъ вѣнскаго двора воспретить ея продажу и не дозволять новаго изданія. Съ тѣхъ поръ дневникъ Корба сдѣлался библіографическою рѣдкостью [1]).

Положеніе Голицына въ Вѣнѣ было печально: дворъ былъ занятъ испанскими дѣлами и боялся шведскаго короля, который, какъ доносилъ Голицынъ, посредствомъ подкупа дѣйствовалъ на имперскихъ министровъ. Въ концѣ лѣта 1702 года, явился въ Вѣну Паткуль, представлявшій, какъ опасны для Австріи шведская дружба и приращеніе шведскаго могущества, и предлагавшій заключеніе союза между Россіею и Австріею. Кауницъ объявилъ на это, что союзъ невозможенъ. Паткуль узналъ отъ министровъ, датскаго и бранденбургскаго, что англійскій и голландскій министры, также ганноверскій дворъ, стараются всѣми силами помѣшать сближенію Австріи съ Россіею и во всѣхъ разговорахъ съ императорскими министрами выставляютъ имъ на видъ, какъ опасно увеличеніе могущества царя и какъ искренно расположенъ Карлъ XII къ Австріи. Натянутыя отношенія между императоромъ и бранденбургскимъ курфирстомъ также затрудняли дѣйствія Паткуля въ Вѣнѣ. Такимъ образомъ, Паткуль, не достигнувъ цѣли, уѣхалъ изъ Вѣны, а Голицынъ не переставалъ жаловаться на неловкость своего положенія, на алчность князя Кауница и на нерасположеніе императорскаго двора къ Россіи вообще [2]).

И Англія не обнаруживала склонности къ сближенію съ Россіею. Въ 1705 году, въ Москву пріѣхалъ чрезвычайный англійскій посланникъ Уйтуортъ для исходатайствованія торговыхъ выгодъ, заговорилъ было и о посредничествѣ, но тотчасъ же прибавилъ, что, повидимому, у шведскаго короля нѣтъ никакой склонности къ миру и поэтому онъ не можетъ ничего предложить царскому величеству.

Въ концѣ 1706 года, въ Англію былъ отправленъ Матвеевъ, для предложенія союза. Ему поручили объявить, что царь готовъ

---

[1]) Устряловъ, I, LXIV.

[2]) Соловьевъ, XV, 43—51. Донесеніе Паткуля у Устрялова, IV, 2, 251 и слѣд.

послать войска свои, куда англичанамъ будетъ нужно, доставить матеріалъ на ихъ флотъ и пр. Посолъ долженъ былъ объявить, какъ выгодно будетъ для англичанъ, когда Россія получитъ удобныя пристани на Балтійскомъ морѣ; русскіе товары будутъ безопасно, скоро, нѣсколько разъ въ годъ перевозиться въ Англію, не такъ какъ теперь изъ Архангельска; русскіе товары станутъ дешевле, потому что балтійскія пристани ближе отъ Москвы и другихъ значительнѣйшихъ городовъ, и водяной путь къ нимъ удобный. Петръ изъявилъ готовность обѣщать англичанамъ, что не будетъ содержать сильнаго флота на Балтійскомъ морѣ, но по-

Изображеніе гетмана Мазепы,
находящееся на аллегорической гравюрѣ дьякона Мишуры, 1706 года.

ручилъ Матвееву «о числѣ кораблей еще прежде времени не давать знать».

Въ какой мѣрѣ Петръ цѣнилъ значеніе посредничества иностранныхъ державъ, видно изъ слѣдующихъ обстоятельствъ.

Когда Петръ черезъ барона Гюйсена узналъ, что герцогъ Марльборо былъ готовъ содѣйствовать видамъ царя, если ему дано будетъ княжество въ Россіи, онъ отвѣчалъ: «обѣщать ему изъ трехъ, которое похочетъ—Кіевское, Владимірское или Сибирское, и ежели онъ учинитъ добрый миръ, то съ онаго княжества по вся годы жизни ему непремѣнно дано будетъ по 50,000 ефимковъ, також камень-рубинъ, какого или нѣтъ, или зѣло мало такого величества въ Европѣ, также и орденъ св. Андрея присланъ будетъ».

Однако, всѣ эти старанія не повели къ желанной цѣли. Матвеевъ писалъ изъ Лондона: «здѣшнее министерство въ тонкостяхъ и пронырствахъ субтильнѣе самихъ французовъ: отъ словъ гладкихъ и безплодныхъ происходитъ одна трата времени для насъ». Когда Матвеевъ рѣшился просить герцога Марльборо, чтобъ онъ, какъ честный человѣкъ, сказалъ прямо, безъ сладкихъ обѣщаній, можетъ-ли царь чего-нибудь надѣяться или нѣтъ, герцогъ разсыпался въ обнадеживаніяхъ и обѣщаніяхъ всякаго рода, но все это не заключало въ себѣ никакихъ положительныхъ результатовъ.

Малороссійскій полковникъ Петровскаго времени.

Съ рисунка, находящагося въ „Описаніи одеждъ и вооруженія русскаго войска".

Попытка склонить Голландію къ посредничеству также осталась тщетною. Въ январѣ 1706 года, передъ отъѣздомъ своимъ къ войскамъ въ Бѣлоруссію, царь, будучи у голландскаго резидента фанъ-деръ-Гульста, сказалъ ему: «эта война мнѣ тяжка, не потому, чтобъ я боялся шведовъ, но по причинѣ такого сильнаго пролитія крови христіанской; если, благодаря посредничеству Штатовъ и высокихъ союзниковъ, король шведскій склонится къ миру, то я отдамъ въ распоряженіе союзниковъ противъ общаго врага (Франціи) тридцать тысячъ моего лучшаго войска». И на

это предложеніе, какъ на всѣ подобныя, дѣлавшіяся прежде, Голландія отмолчалась [1]).

Послѣ отступленія короля Августа и заключенія Альтранштетскаго мира, царь предложилъ польскую корону Евгенію Савойскому. Баронъ Гюйсенъ писалъ объ этомъ предметѣ герцогу, находившемуся въ Миланѣ. Начались переговоры. Сначала и самъ герцогъ, и императоръ казались склонными къ принятію предложенія царя, однако рѣшеніе дѣла затянулось, и вопросъ этотъ оставался открытымъ [2]).

Каковы были отношенія къ Пруссіи, видно изъ слѣдующаго отрывка изъ письма Головкина къ отправленному въ Берлинъ Измайлову: «что же изволишь упоминать о обѣщаніи министрамъ денегъ и совѣтуешь, дабы г. графа Вартенберга чѣмъ удовольствовать, то изволь ему, если что онъ учинитъ у своего короля къ пользѣ его царскаго величества, обѣщать знатное число суммы— до ста тысячъ ефимковъ». Однако и это не помогало [3]).

Данію также тщетно старались увлечь снова въ войну противъ Швеціи, предлагая Дерптъ и Нарву. Въ Копенгагенѣ опасались перевѣса Голландіи и Англіи и Карла XII, и потому уклонялись отъ возобновленія наступательнаго союза съ Россіею [4]).

Весною 1707 года, чрезъ французскаго посла при Рагоци, Дезаллёра, сдѣлано было предложеніе Людовику XIV быть посредникомъ при заключеніи мира между Россіею и Швеціею на томъ условіи, чтобъ Петербургъ оставался въ рукахъ Россіи, за что Петръ обѣщалъ Людовику свои войска, которыя король могъ употребить по своему желанію. Переговоры начались, но Карлъ XII отвѣчалъ, что согласится на миръ только тогда, когда царь возвратитъ все завоеванное безъ исключенія и вознаградитъ за военныя издержки, что онъ, Карлъ, скорѣе пожертвуетъ послѣднимъ жителемъ своего государства, чѣмъ согласится оставить Петербургъ въ рукахъ царскихъ [5]).

Уступчивость Петра не могла не имѣть предѣловъ. Въ одномъ изъ наказовъ, писанныхъ имъ въ это время для русскихъ дипломатовъ, было сказано: «по самой нуждѣ, и Нарву шведу усту-

---

[1]) Соловьевъ, XV, 211.

[2]) Тамъ-же, XV, 218. Герье, Лейбницъ, 48. Arneth, «Eugen von Savoyen I», 420. Впрочемъ была рѣчь и о Меншиковѣ, какъ о кандидатѣ на польскій престолъ, см. донесеніе Плейера отъ 26-го января 1707 года въ соч. Ноордена, «Europ. Gesch. d. 18. Jahrh.», I, 568.

[3]) Тамъ-же, XV, 219.

[4]) Тамъ-же, XV, 219, 352—353.

[5]) Тамъ-же, XV, 217.

Факсимиле письма Петра I къ Татищеву.

Her

Какъ вамъ сіе письмо дойдетъ тогда пришлите корабельнаго плотника Волмера не мѣшкавъ сюда также чтобъ три шмака которые побольше сдѣланы не отложно конечно отъ сего числа въ 8 или 9 дней на водѣ бъ были и мачты поставлены чтобъ въ концѣ сего мѣсяца вышли совсѣмъ на озеро конечно учинить по сему.

Съ Олонецкой верфи. Piter.

Августа въ 12 день 1703

пить, а о Петербурхѣ всѣми мѣрами искать удержать за что нибудь, а о отдачѣ онаго ниже въ мысляхъ не имѣть» [1]).

Таково было положеніе Россіи, когда былъ заключенъ Альтранштетскій миръ. Петръ лишился на время своего союзника, Августа, оказавшаго царю существенную услугу отвлеченіемъ вниманія короля шведскаго отъ Россіи. Въ то время, когда Карлъ «увязъ въ Польшѣ» и даже отправился въ Саксонію, Петръ успѣлъ утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря. Дальнѣйшій успѣхъ Россіи однако могъ подлежать сомнѣнію. Россія не пользовалась уваженіемъ въ Европѣ, на нее смотрѣли свысока; доказательствомъ тому служили: холодное обращеніе съ русскими дипломатами въ западной Европѣ, невниманіе къ предложеніямъ Петра, казнь Паткуля, находившагося въ русской службѣ. Для того, чтобы пріобрѣсти значеніе и вѣсъ въ Европѣ, для обезпеченія будущности Петербурга, было необходимо продолженіе войны, одержаніе побѣды надъ шведами.

Военныя дѣйствія до Полтавской битвы.

До 1705 года главною заботою Петра было: стать твердою ногою на берегахъ Балтійскаго моря. Самъ онъ участвовалъ при завоеваніи устьевъ Невы, при занятіи Дерпта и Нарвы. Веденіе войны въ Польшѣ онъ предоставилъ другимъ. Затѣмъ, однако, онъ долженъ былъ обратить особенное вниманіе на польскія дѣла, и, въ апрѣлѣ 1705 года, отправился въ Полоцкъ, гдѣ находилось русское войско въ числѣ 60,000 человѣкъ.

Это войско онъ раздѣлилъ на двѣ части подъ начальствомъ двухъ фельдмаршаловъ, Шереметева и Огильви. Полководцы не ладили между собою. Довольно часто иностранцы, вступившіе въ русскую службу, жаловались на худое состояніе войска, на недостаточное вооруженіе, на плохую военную администрацію [2]).

Были непріятности и другого рода. Въ Полоцкѣ Петръ, при посѣщеніи одного монастыря, имѣлъ столкновеніе съ уніатами. Какое-то неосторожное выраженіе одного изъ нихъ возбудило гнѣвъ царя. Онъ велѣлъ арестовать нѣкоторыхъ монаховъ, причемъ про-

[1]) См. мою статью «Россія и Европа при Петрѣ I» въ «Истор. Вѣстникѣ» 1880 г., т. II, 414—417.

[2]) Соловьевъ, XV, 172 и слѣд.

*

изошли убійства. Одного монаха повѣсили. Въ кругахъ католиковъ разнеслись слухи о страшной жестокости, съ которою царь, будто, поступилъ при этомъ случаѣ [1]).

Царь, опасаясь перевѣса шведовъ, предписалъ своимъ фельдмаршаламъ избѣгать сраженій. Однако, Шереметевъ, несмотря на увѣщанія царя, вступилъ въ битву и былъ разбитъ на голову при мызѣ Гемеуертсгофѣ, въ Курляндіи, 15-го іюля 1705 года. Петръ самъ въ сдѣланныхъ имъ поправкахъ къ «Гисторіи Свейской войны» объяснялъ «сію потерку» такимъ образомъ, что фельдмаршалъ съ кавалеріею напалъ на непріятеля, не дождавшись прибытія пушекъ и пѣхоты, и что послѣ перваго удачнаго натиска на непріятеля, русскіе начали грабить шведскій обозъ. Петръ при этомъ случаѣ жаловался на «старый обычай и на недостатокъ въ дисциплинѣ». Въ то же время, однако, онъ писалъ Шереметеву: «не извольте о бывшемъ несчастіи печальны быть (понеже всегдашняя удача много людей ввела въ пагубу), но забывать и паче людей ободрять» [2]). Очевидно, русскіе сражались хотя и не удачно, но храбро, а къ тому же немедленно послѣ битвы они успѣли вступить въ Митаву, такъ что вскорѣ могла быть занята вся Курляндія. Царь сильно сожалѣлъ о томъ, что ему, благодаря недостатку въ артиллеріи, не удалось отрѣзать Левенгаупта отъ Риги, куда отступали шведы. Изъ Митавы Петръ писалъ князю Ромодановскому: «покореніе Митавы великой важности: понеже непріятель отъ Лифляндъ уже весьма отрѣзанъ, и намъ далѣе въ Польшу походъ безопасенъ» [3]).

При всемъ этомъ, Петръ считалъ свое положеніе труднымъ. Ему очень хорошо было извѣстно, что полководцы Огильви и Шереметевъ не отличались особенною опытностью или знаніемъ дѣла. Къ тому же соперничество между Огильви и Меншиковымъ могло также повредить ходу военныхъ дѣйствій. Каждую минуту можно было ожидать, что Карлъ XII, находившійся въ то время въ Варшавѣ и заставившій поляковъ признать Станислава Лещинскаго королемъ, обратитъ свое оружіе противъ русскихъ. Въ октябрѣ 1705 года, Петръ въ Гродно видѣлся съ королемъ Августомъ, которому онъ поручилъ высшее начальство надъ арміями Шереметева и Огильви. Затѣмъ онъ отправился въ Москву, гдѣ, зимою, получилъ извѣстіе о приближеніи Карла XII къ Гродно. Петръ

---

[1]) См. соч. Устрялова, IV, 1, 369—373 и 2, 337 и 656. Theiner, «Monuments historiques», 412.

[2]) Соловьевъ, XV, 170.

[3]) Устряловъ, IV, 1, 382.

былъ сильно встревоженъ этою вѣстью. «Лучше здоровое отступленіе», писалъ онъ, «нежели отчаемое и безъизвѣстное ожиданіе». Далѣе онъ совѣтовалъ, въ случаѣ опасности, сжечь магазины, пушки бросить въ Нѣманъ «и лучше заботиться о цѣлости всѐго войска, нежели о семъ маломъ убыткѣ».

И въ главной квартирѣ, въ Гродно, господствовало сильное смущеніе, при вѣсти о приближеніи шведскаго короля: мнѣнія о мѣрахъ къ отраженію непріятеля расходились. Къ счастью, недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ принудилъ короля къ отступленію.

Малороссійскій казакъ Петровскаго времени.

Съ рисунка, находящагося въ „Описаніи одеждъ и вооруженія русскихъ войскъ“.

Между тѣмъ Петръ самъ спѣшилъ въ Гродно. На пути туда, онъ, изъ Смоленска, писалъ Головину въ самомъ печальномъ состояніи духа: «мнѣ, будучи въ семъ адѣ, не точію довольно, но ей и чрезъ мочь мою сей горести. Мы за безсчастьемъ своимъ не могли проѣхать къ войску въ Гродно». Военачальникамъ онъ опять вмѣнилъ въ обязанность дѣйствовать осторожно, отступать, хранить войско въ цѣлости, въ случаѣ крайней опасности, пушки бросить въ воду и пр. [1]). Петра стала мучить мысль, что Карлъ сдѣлаетъ

[1]) Соловьевъ, XV, 186.

нападеніе на Москву. Къ тому же, его сильно встревожила вѣсть о разбитіи саксонскаго генерала Шуленбурга при Фрауштадтѣ. Нѣсколько русскихъ полковъ, находившихся при саксонскомъ войскѣ, были уничтожены. Въ раздраженіи царь говорилъ объ измѣнѣ и вновь совѣтовалъ избѣгать сраженія. Особенно подробно онъ указывалъ, какимъ образомъ отступленіе должно быть устроено въ глубочайшей тайнѣ и какія мѣры могутъ быть приняты для спасенія войска [1]).

Такъ какъ Огильви не соглашался съ царемъ въ необходимости отступленія, то Петръ, послѣ подробныхъ объясненій съ фельдмаршаломъ, поручилъ главное начальство Меншикову, который въ это время уже пользовался совершеннымъ довѣріемъ государя. Во все это время Петръ оставался въ мрачномъ состояніи духа и развеселился не раньше, какъ весною 1706 года, когда могъ отправиться въ Петербургъ.

Отступленіе русскихъ совершилось благополучно. Карлъ не могъ преслѣдовать ихъ и отправился въ Саксонію. Тогда Петръ поспѣшилъ въ Кіевъ, гдѣ, лѣтомъ 1706 года, заложилъ крѣпость у Печерскаго монастыря. Отсюда онъ отправился въ Финляндію, гдѣ, впрочемъ, попытка осаждать Выборгъ оказалась безуспѣшною, такъ что Петръ вскорѣ возвратился въ Петербургъ. Тѣмъ временемъ Меншикову удалось разбить шведовъ при Калишѣ (18-го октября 1706 года). Король Августъ, несмотря на то, что въ это время уже были постановлены условія мира, заключеннаго нѣсколько позже въ Альтранштетѣ, участвовалъ въ этомъ сраженіи. Меншиковъ писалъ царю: «такая была баталія, что радостно было смотрѣть, какъ съ обѣихъ сторонъ регулярно бились, и зѣло чудесно видѣть, какъ все поле устлано мертвыми тѣлами! Поздравляю васъ преславною викторіею и глаголю: виватъ! виватъ! виватъ! дай Боже и впередъ вашему оружію такое счастіе»! Петръ въ Петербургѣ три дня праздновалъ побѣду, а Шафировъ доносилъ ему изъ Москвы, что «иноземные посланники въ превеликомъ удивленіи», прибавляя: «вчера я угощалъ ихъ обѣдомъ: такъ были веселы и шумны, или, промолвя, пьяны, что и теперь рука дрожитъ. Посланники англійскій и датскій думаютъ, что эта побѣда дастъ иной оборотъ дѣламъ: говорятъ, что смѣлѣе станутъ поступать противъ шведа, потерпѣвшаго такой уронъ, какого еще никогда не было. Прусскій также радостенъ, особливо потому, что оправдались слова его королю: русскіе имѣютъ уже изрядное войско

[1]) Соловьевъ, XV, 191.

и безъ дѣла не будутъ» и пр. [1]). И изъ донесенія Плейера къ императору видно, что это событіе произвело глубокое впечатлѣніе на современниковъ [2]).

Скоро послѣ этого, была получена непріятная вѣсть о заключеніи Альтранштетскаго мира, объ успѣхахъ шведскаго оружія въ Саксоніи. Августъ долженъ былъ отказаться отъ польской короны и отъ союза съ Петромъ. Василія Лукича Долгорукаго, однако, онъ увѣрялъ, что заключилъ миръ видимый, чтобы спасти Саксонію отъ разоренія, а какъ только Карлъ выйдетъ изъ его владѣній, такъ онъ тотчасъ нарушитъ этотъ миръ и заключитъ опять союзъ съ царемъ. Въ Москвѣ господствовало сильное негодованіе на Августа. Плейеръ писалъ, что при извѣстіи объ Альтранштетскомъ мирѣ всѣ упали духомъ, что раздраженіе противъ нѣмцевъ грозитъ государству и обществу страшною опасностью, что можно ожидать кровопролитія и пр. [3]).

Въ Саксоніи находилось довольно значительное количество русскихъ войскъ. Спрашивалось: какая постигнетъ ихъ судьба послѣ заключенія мира между Августомъ и Карломъ? Въ тѣсной связи съ этимъ вопросомъ состояла катастрофа Паткуля. Въ качествѣ русскаго дипломата, онъ старался дѣйствовать въ интересахъ Петра. При рѣшеніи вопроса о русскомъ войскѣ въ Саксоніи, обнаружилась сильная ненависть между саксонскими и польскими государственными людьми. Петръ нуждался въ этихъ войскахъ для веденія войны въ Польшѣ. Для достиженія желанной цѣли, переведенія русскихъ войскъ въ Польшу, Паткуль заключилъ съ имперскимъ посланникомъ въ Дрезденѣ договоръ, въ силу котораго русскія войска, находившіяся въ Саксоніи, на одинъ годъ вступили въ службу императора. Разногласіе между саксонскими министрами и Паткулемъ при этомъ случаѣ повело къ арестованію послѣдняго. Русское правительство протестовало противъ задержанія Паткуля, однако, царь не былъ въ состояніи спасти его. Паткуля передали шведскимъ комиссарамъ; его повезли въ калишское воеводство, въ мѣстечко Казимержъ, и отдали подъ судъ. Въ октябрѣ 1707 года его колесовали.

Въ это время Петръ принималъ мѣры, готовясь къ рѣшительной встрѣчѣ со шведскимъ войскомъ. Онъ понималъ, что система отступленія, въ концѣ концовъ, окажется невозможною, что ранѣе или позже нужно будетъ рѣшиться на отважную битву.

---

[1]) Устряловъ, IV, 1, 528.
[2]) Тамъ-же, IV, 2, 659—666.
[3]) Тамъ-же, IV, 2, 660.

Въ декабрѣ 1706 года, онъ вмѣстѣ съ Шереметевымъ, Меншиковымъ, Долгорукимъ и Головкинымъ находился въ Жолквѣ. При переговорахъ съ поляками, недовольными торжествомъ Карла надъ Августомъ, снова была высказана мысль объ уступкѣ Малороссіи Польшѣ. Приходилось дѣйствовать подкупомъ на нѣкоторыхъ польскихъ вельможъ для устраненія этой мысли. Далѣе, нужно было заботиться о возстановленіи нѣкотораго порядка въ Польшѣ, служившей театромъ войны впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и страшно пострадавшей отъ насилія шведскихъ, саксонскихъ, русскихъ и собственныхъ войскъ. При ничтожности авторитета короля Станислава Лещинскаго, распоряженіе польскими дѣлами было

Леонтій Васильевичъ Кочубей.
Съ портрета, принадлежащаго княгинѣ Е. П. Кочубей.

предоставлено большею частью царю. Особенно важныя услуги оказывалъ въ это время Петру опытный дѣлецъ, Емельянъ Украинцевъ, которому Малороссія и Польша были хорошо знакомы съ раннихъ лѣтъ и который теперь ловко и успѣшно поддерживалъ сношенія съ вліятельными вельможами, велъ переговоры о субсидіяхъ и пр.

Изъ писемъ царя къ разнымъ лицамъ видно, что онъ считалъ свое положеніе чрезвычайно опаснымъ. Одно изъ этихъ писемъ под-

писано: «печали исполненный Петръ». Старанія его побудить или принца Евгенія Савойскаго, или Якова Собѣсскаго, или Семиградскаго князя Рагоци, къ принятію изъ царскихъ рукъ польской короны для того, чтобы имѣть послѣ Августа новаго союзника, остались тщетными.

Каждую минуту можно было ожидать возвращенія Карла XII въ Польшу. На этотъ случай Петръ принималъ разныя мѣры, давалъ приказанія, причемъ, однако, въ странѣ, гдѣ, по его выраженію, всѣ дѣла шли «какъ молодая брага», на каждомъ шагу встрѣчалъ затрудненія. Опять онъ, главнымъ образомъ, хотѣлъ пока ограничиваться одною обороною. Въ началѣ 1707 года, онъ писалъ Апраксину: «уже вамъ то подлинно извѣстно, что сія война надъ одними нами осталась: того для ничто такъ надлежитъ хра-

Носилки Карла XII, захваченныя во время Полтавскаго боя.
Съ рисунка, находящагося на современной гравюрѣ.

нить, яко границы, дабы непріятель или силою, а паче лукавымъ обманомъ, не впалъ и внутренняго разоренія не принесъ». Поэтому онъ распорядился, чтобы всюду были спрятаны всѣ съѣстные припасы, чтобы вездѣ населеніе приготовилось къ удаленію въ лѣса и болота, къ уведенію скота и пр. Далѣе, были приняты мѣры для окончанія постройки кіевской крѣпости, для сооруженія шанцевъ у Днѣпра, палисадъ въ разныхъ мѣстахъ и т. п. [1]).

Карлъ XII не спѣшилъ походомъ въ Россію. Была даже одно время надежда, что онъ завязнетъ въ Германіи такъ же, какъ прежде увязъ въ Польшѣ. Но въ августѣ 1707 года, шведское войско двинулось изъ Саксоніи. Оно имѣло отличный видъ, было обмундировано и вооружено, какъ нельзя лучше. Въ головѣ Карла явились самые смѣлые планы: онъ говорилъ, что заключитъ миръ съ Россіею по саксонски; онъ хотѣлъ свергнуть Петра съ пре-

[1]) Соловьевъ, XV, 228—230.

стола и на его мѣсто возвести принца Якова Собѣсскаго! Карлъ надѣялся, что ему много поможетъ существовавшее среди русскихъ неудовольствіе на Петра. Еще въ концѣ 1706 года, онъ сказалъ императорскому посланнику, что скоро хочетъ навѣстить варваровъ въ Москвѣ, а въ осадѣ другихъ городовъ времени терять не будетъ, надѣясь обойдтись и безъ того, потому что въ Москвѣ многіе князья ему преданы.

Въ то же время, однако, баронъ Гюйсенъ писалъ изъ Вѣны, что шведы идутъ нехотя, сами говорятъ, что совсѣмъ отвыкли отъ войны послѣ продолжительнаго покоя и роскошнаго житья въ Саксоніи: поэтому, нѣкоторые предсказываютъ побѣду Петру, если онъ вступитъ съ Карломъ въ битву; другіе говорятъ, что будетъ менѣе славы, но болѣе безопасности, если царь выведетъ свои войска изъ Польши, и будетъ уменьшать силы непріятельскія частными стычками, внезапными наѣздами казацкими и разными военными хитростями.

Петръ, послѣ военнаго совѣта, распорядился, чтобъ въ польскихъ владѣніяхъ отнюдь не вступать съ непріятелемъ въ генеральную баталію, а стараться заманивать его къ своимъ границамъ, вредя ему при всякомъ удобномъ случаѣ, особенно при переправахъ черезъ рѣки [1]).

Нельзя удивляться тому, что Петръ въ это время находился въ нѣкоторомъ волненіи и не вполнѣ надѣялся на успѣхъ. Въ письмахъ его къ разнымъ лицамъ замѣтна раздражительность. Именно въ это время его тревожилъ казацкій бунтъ на Дону, а къ тому же приходилось сражаться съ непріятелемъ, который многими считался непобѣдимымъ.

Четыре мѣсяца Карлъ простоялъ на лѣвомъ берегу Вислы. Шведы обращались съ населеніемъ Польши безчеловѣчно и возбудили противъ себя общую ненависть. Въ самые сильные морозы, въ концѣ декабря 1707 года, наконецъ, шведы двинулись дальше, войско страшно страдало отъ стужи; отовсюду сельское населеніе нападало на шведовъ и убивало многихъ солдатъ. Строгія наказанія за подобные поступки лишь усиливали общее негодованіе.

Сначала можно было ожидать, что Карлъ обратится къ сѣверу. Петръ, находившійся въ началѣ 1708 года въ Гродно, распорядился защитой Пскова и Дерпта. Опять, какъ и въ 1705 году, можно было ожидать столкновенія между русскими и шведскими войсками въ Гродно. Туда дѣйствительно и спѣшилъ Карлъ съ

[1]) Соловьевъ, XV, 231—232.

800 человѣкъ конницы, узнавъ, что царь въ Гродно. 26-го января, онъ безпрепятственно вошелъ въ городъ, два часа спустя послѣ отъѣзда изъ него Петра. Царь снова предпочелъ отступленіе отважному движенію впередъ, принимая разныя мѣры для сохраненія въ цѣлости войскъ. Къ тому же, онъ въ это время былъ боленъ лихорадкою. Удалившись въ свой «парадизъ», Петербургъ, онъ писалъ оттуда Меншикову, съ просьбою не вызывать его къ участію въ военныхъ дѣйствіяхъ безъ крайней необходимости. «А самъ, ваша милость, вѣдаешь», сказано въ этомъ посланіи, «что николи я такъ не писывалъ; но Богъ видитъ, когда мочи нѣтъ, ибо безъ здоровья и силы служить невозможно; но ежелибъ недѣль пять или шесть съ сего времени еще здѣсь побыть и лѣкарства употреблять, то бъ надѣялся, съ помощію Божіею, здоровъ къ вамъ быть. А когда необходимая нужда будетъ мнѣ ѣхать, изволите тогда послать ставить подводы, понеже о времени томъ вы можете лучше вѣдать, нежели здѣсь» [1]).

Такъ какъ Петръ считалъ вѣроятнымъ нападеніе Карла на Москву, то распорядился объ укрѣпленіи нетолько столицы, но и окрестныхъ городовъ, Серпухова, Можайска, Твери. Въ Москвѣ были приняты мѣры для строжайшаго надзора за всѣми жителями, въ особенности за иностранцами; всѣ сословія должны были участвовать въ работахъ надъ укрѣпленіями; всѣмъ приказано быть готовыми или къ бою, или къ немедленному отъѣзду изъ Москвы. Въ столицѣ, въ особенности между людьми, не сочувствовавшими царю, господствовало уныніе. Царевичъ Алексѣй, имѣвшій отъ царя порученіе руководить оборонительными работами Москвы, совѣтовалъ своему духовнику, Якову Игнатьеву, заблаговременно подумать о своей личной безопасности: «будетъ войска наши, при батюшкѣ сущія, его не удержатъ», писалъ царевичъ, «вамъ (жителямъ Москвы) нечѣмъ его удержать; сіе изволь про себя держать, и инымъ не объявлять до времени, и изволь смотрѣть мѣста, куда-бъ выѣхать, когда сіе будетъ» [2]).

Между тѣмъ, Карлъ долженъ былъ бороться съ разными затрудненіями. Вторгаясь въ Россію во время распутицы и разлива рѣкъ, онъ лишь съ величайшимъ трудомъ могъ двигаться дальше, на каждомъ шагу претерпѣвая недостатокъ въ продовольствіи войска. На Березинѣ русскіе, подъ командою Шереметева и Меншикова, берегли переправу и, 5-го іюля, въ мѣстечкѣ Головчинѣ произошла

[1]) Соловьевъ, XV, 273.
[2]) Тамъ-же, XVII, 136.

битва. Русскіе дрались упорно, но должны были отступить. Побѣда дорого стоила шведамъ, хотя и это сраженіе обыкновенно считается доказательствомъ воинскихъ способностей шведскаго короля [1]).

Послѣ битвы при Головчинѣ, русскіе не могли препятствовать занятію Могилева Карломъ. Однако, въ это время въ шведскомъ войскѣ начали ощущать недостатокъ въ военныхъ снарядахъ и припасахъ. Шведы съ нетерпѣніемъ ждали прибытія Левенгаупта изъ Лифляндіи съ обозомъ и артиллеріею. Не дождавшись соединенія съ Левенгауптомъ, Карлъ пошелъ дальше, въ направленіи къ Мстиславлю, и, 29-го августа, встрѣтился съ русскими у мѣстечка Добраго. Самъ царь, прибывшій къ арміи, участвовалъ въ битвѣ. Русскіе и здѣсь были принуждены къ отступленію, однако сражались храбро, такъ что Петръ былъ чрезвычайно доволенъ своимъ войскомъ. Объ исходѣ дѣла царь такъ увѣдомлялъ своихъ: «я, какъ почалъ служить, такого огня и порядочнаго дѣйствія отъ нашихъ солдатъ не слыхалъ и не видалъ (дай Боже и впредь такъ!) и такого еще въ сей войнѣ король шведскій ни отъ кого самъ не видалъ. Боже! не отъими милость свою отъ насъ впередъ» [2]). Въ веселомъ расположеніи духа Петръ писалъ, 31-го августа, Екатеринѣ и Анисьѣ Кирилловнѣ Толстой: «матка и тетка, здравствуйте! Письмо отъ васъ я получилъ, на которое не подивите, что долго не отвѣтствовалъ; понеже предъ очми непрестанно непріятные гости, на которыхъ уже намъ скучило смотрѣть: того ради мы вчерашняго дня резервувались и на правое крыло короля шведскаго съ осмью баталіонами напали и по двочасномъ огню онаго съ помощію Божіею съ поля сбили, знамена и прочая побрали. Правда, что я, какъ сталъ служить, такой игрушки не видалъ; однако, сей танецъ въ очахъ горячаго Карлуса изрядно станцовали; однакожъ, больше всѣхъ попотѣлъ нашъ полкъ» и пр. [3]).

Главный результатъ похода 1708 года заключался въ томъ, что русскіе не допустили Карла XII соединиться съ Левенгауптомъ. Карлъ двинулся въ Украйну съ большими надеждами; онъ разсчитывалъ на союзъ съ малороссійскими казаками и считалъ возможнымъ дѣйствовать за-одно съ крымскимъ ханомъ противъ Россіи.

Левенгауптъ, не успѣвшій соединиться съ королемъ, остался на жертву русскихъ. Двѣ рѣки, Днѣпръ и Сожа, отдѣляли его отъ

[1]) См. соч. шведскаго короля Оскара II «Karl XII, als König, Sieger und Mensch». Нѣм. пер., стр. 59.
[2]) Соловьевъ, XV, 281.
[3]) Письма русскихъ государей, I, 7.

Сраженіе при деревнѣ Лѣсной, въ 1708 году.
Картина профессора Коцебу. Гравюра Клосса въ Штутгартѣ.

главной шведской арміи и между этими рѣками стоялъ царь. Шведы были настигнуты русскими 27-го сентября, недалеко отъ Пропойска, при деревнѣ Лѣсной. 28-го, въ часъ пополудни, начался кровавый бой, и продолжался до вечера. Левенгауптъ былъ разбитъ на-голову и успѣлъ привести къ королю лишь остатокъ своего отряда, и то безъ всякихъ запасовъ. Битва эта произвела глубокое впечатлѣніе и на шведовъ, лишивъ ихъ прежней самоувѣренности. Петръ писалъ въ «Гисторіи Свейской войны»: «сія у насъ побѣда можетъ первою назваться, понеже надъ регулярнымъ войскомъ никогда такой не бывало; къ тому-жъ, еще гораздо меньшимъ числомъ будучи предъ непріятелемъ. И по истинѣ оная виною всѣхъ благополучныхъ послѣдованій Россіи, понеже тутъ первая проба солдатская была и людей, конечно, ободрила, и мать Полтавской баталіи, какъ ободреніемъ людей, такъ и временемъ, ибо по девятимѣсячномъ времени оное младенца счастіе произнесла». 28-го сентября 1711 года, Петръ, находясь въ Карлсбадѣ, въ письмѣ къ Екатеринѣ, вспомнилъ о «начальномъ днѣ нашего добра» [1]),—ясный намекъ на значеніе битвы при Лѣсной.

Мазепа.

Когда царь Алексѣй Михайловичъ, около половины XVII вѣка, еще до окончательнаго рѣшенія малороссійскаго вопроса, совершилъ походъ въ Лифляндію, одержалъ цѣлый рядъ побѣдъ и взялъ нѣсколько городовъ—безпорядки въ Малороссіи,—а именно измѣна гетмана Выговскаго,—лишили его результатовъ удачныхъ дѣйствій въ шведской войнѣ и принудили заключить невыгодный Кардисскій миръ.

То же самое могло случиться и при Петрѣ Великомъ, еслибы разсчетъ Карла XII, надѣявшагося на бунтъ въ Малороссіи, оказался вѣрнымъ.

Во все время царствованія Петра, въ Малороссіи не прекращалось броженіе умовъ. Особенно недовольны были казаки [2]). Со временъ Богдана Хмѣльницкаго, страна находилась въ постоянномъ колебаніи. Населеніе не было расположено въ пользу Московскаго правительства, не желало болѣе тѣсной связи съ Россіею, старалось сохранить во всѣхъ отношеніяхъ прежнюю вольность. Гет-

[1]) Письма русскихъ государей, I, 19.
[2]) Плейеръ у Устрялова, IV, 2, 593.

манъ не всегда охотно подчинялся распоряженіямъ и указамъ центральной власти, и личныя выгоды и политическія убѣжденія гетмана иногда не соотвѣтствовали желаніямъ царя. Къ тому же, не было недостатка въ разныхъ поводахъ къ разладу внутри страны, между различными сословіями, враждебными одна другой партіями. Демократическо-казацкій элементъ, имѣвшій свое средоточіе въ Запорожской Сѣчи, сталкивался съ монархическими и бюрократическими пріемами гетмана; горожане и войско часто враждовали между собою; были люди, мечтавшіе объ обезпеченіи своихъ личныхъ выгодъ союзомъ съ Польшею; другіе желали дѣйствовать за-одно съ крымскимъ ханомъ. Такимъ образомъ, внутри Малороссіи не прекращалась неурядица, иногда доходившая до междоусобія. При такихъ обстоятельствахъ, въ случаѣ какого либо кризиса, какой либо крайней опасности, на Малороссію была плохая надежда. О «шаткости», о «непостоянствѣ» Малороссіи не разъ была рѣчь со времени Богдана Хмѣльницкаго до эпохи Петра. Выговскій, на котораго надѣялось Московское правительство, измѣнилъ ему. Самойловичъ, бывшій сторонникомъ Москвы, былъ лишенъ гетманства и, какъ кажется, безъ основанія, считался измѣнникомъ. Мазепа долгое время казался вполнѣ добросовѣстнымъ представителемъ царскихъ интересовъ; измѣна его могла дорого обойдтись московскому правительству.

Положеніе гетмана во время Сѣверной войны было чрезвычайно тяжело. Въ Малороссіи не прекращался ропотъ на постоянныя жертвы, требуемыя войною. Каждую минуту въ Малороссіи можно было ожидать бунта.

Мазепа не могъ не задать себѣ вопроса: на чьей сторонѣ бо̀льшая вѣроятность побѣды? Отъ рѣшенія этого вопроса зависѣлъ образъ дѣйствій гетмана. Предположеніе, что не Петръ, а Карлъ останется въ выигрышѣ, заставило Мазепу измѣнить Россіи. Въ этомъ взглядѣ умнаго, опытнаго, дѣйствовавшаго не по какому либо минутному увлеченію, а по холодному разсчету гетмана заключается самое ясное доказательство страшной опасности, въ которой находился Петръ. Мазепа ошибался: будущность принадлежала не Карлу, а Петру. Если бы Полтавская битва кончилась побѣдою шведскаго короля, образъ дѣйствій Мазепы считался бы героическимъ подвигомъ, цѣлесообразнымъ средствомъ освобожденія Малороссіи отъ московскаго ига, поступкомъ, свидѣтельствовавшимъ о политическихъ способностяхъ гетмана. Въ нравственномъ отношеніи его образъ дѣйствій нисколько не отличался отъ образа дѣйствій молдавскаго господаря Кантемира, двумя годами позже за-

ключившаго такую же сдѣлку съ Петромъ, какую заключилъ Мазепа съ Карломъ XII. Мазепа окончилъ свою карьеру сообразно съ общимъ ея характеромъ. Бывши рабомъ Польши, подданнымъ султана, вассаломъ царя, онъ, соединившись съ шведскимъ королемъ противъ Россіи, мечталъ о самостоятельности. Въ ту самую эпоху, когда развитіе понятія о великихъ державахъ уничтожало возможность дальнѣйшаго существованія множества мелкихъ государствъ, гетманъ надѣялся напрасно спасти какую нибудь самостоятельность для Малороссіи. Подобно тому, какъ Паткуль обманулся въ подобныхъ же разсчетахъ относительно Лифляндіи, и Мазепа жестоко ошибался въ отношеніи къ Малороссіи. Промахъ, сдѣланный гетманомъ при оцѣнкѣ силъ и средствъ, которыми располагали Карлъ и Петръ, не заслуживаетъ упрека. Никто не могъ въ то время предвидѣть исхода Полтавской битвы.

По мнѣнію многихъ, уже гораздо раньше нельзя было вполнѣ надѣяться на Мазепу. При агитаціи польскихъ эмиссаровъ, постоянно находившихся въ Малороссіи, при тайныхъ сношеніяхъ малороссіянъ съ крымскимъ ханомъ, Мазепа не разъ уже оказался болѣе или менѣе компрометированнымъ. Однако, иногда онъ дѣйствовалъ весьма рѣшительно противъ недоброжелателей Москвы, доносилъ на нихъ властямъ, выдавалъ тѣхъ, которые дѣлали ему преступныя предложенія, и вообще показывалъ видъ безусловной преданности царю.

Въ 1705 году, когда Мазепа стоялъ лагеремъ подъ Замостьемъ; къ нему явился какой-то Францишекъ Вольскій съ тайными предложеніями отъ короля Станислава Лещинскаго. Мазепа велѣлъ арестовать и пытать Вольскаго, а прелестныя письма Станислава отослалъ къ царю, которому при этомъ доносилъ: «уже то на гетманскомъ моемъ урядѣ четвертое на меня искушеніе, не такъ отъ діавола, какъ отъ враждебныхъ недоброхотовъ, ненавидящихъ вашему величеству добра, покушающихся своими злохитрыми прелестями искусить мою неизмѣнную къ вашему величеству подданскую вѣрность... Первое отъ покойнаго короля польскаго, Яна Собѣсскаго... второе отъ хана крымскаго... третье отъ донцовъ раскольниковъ... а теперь четвертое искушеніе отъ короля шведскаго и отъ псевдо-короля польскаго, Лещинскаго... И я, гетманъ и вѣрный вашего царскаго величества подданный, по должности и обѣщанію моему, на божественномъ евангеліи утвержденному, какъ отцу и брату вашему служилъ, такъ нынѣ и вамъ истинно работаю, и какъ до сего времени во всѣхъ искушеніяхъ, аки столпъ непоколебимый и аки адамантъ несокрушимый пребывалъ, такъ и

сію мою малую службишку повергаю подъ монаршескія стопы». Немного позже, однако, бесѣдуя съ нѣкоторыми представителями партіи недовольныхъ, Мазепа говорилъ: «какого же намъ добра впредь надѣяться за наши вѣрныя службы? другой бы на моемъ мѣстѣ не былъ такимъ дуракомъ, что по сіе время не приклонился къ противной сторонѣ на такія пропозиціи, какія присылалъ мнѣ Станиславъ Лещинскій».

Затѣмъ, Мазепа завязалъ сношенія съ княгинею Дольскою, сдѣлавшеюся посредницею между нимъ и Станиславомъ Лещинскимъ. Съ нею онъ переписывался посредствомъ цифирной азбуки. То онъ, въ бесѣдѣ съ друзьями, издѣвался надъ княгинею и ея внушеніями, то казался склоннымъ слѣдовать ея совѣтамъ и вѣрилъ ея

Шведская могила близъ Полтавы.

Съ гравюры вынѣшняго столѣтія.

разсказамъ о разныхъ интригахъ, направленныхъ противъ него со стороны царя и его сотрудниковъ. Такъ, напримѣръ, онъ узналъ, что Меншиковъ желаетъ сдѣлаться малороссійскимъ гетманомъ, и это извѣстіе сильно раздражило его.

Въ это время усиливалось общее неудовольствіе въ Малороссіи. Постройка Кіевопечерской крѣпости, рекрутчина, чрезмѣрные налоги и подати, ограниченіе прежней вольности—все это заставляло недовольныхъ надѣяться на Мазепу и его готовность къ измѣнѣ. Ежедневно онъ слышалъ жалобы на москвитянъ; весьма часто полковники умоляли его избавить Малороссію отъ московскаго ига такъ же, какъ когда-то Богданъ Хмѣльницкій избавилъ ее отъ польскаго. Однако, Мазепа держалъ себя осторожно, медлилъ рѣшеніемъ, участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ шведовъ, побывалъ у царя въ Жолквѣ, гдѣ присутствовалъ въ засѣданіяхъ военнаго совѣта.

Когда къ нему пріѣхалъ іезуитъ Заленскій съ предложеніями перейдти на сторону Карла и Станислава Лещинскаго, онъ не задержалъ его и не отправилъ къ царю.

16-го сентября 1707 года, въ Кіевѣ Мазепа получилъ вмѣстѣ съ письмами отъ княгини Дольской и письмо отъ Станислава Лещинскаго. Всю ночь провелъ онъ въ раздумьѣ и, наконецъ, рѣшилъ перейдти на сторону Карла и Станислава Лещинскаго. Въ присутствіи своего писаря, Орлика, онъ клялся, что дѣлаетъ это не для приватной пользы, не для какихъ-нибудь прихотей, но для

Шведскій фельдмаршалъ графъ Реншёльдъ.

Съ современнаго гравированнаго портрета Вольфганга.

всего войска и народа малороссійскаго. Орликъ на это замѣтилъ: «ежели викторія будетъ при шведахъ, то вельможность ваша и мы всѣ счастливы, а ежели при царѣ, то и мы пропадемъ, и народъ погубимъ». Мазепа отвѣчалъ: «яица курицу не учатъ! Или я дуракъ, прежде времени отступить, пока не увижу крайней нужды, когда царь не будетъ въ состояніи не только Украйны, но и государства своего отъ потенціи шведской оборонить». Такимъ образомъ, и тогда еще Мазепа предоставлялъ себѣ дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами. Станиславу Мазепа отвѣчалъ, что пока не можетъ предпринять ничего рѣшительнаго, обѣщая, однако, въ

то же время не вредить ни въ чемъ интересамъ Станислава и войскамъ шведскимъ.

Эти сношенія не могли оставаться тайною. Двусмысленное поведеніе Мазепы рѣшился разоблачить передъ царемъ генеральный судья Кочубей, дочь котораго находилась въ близкихъ сношеніяхъ съ гетманомъ.

Въ сентябрѣ 1707 года, въ Преображенскомъ Приказѣ явился монахъ, который, по порученію Кочубея, личнаго недоброхота Мазепы, донесъ о намѣреніи гетмана передаться на непріятельскую сторону. Доносу этому не придали никакого значенія, и онъ не имѣлъ послѣдствій. Тогда Кочубей, въ началѣ 1708 года, отправилъ другого доносчика, полковника Искру, съ подробнымъ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ измѣны Мазепы.

Петръ до того вѣрилъ въ преданность гетмана, что сообщилъ ему о доносѣ, сдѣланномъ Кочубеемъ и Искрой. Доносчики были арестованы и подвергнуты допросу. Кочубей поддерживалъ свои обвиненія, и сверхъ того представилъ думу, сочиненную будто-бы Мазепою. Въ этой думѣ выражалось сѣтованіе на печальное положеніе Малороссіи.

Доносчиковъ пытали; не выдержавъ пытки, они отреклись отъ своихъ показаній и объявили, что подали статьи и словесно доносили по злобѣ гетмана и все затѣяли ложно. Ихъ казнили близъ Кіева.

Такимъ образомъ, чрезмѣрное довѣріе царя къ Мазепѣ и безразсудное варварство тогдашнихъ пріемовъ уголовной практики отдалили на нѣкоторое время катастрофу Мазепы. Онъ остался цѣлъ и невредимъ и могъ по прежнему сообразовать свои дѣйствія съ обстоятельствами.

Не долго, однако, можно было медлить рѣшеніемъ. Лѣтомъ 1708 года, Карлъ XII вступилъ въ Малороссію. Ему казалось легкою задачею довести общее раздраженіе, господствовавшее въ этой странѣ, до открытаго бунта. Шведскій генералъ Левенгауптъ, въ воззваніяхъ ко всѣмъ жителямъ Украйны, проповѣдовалъ необходимость отложиться отъ царя, свергнуть ненавистное московское иго [1]).

Узнавъ о приближеніи Карла, Мазепа сказалъ: «дьяволъ его сюда несетъ! всѣ мои интересы превратитъ и войска великороссійскія за собою внутрь Украйны впровадитъ на послѣднюю оной руину и на нашу погибель».

---

[1]) Воззваніе это напечатано въ «Русской Старинѣ», XVI, 172—173.

Петръ, не переставая вѣрить въ преданность гетмана, давалъ ему разныя порученія, приказывалъ наблюдать за тѣмъ, чтобы не было никакой подсылки отъ непріятеля прелестныхъ листовъ и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ, царь звалъ гетмана въ главную квартиру. Мазепа не поѣхалъ, извиняясь старостью, болѣзнію, но увѣряя царя въ своей преданности. Въ то же время у него происходили совѣщанія съ полковниками о положеніи дѣлъ, о соединеніи съ шведскимъ королемъ. И тутъ Мазепа предоставлялъ исключительно себѣ право опредѣлить время, когда нужно будетъ приступить къ крайнимъ мѣрамъ. «Самъ я знаю, когда посылать къ шведскому королю», говорилъ онъ.

Къ царю и Меншикову Мазепа отправлялъ письма съ объясненіями, почему ему нельзя двинуться изъ Малороссіи. Повторяемое Меншиковымъ приглашеніе немедленно явиться въ главную квартиру начало безпокоить гетмана. Онъ боялся, что его хотятъ приманить и возобновить дѣло Кочубея, или что узнали подробно о его сношеніяхъ съ Станиславомъ Лещинскимъ и Карломъ. Онъ далъ знать Меншикову о тяжкой, предсмертной болѣзни своей и объ отъѣздѣ изъ Батурина въ Борзну для соборованія масломъ отъ кіевскаго архіерея. Въ то же время онъ сообщилъ въ главную квартиру Карла XII о томъ, какъ обрадованы малороссіяне пришествіемъ королевскаго войска и просилъ протекціи Карла и освобожденія отъ тяжкаго ига московскаго.

Между тѣмъ, извѣстіе о мнимой опасной болѣзни Мазепы безпокоило Меншикова. Онъ пожелалъ самолично увѣриться въ положеніи дѣлъ и спѣшилъ въ Малороссію для свиданія съ гетманомъ. Узнавъ, вмѣсто приближенія шведовъ, о неожиданномъ пріѣздѣ Меншикова, Мазепа долженъ былъ думать о спасеніи и бѣжалъ въ шведскій лагерь. Здѣсь онъ торжественно на Евангеліи присягалъ, что для общаго добра цѣлой отчизны и войска запорожскаго принялъ протекцію короля шведскаго.

Меншиковъ, узнавъ еще въ дорогѣ объ измѣнѣ Мазепы, сдѣлалъ тщетную попытку перехватить его на пути въ шведскій лагерь. 26-го октября 1708 года, онъ писалъ царю между прочимъ: «совѣтую, что при такомъ зломъ случаѣ надлежитъ весьма здѣшній простой народъ утвердить всякими обнадеживаніями чрезъ публичные универсалы», увѣряя въ то же время, что «въ подломъ народѣ никакого худа ни въ комъ не видать». Въ своемъ отвѣтѣ царь сознавался въ томъ, что «никогда не чаялъ злаго случая измѣны гетманской». Въ царскихъ универсалахъ къ малороссіянамъ указывалось на цѣлый рядъ притѣсненій, чинимыхъ имъ Мазе-

*

пою. Въ письмѣ царя къ Апраксину сказано: «новый Іуда, Мазепа, 21 годъ былъ въ вѣрности мнѣ, нынѣ при гробѣ сталъ измѣнникъ и предатель своего народа».

Однако и Мазепа, въ свою очередь, обратился съ призывами къ малороссіянамъ, выставляя на видъ нарушеніе прежнихъ правъ ихъ московскимъ правительствомъ и указывая на «тиранское иго», на намѣреніе царя превратить казаковъ въ драгуновъ и солдатъ и поработить себѣ народъ на вѣки. Зато Мазепа называлъ Карла XII «всегдашнимъ, всемогущимъ заступникомъ обидимыхъ, любящимъ правду, ненавидящимъ лжи», и выразилъ надежду, что шведы успѣютъ спасти Малороссію отъ неволи и сохранить ей прежнія права. «Спѣшите», сказано въ концѣ манифеста, «въ Батуринъ, дабы не попался онъ въ московскія руки».

Сбылось именно то, чего опасался Мазепа. Не даромъ Петръ высоко цѣнилъ ловкость и силу воли Меншикова. Онъ поручилъ ему немедленно занять Батуринъ. 31-го октября, Меншиковъ пришелъ съ отрядомъ войска къ этому городу. Гарнизонъ не пожелалъ вступить въ переговоры о сдачѣ, и поэтому Батуринъ былъ взятъ штурмомъ и сожженъ.

Катастрофа Батурина произвела весьма сильное впечатлѣніе. Въ рукахъ царскихъ находилась теперь богатая казна гетманская; большіе запасы артиллеріи и аммуниціи, хранившіеся въ Батуринѣ, были захвачены Меншиковымъ, а большой хлѣбный магазинъ сожженъ. Шведы не явились на помощь; приверженцы измѣнившаго царю гетмана ошиблись въ оцѣнкѣ своихъ силъ и средствъ, столица гетманская погибла; повсемѣстное возстаніе, на которое разсчитывалъ Мазепа, становилось невозможнымъ. Украйна не хотѣла дѣйствовать за одно съ гетманомъ. Быстрота дѣйствій Меншикова обрадовала царя, который писалъ своему другу, по полученіи извѣстія о взятіи города: «за радостное письмо вамъ зѣло благодарны, паче-жъ Богъ мздовоздаятель будетъ вамъ».

Петръ отправился въ Глуховъ для избранія новаго гетмана; былъ выбранъ Скоропадскій. Пріѣхали въ Кіевъ митрополитъ Кіевскій съ двумя другими архіереями, черниговскимъ и переяславскимъ, и торжественно предали Мазепу проклятію. То же самое было сдѣлано и въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, причемъ Стефанъ Яворскій читалъ народу поученіе про измѣнника Мазепу. Въ Глуховѣ были казнены нѣкоторые приверженцы гетмана [1]).

---

[1]) Соловьевъ, XV, 341—342. О казняхъ въ Глуховѣ говоритъ и Джонъ Перри.

Между тѣмъ и Петръ, и Карлъ XII, обратились къ малороссіянамъ съ манифестами. Царь говорилъ объ измѣнѣ Мазепы, обѣщалъ разныя милости, указывалъ на образъ дѣйствій шведскаго войска, которое всюду грабило церкви, убивало безоружныхъ женщинъ и дѣтей и пр. Карлъ говорилъ о намѣреніи Петра ввести всюду католическую вѣру (!), указывалъ на вредъ нововведеній царя и т. д.

Однако, универсалы шведскаго короля и «проклятаго» гетмана не производили никакого дѣйствія; переходъ стараго гетмана на шведскую сторону не принесъ Карлу никакой пользы: крестьяне всюду съ недовѣріемъ и ненавистью относились къ шведамъ.

Военныя дѣйствія начались еще зимою. Петръ все еще желалъ избѣгнуть пока непосредственнаго столкновенія съ непріятелемъ, но, тѣмъ не менѣе, писалъ Апраксину: «не чаю, чтобы безъ генеральной баталіи сія зима прошла, а сія игра въ Божіихъ рукахъ, и кто вѣдаетъ, кому счастіе будетъ?»

Царь сильно опасался турокъ, и самъ поспѣшилъ отправиться въ Воронежъ и Азовъ, для принятія мѣръ на случай объявленія войны турками. Между тѣмъ, продолжавшіяся военныя дѣйствія въ Малороссіи не имѣли значенія.

Объ отчаянномъ положеніи Мазепы и о мѣрѣ затрудненій, съ которыми боролись шведы, можно было судить по слѣдующему обстоятельству. Въ концѣ 1708 года, Мазепа рѣшился войдти въ сношенія съ царемъ. Къ русскимъ войскамъ явился убѣжавшій вмѣстѣ съ Мазепою къ шведамъ Миргородскій полковникъ Данило Апостолъ; представленный царю, онъ объявилъ словесно, что Мазепа обѣщаетъ предать въ царскія руки короля Карла и шведскихъ генераловъ, если Петръ возвратитъ ему гетманское достоинство и удостовѣритъ въ своей милости при ручательствѣ извѣстныхъ европейскихъ дворовъ. Петръ сначала не повѣрилъ Апостолу, но все-таки вступилъ въ переговоры. Головкинъ писалъ Мазепѣ, обѣщая ему прощеніе. Однако, скоро узнали о сношеніяхъ Мазепы съ Станиславомъ Лещинскимъ, происходившихъ въ то же самое время. Поэтому царь прервалъ переговоры и въ граматѣ, разосланной по Малороссіи, объявилъ о коварствѣ и обманѣ Мазепы [1]).

Петръ могъ быть доволенъ Малороссіею въ это время. Только на запорожцевъ нельзя было надѣяться. Они, очевидно, были склонны къ измѣнѣ и возмущенію, оказывали дурной пріемъ по-

[1]) Соловьевъ, XV, 361—362.

сланнымъ царя, находились въ тайныхъ сношеніяхъ съ Мазепою и, наконецъ, въ мартѣ 1709 года, открыто рѣшили: «быть на Мазепиной сторонѣ». Такъ какъ они пользовались всегда сочувствіемъ въ низшемъ слоѣ украинскаго народа, ихъ примѣръ могъ сдѣлаться чрезвычайно опаснымъ. Поэтому, противъ запорожцевъ было отправлено войско, которое осадило и взяло Сѣчь. Большая часть казаковъ погибла въ схваткѣ. Происходили казни. «Знатнѣйшихъ воровъ», доносилъ Меншиковъ, «велѣлъ я удержать, а прочихъ казнить, и надъ Сѣчью прежній указъ исполнить, также и всѣ ихъ мѣста разорить, дабы оное измѣнническое гнѣздо весьма выкоренить». Петръ былъ очень доволенъ донесеніемъ Меншикова и благодарилъ его за «разореніе проклятаго мѣста, которое корень злу и надежда непріятелю была».

Такимъ образомъ, на Украйнѣ все было тихо. Приверженцы Мазепы не пользовались значеніемъ и вліяніемъ. Станиславъ Лещинскій ничего не могъ сдѣлать для поддержанія Мазепы и его партіи. И со стороны Турціи не было пока никакой опасности. Карлъ XII оставался безъ союзниковъ, между тѣмъ, какъ царь выигрывалъ время для того, чтобы приготовиться къ «генеральной баталіи».

Весною 1709 года, Петръ нѣсколько недѣль прожилъ въ Азовѣ. Онъ хворалъ и въ письмахъ къ своимъ жаловался на слабость. Между тѣмъ шведы, въ началѣ мая, начали осаждать Полтаву; Меншиковъ писалъ царю, что намѣренъ «сдѣлать диверсію», но желаетъ къ этому дѣлу прибытія самого царя. Въ концѣ мая царь выѣхалъ изъ Азова, и, 4-го іюня, прибылъ къ арміи.

Полтава. Выборгъ. Рига.

7-го іюня, Петръ писалъ Апраксину: «сошлися мы близко съ сосѣдями и, съ помощію Божіею, будемъ, конечно, въ семъ мѣсяцѣ, главное дѣло съ ними имѣть».

Мы видѣли, какъ Петръ, не надѣявшійся на свои силы, впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ избѣгалъ «главнаго дѣла». Теперь оно сдѣлалось неизбѣжнымъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ русскіе были разбиты при Нарвѣ, они, впродолженіе девяти лѣтъ, многому успѣли научиться, медленно приближаясь къ желанной цѣли, постепенно готовясь къ рѣшительному бою со шведами. Петръ сознавалъ громадное значеніе приближавшейся развязки, постоянно взвѣшивая затрудненія, съ

которыми ему приходилось бороться, и значеніе силъ и средствъ, которыми располагалъ непріятель. Карлъ, напротивъ, какъ кажется, уступалъ царю въ осторожности и осмотрительности, не обращая достаточнаго вниманія на силу русскихъ и слишкомъ высоко цѣня превосходство своего войска.

Между тѣмъ, какъ въ русскомъ войскѣ единство политической и военной мысли, безусловное господство личной воли царя въ минуту рѣшенія было громадною выгодою,—на сторонѣ шведовъ охота короля продолжать войну не соотвѣтствовала настроенію утомленнаго, желавшаго мира войска. Генералы Карла не раздѣляли оптимизма короля и были озабочены упадкомъ Швеціи.

Между тѣмъ, какъ Петръ, во все время войны, не переставалъ заботиться объ администраціи и законодательствѣ, Карлъ предоставилъ свое государство на произволъ судьбы, довольствуясь исключительно дѣятельностью полководца. Тогда какъ развитіе политической опытности царя шло чрезвычайно успѣшно съ самаго начала войны,—постоянные походы, поглощавшіе все время и всѣ силы шведскаго короля, лишали его возможности готовиться къ управленію дѣлами вообще. Превосходя царя въ качествѣ военачальника, Карлъ уступалъ ему политическими способностями. Петръ медленно и съ величайшею пользою для себя совершилъ длинный путь отъ Нарвы до Полтавы, между тѣмъ, какъ Карлъ, съ юношескою опрометчивостью, надѣясь на свое счастье, приближался къ катастрофѣ. Петръ могъ пожинать плоды многолѣтнихъ трудовъ и систематическаго ученія въ школѣ войны и политики; Карлъ, подобно азартному игроку, долженъ былъ лишиться результатовъ всѣхъ прежнихъ побѣдъ въ одинъ мигъ, чрезъ «главное дѣло», сдѣлавшееся неизбѣжнымъ.

До послѣдней минуты характеристическою чертою въ образѣ дѣйствій русскихъ была крайняя осторожность. Въ русскомъ лагерѣ былъ «учиненъ воинскій совѣтъ, какимъ бы образомъ городъ Полтаву выручить безъ генеральной баталіи (яко зѣло опаснаго дѣла), на которомъ совѣтѣ положено, дабы апрошами ко оной приближаться даже до самаго города». Съ городомъ происходили сношенія посредствомъ пустыхъ бомбъ, въ которыхъ летали письма чрезъ непріятельскія линіи; осажденные дали знать, что у нихъ уже почти нѣтъ пороху и долго держаться не могутъ. По полученіи этихъ извѣстій, былъ собранъ новый военный совѣтъ, на которомъ положено, что другого способа къ выручкѣ города нѣтъ, какъ дать главную баталію. Русская армія тронулась и остановилась въ такомъ мѣстѣ, гдѣ шведы не могли принудить ее

къ главной баталіи до окончанія возводимыхъ по указанію царя ретраншементовъ.

Скоро узнали, что Карлъ въ ночной рекогносцировкѣ, наткнувшись на казаковъ, былъ раненъ въ ногу.

27-го іюля, началась битва нападеніемъ шведовъ на русскую конницу; они успѣли овладѣть двумя еще не отдѣланными редутами; вскорѣ сраженіе завязалось по всей линіи. Петръ находился въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, лично воодушевляя войска; шляпа и сѣдло его были прострѣлены. Не менѣе храбрости выказалъ и

Шведскій министръ графъ Пиперъ.
С ъ рѣдкаго современнаго гравированнаго портрета Шенка.

Карлъ. Пушечное ядро ударило въ коляску, въ которой везли раненаго короля, и онъ приказалъ носить себя по рядамъ въ носилкахъ. Послѣ отчаяннаго двухчасового боя, все было рѣшено въ пользу русскихъ. Разстроенные, разбитые шведы обратились въ бѣгство. Въ числѣ множества плѣнныхъ, взятыхъ русскими, находились: первый министръ Карла XII, графъ Пиперъ, фельдмаршалъ Реншёльдъ и четыре генерала.

Въ краткихъ чертахъ самъ Петръ, впослѣдствіи, въ своей «Гисторіи Свейской войны», изложилъ главный ходъ битвы. Здѣсь сказано, между прочимъ: «хотя и зѣло жестоко во огнѣ оба

войска бились, однакожъ, то все долѣе двухъ часовъ не продолжалось: ибо непобѣдимые господа шведы скоро хребетъ показали, и отъ нашихъ войскъ съ такою храбростію вся непріятельская армія (съ малымъ урономъ нашихъ войскъ, еже наивящше удивительно есть), кавалерія и инфантерія весьма опровергнута, такъ что шведское войско ни единожды потомъ не остановилось, но безъ остановки отъ нашихъ шпагами и байонетами колоты» и пр.

Послѣ битвы, за обѣдомъ, къ которому были приглашены плѣнные генералы и офицеры, Петръ провозгласилъ тостъ за здоровье учителей своихъ въ военномъ искусствѣ. «Кто эти учители?» спросилъ фельдмаршалъ Реншёльдъ. «Вы, господа шведы», отвѣчалъ

Видъ замка въ Выборгѣ въ 1708 году.

Съ весьма рѣдкой шведской гравюры Дальберга, находящейся въ собраніи П. Я. Дашкова.

царь. «Хорошо же ученики отблагодарили своихъ учителей!» замѣтилъ фельдмаршалъ.

На другой день, Петръ послалъ Меншикова въ погоню за бѣжавшимъ непріятелемъ. Онъ съ 9,000 войска догналъ шведовъ, 30-го іюня, у Переволочны. Все населеніе разбѣжалось, и шведскому войску не на чемъ было переправляться чрезъ Днѣпръ. Отыскали двѣ лодки, связали вмѣстѣ, поставили на нихъ повозку короля, и такимъ образомъ переправили его, ночью, на другой берегъ. Нашлась лодка и для Мазепы. Бо̀льшая часть войска осталась на лѣвомъ берегу, подъ начальствомъ Левенгаупта. Весьма немногіе, переправившіеся, кто какъ могъ, успѣли уйдти; многіе потонули. Въ это время шведы, не успѣвшіе переправиться, были настигнуты Меншиковымъ, и, не имѣя ни пороху, ни артиллеріи,

и совершенно упавъ духомъ, сдались военноплѣнными, въ числѣ 16,000 человѣкъ.

«И тако», писалъ Петръ, «Божіею помощію, вся непріятельская, толь въ свѣтѣ славная армія (которая, бытіемъ въ Саксоніи, не малый страхъ въ Европѣ причинила) къ государю россійскому въ руки досталась».

Поздравляя Ромодановскаго «въ свѣтѣ неслыханною викторіею», Петръ прибавилъ: «нынѣ уже безъ сумнѣнія желаніе вашего величества [1]), еже резиденцію вамъ имѣть въ Петербурхѣ, совершилось чрезъ сей упадокъ конечной непріятеля».

Курбатовъ писалъ царю: «радуйся, яко есть надежда на исполненіе издавна вашего желанія—Варяжскаго моря во одержаніи». Въ то же время онъ выразилъ надежду, что «преславная викторія» поведетъ къ миру [2]).

Упоенный радостью, Петръ писалъ Екатеринѣ тотчасъ же послѣ битвы: «матка, здравствуй! Объявляю вамъ, что всемилостивый Господь неописанную побѣду надъ непріятелемъ намъ сего дня даровати изволилъ; единымъ словомъ сказать, что вся непріятельская сила на-голову побита, о чемъ сами отъ насъ услышите, и для поздравленія пріѣзжайте сами сюды». Немногимъ позже, Петръ въ письмѣ къ Екатеринѣ намекнулъ на значеніе битвы для всего положенія дѣлъ въ Польшѣ: «Лещинскій бороду отпустилъ для того, что корона его умерла». И въ слѣдующіе годы, 27-го іюля, Петръ и Екатерина часто поздравляли другъ друга съ годовщиною Полтавской битвы, «днемъ русскаго воскресенья», «началомъ нашего спасенія», «началомъ нашего благополучія» и т. п. [3]).

Меншиковъ былъ награжденъ чиномъ фельдмаршала, а Петръ, числившійся до того лишь полковникомъ, по просьбѣ войска, принялъ чинъ «сухопутный—генералъ-лейтенанта, а на морѣ—шаутбенахта», т. е. вице-адмирала.

Въ Москвѣ Полтавская битва праздновалась торжественно. Царевичъ Алексѣй Петровичъ устроилъ банкетъ для русскихъ и иностранныхъ министровъ; царевна Наталья Алексѣевна и вельможи также «трактовали» многихъ нѣсколько дней сряду; пушечная стрѣльба и колокольный звонъ продолжались семь дней; по вечерамъ горѣли потѣшные огни и пр.

---

[1]) Какъ извѣстно, Петръ называлъ Ромодановскаго кесаремъ.

[2]) Соловьевъ, XV, 380—381.

[3]) См. мою статью: «Peters des Grossen Briefwechsel mit Katharina», въ сборникѣ «Historisches Taschenbuch», 1880 г., стр. 223.

Полтавское сраженіе.
Картина профессора Коцебу. Гравюра Паннемакера въ Парижѣ.

Полтавскій бой.

Съ современной гравюры Шхонебека, грав. Кезебергъ и Эртель въ Лейпцигѣ.

Полтавскою битвою все измѣнилось въ пользу Россіи и были устранены всѣ сомнѣнія относительно ея будущаго величія. На современниковъ это событіе произвело самое глубокое впечатлѣніе. Тотъ самый Лейбницъ, который, послѣ Нарвскаго сраженія, желалъ дальнѣйшаго успѣха Швеціи и считалъ возможнымъ занятіе Карломъ XII Москвы и завоеваніе Россіи до Амура, называлъ теперь побѣду царя достопамятнымъ въ исторіи событіемъ и полезнымъ урокомъ для позднѣйшихъ поколѣній. Отъ очевидцевъ онъ узналъ о томъ, какъ храбро сражались русскія войска, и выразилъ убѣжденіе, что послѣднія превосходятъ всѣ другія. Далѣе, онъ считалъ вѣроятнымъ, что Петръ отнынѣ будетъ пользоваться общимъ вниманіемъ и принимать весьма дѣятельное участіе въ дѣлахъ всемірной политики. Лейбницъ понималъ, что между Полтавскою битвою и реформами Петра существовала тѣсная связь. «Напрасно», писалъ онъ, «опасались чрезмѣрнаго могущества царя, называя его туркою сѣвера. Никто не станетъ препятствовать ему въ дѣлѣ образованія своихъ подданныхъ. Что касается до меня, то я очень радъ водворенію въ Россіи разума и порядка» и пр. Съ барономъ Урбихомъ, русскимъ резидентомъ въ Вѣнѣ, Лейбницъ переписывался о медали въ память Полтавской битвы [1]).

Иностранцы, находившіеся въ Россіи, также понимали, что торжествомъ Петра въ области внѣшней политики обусловливалось дальнѣйшее внутреннее развитіе Россіи. Джонъ Перри выразилъ убѣжденіе, что, при противоположномъ исходѣ Полтавскаго сраженія, неминуемо по всему государству поднялся бы всеобщій бунтъ и что повсемѣстная ненависть къ реформамъ царя повела бы къ реакціи [2]). Этимъ взглядамъ соотвѣтствовалъ позднѣйшій отзывъ Вольтера, замѣтившаго о Полтавской битвѣ, что это единственное во всей исторіи сраженіе, слѣдствіемъ котораго было не разрушеніе, а счастье человѣчества, ибо оно представило Петру необходимый просторъ, чтобы идти далѣе по пути преобразованій [3]).

Въ какой мѣрѣ измѣнился взглядъ на Россію за границею, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго обстоятельства. Мы упомянули выше, какъ министръ герцога Вольфенбюттельскаго, по случаю переговоровъ о бракѣ царевича съ принцессою Шарлоттою, указывалъ, какъ на препятствіе къ браку, на опасное положеніе въ самой Россіи царя Петра. Въ то же время онъ говорилъ о ни-

[1]) Guerrier, 80—82, 87.
[2]) Нѣмецкое изд. соч. Перри, 43—44.
[3]) «Histoire de Pierre le Grand», изд. 1803 г., I, 216.

чтожномъ значеніи его въ ряду государей. «Едва ли», было сказано въ запискѣ Шлейница, «царю будетъ возможно занять видное мѣсто въ Европѣ [1]), такъ какъ Швеція никогда не рѣшится отказаться отъ Прибалтійскаго края въ пользу Россіи и такъ какъ Польша, Голландія и Англія никогда не допустятъ развитія силъ Россіи на морѣ». Тотчасъ же послѣ Полтавской битвы, совершенно измѣнилось мнѣніе о значеніи Россіи. Въ Вольфенбюттелѣ приходили въ восхищеніе при мысли о сближеніи съ Россіею; вскорѣ было приступлено къ составленію брачнаго договора, и дѣло уладилось въ короткое время.

Со стороны Ганноверскаго курфирста было изъявлено желаніе отказаться отъ союза со Швеціею и сблизиться съ Россіею [2]). Всюду положеніе русскихъ резидентовъ при иностранныхъ дворахъ измѣнилось къ лучшему, всюду самого царя встрѣчали, поздравляли, привѣтствовали съ похвалою и ласками.

Когда Петръ, отправившись изъ Полтавы въ Кіевъ, выѣхалъ оттуда въ Польшу, въ Люблинѣ его встрѣтилъ оберъ-шталмейстеръ короля Августа, Фицтумъ, посланный поздравить царя, отъ имени короля, съ Полтавскою викторіею и пригласить его на свиданіе съ королемъ въ Торнъ. Въ мѣстечкѣ Сольцахъ къ царю пріѣхалъ камергеръ прусскаго короля съ поздравленіемъ и приглашеніемъ на свиданіе и съ Фридрихомъ I. Въ Варшавѣ сенаторы польскіе поздравили его съ викторіей и благодарили за то, что этою викторіею возвратилъ имъ законнаго короля и спасъ ихъ вольность [3]). Лещинскій бѣжалъ въ Померанію.

Въ концѣ сентября, происходило свиданіе Петра съ Августомъ въ Торнѣ. Нѣсколько позже, былъ заключенъ договоръ. Петръ обѣщалъ помогать Августу въ достиженіи польскаго престола; король обязался помогать царю противъ всѣхъ непріятелей. Цѣлью союза было не конечное разореніе Швеціи, но приведеніе этого государства въ должныя границы и доставленіе безопасности его сосѣдямъ. Король обѣщалъ царю предать суду виновниковъ гибели Паткуля. 20-го октября, былъ прибавленъ тайный артикулъ: «княжество Лифляндское, со всѣми своими городами и мѣстами его, королевскому величеству польскому, какъ курфирсту саксонскому, и его наслѣдникамъ присвоено и уступлено быть имѣетъ».

---

[1]) «Sich in Europa considerabel zu machen», см. соч. Герье, «Die Kronprinzessin Charlotte», Bonn, 1875 г., стр. 5—21.

[2]) Guerrier, Leibniz, 80—82.

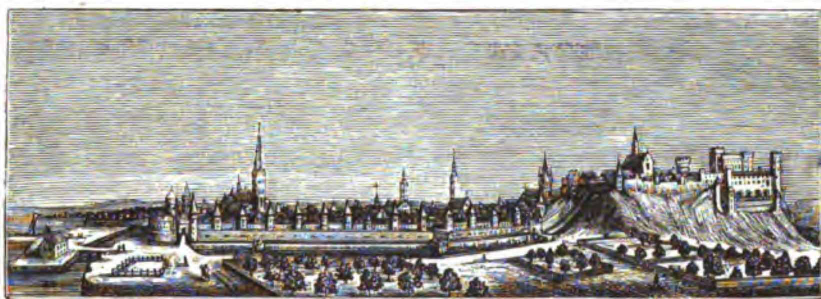
[3]) Соловьевъ, XV, 385 и 386.

Бой при Переволочнѣ.

Съ современной гравюры Шхонебека, Гравюра Кезеберга и Эртеля въ Лейпцигѣ.

И со стороны Даніи теперь была выражена готовность сблизиться съ Петромъ. Въ Торнъ явился датскій посланникъ, Ранцау, поздравить съ викторіею и домогаться о заключеніи оборонительнаго и наступательнаго союза противъ Швеціи. Датскій король сказалъ русскому резиденту, князю Василію Лукичу Долгорукому, что этою побѣдою царь нетолько себѣ, но и всему русскому народу пріобрѣлъ безконечную славу и показалъ всему свѣту, что русскіе люди научились воевать.

Даже въ денежномъ отношеніи Полтавская битва оказалась чрезвычайно выгодною. Прежде, по порученію Петра, баронъ Урбихъ предлагалъ Даніи субсидію въ размѣрѣ 500,000 ефимковъ единовременно за союзъ, между тѣмъ, какъ Данія требовала боль-



Видъ Ревеля въ началѣ XVIII столѣтія.
Съ современной гравюры Маріана.

шей суммы. Теперь русскому резиденту въ Даніи, несмотря на всѣ усилія англійскаго и голландскаго посланниковъ дѣйствовать наперекоръ интересамъ Петра, удалось ввести датскаго короля въ войну безъ субсидій со стороны Россіи. Долгорукому было поручено обѣщать датчанамъ сухопутное войско, матросовъ и по сто тысячъ ежегодно матеріалами, а онъ, заключивъ договоръ, писалъ съ восторгомъ: «не далъ я ничего, ни человѣка, ни шелега»!

И французскій король, Людовикъ XIV, изъявилъ желаніе вступить въ союзъ съ царемъ, о чемъ сообщилъ Долгорукому секретарь французскаго посольства въ Копенгагенѣ. Извѣщая объ этомъ царя, Долгорукій выставлялъ на видъ, что сближеніе съ Франціею можетъ быть полезнымъ, такъ какъ Людовикъ, видя къ себѣ склонность со стороны Россіи, станетъ продолжать войну за испанское наслѣдство. Секретарь французскаго посольства говорилъ Долгорукому, что Людовикъ XIV готовъ гарантировать царю всѣ его

завоеванія и будетъ стараться, чтобы русскіе стали твердою ногою на Балтійскомъ морѣ, потому что здѣсь замѣшанъ интересъ французскаго короля, которому желательно ослабить на этомъ морѣ торговлю англійскую и особенно—голландскую [1]).

Такимъ образомъ, европейскія державы начали ухаживать за Петромъ и искать дружбы Россіи, чтобы воспользоваться могуществомъ ея для своихъ цѣлей. Примѣромъ тому служитъ образъ дѣйствій прусскаго двора. Въ Маріенвердерѣ происходило свиданіе между королемъ Фридрихомъ I и Петромъ. Король мечталъ объ осуществленіи своего любимаго проекта, раздѣла Польши; однако, Петръ, осторожный, сдержанный, объявилъ, что эта мысль ему кажется неудобоосуществимою и, такимъ образомъ, Пруссія должна была отказаться отъ своего предположенія. Въ Пруссіи находили, что царь держалъ себя нѣсколько гордо, что въ его образѣ дѣйствій и мыслей проглядывало чувство собственнаго достоинства, возбужденное успѣхомъ русскаго оружія. Когда, въ 1710 году, Пруссія возобновила предложеніе приступить къ раздѣлу Польши, въ проектѣ было предоставлено царю распредѣлить, по своему усмотрѣнію, добычу между каждой изъ договорившихся сторонъ, но и на этотъ разъ Петръ уклонился отъ переговоровъ [2]).

Побывавъ въ Торнѣ и Маріенвердерѣ, Петръ, къ концу года, возвратился въ Россію; сначала онъ отправился къ Ригѣ, подъ которою уже стоялъ фельдмаршалъ Шереметевъ съ войскомъ. Послѣ полуночи на 14-е ноября, начали бомбардировать городъ; первыя три бомбы бросилъ самъ государь и писалъ Меншикову: «благодарю Бога, что сему проклятому мѣсту сподобилъ мнѣ самому отмщенія начало учинить». Затѣмъ онъ отправился въ Петербургъ, или въ «святую землю», какъ называлъ Меншиковъ его въ письмѣ своемъ. Въ Петербургѣ царь велѣлъ построить церковь во имя св. Сампсона, въ память Полтавской битвы, и заложилъ корабль «Полтава». 21-го декабря, совершился торжественный входъ въ Москву «съ великимъ тріумфомъ». Построено было семь тріумфальныхъ воротъ, изукрашенныхъ золотомъ, эмблематическими картинами, покрытыхъ надписями и пр. [3]).

---

[1]) Соловьевъ, XV, 384 и слѣд.
[2]) Droysen, «Gesch. d. preuss. Politik». IV, 1, 340, 345—349.
[3]) Соловьевъ, XV, 394.

Карлъ XII при переправѣ черезъ Днѣпръ.

Съ картины шведскаго художника Седерштрома. Гравюра А. Зубчанинова въ С.П.Б.

Главною цѣлью продолжавшихся послѣ этого военныхъ дѣйствій было обезпеченіе Петербурга. Оказалось необходимымъ присоединить къ прежнимъ завоеваніямъ на берегахъ Балтійскаго моря еще нѣкоторыя важные пункты. Мы выше видѣли, какъ часто, въ первое время существованія Петербурга, этому мѣсту грозила опасность со стороны шведовъ. Во все время продолженія войны въ Польшѣ и Малороссіи, не прекращалась борьба на сѣверѣ. По временамъ, царь спѣшилъ сюда, для защиты Петербурга, для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Финляндіи.

Въ 1706 году, Петръ, какъ мы видѣли, сдѣлалъ попытку овладѣть Выборгомъ. Однако, бомбардированіе города не имѣло успѣха. Несмотря на храбрость русскихъ, и съ моря оказалось невозможнымъ взять этотъ городъ [1]).

Два года спустя, шведскій генералъ Любекеръ изъ Выборга совершилъ въ Ингерманландію походъ, который, однако, былъ сопряженъ съ огромными потерями для шведовъ, и при этомъ случаѣ оказалось, что новый городъ на устьѣ Невы не такъ легко могъ подвергнуться опасности сдѣлаться добычею непріятеля.

Зато русскіе дѣйствовали весьма успѣшно въ юговосточной Финляндіи, въ 1710 году. Царь на этотъ разъ, для достиженія желанной цѣли, взятія Выборга, собралъ значительное войско, состоявшее изъ 18,000 чел., а вице-адмиралу Крюйсу поручилъ флотъ. Послѣ осады, продолжавшейся нѣсколько недѣль, Выборгъ сдался, 13-го іюня 1710 года. Въ письмѣ къ Екатеринѣ, Петръ назвалъ Выборгъ «крѣпкою подушкою Санктъ-Петербурху, устроенною чрезъ помощь Божію» [2]).

Въ этомъ же году Брюсъ успѣлъ занять городъ Кексгольмъ; такимъ образомъ, совершилось завоеваніе Кареліи.

Одновременно былъ рѣшенъ вопросъ и относительно Лифляндіи, которую, еще въ 1709 году, Петръ обѣщалъ Августу, какъ саксонскому курфисту. Вышло иначе.

Въ Польшѣ сильно опасались перевѣса царя и весьма часто интриговали противъ него. На самого короля Августа была плохая надежда. Такъ, напр., въ 1704 году, онъ предлагалъ Карлу XII союзъ противъ всѣхъ непріятелей, въ особенности же противъ «одного, котораго называть ненужно»—очевидно, противъ Петра [3]). Въ 1709 году, какъ мы видѣли, въ Пруссіи возникла

---

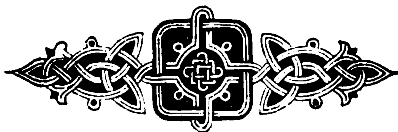
[1]) Нѣкоторыя данныя у Устрялова, I, 320, IV, 1, 518, IV, 2, 659.

[2]) Письма рус. государей, I, 14,

[3]) Droysen, IV, 1, 284.

мысль о раздѣлѣ Польши, однако, тогда же оказалось, что, при осуществленіи этого проекта, нельзя было разсчитывать на содѣйствіе Петра. Опасаясь чрезмѣрнаго могущества Россіи, прусскій король вздумалъ предложить самому королю Августу приступить къ раздѣлу Польши, въ видахъ сдержанія Россіи. Русскія войска заняли разные польскіе города; такъ, напр., 28-го января 1710 года, былъ взятъ городъ Эльбингъ. Все это западно-европейскимъ державамъ внушало сильныя опасенія. Петръ, несмотря на всѣ усилія склонить его къ раздѣлу Польши, ни на что не соглашался. Въ Пруссіи неохотно видѣли, что Петръ стремится къ завоеванію всего берега Балтійскаго моря, до самой Риги.

Осада Риги началась, какъ мы видѣли, въ концѣ 1709 года. Зима прекратила военныя дѣйствія, которыя возобновились весною 1710 года. Въ Ригѣ свирѣпствовали голодъ и болѣзни; смертность была ужасная. 4-го іюля Рига сдалась. Курбатовъ, въ своемъ отвѣтѣ на сообщеніе царя объ этомъ событіи, писалъ: «торжествуй, всеусерднѣйшій расширителю всероссійскія державы, яко уже вносимыми во всероссійское государствіе европейскими богатствы не едина хвалитися будетъ Архангелогородская гавань» и пр. [1]) Въ августѣ были заняты Пернава и Аренсбургъ; въ сентябрѣ сдался Ревель. По случаю взятія Ревеля, Курбатовъ писалъ, что при заключеніи мира всѣ эти приморскія мѣста надобно оставить за Россіею. Объ уступкѣ этихъ мѣстъ королю Августу не могло быть и рѣчи.



[1]) Соловьевъ, XVI, 48.

ГЛАВА III

Прутскій походъ.

ЕТРЪ, ВЪ 1700 ГОДУ, началъ военныя дѣствія лишь по полученіи извѣстія о заключеніи мира съ Турціею. Восточный вопросъ нѣсколько лѣтъ сряду оставался на заднемъ планѣ, на очереди былъ балтійскій вопросъ.

Впродолженіе всего этого времени, Петръ, однако же, не упускалъ изъ виду отношеній къ Турціи. Каждую минуту Азову могла грозить опасность со стороны турокъ и татаръ. Поэтому царь не переставалъ заботиться объ укрѣпленіи города и объ усиленіи флота. О наступательныхъ дѣйствіяхъ онъ не думалъ, хотя въ кругахъ дипломатовъ, уже въ 1702 году, толковали о намѣреніяхъ Петра совершить походъ на Кавказъ, напасть на Персію, возобновить войну съ Турціею, завоевать Крымъ [1]). Въ то время никто не могъ ожидать, что шведская война прекратится лишь въ 1721 году.

Съ Турціею нужно было поступать чрезвычайно осторожно. Отправленному въ Константинополь, въ 1701 году, князю Голицыну было поручено заставить Порту согласиться на свободное плаваніе русскихъ кораблей по Черному морю; однако, визирь объ-

[1]) Донесеніе Плейера у Устрялова, IV, 2, 572.

явилъ ему: «лучше султану отворить путь во внутренность своего дома, чѣмъ показать дорогу московскимъ кораблямъ по Черному морю; пусть московскіе купцы ѣздятъ со своими товарами на турецкихъ корабляхъ, куда имъ угодно, и московскимъ посламъ также не ходить на корабляхъ въ Константинополь, а пріѣзжать сухимъ путемъ». Рейсъ-эфенди говорилъ Голицыну: «султанъ смотритъ на Черное море, какъ на домъ свой внутренній, куда нельзя пускать чужеземца; скорѣе султанъ начнетъ войну, чѣмъ допуститъ ходить кораблямъ по Черному морю». Іерусалимскій патріархъ сказалъ Голицину: «не говори больше о черноморской торговлѣ; а если станешь говорить, то миръ испортишь, турокъ приведешь въ сомнѣніе и станутъ приготовлять войну противъ государя твоего. Турки хотятъ засыпать проходъ изъ Азовскаго моря въ Черное и на томъ мѣстѣ построить крѣпости многія, чтобъ судовъ московскихъ не пропустить въ Черное море. Мы слышимъ, что у великаго государя флотъ сдѣланъ большой и впредь дѣлается, и просимъ Бога, чтобъ Онъ вразумилъ и научилъ благочестивѣйшаго государя всѣхъ насъ православныхъ христіанъ тѣмъ флотомъ своимъ избавить отъ плѣненія бусурманскаго. Вся надежда наша только на него, великаго государя» [1]).

Въ ноябрѣ 1701 года, въ Адріанополь, гдѣ въ то время находился султанъ Мустафа II, явился новый резидентъ, Петръ Андреевичъ Толстой. Ему было поручено собрать подробныя свѣдѣнія о положеніи христіанъ на Балканскомъ полуостровѣ [2]); ктому же онъ долженъ былъ узнать, точно-ли намѣрено турецкое правительство соорудить крѣпость въ Керчи; наконецъ, онъ долженъ былъ справиться о состояніи турецкихъ крѣпостей, Очакова, Аккермана, Килии и пр.

Толстой доносилъ, что его пріѣздъ сильно не понравился Портѣ. «Разсуждаютъ такъ: никогда отъ вѣку не бывало, чтобы московскому послу у Порты жить, и начинаютъ имѣть великую осторожность, а паче отъ Чернаго моря, понеже морской твой караванъ безмѣрный имъ страхъ наноситъ». Въ другомъ донесеніи сказано: «житье мое у нихъ зѣло имъ не любо, потому что запазушные ихъ враги, греки, намъ единовѣрны. И есть въ туркахъ такое мнѣніе, что я, живучи у нихъ, буду разсѣвать въ христіанъ слова, подвигая ихъ противъ бусурманъ; для того крѣпкій заказъ гре-

---

[1]) Соловьевъ, XV, 76.

[2]) См. нѣкоторыя письма Толстого къ его брату въ «Русскомъ Архивѣ» 1864, 473—498.

камъ учинили, чтобъ со мною не видались, и страхъ учинили всѣмъ христіанамъ, подъ игомъ ихъ пребывающимъ, такой, что близко дому, въ которомъ я стою, христіане ходить не смѣютъ... Ничто такого страха имъ не наноситъ, какъ морской твой флотъ; слухъ между ними пронесся, что у Архангельска сдѣлано 70 кораблей великихъ, и чаютъ, что, когда понадобится, корабли эти изъ океана войдутъ въ Средиземное море и могутъ подплыть подъ Константинополь». Толстой узналъ также, что знатные крымскіе мурзы просили султана, чтобъ позволилъ имъ начать войну съ Россіею.

Обращаясь съ Толстымъ холодно и недовѣрчиво, турки объявили ему свои требованія: 1) чтобъ новая крѣпость, построенная у Запорожья, Каменный Затонъ, была срыта; 2) чтобъ въ Азовѣ и Таганрогѣ не было кораблей; 3) чтобъ назначены были комиссары для опредѣленія границъ. Изъ донесеній Толстого мы узнаемъ, какъ ловко и рѣшительно этотъ дипломатъ, бывшій способнѣйшимъ ученикомъ западно-европейской школы Петра, возражалъ туркамъ на такого рода заявленія.

Дѣйствуя подкупомъ, задобривая разными подарками многихъ лицъ въ Константинополѣ, Толстой узналъ также, что шведы, поляки и казаки запорожскіе уговариваютъ ихъ вести войну съ Россіею, обѣщаясь помогать.

Впрочемъ, настроеніе умовъ въ Турціи мѣнялось столь же часто, какъ и лица, стоявшія во главѣ правленія. Впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ смѣнило другъ друга нѣсколько визирей. Обращеніе съ Толстымъ представляло собою крайности: то его ласкали и за нимъ ухаживали, то относились къ нему грубо и надзирали за нимъ, какъ за самымъ опаснымъ человѣкомъ [1]).

Петръ не переставалъ обращать вниманіе на верфи въ Воронежѣ и Азовѣ. Постоянно онъ, особенно въ письмахъ къ Апраксину, говорилъ о необходимости усиленія флота и войска на югѣ для защиты Азова. При этомъ, царь, по своему обыкновенію, входилъ во всѣ подробности военной администраціи. Иностранные дипломаты, находившіеся въ Москвѣ, зорко слѣдили за этими дѣлами [2]).

По временамъ, въ Москвѣ разносились тревожные слухи; то разсказывали о 40,000-номъ турецкомъ войскѣ, стоявшемъ будто у

[1]) Соловьевъ, XV, 79—84.

[2]) Устряловъ, IV, 2, 662. Письма Петра къ Апраксину у Устрялова, IV, 2, 22, 54, 55 и пр. О верфяхъ въ Тавровѣ см. статью Майнова въ «Др. и Нов. Россіи» 1875. II, 66—67.

*

Чигирина, то о большомъ флотѣ, приближавшемся будто къ Азову, то о предстоявшемъ набѣгѣ татаръ [1]). Петра тревожило все это, и онъ долженъ былъ думать о возможности разрыва съ Турціею. «А если гораздо опасно будетъ», сказано въ его письмѣ къ Апраксину, «и всѣ готовы противъ тѣхъ адскихъ псовъ съ душевною радостью [2]).

Въ 1704 году, въ Москву пріѣхалъ турецкій посолъ съ жалобами на сооруженіе русскихъ крѣпостей близъ турецкой границы и съ требованіемъ немедленнаго прекращенія такихъ построекъ. Ему возразили, что образъ дѣйствій Россіи нисколько не противорѣчитъ договорнымъ статьямъ, а къ тому же старались устройствомъ маневровъ и парадовъ внушить турецкому дипломату высокое мнѣніе о силахъ и средствахъ, которыми располагало московское правительство [3]). Достойно вниманія распоряженіе Петра по случаю пріѣзда Мустафа-Аги»: «близъ Воронежа отнюдь не возить; Азова и Троицкаго смотрѣть давать не для чего и отговориться мочно тѣмъ, что и у нихъ мѣстъ пограничныхъ не даютъ смотрѣть. Корабли показать» [4]).

Не легко было въ это время Толстому продолжать свою дѣятельность въ Константинополѣ. Царь, въ собственноручномъ письмѣ, просилъ опытнаго дипломата не покидать труднаго поста. Именно въ то время, когда, послѣ заключенія Августомъ Альтранштетскаго мира, вся опасность войны со Швеціею лежала на одной Россіи, Петра сильно безпокоила мысль о возможности разрыва съ Портою, о союзѣ Карла XII съ турками. Возникло намѣреніе, для избѣжанія этой опасности, поссорить Турцію съ Австріею; въ этомъ смыслѣ старался дѣйствовать Толстой заодно съ французскимъ посланникомъ на турецкое правительство; однако, успѣха не было. Вообще же Толстой трудился неусыпно и въ большей части случаевъ удачно. Однажды, онъ отправилъ въ Москву книгу «Описаніе Чернаго моря со всѣми городами и гаванями, также Архипелага»; онъ самъ кромѣ того посылалъ искусныхъ людей снимать и описывать мѣста [5]).

Дѣйствовать заодно съ французскимъ посланникомъ оказалось неудобно, потому что послѣдній, получивъ отъ короля Людовика XIV приказаніе поссорить Порту съ Россіею, началъ дѣйствовать въ

---

[1]) Донесеніе Плейера у Устрялова, IV 2, 595, 598, 608.
[2]) Устряловъ, IV, 1, 220.
[3]) Тамъ-же, IV, 2, 626.
[4]) Тамъ-же, IV, 2, 299—231.
[5]) Тамъ-же, IV, 1, 333—340, 2, 399—400.

Портретъ Петра Великаго, поступившій въ 1880 году въ Императорскій Эрмитажъ изъ Сербскаго монастыря Великія Реметы.

Съ фотографіи, снятой съ подлинника. Гравюра Паннемакера въ Парижѣ.

этомъ направленіи, находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ ханомъ крымскимъ и располагалъ значительными средствами для подкупа лицъ, окружавшихъ султана. Турецкое правительство послало указы крымскому хану, пашамъ въ Софію, Очаковъ, Керчь и другія мѣста, чтобъ были осторожны. Толстому удалось провѣдать содержаніе писемъ французскаго посла; въ нихъ говорилось: оружіе цезаря римскаго и царя московскаго очень расширяется: чего же ждетъ Порта? теперь время низложить оружіе нѣмецкое и московское... Неполитично позволять одному государю стѣснять другого, а теперь царь московскій покорилъ себѣ Польшу, стѣснилъ Швецію и пр. Но Порта должна смотрѣть, что эти оба государя другъ другу помогаютъ по одной причинѣ—чтобъ послѣ соединенными силами напасть на Турцію. Кромѣ того, царь московскій имѣетъ постоянныя сношенія съ греками, валахами, молдаванами и многими другими единовѣрными народами, держитъ здѣсь, въ Константинополѣ, посла безо всякой надобности, развѣ только для того, чтобы посолъ этотъ внушалъ грекамъ и другимъ единовѣрцамъ своимъ всякія противности. Посолъ московскій не спитъ здѣсь, но всячески промышляетъ о своей пользѣ, а Порту утѣшаетъ сладостными словами; царь московскій ждетъ только окончанія шведской и польской войны, чтобъ покрыть Черное море своими кораблями и послать сухопутное войско на Крымъ и т. д. [1]).

Въ Константинополь пріѣхалъ еще другой дипломатъ, польскій посланникъ отъ Лещинскаго, на подмогу къ французскому послу. Толстой узналъ, что Лещинскій просилъ позволить татарамъ идти вмѣстѣ съ поляками на Москву, представляя, что царь такимъ образомъ принужденъ будетъ отдать Азовъ. Лещинскій сообщилъ далѣе султану, что царь намѣренъ начать войну съ Портою, что для этого онъ построилъ множество морскихъ судовъ и разсчитываетъ на возстаніе подданныхъ султана, грековъ и прочихъ христіанскихъ народовъ; наконецъ, польскій король говорилъ о сношеніяхъ между Толстымъ и христіанами, живущими въ турецкихъ областяхъ. Если Порта тому не вѣритъ, сказано было въ посланіи Лещинскаго, то можетъ произвести обыскъ въ домѣ русскаго посла.

Нѣкоторые вельможи дѣйствительно совѣтовали султану, чтобы онъ велѣлъ произвести обыскъ у Толстого, но визирь представилъ, что такое оскорбленіе будетъ равнозначительно объявленію войны,—а готова ли къ ней Порта? [2]).

---

[1]) Соловьевъ, XV, 221—225.
[2]) Тамъ-же, XV, 275—276.

Мы видѣли выше, въ какой мѣрѣ Турція могла сдѣлаться опасною, во время Булавинскаго бунта. Казаки-мятежники мечтали о соединеніи съ Турціею; Булавинъ находился въ перепискѣ съ турецкими пашами; еслибы Азовъ сдѣлался добычею бунтовщиковъ, то они, по всей вѣроятности, передали бы его въ руки Турціи.

Толстому было поручено зорко слѣдить за этими событіями и узнать, существуютъ ли какія-либо сношенія между казаками и турецкимъ правительствомъ. Оказалось, что съ этой стороны въ сущности не было повода къ опасеніямъ. Толстой надѣялся на сохраненіе мира и писалъ, въ концѣ 1708 и въ началѣ 1709 года, что даже измѣна Мазепы не заставитъ Турцію объявить войну Россіи. Впрочемъ, онъ узналъ о существованіи сношеній между Мазепою и крымскимъ ханомъ и силистрійскимъ пашею, Юсуфомъ. Толстому удалось щедрыми подарками задобрить Юсуфа, и безъ того неладившаго съ крымскимъ ханомъ, такъ что вездѣ интриги недоброжелателей Россіи встрѣчали препятствія. Изъ слѣдующаго примѣра можно заключить, въ какой мѣрѣ не только слухи, но и интересы противорѣчили другъ другу. Изъ Крыма было получено извѣстіе, что запорожцы изъявили будто желаніе сдѣлаться подданными хана; Юсуфъ-паша доносилъ, что они хотятъ сдѣлаться подданными Карла XII; Толстой оставался убѣжденнымъ въ томъ, что запорожцы, исключая немногихъ, желаютъ быть вѣрными царю.

Порта не желала войны, а скорѣе опасалась нападенія на нее Петра. 10-го іюля 1709 года, еще до полученія извѣстія о Полтавской битвѣ, Толстой писалъ: «приключились удивленія достойныя здѣсь вещи: писали къ Портѣ изъ пограничныхъ мѣстъ паши, что царское величество изволилъ придти въ Азовъ, будто для начатія войны съ турками, и вооружилъ въ Азовѣ многіе бастименты съ великимъ поспѣшеніемъ и многіе воинскіе припасы приготовляютъ. Вѣдомости эти скоро разгласились по всему Константинополю и такъ возмутили здѣшній народъ, что, еслибъ подробно все доносить, мало было бы и цѣлой дести бумаги; кратко доношу, что многіе турки отъ страха начали было изъ Константинополя бѣжать въ Азію; по улицамъ и рынкамъ кричали, что флотъ морской московскій пришелъ уже во Ѳракійское гирло и едва не вспыхнулъ бунтъ противъ меня, потому что многіе турки изъ поморскихъ мѣстъ съ Чернаго моря прибѣжали въ Константинополь съ женами и дѣтьми, покинувъ домы. Такъ какъ ихъ флота морская вся на Бѣломъ (Мраморномъ) морѣ, то съ необыкновенною ско-

ростью начали вооружать торговые бастименты и малые галіоты и послали на Бѣлое море за капитанъ-пашею, чтобъ немедленно возвратился съ флотомъ въ Константинополь. Потомъ, мало по малу, все усмирилось, и я, повидавшись съ визиремъ, увѣрилъ его, что всѣ эти вѣсти ложны» [1]).

Такимъ образомъ, обѣ державы одновременно думали лишь объ оборонѣ, обоюдно опасаясь нападенія. Турки считали опаснымъ положеніе Константинополя; Петръ считалъ возможною потерю Азова. При столь напряженномъ положеніи, война становилась весьма возможною, особенно въ случаѣ заключенія союза между Карломъ XII и Турціею.

Шведскій король, какъ кажется, недостаточно заботился о постоянныхъ и болѣе оживленныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Оттоманскою Портою. Въ Константинополѣ не было шведскаго резидента. Во время пребыванія своего въ Польшѣ, Карлъ находился въ перепискѣ съ очаковскимъ пашею. Есть основаніе думать, что Карлъ, при вторженіи въ Малороссію, надѣялся на содѣйствіе Турціи. Правда, послѣдняя оказала ему помощь, но не вò-время, а слишкомъ поздно [2]).

Послѣ Полтавской битвы, въ Константинополь явился, съ порученіями отъ шведскаго короля, непримиримый врагъ Россіи, Нейгебауеръ; одновременно и Понятовскій находился въ турецкой столицѣ, гдѣ особенно старался дѣйствовать на мать султана, въ видахъ заключенія тѣснаго союза между Турціею и Карломъ.

Въ свою очередь, и Петръ старался черезъ Толстого дѣйствовать на Порту въ совершенно противоположномъ направленіи, требуя выдачи Мазепы, бѣжавшаго въ турецкія владѣнія. Смерть стараго гетмана, 22-го сентября 1709 года, положила конецъ переговорамъ по этому предмету. Зато турки жаловались на русскихъ, перешедшихъ турецкую границу во время преслѣдованія шведовъ послѣ Полтавской битвы. Толстой доносилъ, въ августѣ 1709 года: «Порта въ большомъ горѣ, что шведскаго короля и Мазепу очаковскій паша принялъ: очень имъ не любо, что этотъ король къ нимъ прибѣжалъ... мыслятъ, что царское величество домогаться его будетъ и за то миръ съ ними разорветъ, чего они не хотѣли бы». Толстой писалъ далѣе: «слышно, что король шведской стоитъ близъ Бендеръ, на полѣ, и если возможно послать нѣсколько людей польской кавалеріи тайно, чтобъ, внезапно схвативъ, его увезли, потому

[1]) Соловьевъ, XV, 356—357.
[2]) Hammer, VII, 141.

что, говорятъ, при немъ людей немного, а турки, думаю, туда еще не собрались, и, если это возможно сдѣлать, то отъ Порты не будетъ потомъ ничего, потому что сдѣлаютъ это поляки, а хотя и дознаются, что это сдѣлано съ русской стороны, то ничего другого не будетъ, какъ только, что я здѣсь пострадаю» и пр. [1]).

Порта не переставала опасаться нападенія Петра. «Турки размышляютъ», доносилъ Толстой, «какимъ бы образомъ шведскаго короля отпустить такъ, чтобы онъ могъ продолжать войну съ царскимъ величествомъ, и они были бы безопасны, ибо увѣрены, что, кончивъ шведскую войну, царское величество начнетъ войну съ ними».

Такое настроеніе умовъ въ Турціи дало Толстому возможность, въ ноябрѣ 1709 года, склонить Порту къ соглашенію и относительно Карла XII: было положено, что онъ тронется отъ Бендеръ съ своими людьми, безъ казаковъ, и въ сопровожденіи турецкаго отряда изъ 500 человѣкъ; на польскихъ границахъ турки его оставятъ, сдавши русскому отряду, который и будетъ провожать его до шведскихъ границъ. Узнавъ объ этомъ, Карлъ, въ крайнемъ раздраженіи, велѣлъ, черезъ Понятовскаго, передать меморіалъ султану, въ которомъ великій визирь былъ выставленъ измѣнникомъ. Понятовскій дѣйствительно достигъ цѣли: визирь, Али-паша, былъ замѣненъ другимъ, но и сей послѣдній, Нууманъ-Кёприли, скоро долженъ былъ оставить свое мѣсто, которое занялъ Балтаджи-Магометъ-паша, склонный къ объявленію войны Россіи. Разрывъ становился неизбѣжнымъ.

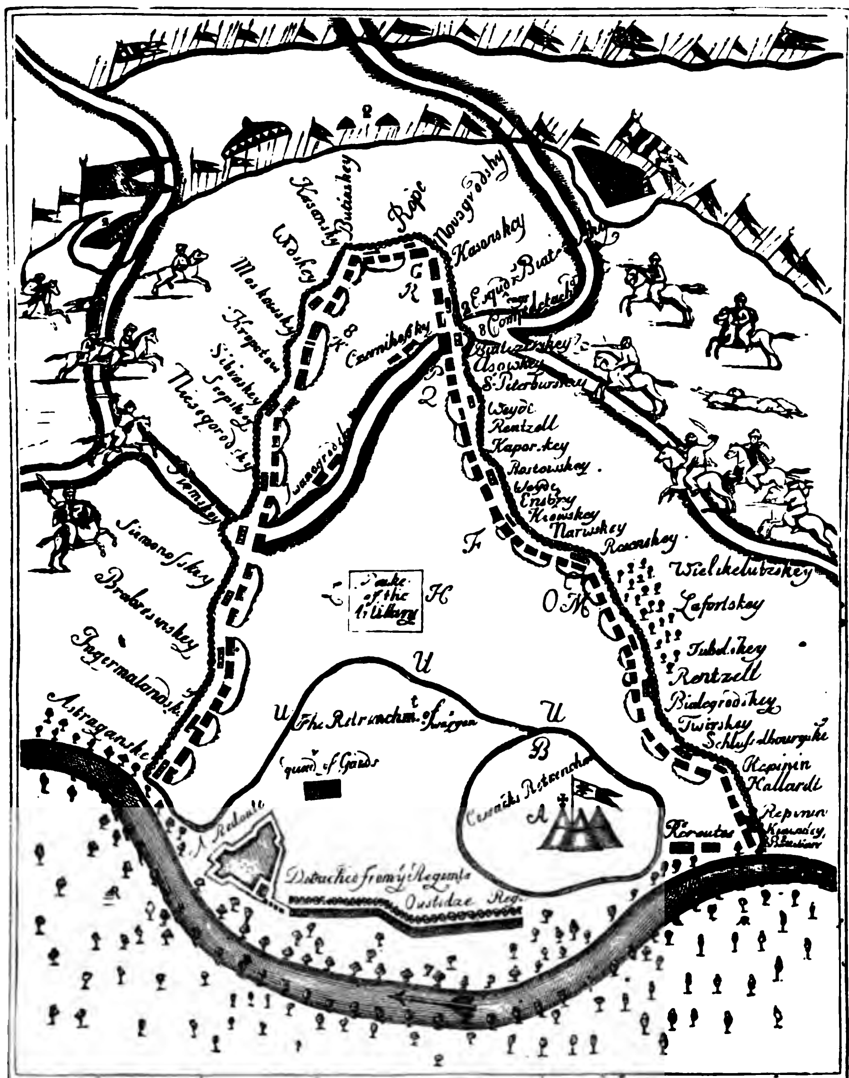
Въ октябрѣ 1710 года, Петръ потребовалъ отъ Порты рѣшительнаго отвѣта: хочетъ ли султанъ выполнить договоръ? если хочетъ, то пусть удалитъ шведскаго короля изъ своихъ владѣній, въ противномъ случаѣ онъ, царь, вмѣстѣ съ союзникомъ своимъ, королемъ Августомъ и республикою Польскою, прибѣгнетъ къ оружію. Но гонцы, везшіе царскую грамату къ султану, были схвачены на границѣ и брошены въ тюрьму. 20-го ноября, въ торжественномъ засѣданіи дивана, рѣшена была война, вслѣдствіе чего Толстой былъ посаженъ въ семибашенный замокъ, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя, начались и военныя дѣйствія [2]).

---

[1]) Соловьевъ, XVI, 52.

[2]) Соловьевъ, XVI, 49—56. Hammer, «Gesch. d. Osman. Reiches», VII, 142. Zinkeisen, «Gesch. d. Osmanischen Reiches in Europa», V, 399 и слѣд.

Рѣшаясь воевать съ Турціей, Россія не могла разсчитывать на союзниковъ между европейскими державами. Хотя въ этомъ отношеніи и были сдѣланы попытки склонить къ участію въ войнѣ



Планъ расположенія русскихъ и турецкихъ войскъ при Прутѣ, въ 1711 году.
Съ современнаго плана, находящагося въ „Путешествіи“ Ламотрея, изд. 1727 года.

Венецію и Францію, однако, старанія барона Урбиха, отправленнаго въ Венецію, и дипломатическаго агента Волкова, находив-

шагося нѣкоторое время въ Фонтенебло, у Людовика XIV [1]), не повели къ желанной цѣли.

Россія могла надѣяться на союзниковъ совсѣмъ иного рода. То были подданные султана.

Сношенія съ христіанами на Балканскомъ полуостровѣ не прекращались. Такъ, напримѣръ, іерусалимскій патріархъ Досиѳей, въ письмѣ къ царю въ 1702 году, въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ порицалъ образъ дѣйствій императора Леопольда, заключившаго миръ съ турками въ Карловичѣ. Въ 1704 году, Досиѳей утѣшалъ царя, по случаю значительныхъ жертвъ, требуемыхъ войною со Швеціею; онъ же, въ 1705 году, давалъ совѣты относительно назначенія архіереевъ въ Нарвѣ и Петербургѣ.

20-го августа 1704 года, въ Нарвѣ іеромонахъ Серафимъ подалъ боярину Головину письмо, въ которомъ заключалась манифестація грековъ. Изъ этого документа мы узнаемъ о размѣрахъ тогдашней агитаціи въ пользу освобожденія грековъ отъ турецкаго ига. Серафимъ доносилъ о путешествіяхъ, предпринятыхъ имъ въ разныя страны съ этою цѣлью, о сношеніяхъ между греческими архіереями и французскимъ правительствомъ, о разныхъ связяхъ грековъ съ Франціею, Англіею и Германіею. При всемъ томъ, однако, какъ объяснено далѣе въ запискѣ Серафима, греки убѣдились въ невозможности разсчитывать на помощь западной Европы, и поэтому «еллины» рѣшили обратиться къ царю съ вопросомъ: «есть ли изволеніе и благоволеніе величества его оборонять ихъ или помогать имъ?» Въ случаѣ готовности царя оказать имъ помощь, греки намѣревались обратиться все-таки еще къ голландцамъ, венеціанцамъ и пр., для образованія сильнаго союза противъ Оттоманской Порты, и пр. [2]).

Являлись и другіе агитаторы отъ имени балканскихъ христіанъ. 25-го ноября 1704 года, Пантелеймонъ Божичъ, сербъ, имѣлъ свиданіе съ бояриномъ Головинымъ и въ бесѣдѣ съ послѣднимъ сильно жаловался на турецкое иго и на козни австрійцевъ; бывшій молдавскій господарь, Щербанъ Кантакузенъ, по разсказу Божича, совѣтовалъ сербамъ надѣяться на «восточнаго царя»; то же мнѣніе раздѣлялъ и молдавскій господарь, Бранкованъ, чего ради сербы и отправили посланника къ царю, но не получили никакого отвѣта; поэтому они теперь отправили его, Божича, къ царскому

---

[1]) Guerrier, Leibniz, 108. Соловьевъ, XVII, 70.

[2]) Соловьевъ, XV, 419 и слѣд. О Серафимѣ см. нѣкоторыя подробности въ журналѣ «Др. и Нов. Россія», 1876 г., I, 369—383.

величеству «для отповѣди». «Я присланъ», говорилъ Божичъ, «отъ всѣхъ начальныхъ сербовъ, которые живутъ подъ цесаремъ въ Венгерской землѣ, при границахъ Турскихъ, прося его величество, дабы знали мы, что изволяетъ насъ имѣть за своихъ подданныхъ и вѣрныхъ, и вѣдалъ бы, что всегда готовы будемъ служить противъ бусурманъ безъ всякой платы и жалованья, никакаго ружья не требуя, но токмо за едино православіе, а коликое число войска нашего будетъ, самъ его царское величество удивится... Такожде и прочіе сербы, которые суть подъ басурманомъ и венеціанами, всѣ во единомысліи съ нами пребываютъ, въ чемъ иныя надежды по Бозѣ кромѣ его величества не имѣемъ, и если его величество оставитъ насъ, тогда всѣ православные погибнемъ» [1]).

Существовали связи и съ армянами. Лѣтомъ 1701 года, въ Московское государство пріѣхалъ армянинъ, Израиль Орія, и началъ говорить о необходимости освобожденія армянъ отъ тяжкаго ига персидскаго. Его планы состояли въ связи съ турецкимъ вопросомъ. Въ запискѣ, поданной этимъ эмиссаромъ царю, сказано: «безъ сомнѣнія, вашему царскому величеству извѣстно, что въ Армянской землѣ былъ король и князья христіанскіе, а потомъ отъ несогласія своего пришли подъ иго невѣрныхъ. Больше 250 лѣтъ стонемъ мы подъ этимъ игомъ, и, какъ сыны Адамовы ожидали пришествія Мессіи, который бы избавилъ ихъ отъ вѣчной смерти, такъ убогій нашъ народъ жилъ и живетъ надеждою помощи отъ вашего царскаго величества. Есть пророчество, что въ послѣднія времена невѣрные разсвирѣпѣютъ и будутъ принуждать христіанъ къ принятію своего прескавернаго закона; тогда придетъ изъ августѣйшаго московскаго дома великій государь, превосходящій храбростью Александра Македонскаго; онъ возьметъ царство агарянское и христіанъ избавитъ. Мы вѣримъ, что исполненіе этого пророчества приближается».

Орія получилъ отвѣтъ, что царь, будучи занятъ шведскою войною, не можетъ отправить значительнаго войска въ Персію; зато царь обѣщалъ послать туда, подъ видомъ купца, вѣрнаго человѣка, для подлиннаго ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ и разсмотрѣнія тамошнихъ мѣстъ. Орія замѣтилъ, что лучше поѣдетъ онъ самъ и повезетъ обнадеживательную грамату къ армянскимъ старшинамъ, что они будутъ приняты подъ русскую державу со всякими вольностями, особенно съ сохраненіемъ вѣры; такую же

---

[1]) Соловьевъ, XV, 426.

обнадеживательную грамату надобно, говорилъ онъ, послать и къ грузинамъ.

Однако, такой грамaты Орію не дали и повторяли, что, пока не кончится война со шведами, ничего нельзя сдѣлать. Осенью 1703 года, Орія поднесъ Петру карту Арменіи и записку, въ которой говорилось о способѣ завоеванія этой страны. «Богъ да поможетъ войскамъ вашимъ», писалъ Орія, «завоевать крѣпость Эривань, и тогда всю Арменію и Грузію покорите; въ Анатоліи много грековъ и армянъ: тогда увидятъ турки, что это прямой путь въ Константинополь».

Вскорѣ послѣ этого, Орія отправился въ Германію, будто бы для покупки тамъ оружія для армянъ. Въ 1707 году, возвратившись изъ поѣздки на западъ, онъ былъ отправленъ въ Персію, подъ видомъ папскаго посланника, но умеръ на пути въ Астрахань [1]).

Сношенія съ армянами не прерывались. Въ Россію пріѣзжали часто армянскіе эмиссары, лица бо̀льшею частью сомнительнаго свойства, авантюристы, агитаторы, шпіоны.

Такимъ образомъ, и въ Турціи, и въ Персіи, были люди, надѣявшіеся на царя. Однажды, даже со стороны нагайскихъ татаръ была выражена надежда, что царь приметъ ихъ «подъ свою высокую руку» [2]).

Не безъ крайней осторожности, Петръ поддерживалъ такого рода сношенія, руководилъ тайною перепискою по этимъ дѣламъ и предоставлялъ себѣ, при болѣе удобномъ случаѣ, воспользоваться вытекавшими отсюда выгодами. То самъ царь отправлялъ письма съ выраженіемъ «сердешной любви» къ Досиѳею, или съ изъявленіемъ надежды на будущій успѣхъ къ Бранковану, то Головкинъ въ подобныхъ же посланіяхъ говорилъ о сочувствіи царя интересамъ балканскихъ христіанъ [3]).

Послѣ Полтавской битвы, настала пора энергичныхъ дѣйствій. Особенно важными могли сдѣлаться сношенія Россіи съ господарями Валахіи и Молдавіи и съ черногорцами.

Именно непосредственно послѣ Полтавской битвы, господарь Валахіи, Бранкованъ, заключилъ съ Петромъ тайный союзный договоръ. Господарь обязывался, въ случаѣ если Петръ начнетъ войну съ турками, принять сторону Россіи, поднять сербовъ и

[1]) Соловьевъ, XVIII, 55—56.

[2]) Устряловъ, IV, 2, 155—156.

[3]) Устряловъ, IV, 2, 53, 75. Кочубинскаго статья «Сношенія Россіи при Петрѣ Великомъ съ южными славянами и румынами», въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. И. и Др.», 1872 г., II, 21.

болгаръ, собрать изъ нихъ отрядъ въ 30,000 человѣкъ и снабжать русское войско съѣстными припасами. Петръ, съ своей стороны, обязался признать Бранкована господаремъ Валахіи, а Валахію независимой, но подъ покровительствомъ Россіи. Петръ послалъ Бранковану орденъ Андрея Первозваннаго.

Въ то же время, молдавскій господарь, Михаилъ Раковица, просилъ Петра прислать къ нему отрядъ легкой конницы, чтобы схватить короля Карла XII, когда онъ пріѣдетъ въ Яссы. Однако, врагъ молдавскаго господаря, Бранкованъ, донесъ на него въ Константинополь. Раковица былъ схваченъ и брошенъ въ семибашенный замокъ. Въ началѣ 1710 года, Николай Маврокордато сдѣлался молдавскимъ господаремъ.

И сербы не переставали поддерживать сношенія съ Петромъ. Въ маѣ 1710 года, въ Москву прибылъ сотникъ, Богданъ Поповичъ, съ граматою къ царю отъ австрійскихъ сербовъ, просившихъ покровительства Петра. Когда, годомъ позже, русскія войска вступили въ Молдавію, 19,000 сербовъ двинулись на соединеніе съ Петромъ, но измѣнившій между тѣмъ царю Бранкованъ воспрепятствовалъ ихъ переходу черезъ Дунай.

Не мудрено, что Петръ, рѣшаясь на разрывъ съ Турціею, разсчитывалъ на этихъ союзниковъ. 6-го января 1711 года, онъ обнародовалъ обширную записку, гдѣ представлялось въ ясномъ свѣтѣ поведеніе турокъ по отношеніи къ Россіи и говорилось объ игѣ, которое терпятъ отъ «варваровъ» греки, болгары, сербы и пр.

Хотя и въ этой запискѣ не говорилось о черногорцахъ, однако Петръ, именно во время предстоявшей войны, искалъ случая вступить съ ними въ близкія сношенія. Въ качествѣ агента Петра въ Черногоріи, весною 1711 года, дѣйствовалъ Савва Владиславичъ, хорошо знакомый съ страною и находившійся въ близкой дружбѣ съ владыкою Даніиломъ. Въ манифестахъ къ черногорцамъ царь призывалъ ихъ къ участію въ войнѣ противъ турокъ.

Разные агенты царя, полковникъ Милорадовичъ, капитаны Лукашевичъ, Аркулей и др., старались вліять на черногорцевъ. Самъ владыко Даніилъ, сильно пострадавшій отъ жестокости и произвола турокъ, возбуждалъ своихъ соотечественниковъ къ возстанію. Вся страна находилась въ броженіи [1]).

Въ мартѣ 1711 года, въ то время, когда Петръ уже находился въ Галиціи, на пути къ турецкимъ границамъ, былъ заключенъ договоръ между царемъ и молдавскимъ господаремъ, Канте-

[1]) Кочубинскій, 22—47.

миромъ, наслѣдникомъ павшаго господаря, Николая Маврокордато. Кантемиръ, слабый между двумя сильными, прибѣгнулъ къ оружію слабаго, хитрости. Онъ вошелъ въ тайныя сношенія съ царемъ, открывалъ ему планы дивана, и, чтобъ удобнѣе прикрыть свое поведеніе, попросилъ у визиря позволеніе прикинуться другомъ русскихъ, чтобы лучше проникнуть ихъ тайны [1]). До самаго приближенія русской арміи, Кантемиръ дѣйствовалъ двусмысленно; до послѣдней минуты, онъ, какъ кажется, предоставлялъ себѣ свободу рѣшенія поступать, соображаясь съ обстоятельствами. Образъ дѣйствій Кантемира точь въ точь походитъ на поступки Мазепы. Въ Молдавіи даже многіе знатные бояре не могли составить себѣ въ это время точнаго понятія о намѣреніяхъ господаря.

13-го апрѣля 1711 года, въ Ярославлѣ былъ заключенъ между царемъ и Кантемиромъ договоръ. Пункты, на которыхъ Кантемиръ принималъ подданство, были слѣдующія: 1) Молдавія получитъ старыя границы свои до Днѣпра, со включеніемъ Буджака. До окончательнаго образованія княжества, всѣ укрѣпленныя мѣста будутъ заняты царскими гарнизонами; но послѣ русскія войска будутъ замѣнены молдавскими; 2) Молдавія никогда не будетъ платить дани. 3) Молдавскій князь можетъ быть смѣненъ только въ случаѣ измѣны или отреченія отъ православія; престолъ останется всегда въ родѣ Кантемира. 4) Царь не будетъ заключать мира съ Турціею, по которому Молдавія должна будетъ возвратиться подъ турецкое владычество. Кромѣ этого договора, состоялся еще другой, относительно будущей судьбы Кантемира, если военное счастіе не будетъ на сторонѣ русскихъ. Царь обязался: 1) если русскіе принуждены будутъ заключить миръ съ турками, то Кантемиръ получаетъ два дома въ Москвѣ и помѣстья, равныя цѣнностью тѣмъ, которыми онъ владѣетъ въ Молдавіи, сверхъ того, ежедневное содержаніе для себя и для свиты своей онъ будетъ получать изъ казны царской. 2) Если Кантемиръ не пожелаетъ остатся въ Россіи, то воленъ избрать другое мѣстопребываніе.

Таковы были приготовленія Петра къ войнѣ. Онъ въ это время былъ разстроенъ, часто хворалъ и не вполнѣ надѣялся на успѣхъ. На вопросъ Апраксина, гдѣ ему лучше утвердить свое пребываніе, царь отвѣчалъ: «гдѣ вамъ быть, то полагаю на ваше разсужденіе... что удобнѣе гдѣ, то чините; ибо мнѣ, такъ отдаленному и почитай во отчаяніи сущему, къ тому жъ отъ болѣзни чуть ожилъ, невозможно разсуждать, ибо дѣла что день отмѣняются [2]).

[1]) Соловьевъ, XVI, 77.
[2]) Тамъ-же, XVI, 74.

Военныя дѣйствія, впрочемъ, начались довольно успѣшно. Гетманъ Скоропадскій разбилъ хана Девлетъ-Гирея, который со страшною потерею долженъ былъ возвратиться въ Крымъ. Меншиковъ узналъ объ уныніи турокъ, не надѣявшихся на успѣхъ.

Въ Галиціи, во время пребыванія тамъ Петра, происходили разныя празднества. Съ особеннымъ почетомъ всюду принимали Екатерину, участвовавшую въ походѣ [1]). Въ Ярославлѣ Петръ свидѣлся съ королемъ Августомъ и заключилъ съ нимъ (30-го мая) договоръ, въ силу котораго польскій король выставилъ вспомогательное войско для турецкой войны.

Въ Ярославль прибылъ и посланникъ вольфенбюттельскаго двора, Шлейницъ, для заключенія договора о предстоявшемъ тогда бракѣ царевича Алексѣя. Съ нимъ Петръ бесѣдовалъ и о турецкой войнѣ, причемъ, какъ доносилъ Шлейницъ, обнаруживалъ достойную удивленія опытность въ дѣлахъ, и къ тому же необычайную скромность [2]). Отъ императора Людовика XIV въ Яворово, во время пребыванія тамъ Петра, былъ отправленъ Балюзъ, за нѣсколько лѣтъ до того бывшій въ Москвѣ. Зашла рѣчь о посредничествѣ Франціи между Россіею и Турціею, а также между Россіею и Швеціею. Отвергая вмѣшательство Людовика XIV въ шведско-русскую войну, Петръ казался склоннымъ къ принятію предложенія Франціи примирить его съ Турціею; однако, переговоры не повели къ цѣли, и Балюзъ оставался недовольнымъ результатомъ своихъ усилій [3]).

Въ Польшѣ опасались въ это время чрезмѣрныхъ успѣховъ русскаго оружія. Царь долженъ былъ объявить королю Августу «о разглашенныхъ сумнительствахъ, будто бы его царское величество имѣетъ намѣреніе на оріентальское (восточное) цесарство, и чтобъ Рѣчь Посполитую разорить и разлучить,—объявляемъ, что ни на одно, ни на другое, ни мало рефлекцію не сочиняемъ» и пр.

Между тѣмъ, изъ разныхъ мѣстъ Петръ получалъ письма отъ турецкихъ христіанъ, которые просили о немедленномъ вступленіи къ нимъ русскихъ войскъ, чтобъ предупредить турокъ. Онъ писалъ къ Шереметеву: «для Бога, не умедлите въ назначенное мѣсто... а ежели умѣшкаемъ, то вдесятеро тяжелѣе или едва возможно будетъ сей интересъ исполнить и тако все потеряемъ умедленіемъ». Въ другомъ письмѣ сказано: «господари пишутъ, что,

---

[1]) Донесеніе Балюза, въ «Сб. И. О.» XXXIV, 64.
[2]) Guerrier, «Die Kronprinzessin Charlotte» 57.
[3]) «Сб. И. О.» XXXIV, 51 и слѣд.

какъ скоро наши войска вступятъ въ ихъ земли, то они сейчасъ же съ ними соединятся и весь свой многочисленный народъ побудятъ къ возстанію противъ турокъ, на что глядя, и сербы, также болгары и другіе христіанскіе народы встанутъ противъ турка, и одни присоединятся къ нашимъ войскамъ, другіе поднимутъ возстаніе внутри турецкихъ областей; въ такихъ обстоятельствахъ визирь не посмѣетъ перейти за Дунай, большая часть войска его разбѣжится, а можетъ-быть и бунтъ подымутъ. А если мы замедлимъ, то турки, переправясь черезъ Дунай съ большимъ войскомъ, принудятъ господарей по неволѣ соединиться съ собою и большая часть христіанъ не посмѣетъ приступить къ намъ, развѣ мы выиграемъ сраженіе, а иные малодушные и противъ насъ туркамъ служить будутъ». Шереметеву было вмѣнено въ обязанность всѣми способами, щедростью и подарками привлекать къ себѣ молдаванъ, валаховъ, сербовъ и прочихъ христіанъ, давать имъ жалованье и обѣщать помѣсячную дачу; вмѣстѣ съ тѣмъ, ему было велѣно запретить подъ страхомъ смертной казни въ войскѣ, чтобъ ничего у христіанъ безъ указу и безъ денегъ не брали и жителей ничѣмъ не озлобляли, но поступали пріятельски; наконецъ, онъ долженъ былъ разсылать универсалы на татарскомъ языкѣ въ бѣлгородской (аккерманской) и буджакской ордѣ, для склоненія ихъ въ подданство къ Россіи и пр. [1]).

Хотя современники—между ними извѣстный инженеръ Джонъ Перри—и хвалили быстроту движенія русской арміи, все-таки турецкое войско предупредило русскихъ прибытіемъ къ берегамъ Дуная. Напрасно царь радовался извѣстію, что Шереметевъ съ войскомъ успѣлъ дойти до Яссъ. Вскорѣ отъ фельдмаршала были получены дурныя вѣсти, о переходѣ турецкаго войска чрезъ Дунай и о недостаткѣ въ припасахъ. Царь былъ очень недоволенъ, осыпалъ Шереметева упреками, давалъ совѣты, предлагалъ крутыя мѣры [2]).

По разсказу одного современника-очевидца, на берегахъ Днѣстра былъ держанъ военный совѣтъ; генералы Галлартъ, Енсбергъ, Остенъ и Берггольцъ представляли необходимость остановиться на Днѣстрѣ, указывая на недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, на изнурительность пятидневнаго пути отъ Днѣстра къ Яссамъ по степи безводной и безплодной. Но генералъ Рённе былъ того мнѣнія, что необходимо продолжать походъ, что только этимъ

[1]) Соловьевъ, XVI, 82—83.
[2]) Тамъ-же, XVI, 44—8.

смѣлымъ движеніемъ впередъ можно достигнуть цѣли похода и поддержать честь русскаго оружія. Русскіе генералы согласились съ Рённе, и Петръ принялъ мнѣніе большинства [1]).

24-го іюня, Петръ прибылъ съ войскомъ къ берегамъ Прута. На другой день онъ отправился въ Яссы, гдѣ свидѣлся съ Кантемиромъ. Господарь произвелъ на царя впечатлѣніе человѣка чрезвычайно способнаго. Въ Яссы пріѣхалъ изъ Валахіи Ѳома Кантакузинъ и объявилъ, что онъ и весь народъ въ ихъ землѣ вѣренъ царю, и что, какъ скоро русскія войска явятся въ Валахіи, то

Великій визирь Балтаджи-Мехмедъ.

Съ современнаго портрета, находящагося въ „Путешествіи" де-Бруина, изд. 1737 года.

всѣ къ нимъ пристанутъ; но господарь Бранкованъ не склоненъ къ русской сторонѣ и не хочетъ поставить себя въ затруднительное и опасное положеніе [2]).

Вскорѣ оказалось, что вообще на этихъ господарей была плохая надежда, и что они въ своихъ политическихъ дѣйствіяхъ ру-

---

[1]) Halem, «Gesch. Peters d. Gr.», 33—38.

[2]) Соловьевъ, XVI, 88; Кочубинскій, 50—60. Анекдотъ, разсказанный у Германа, «Geschichte d. russ Staats», IV, 267, будто Бранкованъ открыто отказался отъ союза съ царемъ и Петръ собственноручно хотѣлъ убить посланнаго съ этимъ объявленіемъ, какъ кажется, лишенъ всякаго основанія.

ководствовались прежде всего личными выгодами, чувствомъ мести, эгоистическими разсчетами. Трудно составить себѣ точное понятіе о настоящихъ намѣреніяхъ, желаніяхъ и надеждахъ этихъ союзниковъ Петра. Доносы, оффиціальная ложь, коварство, хитрость—все это стояло на первомъ планѣ въ дѣйствіяхъ и Кантемира, и Бранкована. При такихъ обстоятельствахъ, положеніе Петра легко могло сдѣлаться чрезвычайно опаснымъ. Надѣясь на этихъ союзниковъ, царь слишкомъ далеко зашелъ въ непріятельскую страну. Приходилось дорого поплатиться за ошибку, заключавшуюся въ чрезмѣрномъ довѣріи къ такого рода союзникамъ.

Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что и Турція не надѣялась на успѣхъ. Во время пребыванія Петра въ Яссахъ, султанъ чрезъ господаря Бранкована сдѣлалъ царю предложеніе окончить разладъ миромъ. Петръ отвергъ это предложеніе, «ибо тогда частію не повѣрено, паче же того ради не принято», какъ сказано въ оффиціальномъ разсказѣ объ этихъ событіяхъ, «дабы не дать непріятелю сердца» [1]).

Такимъ образомъ, Петръ рѣшился отправить отрядъ войска въ Валахію, для возбужденія къ бунту этой страны. Самъ же онъ двинулся къ берегамъ Прута, гдѣ дѣло очень скоро дошло до страшнаго кризиса. Русское войско, 30—40,000 человѣкъ, очутилось окруженнымъ впятеро сильнѣйшимъ татарско-турецкимъ войскомъ.

Надежда на союзниковъ, турецкихъ христіанъ, заманившихъ царя слишкомъ далеко въ непріятельскую страну, оказалась тщетною. Въ своей «Гисторіи Свейской войны» Петръ замѣчаетъ о положеніи дѣла: «хотя и опасно было, однако же, дабы христіанъ, желающихъ помощи, въ отчаяніе не привесть, на сей опасный весьма путь, для неимѣнія провіанта, позволено».

Петръ, разгнѣванный на Бранкована, написалъ къ нему письмо, въ которомъ требовалъ исполненія данныхъ обѣщаній и прежде всего присылки 100 возовъ съ припасами. Бранкованъ отвѣчалъ, что не считаетъ себя связаннымъ договоромъ, такъ какъ русскіе не вступали въ Валахію, и отнынѣ прекращаетъ всякія сношенія съ ними и мирится съ турками. Дѣйствительно, лишь только великій визирь вступилъ въ Молдавію, Бранкованъ вышелъ къ нему на встрѣчу и предоставилъ туркамъ всѣ тѣ припасы, которые онъ готовилъ для Петра. Переходъ Бранкована на сторону турокъ имѣлъ

---

[1]) П. С. З. № 2410. Тамъ не сказано о томъ, что говорится въ статьѣ Кочубинскаго, будто турки обѣщали Россіи «всѣ земли вплоть до Дуная».

самыя плачевныя послѣдствія для русскихъ. Въ то время, какъ изобиліе царствовало въ станѣ мусульманскомъ, у русскихъ чувствовался голодъ. Къ довершенію несчастія, саранча уничтожила всѣ посѣвы и всю траву въ Молдавіи [1]).

8-го іюля произошло первое столкновеніе съ турецкимъ войскомъ. Неопытные молдаване подались назадъ, за то русское войско устояло, и только въ слѣдующую ночь было рѣшено отступленіе, во время котораго, 9-го іюля, турки еще разъ напали на русское войско, сражавшееся храбро и успѣвшее укрѣпиться въ лагерѣ.

Положеніе сдѣлалось отчаяннымъ: войско было истомлено битвою и зноемъ; съѣстныхъ припасовъ оставалось очень немного; помощи ниоткуда. Превосходство силъ непріятеля исключало для русскаго войска возможность пробить себѣ путь чрезъ турецкій лагерь. Оставалась надежда на переговоры, и эта надежда усилилась извѣстіемъ, полученнымъ чрезъ плѣнныхъ турокъ, что и въ арміи визиря господствовало уныніе, что янычары, сильно пострадавшіе въ схваткахъ съ русскими, роптали и отказывались отъ продолженія военныхъ дѣйствій.

Разсказываютъ, что Петръ въ эту критическую минуту былъ готовъ рѣшиться на странный шагъ: онъ призвалъ къ себѣ гетмана Некульче и спросилъ его, не можетъ ли онъ провести его и царицу до границъ Угріи, но такъ, чтобы непріятель не могъ замѣтить его ухода? Покидая войска, Петръ оставлялъ главное начальство надъ ними Шереметеву и Кантемиру, съ приказаніемъ держаться въ Молдавіи до тѣхъ поръ, пока онъ не возвратится назадъ съ свѣжими силами. Но гетманъ отсовѣтовалъ Петру рѣшиться на такой опасный шагъ, представляя на видъ, что, можетъ быть, уже вся верхняя Молдавія занята турками. «Въ случаѣ плачевнаго исхода», говоритъ самъ Некульче, «я не хотѣлъ принять на свою голову проклятій всей Россіи» [2]).

Этотъ разсказъ, самъ по себѣ не лишенный правдоподобія, не подтверждается никакими другими данными. Какъ бы то ни было, царь оставался въ лагерѣ, раздѣляя съ войскомъ всю опасность отчаяннаго положенія.

Разсказываютъ далѣе, что царь, когда не было надежды на спасеніе, писалъ сенату, что онъ съ войскомъ окруженъ въ семь кратъ сильнѣйшею турецкою силою, что предвидитъ пораженіе

[1]) Кочубинскій, 62.
[2]) Тамъ-же, 64.

и возможность попасть въ турецкій плѣнъ. «Если», сказано въ этомъ мнимомъ письмѣ царя къ сенату, «случится сіе послѣднее, то вы не должны меня почитать своимъ царемъ и государемъ и не исполнять, что мною, хотя бы то по собственноручному повелѣнію отъ насъ, было требуемо, покамѣсть я самъ не явлюся между вами въ лицѣ моемъ; но если я погибну и вы вѣрныя извѣстія получите о моей смерти, то выберете между собою достойнѣйшаго мнѣ въ наслѣдники».

Этотъ разсказъ не соотвѣтствуетъ историческому факту и оказывается легендою, выдумкою позднѣйшаго времени [1]). Петръ не предавался въ такой мѣрѣ отчаянію, не считалъ себя погибшимъ и не думалъ, какъ о средствѣ спасенія Россіи, о выборѣ царя изъ членовъ сената, между которыми даже не было лицъ, пользовавшихся особеннымъ довѣріемъ Петра. Въ сущности, даже нѣтъ основанія придавать такому письму, еслибы даже оно и было написано, значеніе геройскаго подвига, свидѣтельствовавшаго будто о самоотверженіи и патріотизмѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что русское войско наканунѣ кризиса сражалось храбро. Немного позже, Петръ, въ письмѣ къ сенату, хвалилъ доблесть арміи, сознавая, впрочемъ, что «никогда, какъ и началъ служить, въ такой дисперації не были» [2]). Тутъ-то именно оказалось, что русское войско, со времени Нарвской битвы, научилось весьма многому. Однако, храбрость и дисциплина, при громадномъ превосходствѣ силъ турокъ, не помогали, и приходилось думать о заключеніи перемирія.

Къ счастію, и въ турецкомъ лагерѣ желали прекращенія военныхъ дѣйствій: янычары волновались; къ тому же, получено извѣстіе, что генералъ Рённе занялъ Браиловъ. Захваченные въ плѣнъ турки объявили, что визирь желаетъ вступить въ мирные перего-

---

[1]) Въ первый разъ объ этомъ мнимомъ письмѣ говорилось въ анекдотахъ Штелина, который при этомъ ссылается на устный разсказъ князя Щербатова. Устряловъ, уже въ 1859 году, въ мѣсяцесловѣ, изд. академіею наукъ, доказалъ несостоятельность этой легенды. Соловьевъ замѣчаетъ, XVI, 94: «мы не считаемъ себя въ правѣ рѣшительно отвергать достовѣрность этого письма». Особенно тщательно былъ изслѣдованъ этотъ вопросъ въ прекрасной статьѣ Витберга («Древняя и Новая Россія», 1875 г., III, 256 и слѣд.). Онъ рѣшительно отвергаетъ достовѣрность разсказа, и мы вполнѣ соглашаемся съ его доводами. Возраженія г. Бѣлова. въ «Др. и Новой Россіи», 1876 г., III, 404, не могли измѣнить нашего взгляда. Особенно важнымъ оказывается разногласіе между тономъ и содержаніемъ достовѣрнаго письма, отъ 15-го іюля, и мнимымъ письмомъ, отъ 10-го іюля.

[2]) Соловьевъ, XVI, 96.

воры. Это заявленіе подало русскимъ слабую надежду выйдти мирнымъ путемъ изъ своего ужаснаго положенія.

Шереметевъ отправилъ къ визирю трубача съ письмомъ, въ которомъ предлагалось прекратить кровопролитіе. Отвѣта не было, и Шереметевъ послалъ другое письмо, съ просьбою о «наискорѣйшей резолюціи». На это второе письмо визирь прислалъ отвѣтъ, что онъ отъ добраго мира не отрицается и чтобъ прислали для переговоровъ знатнаго человѣка [1]). Тотчасъ же Шафировъ, съ небольшою свитою, отправился въ турецкій лагерь. Изъ даннаго ему царемъ наказа видно, что Петръ считалъ свое положеніе чрезвычайно опаснымъ. Въ наказѣ было сказано: «1) туркамъ всѣ города завоеванные отдать, а построенные на ихъ земляхъ разорить, а буде заупрямятся, позволить отдать; 2) буде же о шведахъ станутъ говорить—отданіемъ Лифляндовъ, а буде на одномъ на томъ не могутъ довольствоваться, то и прочая по малу уступить, кромѣ Ингріи, за которую, буде такъ не захочетъ уступить, то отдать Псковъ, буде же того мало, то отдать и иныя провинціи, а буде возможно, то лучше-бъ не именовать, но на волю салтанскую положить; 3) о Лещинскомъ буде станутъ говорить, позволить на то; 4) въ прочемъ, что возможно, салтана всячески удовольствовать, чтобъ для того за шведа не зѣло старался» [2]).

Какъ видно, царь прежде всего думалъ объ удержаніи за собою Петербурга. Для этой цѣли онъ былъ готовъ жертвовать, въ случаѣ необходимости, разными русскими областями. То обстоятельство, однако, что при открытіи переговоровъ не было вовсе рѣчи о капитуляціи всей русской арміи, но лишь о заключеніи между Россіею, Турціею и Швеціею окончательнаго мира, свидѣтельствуетъ о жалкомъ образѣ дѣйствій визиря. Если бы турки продолжали военныя дѣйствія и принудили русскихъ сдаться, то положеніе Порты при веденіи переговоровъ было бы гораздо выгоднѣе. Здѣсь, очевидно, дѣйствовалъ подкупъ. Царь позволилъ Шафирову обѣщать визирю и другимъ начальнымъ лицамъ значительныя суммы денегъ.

О ходѣ переговоровъ, продолжавшихся два дня, мы знаемъ немного. Въ молдавскихъ источникахъ разсказано, что турки дѣйствительно заговорили объ отдачѣ шведамъ завоеванныхъ областей.

---

[1]) Мы слѣдуемъ разсказу Соловьева, основанному на архивныхъ данныхъ. По молдавскимъ источникамъ, визирь, узнавъ о взятіи Браилова, сдѣлалъ первый шагъ къ открытію переговоровъ.

[2]) Соловьевъ, XVI, 91.

Объ особенно дѣятельномъ и успѣшномъ участіи Екатерины въ переговорахъ упомянуто въ нѣкоторыхъ источникахъ; однако, при отсутствіи болѣе точныхъ данныхъ объ этомъ дѣлѣ, мы не можемъ опредѣлить мѣру заслуги, оказанной въ данномъ случаѣ Екатериною Петру и государству. Какъ бы то ни было, благодаря, какъ кажется, болѣе всего продажности турецкихъ сановниковъ, ловкій Шафировъ, уже 11-го іюля, могъ извѣстить царя о благополучномъ окончаніи переговоровъ. Главныя условія были слѣдующія: 1) отдать туркамъ Азовъ въ такомъ состояніи, какъ онъ взятъ былъ; новопостроенные города: Таганрогъ, Каменный Затонъ и Новобогородицкой, на устьѣ Самары, разорить; 2) въ польскія дѣла царю не мѣшаться, казаковъ не обезпокоить и не вступаться въ нихъ; 3) купцамъ съ обѣихъ сторонъ вольно пріѣзжать торговать, а послу царскому впредь въ Царѣградѣ не быть; 4) королю шведскому царь долженъ позволить свободный проходъ въ его владѣнія, и если оба согласятся, то и миръ заключить; 5) чтобъ подданнымъ обоихъ государствъ никакихъ убытковъ не было; 6) войскамъ царя свободный проходъ въ свои земли позволяется. До подтвержденія и исполненія договора, Шафировъ и сынъ фельдмаршала Шереметева должны оставаться въ Турціи.

Легко представить себѣ радость русскихъ, когда они узнали о заключеніи мира: радость была тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше было надежды на такой исходъ. Одинъ изъ служившихъ въ русскомъ войскѣ иностранцевъ говоритъ: «еслибы, поутру, 12-го числа, кто-нибудь сказалъ, что миръ будетъ заключенъ на такихъ условіяхъ, то всѣ сочли бы его сумасшедшимъ. Когда отправился трубачъ къ визирю съ первымъ предложеніемъ, то фельдмаршалъ Шереметевъ сказалъ намъ, что тотъ, кто присовѣтовалъ царскому величеству сдѣлать этотъ шагъ, долженъ считаться самымъ безсмысленнымъ человѣкомъ въ цѣломъ свѣтѣ, но если визирь приметъ предложеніе, то онъ, фельдмаршалъ, отдастъ ему преимущество въ безсмысліи».

Петръ, привыкшій въ послѣдніе годы къ побѣдамъ, тяжко страдалъ въ несчастіи. Излагая положеніе дѣла и изъявляя сожалѣніе, что долженъ «писать о такой матеріи», онъ сообщилъ сенату объ условіяхъ договора, прибавляя: «и тако тотъ смертный пиръ симъ кончился: сіе дѣло есть хотя и не безъ печали, что лишиться тѣхъ мѣстъ, гдѣ столько труда и убытковъ положено, однакожъ, чаю симъ лишеніемъ другой сторонѣ великое укрѣпле[illegible]торая несравнительною прибылью намъ есть».

Изъ этихъ словъ видно, какое значеніе Петръ придавалъ Петербургу и вообще сѣверо-западу, «другой сторонѣ». Меншиковъ вполнѣ раздѣлялъ взглядъ Петра на этотъ предметъ. Онъ писалъ царю о своей радости по случаю скораго окончанія войны. Затѣмъ, онъ замѣтилъ: «что же о лишеніи мѣстъ, къ которымъ многой трудъ и убытки положены, и въ томъ да будетъ воля оныя мѣста давшаго и паки тѣхъ мѣстъ насъ лишившаго Спасителя нашего, Который, надѣюсь, что по Своей къ намъ милости, либо паки оныя по времени вамъ возвратитъ, а особливо оный убытокъ сугубо наградить изволитъ укрѣпленіемъ сего мѣста (т. е. Петербурга), которое, правда воистинно, несравнительною прибылью намъ есть. Нынѣ же молимъ того же Всемогущаго Бога, дабы сподобилъ насъ вашу милость здѣсь вскорѣ видѣть, чтобъ мимошедшія столь прежестокія горести видѣніемъ сего парадиза вскорѣ въ сладость претворитись могли» [1]).

Петръ безъ препятствія могъ съ войскомъ возвратиться въ Россію. Исполненіе договора, заключеннаго съ турками, встрѣтило затрудненія. Помѣхою этому, между прочимъ, былъ самъ Карлъ XII, крайне раздраженный состоявшимся между Турціею и Россіею соглашеніемъ и не желавшій пока покидать турецкія владѣнія, въ которыхъ онъ находился. Царь приказалъ Апраксину не отдавать Азова туркамъ прежде, чѣмъ не получитъ отъ Шафирова извѣстія, что султанъ подтвердилъ прутскій договоръ и Карлъ XII высланъ изъ турецкихъ владѣній. Шафировъ и молодой Шереметевъ, находившіеся въ рукахъ турокъ, очутились въ весьма неловкомъ положеніи. Царь медлилъ выдачею Азова. Чего стоило ему очищеніе и разореніе этой крѣпости, видно изъ его письма къ Апраксину, отъ 19-го сентября: «какъ не своею рукою пишу: нужда турокъ удовольствовать... пока не услышишь о выходѣ короля шведскаго и къ намъ не отпишешься, Азова не отдавай, но немедленно пиши, къ какому времени можешь исправиться, а испражненія весьма надобно учинить, какъ возможно скоро, изъ обѣихъ крѣпостей. Таганрогъ разорить, какъ возможно низко, однако же, не портя фундамента, ибо можетъ Богъ по времени инаково учинить, что разумному досыть» [2]).

Между тѣмъ, турецкіе сановники дорого поплатились за Прутскій договоръ. Султанъ узналъ, черезъ недоброжелателей визиря, что при заключеніи мира дѣло не обошлось безъ русскихъ обозовъ

---

[1]) Соловьевъ, XVI, 96 и 97.
[2]) Тамъ-же, XVI, 103.

съ золотомъ, отправленныхъ въ турецкій лагерь. Визирь былъ сосланъ на островъ Лемносъ; нѣкоторые изъ сановниковъ, участвовавшихъ въ заключеніи мира, были казнены [1]).

Отношенія къ Турціи послѣ Прутскаго договора не только не улучшились, но становились все болѣе и болѣе натянутыми. Каждую минуту можно было ожидать возобновленія военныхъ дѣйствій. Шафирову, однако, удалось избѣгнуть новаго разрыва съ Портою; въ своихъ письмахъ къ царю, онъ сильно жаловался на происки французскаго посла, постоянно дѣйствовавшаго въ интересахъ Швеціи и старавшагося возбуждать Порту противъ Россіи. Дошло до того, что султанъ требовалъ уступки нѣкоторой части Малороссіи, чтобы заручиться миролюбіемъ Россіи. Все это заставило Петра, наконецъ, очистить Азовъ и срыть Таганрогъ. При посредствѣ Голландіи и Англіи, былъ заключенъ въ Адріанополѣ, 24-го іюня 1713 года, окончательный миръ съ Турціею [2]).

Союзники царя, турецкіе христіане, очутились въ отчаянномъ положеніи. Не даромъ Кантемиръ, въ лагерѣ на берегу Прута, умолялъ царя не заключать мира съ Турціею. Онъ самъ, а вмѣстѣ съ нимъ и многіе молдаване, переселились въ Россію; Молдавія же жестоко пострадала отъ опустошенія огнемъ и мечемъ турками.

Въ надеждѣ на успѣхъ русскаго оружія, и черногорцы, и сербы ополчились противъ Порты. Послѣ полученія извѣстія о Прутскомъ договорѣ, они должны были подумать о мирѣ съ Турціею. Однако, сношенія между ними и Россіею съ тѣхъ поръ не прекращались. У черногорцевъ Петра восхваляли въ народныхъ пѣсняхъ. Въ 1715 году, владыко Даніилъ прибылъ въ Петербургъ, гдѣ просилъ помощи для борьбы противъ Турціи и получилъ сумму денегъ, портретъ царя и манифесты къ населенію Черной Горы [3]).

Хотя греки и не принимали непосредственнаго участія въ этихъ событіяхъ, однако неудача Петра на Прутѣ все-таки была страшнымъ ударомъ, нанесеннымъ и ихъ интересамъ. Аѳинянинъ Либеріо Коллетти, хотѣвшій набрать нѣсколько тысячъ грековъ для дѣйствій противъ турокъ, узналъ въ Вѣнѣ о Прутскомъ мирѣ.

---

[1]) Hammer, VII, 160—161.

[2]) Многія подробности, въ письмахъ Толстого и Шафирова къ царю, у Соловьева, XVI, 104—129.

[3]) Кочубинскій, 70—93; Соловьевъ, XVI, 130, 403—405.

«Теперь», говорилъ онъ въ отчаяніи, «всѣ греки, полагавшіе всю надежду свою на царя, пропали» [1]).

Петръ самъ, какъ мы видѣли, надѣялся на пріобрѣтеніе вновь Азова, при измѣнившихся къ лучшему обстоятельствахъ. Онъ не дожилъ до этого. Однако, во все время его царствованія поддерживались сношенія съ христіанами на Балканскомъ полуостровѣ. Многіе молдаване, валахи, сербы и пр. вступили въ русскую службу. Вопросъ о солидарности Россіи съ этими племенами, под-

Петръ Павловичъ Шафировъ.
Съ гравированнаго портрета Грачева.

нятый Юріемъ Крижаничемъ, съ того времени игралъ весьма важную роль въ восточныхъ дѣлахъ. Не даромъ извѣстный «Серблянинъ» для турецкихъ христіанъ надѣялся на Россію, какъ на источникъ и умственнаго, и политическаго развитія этихъ подданныхъ султана. Во время Петра, кое-что было сдѣлано для просвѣщенія этихъ народовъ. Сербскій архіепископъ, Моисей Петровичъ, пріѣхавшій въ Россію поздравить Петра съ Ништадтскимъ миромъ, привезъ отъ своего народа просьбу, въ которой сербы, величая Петра новымъ Птоломеемъ, умоляли прислать двоихъ учите-

[1]) Соловьевъ, XVII, 99—100.

лей, латинскаго и славянскаго языковъ, также книгъ церковныхъ. «Будь намъ второй апостолъ, просвѣти и насъ, какъ просвѣтилъ своихъ людей, да не скажутъ враги наши: гдѣ есть Богъ ихъ?» Петръ велѣлъ отправить книгъ на 20 церквей, 400 букварей, 100 грамматикъ. Синодъ долженъ былъ сыскать и отправить въ Сербію двоихъ учителей и пр. [1]).

Прутскій походъ, имѣвшій весьма важное значеніе въ исторіи восточнаго вопроса, не лишенъ значенія и для исторіи Сѣверной войны. Попытка Карла XII побѣдить Петра посредствомъ турецкаго оружія оказалась тщетною. Несмотря на страшную неудачу въ борьбѣ съ Портою, положеніе Петра относительно Швеціи оставалось весьма выгоднымъ. Кризисъ 1711 года въ Молдавіи не могъ уничтожить результатовъ Полтавской битвы. Однако, до мира съ Швеціею было еще далеко. Борьба продолжалась съ тѣхъ поръ еще цѣлое десятилѣтіе.

[1]) Соловьевъ, XVIII, 194.

ГЛАВА IV.

Продолженіе Сѣверной войны и дипломатическія сношенія во время путешествій Петра за границу 1711—1717 гг.

НГЛИЧАНИНЪ ПЕРРИ, писавшій о Россіи и Петрѣ Великомъ въ 1714 году, замѣчаетъ, что Петръ, своими частыми поѣздками, отличается отъ всѣхъ прочихъ государей. Петръ, говоритъ Перри, путешествовалъ въ двадцать разъ болѣе, нежели другіе «потентаты». Во множествѣ поѣздокъ царя обнаруживается исполинская сила и энергія; его личное присутствіе всюду оказывалось необходимымъ. Оно оживляло работу, поддерживало стойкость его сотрудниковъ, устраняло разныя препятствія успѣха въ дѣлахъ, водворяя въ подданныхъ царя ту неутомимость, которою отличался онъ самъ. Путешествія царя свидѣтельствуютъ о той предпріимчивости, которая не нравилась бо̀льшей части его подданныхъ, любившихъ сидѣть дома и посвящать себя домашнимъ занятіямъ.

Цѣлью бо̀льшей части путешествій Петра было руководство военными дѣйствіями. Первыми заграничными путешествіями его были Азовскіе походы. Затѣмъ, событія Сѣверной войны заставляли Петра часто и долго находиться, то въ шведскихъ, то въ

польскихъ провинціяхъ. Здѣсь онъ занимался осадою крѣпостей, руководилъ движеніями войскъ, участвовалъ въ битвахъ. Заботы во время разгара войны не давали царю возможности быть туристомъ, наблюдать особенности посѣщаемыхъ имъ странъ, изучать нравы и обычаи ихъ жителей. Однако, и эти походы должны были сдѣлаться общеобразовательною школою для царя, столь способнаго всюду учиться, вездѣ сравнивать русскіе нравы и обычаи съ иноземными и заимствовать для своей родины полезныя учрежденія. Одинъ изъ современниковъ царя Алексѣя Михайловича замѣчаетъ, что участіе его въ польскихъ походахъ во время войнъ за Малороссію, пребываніе его въ Лифляндіи и въ Польшѣ—оказались весьма важнымъ средствомъ образованія и развитія царя, и что, по возвращеніи его изъ-за границы, обнаружилось вліяніе этихъ путевыхъ впечатлѣній. Въ гораздо бо́льшей степени Петръ долженъ былъ пользоваться своимъ участіемъ въ походахъ, какъ школой для усовершенствованія своего образованія вообще.

Заграничныя путешествія Петра послѣ Полтавской битвы имѣютъ свою особенность. Царь, встрѣчаясь съ государями Польши, Пруссіи и пр., ведетъ съ ними лично переговоры о мѣрахъ для продолженія войны и объ условіяхъ заключенія мира. Таково свиданіе Петра, вскорѣ послѣ Полтавской битвы, съ Августомъ II въ Торнѣ, съ Фридрихомъ I въ Маріенвердерѣ. На пути въ турецкія владѣнія, въ 1711 году, онъ, въ Ярославлѣ, въ Галиціи, занятъ переговорами съ Шлейницемъ объ условіяхъ брака царевича Алексѣя; въ Яворовѣ онъ обѣдаетъ вмѣстѣ съ княземъ Семиградскимъ, Ракоци, затѣмъ онъ знакомится съ Кантемиромъ и пр.

Особенно частымъ посѣтителемъ западной Европы Петръ сдѣлался послѣ неудачнаго Прутскаго похода. Какъ бы для отдыха, послѣ этого опаснаго и богатаго тяжелыми впечатлѣніями періода, царь отправился черезъ Польшу и Пруссію въ Дрезденъ и Карлсбадъ, и тутъ уже онъ, послѣ страшнаго напряженія военной дѣятельности, могъ посвящать себя леченію, отдыху, мирнымъ занятіямъ, развлеченіямъ. Скоро, однако, оказалось необходимымъ самоличное участіе Петра въ военныхъ операціяхъ и дипломатическихъ переговорахъ.

———

Петръ Великій.

Съ гравюры Хубракена, одѣланной съ портрета, писаннаго съ натуры Карломъ Мооромъ въ 1717 году.

Фототипія Ремлера и Іонаса въ Дрезденѣ.

Приложеніе къ «Исторіи Петра Великаго», изд. Суворина.

Путешествія Петра въ 1711 и 1712 гг.

Въ августѣ 1711 года, мы застаемъ Петра въ Польшѣ. Оттуда онъ отправился въ Дрезденъ, гдѣ, впрочемъ, не было короля Августа [1]). При этомъ, саксонскій дипломатъ, Фицтумъ, старался узнать кое-что о политическихъ видахъ Петра и особенно тщательно разспрашивалъ его о намѣреніи вступить въ близкія сношенія съ Франціей. Царь увѣрялъ Фицтума, что пока нѣтъ ни малѣйшаго соглашенія между Россіею и Людовикомъ XIV, и что онъ желаетъ болѣе всего окончить войну со Швеціею къ собственному и его союзниковъ удовлетворенію [2]).

Во время пребыванія своего въ Карлсбадѣ [3]), Петръ, между прочимъ, переписывался съ Шафировымъ и Шереметевымъ о турецкихъ дѣлахъ, велъ переговоры о бракѣ царевича Алексѣя и пр. Въ Торгау, гдѣ, въ октябрѣ 1711 г., происходило бракосочетаніе царевича, Петръ впервые видѣлъ Лейбница, который въ это время былъ занятъ составленіемъ разныхъ проектовъ о распространеніи наукъ въ Россіи, объ устройствѣ магнитныхъ наблюденій въ этой странѣ и пр. «Умственныя способности этого великаго государя громадны», писалъ Лейбницъ, лично познакомившись съ царемъ [4]).

Затѣмъ, въ Кроссенѣ, Петръ имѣлъ свиданіе съ прусскимъ кронпринцемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, который двумя годами позже вступилъ на прусскій престолъ и во все время своего царствованія, до кончины Петра, оставался вѣрнымъ союзникомъ и другомъ Россіи. Здѣсь происходили переговоры о способахъ продолженія войны. Уже до этого союзники осаждали Стральзундъ, однако же безуспѣшно, вслѣдствіе раздора между русскими, саксонскими и датскими генералами, участвовавшими въ этомъ предпріятіи.

Именно эти неудачныя военныя дѣйствія въ Помераніи и заставили Петра, въ 1712 году, послѣ краткаго пребыванія въ Петербургѣ, отправиться за границу, къ русскому войску, находившемуся около Штетина. Тутъ онъ былъ весьма недоволенъ обра-

---

[1]) Любопытныя подробности о пребываніи Петра въ Дрезденѣ см. въ статьѣ Вебера, въ «Archiv für Sächsische Geschichte», Leipzig, 1873 г., XI, 337—351, и въ Сб. Ист. О., XX, 38 и слѣд.

[2]) Guerrier, I, 114—121, приложенія, 170—194.

[3]) Сб. И. О., XX, 45—51.

[4]) См. статью Кустодіева: «Петръ Великій въ Карлсбадѣ въ 1711 и 1712 гг.», Буда-Пештъ, 1873.

зомъ дѣйствій датчанъ, не поддерживавшихъ достаточно усердно операціи русскихъ. Въ раздраженіи, онъ писалъ королю Фридриху V: «сами изволите разсудить, что̀ мнѣ ни въ томъ, ни въ другомъ мѣстѣ собственнаго интересу нѣтъ; но что здѣсь дѣлаю, то для вашего величества дѣлаю». Не было точно опредѣленной программы дѣйствій союзниковъ. Петръ писалъ русскому резиденту въ Копенгагенѣ: «на удачу, безъ плана, я никакъ дѣлать не буду, ибо лучше рядомъ футъ за футъ добрымъ порядкомъ непріятеля, съ помощію Божіею, тѣснить, нежели на удачу отваживаться безъ основанія» [1]).

Въ этихъ мѣстахъ, въ Грейфсвальдѣ, Вольгастѣ, Анкламѣ, на берегу Померанскаго залива, Петръ пробылъ нѣсколько недѣль. Онъ осмотрѣлъ здѣсь датскій флотъ, на которомъ былъ принятъ съ особенною честью. Несмотря на то, что датскій король отдалъ свой флотъ въ распоряженіе царю, датскіе адмиралы не исполняли приказаній Петра. Споръ объ артиллеріи, необходимой для осады Штетина, начавшейся уже въ 1711 году, продолжался. Петръ былъ крайне недоволенъ. 16-го августа, онъ, въ Вольгастѣ, имѣлъ свиданіе съ королемъ польскимъ; было рѣшено брать островъ Рюгенъ, бомбардировать Стральзундъ, но, при недружномъ дѣйствіи союзниковъ, нельзя было ожидать успѣха. Въ раздраженіи, Петръ писалъ Меншикову: «на твое письмо, кромѣ сокрушенія, отвѣтствовать не могу... что̀ дѣлать, когда такихъ союзниковъ имѣемъ, и какъ пріѣдешь, самъ увѣдаешь, что никакими мѣрами инако сдѣлать мнѣ невозможно; я себя зѣло безсчастнымъ ставлю, что я сюда пріѣхалъ; Богъ видитъ мое доброе намѣреніе, а ихъ и иныхъ лукавство; я не могу ночи спать отъ сего трактованья» [2]). Въ этомъ же тонѣ Петръ писалъ и къ Долгорукому: «зѣло, зѣло жаль, что время проходитъ въ сихъ спорахъ»; и къ Крюйсу: «желалъ бы отсель къ вамъ о добрыхъ вѣдомостяхъ писать, но оныхъ не имѣемъ, понеже многобожіе мѣшаетъ; что̀ хотимъ, то не позволяютъ, а что̀ совѣтуютъ, того въ дѣло произвести не могутъ» и пр. [3]). Переговоры съ королями прусскимъ, польскимъ и датскимъ, переписка съ разными вельможами, неудача въ военныхъ дѣйствіяхъ—все это лежало тяжелымъ бременемъ на Петрѣ. Къ Екатеринѣ онъ писалъ въ это время: «зѣло тяжело жить, ибо я лѣвшею не умѣю

---

[1]) Соловьевъ, XVII, 7. Голиковъ, IV, 128.
[2]) Тамъ-же, XVII, 7.
[3]) «Матеріалы для исторіи русскаго флота», IV, 60; I, 322.

владѣть, а въ одной рукѣ принужденъ держать шпагу и перо; а помощниковъ сколько, сама знаешь» [1]).

На пути въ Карлсбадъ, куда Петръ опять поѣхалъ лечиться, онъ два дня пробылъ въ Берлинѣ; нѣтъ сомнѣнія, тамъ происходили болѣе или менѣе важные переговоры о дѣлахъ. Къ сожалѣнію, объ этихъ конференціяхъ мы не имѣемъ свѣдѣній [2]).

Въ Карлсбадъ къ государю пріѣхалъ цесарскій графъ Вратиславъ «для трактованія царскаго величества». Туда же прибылъ Лейбницъ, составившій записку, въ которой излагалъ необходимость участія Россіи въ окончаніи войны за испанское наслѣдство. Битва при Denенѣ (Denain) доставила Франціи нѣкоторый перевѣсъ. Лейбницъ, желая усиленія союзниковъ, надѣялся на царя. Содержаніе бесѣдъ знаменитаго философа съ царемъ лишь отчасти сдѣлалось извѣстнымъ; Лейбницъ старался узнать кое-что о намѣреніяхъ царя относительно Лифляндіи, но царь былъ остороженъ и не сообщалъ ничего по этому вопросу [3]). Возникла мысль употребить Лейбница въ качествѣ дипломата для сближенія между Австріею и Россіею.

Изъ Карлсбада Петръ, черезъ Дрезденъ и Берлинъ, отправился въ Мекленбургъ для участія въ происходившихъ тамъ военныхъ дѣйствіяхъ. Тутъ онъ опять видѣлся съ королемъ Августомъ, который послѣ этого, отправляясь въ Польшу, поручилъ свои войска царю.

2-го декабря 1712 года, Петръ писалъ Екатеринѣ: «время пришло вамъ молиться, а намъ трудиться... мы сего моменту подымаемся отсель на сикурсъ датскимъ. И тако на сей недѣлѣ чаемъ быть бою, гдѣ все окажется, куда коньюнктуры поворотятся» [4]).

Результатъ не соотвѣтствовалъ желаніямъ царя. Не дождавшись русскаго «сикурса», датскій король и саксонскій фельдмаршалъ Флеммингъ были разбиты при Гадебушѣ. Петръ, нѣсколько разъ просившій союзниковъ не вступать въ битву до прибытія къ нимъ на помощь русскаго войска, былъ чрезвычайно недоволенъ и сожалѣлъ о томъ, что «господа датчане имѣли ревность не по разуму» [5]).

---

[1]) Письма русскихъ государей, I, 21—23.

[2]) Штелинъ, анекдоты, М. 1830 г., I, 192—193. Письма русскихъ государей, I, 24. Сб. И. О., XX, 56—60.

[3]) Guerrier, 149.

[4]) Письма русскихъ государей, I, 27.

[5]) Соловьевъ, XVII, 8.

Подобнаго рода событія свидѣтельствуютъ о томъ, что датчане по возможности желали дѣйствовать безъ помощи русскихъ. Однако, послѣ пораженія при Гадебушѣ, датскій король просилъ Петра о помощи и изъявилъ желаніе видѣться съ нимъ. Свиданіе это состоялось 17-го января 1713 года, въ Рендсбургѣ; совѣщанія продолжались нѣсколько дней: происходили смотры войскъ датскихъ, саксонскихъ и русскихъ. 22-го января, оба государя отправились въ походъ. Чрезъ Шлезвигъ и Гузумъ Петръ приближался къ Фридрихштадту, гдѣ ему удалось нанести сильный ударъ шведамъ. Въ этой битвѣ (30-го января) онъ самъ руководилъ дѣйствіями, принудилъ шведовъ уйдти изъ города и занялъ его.

Дорожныя сани Петра Великаго.

Съ современнаго рисунка.

Послѣ битвы, царь опять встрѣтился съ королемъ датскимъ. Постоянно повторялись «консиліи» о военныхъ дѣйствіяхъ, которыя, впрочемъ, на нѣкоторое время остановились, такъ какъ шведскій генералъ Стенбокъ съ войскомъ заперся въ голштинской крѣпости Тэннигенѣ. Онъ сдался не раньше 4-го мая 1713 года [1]). Меншиковъ заставилъ города Гамбургъ и Любекъ заплатить значительныя суммы денегъ за то, что они не прерывали торговыхъ сношеній съ шведами; Петръ былъ очень доволенъ и писалъ Меншикову: «благодарствуемъ за деньги... зѣло нужно для покупки кораблей» [2]).

Военныя дѣйствія продолжались и послѣ возвращенія Петра въ Россію. Штетинъ сдался Меншикову 19-го сентября 1713 года, послѣ чего, въ силу договора, заключеннаго въ Шведтѣ, Рюгенъ и Стральзундъ были отданы въ секвестръ прусскому королю.

---

[1]) Журналъ Петра Великаго.

[2]) Соловьевъ, XVII, 14.

Настроеніе умовъ въ западной Европѣ.

Сближеніе съ Пруссіею было дѣломъ особенной важности, потому что другія державы въ западной Европѣ, почти безъ исключенія, были весьма недовольны значеніемъ, пріобрѣтеннымъ Россіею послѣ Полтавской битвы. Въ Германіи появились русскія войска; русскіе дипломаты и полководцы стали дѣйствовать смѣлѣе; Куракинъ, Матвеевъ, Долгорукій, Меншиковъ и др., по случаю переговоровъ съ представителями иностранныхъ державъ, обнаруживали самоувѣренность, до того времени не замѣчавшуюся въ русскихъ дипломатахъ, находившихся на западѣ.

Князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ.
Съ портрета, принадлежащаго княгинѣ Е. П. Кочубей.

Въ Польшѣ еще до Полтавской битвы опасались, что Петръ сдѣлается фактическимъ владѣльцемъ этой страны и станетъ распоряжаться въ ней безусловно самовластно; въ Германіи было высказано мнѣніе, что царь нетолько завладѣетъ Польшею, но даже сдѣлается чрезвычайно опаснымъ и для Германіи, и для императора [1]).

Отправленіе русскихъ войскъ сдѣлалось необходимымъ для военныхъ операцій противъ Швеціи. Появленіе русскихъ войскъ

---

[1]) Droysen, «Gesch. d. preuss. Politik», IV, 1, 289.

въ Польшѣ, съ тою же цѣлью, оказалось чрезвычайно опаснымъ для этого государства; того же можно было ожидать отъ подобнаго образа дѣйствій царя въ Германіи. Даже въ Пруссіи, нуждавшейся болѣе другихъ державъ въ союзѣ съ Россіею, были высказаны такого рода опасенія. Меншиковъ, въ бытность свою, въ 1712 году, въ Берлинѣ, говорилъ тамъ отъ имени царя, какъ разсказывали, въ тонѣ диктатора; намѣреніе русскихъ занять Стральзундъ и Штетинъ привело въ ужасъ государственныхъ людей, окружавшихъ короля Фридриха I. Они были готовы протестовать рѣшительно противъ такого вмѣшательства Россіи въ дѣла Германіи [1]).

Живя въ Лондонѣ, Матвеевъ еще до Полтавской битвы тайнымъ образомъ провѣдалъ о внушеніяхъ прусскаго и ганноверскаго дворовъ, что всѣмъ государямъ Евроны надобно опасаться усиленія державы московской; если Москва вступитъ въ великій союзъ, вмѣшается въ европейскія дѣла, навыкнетъ воинскому искусству и сотретъ шведа, который одинъ заслоняетъ отъ нея Европу, то нельзя будетъ ничѣмъ помѣшать ея дальнѣйшему распространенію въ Европѣ. Для предотвращенія этого, союзникамъ надобно удерживать царя внѣ Европы, не принимать его въ союзъ, мѣшать ему въ обученіи войска и въ настоящей войнѣ между Швеціею и Москвою помогать первой. Англія, цесарь и Голландія подчинились этому внушенію и опредѣлили не принимать царя въ союзъ, а проводить его учтивыми словами. Постоянно Матвеевъ повторялъ, что на союзъ съ Англіею нельзя надѣяться [2]).

Послѣ Полтавской битвы, въ Англіи съ большимъ неудовольствіемъ смотрѣли на вступленіе русскихъ войскъ въ Померанію. Утверждали, что въ Карлсбадѣ между царемъ и англійскимъ посланникомъ, Витвортомъ, произошелъ по поводу этого предмета очень крупный разговоръ, такъ что посланникъ счелъ благоразумнымъ удалиться. Англійскій министръ, С. Джонъ (знаменитый Болингброкъ), говорилъ русскому послу фонъ-деръ-Литу: «союзники въ Помераніи поступаютъ выше всякой мѣры: сначала увѣряли, что хотятъ только выгнать оттуда шведскій корпусъ Крассова, а теперь ясно видно, что ихъ намѣреніе выжить шведскаго короля изъ нѣмецкой земли: это уже слишкомъ!»

Въ 1713 году, англійскій посланникъ въ Голландіи, лордъ Страффордъ, объявилъ Куракину: «Англія никогда не хочетъ ви-

[1]) «Wir sind gleichsam der Discretion des Zaren untergeben», сказано въ рескриптѣ короля къ одному изъ дипломатическихъ агентовъ; см. соч. Дройзена, 421, 423, 430.

[2]) Соловьевъ, XVI, 61—63.

дѣть въ разореніи и безсиліи корону шведскую. Намѣреніе Англіи—содержать всѣ державы на сѣверѣ въ прежнемъ равновѣсіи; вашъ государь хочетъ удержать всѣ свои завоеванія, а шведскій король не хочетъ ничего уступить. Ливоніи нельзя отнять у Швеціи; надѣюсь, что вашъ государь удовольствуется Петербургомъ» и пр. Страффордъ внушалъ вліятельнымъ людямъ въ Голландіи, что, если царь будетъ владѣть гаванями на Балтійскомъ морѣ, то вскорѣ можетъ выставить свой флотъ ко вреду не только сосѣдямъ, но и отдаленнымъ государствамъ. Англійское купечество, торговавшее на Балтійскомъ морѣ, подало королевѣ проектъ, въ которомъ говорилось, что если царь будетъ имѣть свои гавани, то русскіе купцы станутъ торговать на своихъ корабляхъ со всѣми странами, тогда какъ прежде ни во Францію, ни въ Испанію, ни въ Италію не ѣздили, а вся торговля была въ рукахъ англичанъ и голландцевъ; кромѣ того усилится русская торговля съ Даніей и Любекомъ.

Эти враждебныя заявленія были остановлены угрозою Петра. Возвратился въ Голландію бывшій въ Даніи посланникъ Гоусъ и донесъ своему правительству о разговорахъ, бывшихъ у него съ царемъ. Петръ объявилъ ему, что желаетъ имѣть посредниками цесаря и голландскіе штаты, ибо надѣется на безпристрастіе этихъ державъ; не отвергаетъ и посредничества Англіи, только подозрѣваетъ ее въ нѣкоторой враждебности въ себѣ. «Я», говорилъ Петръ, «готовъ, съ своей стороны, явить всякую умѣренность и склонность къ миру, но съ условіемъ, чтобы медіаторы поступали безъ всякихъ угрозъ, съ умѣренностію; въ противномъ случаѣ, я вотъ что сдѣлаю: разорю всю Ливонію и другія завоеванныя провинціи, такъ что камня на камнѣ не останется; тогда ни шведу, ни другимъ претензіи будетъ имѣть не къ чему». Передавая эти слова, Гоусъ внушилъ, что съ царемъ надобно поступать осторожно, что онъ очень желаетъ мира, но враждебными дѣйствіями принудить его ни къ чему нельзя. «Сіе донесеніе», писалъ Куракинъ, «нашимъ дѣламъ не малую пользу учинило» [1]).

Въ разныхъ политическихъ брошюрахъ, появившихся въ это время, въ 1711 и 1712 годахъ, обсуждался вопросъ, насколько усиленіе Московскаго гусударства можетъ сдѣлаться опаснымъ для западно-европейскихъ державъ, въ особенности же печатались памфлеты съ жалобами на образъ дѣйствій русскихъ войскъ въ Помераніи и Мекленбургѣ [2]).

---

[1]) Соловьевъ, XVII, 4, 23—24.

[2]) См. каталогъ имп. публ. библ. Russica E. 499. u S. 788.

Такимъ образомъ, настроеніе умовъ на западѣ вообще оказывалось враждебнымъ царю и Россіи. Союзники царя—Данія, Польша, Пруссія—не особенно много могли сдѣлать и довольно часто обнаруживали даже неохоту быть полезными Россіи. Другія державы мечтали о лишеніи царя выгодъ одержанныхъ имъ побѣдъ. О Франціи узнали, что эта держава тайкомъ дѣйствовала на перекоръ интересамъ Россіи, что, напр., въ Штетинѣ находился отрядъ въ 500 французовъ, воевавшихъ противъ русскихъ [1]). Окончаніе войны за испанское наслѣдство грозило царю новою опасностью. Тѣ державы, которыя до этого были заняты упорною борьбою противъ Людовика XIV, теперь могли обращать большее вниманіе на Россію. Къ счастію для царя, онъ при случаѣ имѣлъ возможность сдѣлаться союзникомъ той или другой державы, такъ какъ въ сущности не прекращалась вражда между Франціею и германскими странами, между императоромъ и Пруссіею, между ганноверскимъ и берлинскимъ кабинетами и пр. Въ одно и то же время на западѣ боялись Россіи, ненавидѣли ее и искали союза съ нею. Не даромъ Лейбницъ, въ письмѣ къ курфирсту ганноверскому, выставляя на видъ необходимость сближенія съ Россіею, говорилъ: «я убѣжденъ въ томъ, что Россія будетъ на сѣверѣ имѣть то самое значеніе, которое до этого имѣла Швеція, и что даже она пойдетъ еще гораздо дальше. Такъ какъ этотъ государь весьма могуществeнъ, то, по моему мнѣнію, должно считать большою выгодою пользоваться его расположеніемъ и довѣріемъ [2]).»

Отношенія Россіи къ Австріи оставались холодными, хотя въ Вѣнѣ, въ 1710 году, серьезно думали о бракѣ одной изъ эрцгерцогинь съ царевичемъ Алексѣемъ [3]). Сношеніе между царемъ и семиградскимъ княземъ, Рагоци, сильно не понравились императору. Зато Австрія не могла не сочувствовать Россіи по поводу несчастія на Прутѣ, такъ какъ всякое усиленіе Турціи представляло собою опасность для императора. При всемъ этомъ, ни баронъ Урбихъ, бывшій резидентъ царя въ Вѣнѣ, ни пріѣхавшій туда изъ Англіи Матвеевъ, не могли склонить Австрію къ заключенію союза съ Россіею. Въ Вѣнѣ опасались сближеніемъ съ царемъ возбудить противъ себя Порту. Къ тому же, Австрія не могла желать развитія могущества Россіи, и скорѣе сочувствовала Карлу XII, осо-

[1]) Дройзенъ, IV, 1, 427.

[2]) «Il semble qu'il est important d'avoir quelque crédit auprès de lui». Guerrier, прилож. II, 139.

[3]) Соловьевъ, XVII, 95.

бенно, когда, послѣ окончанія войны за испанское наслѣдство, не было болѣе повода опасаться союза Швеціи съ Франціею. Для Австріи должно было казаться большею выгодою сдерживать Пруссію Карломъ XII, и поэтому успѣхи оружія союзниковъ въ Помераніи сильно не понравились императору.

Совсѣмъ иначе Россія относилась къ Пруссіи. Еще въ то время когда Фридрихъ Вильгельмъ былъ лишь кронпринцемъ, Петръ (въ 1711 году) задобрилъ его подаркомъ нѣсколькимъ «великановъ» («lange Kerle»). Такого рода подарки повторялись и впослѣдствіи, когда Фридрихъ Вильгельмъ сдѣлался королемъ [1]). При

Памятникъ русскимъ воинамъ, убитымъ въ Гангеутскомъ сраженіи.

всемъ томъ, однако, переговоры между русскимъ резидентомъ въ Берлинѣ и прусскими министрами не были особенно успѣшными.

Въ февралѣ 1713 года, Петръ, пребывая въ Ганноверѣ, узналъ о кончинѣ прусскаго короля, Фридриха I. Это обстоятельство заставило его отказаться отъ предполагавшагося посѣщенія прусской столицы. Однако, состоялось все-таки свиданіе между Петромъ и новымъ королемъ, Фридрихомъ Вильгельмомъ I, въ мѣстечкѣ Шёнгаузенѣ, близъ Берлина. Говорили о дѣлахъ, однако, царь не былъ особенно доволенъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на него этимъ государемъ. Онъ писалъ Меншикову: «здѣсь новаго короля

[1]) См. подробности въ особой статьѣ объ этомъ предметѣ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1878.

я нашелъ зѣло пріятна къ себѣ, но ни въ какое дѣйство онаго склонить не могъ, какъ я могъ разумѣть для двухъ причинъ: первое, что денегъ нѣтъ, другое, что еще много псовъ духа шведскаго, а король самъ политическихъ дѣлъ не искусенъ, а когда даетъ въ совѣтъ министрамъ, то всякими видами помогаютъ шведамъ, къ тому еще не осмотрѣлся. То видѣвъ, я, утвердя дружбу, оставилъ [1]).»

Для русскаго посла въ Берлинѣ была приготовлена подробная инструкція объ условіяхъ, на которыхъ Петръ желалъ заключить договоръ съ Фридрихомъ Вильгельмомъ I. Предметомъ переговоровъ было пребываніе русскихъ войскъ въ Германіи и продолженіе военныхъ дѣйствій въ Помераніи.

Въ Берлинѣ не хотѣли вступить въ открытую войну съ Швеціею, но не хотѣли также, чтобъ эта держава сохранила прежнюю свою силу. Король самъ скорѣе былъ сторонникомъ Петра, какъ видно и изъ слѣдующаго, впрочемъ, нѣсколько загадочнаго эпизода, случившагося за обѣдомъ у Фридриха Вильгельма, 10-го августа 1713-го года. На этомъ обѣдѣ присутствовали посланники, русскій, шведскій и голландскій. Король предложилъ тостъ за здоровье русскаго государя, потомъ голландскихъ штатовъ и забылъ о шведскомъ королѣ (!?). Шведскій посланникъ, Фризендорфъ, отказался пить за здоровье царя (!?), вмѣсто того выпилъ за добрый миръ, и при этомъ просилъ короля, чтобъ онъ былъ посредникомъ и доставилъ Карлу XII удовлетвореніе, возвратилъ ему Лифляндію и другія завоеванія, ибо король прусскій не можетъ желать усиленія царя. Король отвѣчалъ: «удовлетвореніе слѣдуетъ царскому величеству, а не шведскому королю, и я не буду совѣтовать русскому государю возвращать Ливонію, разсуждая по себѣ, если бы мнѣ случилось отъ непріятеля что завоевать, то я бы не захотѣлъ назадъ возвратить; притомъ царское величество добрый сосѣдъ и другихъ не безпокоитъ; а что касается посредничества, то я въ чужія дѣла мѣшаться не хочу». Фризендорфъ напомнилъ о дружбѣ, которая была всегда между Швеціею и Пруссіею при покойномъ королѣ, Фридрихѣ I; въ отвѣтъ Фридрихъ Вильгельмъ припомнилъ тѣсный союзъ Швеціи съ Франціею. «Одного только не достаетъ, чтобъ французскій гербъ былъ на шведскихъ знаменахъ», сказалъ между прочимъ король. Фризендорфъ началъ увѣрять, что такого союза нѣтъ между Швеціею и Франціею.—«А

[1]) Голиковъ, IX, 194—199 и доп. IX, 238—239. Голиковъ ошибается, говоря, что Петръ былъ въ Берлинѣ, какъ видно изъ журнала.

хочешь, разскажу, что ты мнѣ говорилъ шесть недѣль тому назадъ?» сказалъ король. Фризендорфъ испугался: «я это говорилъ вашему величеству наединѣ, какъ отцу духовному», сказалъ онъ, и прибавилъ, что король все шутитъ.—«Говорю, какъ думаю», отвѣчалъ король, «и никого манить не хочу» [1]).

При всемъ своемъ расположеніи къ царю, король прусскій не хотѣлъ обѣщать рѣшительныхъ дѣйствій, указывая на необходимость привести прежде всего въ надлежащее состояніе финансы своего государства. Самъ король желалъ Петру добра и былъ ему отъ души благодаренъ за отдачу въ секвестръ Пруссіи завоеванныхъ шведскихъ областей и городовъ [2]). Министры Фридриха Вильгельма, однако, не переставали опасаться чрезмѣрнаго перевѣса Россіи. Въ декабрѣ 1713 года, Ильгенъ передалъ королю меморіалъ, въ которомъ говорилось о выгодахъ союза съ Швеціею и о необходимости возстановленія прежняго равновѣсія на сѣверѣ. Соглашаясь съ нѣкоторыми мыслями Ильгена, король, однако, при прочтеніи меморіала, написалъ на поляхъ его: «хорошо, но царь долженъ удержать за собою Петербургъ съ гаванью и со всѣми принадлежностями, исключая Лифляндіи и Курляндіи» [3]). Въ меморіалѣ было сказано далѣе, что Лифляндія не можетъ представить собою какого либо затрудненія, такъ какъ царь обязался отдать эту провинцію польскому королю; Ильгенъ предвидѣлъ, что дѣло не обойдется безъ затрудненій, и даже считалъ возможною войну между Пруссіею и Россіею [4]).

Столкновеніе между Петромъ и Пруссіею было немыслимо. Напротивъ, отношенія обѣихъ державъ становились все болѣе дружескими. Петръ особенно радушно принялъ пріѣхавшаго въ Россію прусскаго посланника, Шлиппенбаха, и въ бесѣдѣ съ нимъ, весною 1714 года, замѣтилъ, что готовъ гарантировать королю пріобрѣтеніе Штетина и всей Помераніи до рѣки Пеене, въ случаѣ гарантированія королемъ Россіи пріобрѣтенія Кареліи и Ингерманландіи [5]). Столь же дружелюбно бесѣдовалъ король Фридрихъ Виль-

---

[1]) Соловьевъ, XVII, 17—18, ссылается на «Прусскія дѣла 1713 года» въ архивѣ. Подробности разсказа подлежатъ нѣкоторому сомнѣнію; сущность дѣла правдоподобна.

[2]) См. его слова къ Головкину у Соловьева XVII, 20.

[3]) Документъ находится въ берлинскомъ архивѣ; Дройзенъ читалъ замѣтку короля: «Der Zar muss Petersburg behalten, Liefland mit»; Ширренъ утверждаетъ, что тутъ сказано «Liefland nit», т. е. «nicht».

[4]) Droysen, «Gesch. d. pr. Pol». IV, 2, 76—77.

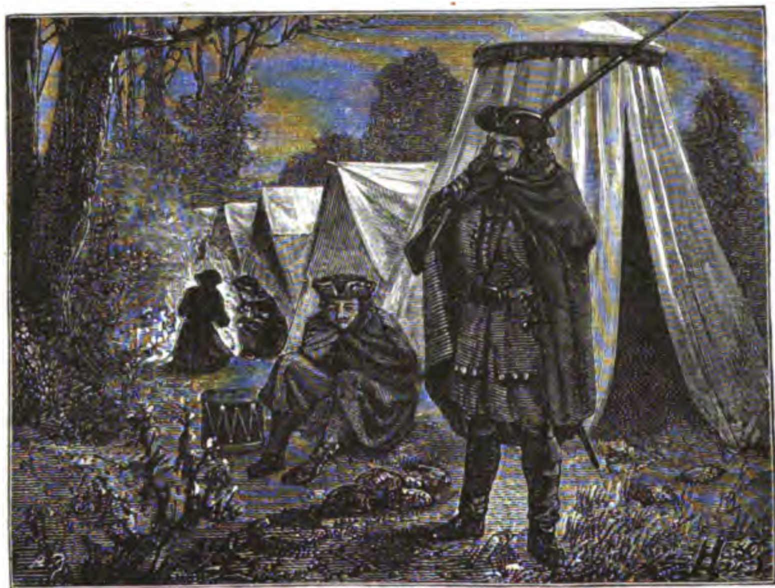
[5]) Тамъ же, 2, 89, 92.

гельмъ IV съ Головкинымъ въ Берлинѣ, замѣчая между прочимъ: «теперь я ни на кого такъ не надѣюсь, какъ на царское величество, а главное, питаю особенную любовь къ персонѣ его царскаго величества [1]).

Такимъ образомъ, важнѣйшимъ союзникомъ Петра оставалась Пруссія. Дальнѣйшіе успѣхи Россіи въ борьбѣ съ Карломъ XII содѣйствовали все болѣе и болѣе сближенію обѣихъ державъ.

Гангэутъ.

Около этого времени Финляндія сдѣлалась особенно важнымъ театромъ военныхъ дѣйствій.



Русскія войска Петровскаго времени.
Съ рисунка художника Н. Загорскаго.

Находясь въ Карлсбадѣ, Петръ, уже въ октябрѣ 1712 года, писалъ Апраксину о необходимости энергическихъ дѣйствій въ Финляндіи: «идти не для разоренія, но чтобъ овладѣть, хотя оная (Финляндія) намъ не нужна вовсе; удерживать по двухъ ради причинъ главнѣйшихъ: первое было бы что̀, при мирѣ, уступить,

[1]) Соловьевъ, XVII, 44.

о которомъ шведы уже явно говорить починаютъ; другое, что сія провинція есть матка Швеціи, какъ самъ вѣдаешь; не только что мясо и прочее, но и дрова оттоль, и ежели Богъ допуститъ лѣтомъ до Абова, то шведская шея мягче гнуться станетъ [1]).

Тотчасъ же послѣ возвращенія въ Петербургъ, раннею весною 1713 года, царь занялся приготовленіемъ къ походу въ Финляндію. 26-го апрѣля, 16,000-ное войско, на галерномъ флотѣ, состоявшемъ изъ 200 судовъ, отправилось туда. Въ качествѣ «шаутбенахта», или контръ-адмирала, самъ Петръ командовалъ авангардомъ флота. Безъ боя шведы уступили русскимъ города Гельсингфорсъ, Борго и Або. Такимъ образомъ, въ короткое время весь южный

Русскія войска Петровскаго времени.
Съ рисунка художника Н. Загорскаго.

берегъ Финляндіи былъ занятъ русскими войсками. Не раньше какъ въ октябрѣ, происходило столкновеніе съ шведами; при рѣкѣ Пенкени, у Таммерфорса, шведскій генералъ Армфельдъ былъ разбитъ Апраксинымъ и княземъ Мих. Мих. Голицынымъ; слѣдствіемъ побѣды было то, что вся почти Финляндія, до Каяніи, находилась въ рукахъ русскихъ.

[1]) Соловьевъ, XVII, 12.

Подобно тому, какъ Карлъ XII, въ 1708 и 1709 годахъ, обращался къ малороссіянамъ съ разными манифестами, теперь царь такими же граматами старался дѣйствовать на жителей Финляндіи [1]).

Военныя дѣйствія продолжались и зимою. Въ февралѣ 1714 года, князь М. М. Голицынъ еще разъ разбилъ Армфельда при Вазѣ. Выборгскій губернаторъ, Шуваловъ, занялъ крѣпость Нейшлотъ. Но самымъ замѣчательнымъ дѣломъ была побѣда, одержанная русскимъ галернымъ флотомъ, подъ начальствомъ Апраксина, при Гангеутѣ, причемъ былъ взятъ въ плѣнъ шведскій контръ-адмиралъ Эреншёльдъ (27-го іюля).

Петръ, участвовавшій въ этомъ дѣлѣ, писалъ лифляндскому губернатору тотчасъ же послѣ битвы: «объявляемъ вамъ, коимъ образомъ Всемогущій Господь Богъ Россію прославить изволилъ; ибо, по много дарованнымъ побѣдамъ на земли, нынѣ и на морѣ вѣнчати благоволилъ» [2]). Въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ Петръ писалъ и Екатеринѣ, описывая подробно ходъ дѣла и посылая ей «планъ атаки».

Впослѣдствіи, въ перепискѣ Петра съ Екатериною, память о Гангеутской битвѣ занимаетъ столь-же видное мѣсто, какъ воспоминаніе о Полтавѣ. Такъ, напримѣръ, 31 іюля 1718 года, Екатерина, въ письмѣ къ царю, желаетъ ему «такое-жъ получить счастье, какъ имѣли прошлаго 1714 года: будучи шоутбейнахтомъ, взяли шоутбейнахта». И въ 1719 году, въ день Гангеутскаго сраженія, Екатерина, въ письмѣ къ Петру, вспоминала о «славной побѣдѣ», въ которой царю удалось взять въ плѣнъ «камарата своей въ то время саржи» (charge—должность). Находясь въ Финляндіи, въ 1719 году, Петръ, въ письмѣ къ Екатеринѣ, выразилъ надежду «праздники взять въ Ангутѣ, въ землѣ обѣтованной» [3]). И на современниковъ Гангеутская битва произвела глубокое впечатлѣніе. Вольтеръ сравниваетъ Гангеутъ съ Полтавою [4]).

Послѣ Гангеутской битвы русскій флотъ отправился къ Аландскимъ островамъ, что̀ навело ужасъ на Швецію, ибо Аландъ находился только въ 15 миляхъ отъ Стокгольма. Царь съ небывалымъ торжествомъ возвратился въ парадизъ и былъ въ сенатѣ про-

---

[1]) См. подобные манифесты въ Имп. Публ. Библ.—каталогъ «Russica», U. 156, M. 260.

[2]) «Осьмнадцатый вѣкъ», изд. Бартеневымъ, IV, 21.

[3]) Письма русскихъ государей, I, 76, 89, 107—108, 128, 155.

[4]) Брошюры объ этомъ событіи въ Имп. Публ. Библ.—каталогъ «Russica», S. 719, R. 864, B. 1086. Voltaire, II, 62.

возглашенъ вице-адмираломъ. Однако, военныя дѣйствія 1714 года кончились неудачно. Апраксинъ съ галернымъ флотомъ много потерпѣлъ осенью отъ бури, причемъ потонуло 16 галеръ, а людей погибло около 300 человѣкъ [1]).

Между тѣмъ, началась осада Стральзунда союзными войсками. Въ 1715 году, этотъ городъ сдался, несмотря на то, что самъ Карлъ XII, наконецъ, покинувшій турецкія владѣнія, прибылъ въ Стральзундъ для защиты столь важнаго мѣста. Въ 1716 году сдался союзникамъ Висмаръ.

Участіе Петра въ дѣлахъ западной Европы становилось все болѣе и болѣе успѣшнымъ. Прежнія понятія о ничтожности Россіи превратились въ совершенно противоположную оцѣнку геніальной личности Петра и силъ и средствъ, находившихся въ распоряженіи Россіи при царѣ-преобразователѣ.

Данцигъ. Пирмонтъ.

Путешествіе Петра за границу, въ 1716 и 1717 годахъ, отличается отъ поѣздокъ 1711 и 1712 годовъ и продолжительностью, и дальностью. Никогда Петръ такъ долго не находился за границей, какъ въ это путешествіе, относящееся къ самому блестящему времени его внѣшней политики.

Наканунѣ этого путешествія, происходили довольно важныя военныя дѣйствія въ Помераніи. Успѣхи русскихъ войскъ сильно озадачивали даже союзниковъ Россіи, не говоря уже о ея противникахъ. Только прусскій король оказался весьма довольнымъ торжествомъ Россіи, надѣясь на полученіе значительныхъ выгодъ при посредствѣ царя.

Достойно вниманія случившееся около этого же времени первое знакомство Петра съ англійскимъ адмираломъ Норрисомъ. Лѣтомъ 1715 года, царь находился въ Ревелѣ и много крейсировалъ въ окрестностяхъ этого города. Туда же прибылъ Норрисъ съ эскадрою, и царь нѣсколько разъ, иногда даже въ сопровожденіи Екатерины, бывалъ гостемъ адмирала. Послѣдній былъ также приглашаемъ къ царю [2]). Знакомство съ Норрисомъ возобновилось въ 1716 году, въ пребываніе Петра въ Копенгагенѣ.

---

[1]) Соловьевъ, XVII, 38—39.
[2]) Походные журн. 1715 г., 62—64.

Уже съ 1712 года завязались сношенія между Россіей и Мекленбургомъ. Затруднительное положеніе, въ которомъ находился герцогъ Карлъ-Леопольдъ, заставило его искать покровительства у самаго сильнаго изъ союзныхъ государей, у царя. Чтобъ упрочить себѣ это покровительство, герцогъ рѣшился предложить свою руку племянницѣ Петра, Екатеринѣ Ивановнѣ. Въ началѣ 1716 года, въ Петербургѣ былъ заключенъ брачный договоръ. На западѣ стали подозрѣвать, что Петръ намѣревался назначить въ приданое племянницѣ кое-какія завоеванія. Начали говорить о Висмарѣ. Куракинъ представлялъ Петру, что всѣ эти планы «противны» двору англійскому и что на западѣ не желаютъ, чтобы Россія имѣла сообщеніе съ Германіей посредствомъ Балтійскаго моря [1]).

27-го января 1716 года, Петръ выѣхалъ изъ Петербурга. Въ Ригѣ происходили переговоры между Петромъ и адъютантомъ прусскаго короля, Грёбеномъ, о военныхъ дѣйствіяхъ въ Помераніи, въ особенности же о городѣ Висмарѣ [2]). Затѣмъ, Петръ отправился въ Данцигъ, куда прибылъ и король Августъ. Уже до этого король испытывалъ превосходство Россіи, содержавшей въ Польшѣ свои войска и нерѣдко обращавшейся съ нею, какъ съ завоеванною страною. Въ Данцигѣ Петръ распоряжался, какъ у себя дома. Онъ былъ встрѣченъ русскими генералами; тамъ было много русскихъ войскъ; около Данцига находился русскій флотъ. Король Августъ производилъ на современниковъ скорѣе впечатлѣніе вассала, угождавшаго своему ленному владѣтелю, нежели хозяина дома, принимавшаго у себя почетнаго гостя. Видя съ какою надменностью Петръ въ Данцигѣ обращался съ королемъ Августомъ, современники въ западной Европѣ ужаснулись [3]). Прусскіе министры опять представляли своему королю опасность, грозившую ему со стороны Петра, но король выразилъ надежду, что Пруссія всегда будетъ въ состояніи доказать Россіи, какая разница существуетъ между Польшей и Пруссіей [4]). Во всякомъ случаѣ, устраиваемые Петромъ въ Данцигѣ смотры казались демонстраціями, имѣвшими цѣлью внушить современникамъ высокое понятіе о значеніи Россіи.

Петръ былъ чрезвычайно недоволенъ настроеніемъ умовъ въ Данцигѣ и строго требовалъ прекращенія всѣхъ связей между

---

[1]) Соловьевъ, XVII, 52.

[2]) Голиковъ, доп., XI, 92—101.

[3]) См. статью Рейхардта о королѣ Августѣ, въ журналѣ «Im neuen Reich», 1877 г., № 25.

[4]) Droysen, «Gesch. d. preuss. Politik», IV, 2, 157—158.

этимъ городомъ и шведами. Вопросъ объ отношеніяхъ царя и русскаго войска къ Данцигу надѣлалъ довольно много шуму. Данцигъ обратился къ Нидерландской республикѣ и къ англійскому королю за помощію.

И осада Висмара не обошлась безъ непріятностей. Между русскими, прусскими и датскими генералами происходило разногласіе. Князь А. И. Репнинъ, командовавшій русскими войсками, явился поздно, такъ-сказать, наканунѣ сдачи города. Датскій генералъ Девицъ объявилъ Репнину, что не можетъ впустить русскихъ въ

Допросъ шпіона.
Съ рисунка шведскаго художника Седенштрома.

сдавшійся городъ. Дѣло чуть не дошло до насилія, но русскія войска не были впущены въ Висмаръ, и Репнинъ былъ принужденъ вернуться назадъ. Петръ, имѣя въ виду высадку въ Шонію, что̀, по его мнѣнію, должно было имѣть рѣшительное вліяніе на ходъ войны, не хотѣлъ ссориться съ Даніею, и ограничился сильными представленіями королю насчетъ поступка генерала Девица [1]).

Все это происходило во время пребыванія Петра въ Данцигѣ, гдѣ, 8-го апрѣля, отпраздновали свадьбу племянницы царя съ гер-

[1]) Соловьевъ, XVII, 55—56.

цогомъ Мекленбургскимъ. На пути изъ Данцига въ Мекленбургъ, Петръ, въ Штетинѣ, встрѣтился съ прусскимъ королемъ. Къ сожалѣнію, не сохранилось свѣдѣній о переговорахъ при этомъ случаѣ [1]). На пути въ Шверинъ, Петръ въ разныхъ мѣстахъ встрѣчалъ отряды русскихъ войскъ. Во время пребыванія Петра въ Шверинѣ, происходили переговоры объ условіяхъ брака герцога, о городѣ Висмарѣ, объ удовлетвореніи герцога за военные убытки, и, какъ считается вѣроятнымъ, о проектѣ промѣна Мекленбурга на Курляндію.

Царь и его спутники, какъ видно изъ разныхъ случаевъ произвольныхъ дѣйствій, чувствовали себя въ Мекленбургской области, какъ у себя дома, и не стѣснялись нисколько распоряжаться по своему усмотрѣнію. Насильственныя мѣры герцога, по отношенію къ дворянству, были, повидимому, одобрены царемъ. Такой образъ дѣйствій русскихъ раздражалъ нетолько противниковъ, но и союзниковъ царя. Германскій императоръ не переставалъ убѣждать царя вывести свои войска изъ Мекленбурга. И Англія заявляла о своемъ неудовольствіи по поводу дѣйствій русскихъ [2]).

Во время пребыванія Петра въ Гамбургѣ, царь велъ переговоры съ пріѣхавшимъ туда же королемъ датскимъ и условился съ нимъ о нападеніи на Шонію [3]). Вскорѣ оказалось, что другіе союзники, Ганноверъ и Пруссія, были весьма недовольны этимъ соглашеніемъ. Королю датскому представляли, въ какой мѣрѣ должно было казаться опаснымъ появленіе въ Германіи, по пути въ Данію, тридцатитысячнаго русскаго войска, и указывали, что русскія войска будутъ содѣйствовать разоренію Мекленбурга, Помераніи, Голштиніи и Даніи, что царь, по всей вѣроятности, намѣренъ взять себѣ или Висмаръ, или какую-либо укрѣпленную гавань въ Помераніи, и что, допустивъ разъ къ себѣ столь опасныхъ гостей, чрезвычайно трудно сбыть ихъ съ рукъ [4]).

Послѣ свиданія съ Фридрихомъ IV, Петръ отправился въ Пирмонтъ для леченія. Здѣсь онъ пробылъ отъ 26-го мая до 15-го іюня. Сюда пріѣхалъ и Лейбницъ, который нѣсколько дней провелъ въ бесѣдахъ съ царемъ о разныхъ проектахъ, задуманныхъ

---

[1]) Журналъ 1716, 21—22. Herrmann, IV, 84.

[2]) См. многія любопытныя подробности о пребываніи въ Мекленбургѣ, по разсказамъ Эйхгольца въ «Русской Старинѣ», XII, 13—18.

[3]) Соловьевъ, XVII, 56. «Матер. для исторіи русскаго флота», II, 71. Нѣкоторыя важныя данныя объ отношеніяхъ Петра къ Даніи и о заключеніи этой конвенціи, въ соч. «Studier til den store nordiske Krigs Historie, Af. Dr. E. Holm», Kjobenhavn, 1881 г., 1—43.

[4]) Herrmann, «Peter d. Gr.», стр. IX.

имъ для Россіи. Въ письмахъ къ разнымъ знакомымъ, Лейбницъ восхвалялъ громадныя способности царя, его опытность, многосторонніе познанія, его страсть заниматься механикой, астрономіей, географіей и пр.

Леченіе, развлеченія, бесѣды съ Лейбницомъ—не мѣшали Петру заниматься политическими дѣлами. Дипломатическіе переговоры не прекращались. При царѣ были его министры. Въ Пирмонтъ явились представители различныхъ державъ и побывали у царя, чтобы пожелать ему успѣшнаго пользованія минеральными водами. Между этими дипломатами находился императорскій посолъ, графъ фонъ-Мечъ, которому было поручено Карломъ VI отъ имени императора просить Петра, чтобъ онъ оставилъ свое намѣреніе сдѣлать высадку въ Шонію и вывелъ свои войска изъ Мекленбургской области [1]).

Гораздо важнѣе были переговоры, веденные гессенъ-кассельскимъ дипломатомъ, оберъ-гофмаршаломъ и тайнымъ совѣтникомъ фонъ-Кетлеромъ. Сынъ ландграфа гессенъ-кассельскаго, Карла, былъ женатъ на сестрѣ шведскаго короля, Карла XII. Поэтому, ландграфъ желалъ взять на себя роль посредника между Карломъ XII и Петромъ. Кетлеру было поручено разузнать въ Пирмонтѣ, на какихъ условіяхъ царь согласился бы заключить миръ съ Швеціею. Посредствомъ предварительнаго соглашенія между Петромъ и шведскимъ королемъ, ландграфъ надѣялся принудить и прочихъ противниковъ Карла XII къ заключенію мира. Отношенія Петра къ союзникамъ, однако, требовали крайней осторожности, и потому царь не далъ рѣшительнаго отвѣта [2]).

Такимъ образомъ, въ Пирмонтѣ начались переговоры, которые затѣмъ продолжались въ Гаагѣ. Лѣтомъ 1716 года, Куракинъ въ Гаагѣ имѣлъ свиданіе съ генералъ-лейтенантомъ Ранкомъ, бывшимъ шведскимъ подданнымъ, вступившимъ на службу ландграфа гессенъ-кассельскаго. Ранкъ передалъ слѣдующія слова Петра, сказанныя въ Пирмонтѣ въ отвѣтъ на предложенія Кетлера: «можно ли со шведскимъ королемъ переговариваться о мирѣ, когда онъ не имѣетъ никакого желанія мириться и называетъ меня и весь народъ русскій варварами?» Передавая эти слова Петра, Ранкъ замѣтилъ Куракину, что царю несправедливо донесено объ отзывахъ о немъ Карла XII. «Я», говорилъ Ранкъ, «былъ при шведскомъ королѣ въ Турціи и въ Стральзундѣ съ полгода, и во

[1]) Германъ, IX.
[2]) Изъ марбургскаго архива у Германа, XI—XII.

все время Карлъ отзывался о царскомъ величествѣ съ большимъ уваженіемъ: онъ считаетъ его первымъ государемъ въ цѣлой Европѣ. Надобно всячески стараться уничтожить личное раздраженіе между государями, ибо этимъ проложится дорога къ миру между ними» [1]).

Несмотря на представленія императорскаго двора, несмотря на увѣренія ландграфа гессенъ-кассельскаго относительно склонности Карла XII къ миру, Петръ былъ убѣжденъ въ необходимости продолжать военныя дѣйствія, и именно сдѣлать высадку въ южной части Швеціи. Для такого морского похода Петръ нуждался въ

Князь Аникита Ивановичъ Репнинъ.
Съ портрета, принадлежащаго Академіи Художествъ.

свѣжихъ силахъ, и потому былъ особенно доволенъ успѣхомъ леченія въ Пирмонтѣ.

Изъ Пирмонта Петръ отправился въ Данію. Между тѣмъ, какъ онъ поѣхалъ черезъ Ростокъ и оттуда съ галернымъ флотомъ приближался къ Копенгагену, 5,000 человѣкъ конницы двигались изъ Мекленбурга чрезъ Голштинію, Шлезвигъ, къ острову Фюненъ. Такимъ образомъ, Петръ явился въ Данію съ значительными военными силами.

Отъ успѣха десанта въ Шонію можно было ожидать окончанія войны. «Кризисъ на сѣверѣ» помѣшалъ этому успѣху.

---

[1]) Соловьевъ, XVII, 61—62.

«Кризисъ на Сѣверѣ».

Мысль о десантѣ въ Швецію занимала Петра съ давнихъ поръ. Для этой цѣли было необходимо содѣйствіе Даніи. Уже въ 1713 году, царемъ было сдѣлано предложеніе атаковать Карлскрону [1]). Затѣмъ, въ 1715 году, былъ составленъ проектъ о совмѣстномъ дѣйствіи русскаго и датскаго флотовъ [2]).

Нападеніе на Швецію Петръ считалъ необходимымъ средствомъ принудить Карла XII къ заключенію мира. Король Фридрихъ IV при этомъ, однако, жаловался на недостатокъ въ деньгахъ, разсчитывалъ на русскія субсидіи, медлилъ, извинялся разными затрудненіями, въ которыхъ онъ самъ находился, необходимостью прикрывать берега Норвегіи и пр. Петръ былъ очень недоволенъ и старался дѣйствовать на короля черезъ русскаго посла въ Копенгагенѣ, князя В. Л. Долгорукаго.

Князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ.
Съ портрета, принадлежащаго князю А. Б. Куракину.

---

[1]) Holm, 7.
[2]) «Мат. для ист. флота», IV, 87.

Желая сосредоточить свои войска и свою эскадру въ Даніи, чтобъ оттуда напасть на Швецію, царь принималъ разныя мѣры для перевозки и прокормленія солдатъ и моряковъ. При этомъ происходили частыя столкновенія съ Даніею. Долгорукій постоянно долженъ былъ хлопотать о томъ, чтобы Данія исполнила обѣщанія, данныя въ маѣ 1716 года, въ конвенціи, заключенной между царемъ и Фридрихомъ IV близь Гамбурга. Однимъ изъ важнѣйшихъ условій удачнаго исхода имѣвшагося въ виду предпріятія было число транспортныхъ судовъ для перевозки значительныхъ массъ русскихъ войскъ изъ Мекленбурга въ Данію. Многое зависѣло отъ исполненія этого обѣщанія со стороны датскаго короля.

Со всѣхъ сторонъ начали сосредоточиваться въ Копенгагенѣ значительныя военныя силы. Изъ Англіи туда прибылъ Бредаль съ русскою эскадрой, снаряженною въ Англіи. Изъ Ревеля ожидали прибытія большого русскаго флота; изъ Мекленбурга сухопутныя войска должны были отправиться въ Данію; галерный флотъ отъ береговъ Помераніи приближался къ Варнемюнде. Такимъ образомъ, Петръ, отправляясь въ Данію, могъ ожидать исполненія въ ближайшемъ будущемъ своего желанія нанести сильный ударъ самой Швеціи и этимъ принудить Карла XII къ миру. Первымъ условіемъ успѣха было согласіе союзниковъ.

Надежды Петра не сбылись. Военныя дѣйствія сдѣлались невозможными, вслѣдствіе разлада между союзниками. Опасенія чрезмѣрнаго могущества Петра росли. Самъ Петръ не довѣрялъ союзникамъ. До настоящаго времени, впрочемъ, при недостаточномъ матеріалѣ закулисной дипломатической исторіи, остается невозможнымъ разъяснить вопросъ, чтó было причиной неосуществленія десанта въ Шонію: царь обвинялъ союзниковъ въ неохотѣ къ дѣйствіямъ, въ умышленномъ замедленіи хода дѣлъ; союзники же обвиняли царя въ томъ, что онъ, серьезно думая о заключеніи сепаратнаго мира съ Швеціей, самъ не хотѣлъ дѣйствовать. Дѣло въ томъ, что интересы союзниковъ шли врознь. Особенно Англія не желала чрезмѣрнаго униженія Швеціи и возвышенія Россіи. И англичане, и датчане въ это время относились къ Петру враждебно, хотя ихъ внутреннее озлобленіе и прикрывалось внѣшними формами приличія, учтивости и даже дружбы [1]).

Петръ могъ быть доволенъ оказаннымъ не только ему, но и царицѣ Екатеринѣ въ Копенгагенѣ пріемомъ. Саксонскій дипло-

[1]) См. подробности въ моей статьѣ «Путешествія Петра 1711—1717», въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1880 г., CLI, стр. 161—168.

матъ Лосъ писалъ барону Мантейфелю: «король датскій всячески старается угодить царю; королева отдала первая визитъ царицѣ» и пр. Но въ то же время Лосъ сообщилъ о нѣкоторыхъ случаяхъ недоразумѣній, происходившихъ между Фридрихомъ IV и Петромъ. Царь хотѣлъ чаще видѣться съ королемъ, оставляя въ сторонѣ всѣ правила этикета, король же иногда бывалъ недоступнымъ, избѣгалъ встрѣчъ съ Петромъ [1]). Къ тому же, датчане объявили, что нельзя приступить къ экспедиціи въ Шонію до прибытія адмирала Габеля, находившагося съ датскою эскадрою тогда у береговъ Норвегіи [2]).

22-го іюля, наконецъ, царь, не вытерпѣвъ, отправился на шнявѣ Принцессѣ, въ сопровожденіи двухъ судовъ, для рекогносцировки шведскаго берега къ сѣверу отъ Копенгагена до Ландскроны и дальше. Тутъ Петръ увидѣлъ, что непріятель укрѣпилъ всѣ удобныя для десанта мѣста. На третій день онъ возвратился въ Копенгагенъ. Даже и послѣ пріѣзда Габеля старанія Петра склонить датчанъ къ ускоренію дѣйствій не имѣли успѣха. Петръ писалъ къ Апраксину: «все добро дѣлается, только датскою скоростью; жаль времени, да дѣлать нечего».

Наконецъ, въ началѣ августа, на копенгагенскомъ рейдѣ происходила торжественная церемонія отправленія соединенныхъ эскадръ «въ походъ». При этомъ Петръ игралъ первенствующую роль. Онъ казался душею всего предпріятія. Ему принадлежала иниціатива похода. Онъ былъ главнокомандующимъ. Ему было оказываемо особенное уваженіе, какъ начальнику.

Не прошло еще двухъ десятилѣтій, какъ Петръ въ Голландіи учился морскому дѣлу. Съ тѣхъ поръ Россія сдѣлалась сильною морскою державою, первокласнымъ государствомъ. Царь находился во главѣ союза, составившагося противъ Швеціи, и, въ качествѣ моряка и воина, какъ спеціалистъ въ морской войнѣ, онъ стоялъ возлѣ адмираловъ Англіи, Голландіи, Даніи. Положеніе Россіи, значеніе царя—заставляли иностранныхъ адмираловъ признать Петра начальникомъ экспедиціи. Въ память этого событія была выбита медаль, на которой царь былъ представленъ окруженнымъ трофеями съ надписью: «Петръ Великій Всероссійскій, 1716 годъ»,—на другой сторонѣ изображенъ Нептунъ, владѣющій четырьмя флагами, съ надписью: «владычествуетъ четырьмя» [3]).

---

[1]) Сб. И. О. XX, 61—64.
[2]) Журналъ, 1716 г.
[3]) Iversen, «Medaillen auf d. Thaten P. d. Gr.», S. Pet. 1872. стр. 46.

Баронъ Шафировъ писалъ къ князю Меншикову: «такой чести ни который монархъ отъ начала свѣта не имѣлъ, что изволитъ нынѣ командовать четырехъ народовъ флотами, а именно: англійскимъ, русскимъ, датскимъ и голландскимъ, чѣмъ вашу свѣтлость поздравляю» [1]).

Однако, при всѣхъ любезностяхъ, при всей торжественности морского этикета, скоро обнаружилось нѣкоторое несогласіе между начальствами союзныхъ эскадръ. Морской походъ не повелъ ни къ какому результату. Высадка на берега Швеціи не состоялась. Нигдѣ союзники не встрѣтили шведскаго флота, благоразумно скрывавшагося въ удобной и сильной шведской гавани Карлскронѣ. Весь походъ, такимъ образомъ, остался простой рекогносцировкой въ большихъ размѣрахъ и обратился въ прогулку, имѣвшую значеніе политической демонстраціи [2]).

Чрезвычайно рельефно Петръ, въ письмѣ къ Екатеринѣ, характеризовалъ странное положеніе, въ которомъ онъ находился. 13-го августа, онъ писалъ ей съ корабля Ингерманландія: «о здѣшнемъ объявляемъ, что болтаемся тунѣ, ибо что́ молодыя лошади въ каретѣ, такъ наши соединенія, а наипаче коренныя сволóчь хотятъ, да пристяжныя не думаютъ; чего для я намѣренъ скоро отсель къ вамъ быть» [3]).

Очевидно, царю надоѣло «болтаніе тунѣ», такъ какъ отъ подобныхъ военныхъ дѣйствій нельзя было ожидать никакого успѣха; онъ, по всей вѣроятности, скорѣе надѣялся на дипломатическіе переговоры. На союзниковъ нельзя было полагаться; нужно было думать о мирѣ со Швеціею помимо союзниковъ. Мы знаемъ, что уже въ Пирмонтѣ царю было сдѣлано предложеніе заключить сепаратный миръ. Переговоры, происходившіе въ Голландіи, послѣ пребыванія царя въ Даніи, а немного позже съѣздъ русскихъ и шведскихъ дипломатовъ на одномъ изъ Аландскихъ острововъ, заставляютъ насъ считать вѣроятнымъ, что уже во время пребыванія въ Даніи, при нерадѣніи союзниковъ, царь мечталъ о сепаратномъ мирѣ.

Поэтому Петръ долженъ былъ думать о возвращеніи въ Копенгагенъ, гдѣ онъ предполагалъ сосредоточить всѣ находившіяся въ его распоряженіи сухопутныя силы. Для этого онъ нуждался въ транспортныхъ судахъ датчанъ. Какъ видно, царь все еще, на

[1]) «Мат. для ист. фл.», II, 110.

[2]) Подробности см. въ «Пох. Журн.» 1716 г.

[3]) См. Письма русск. госуд., 9, гдѣ число этого письма ошибочно показано 13-го іюля, вмѣсто 13-го августа.

всякій случай, былъ занятъ мыслью о продолженіи военныхъ дѣйствій, о сильномъ ударѣ, который нужно нанести Швеціи для окончанія войны. Однако, датчане медлили доставленіемъ транспортныхъ судовъ, и вслѣдствіе этого росло раздраженіе царя. Петръ, еще находясь на флотѣ, прямо говорилъ адмираламъ о нерадѣніи: «если датчане того не исполнятъ, то они будутъ причиною худого Сѣвернаго союза» [1]).

Пріѣхавъ въ Копенгагенъ 24-го августа, Петръ тотчасъ-же спросилъ о причинахъ замедленія въ отправкѣ транспортныхъ судовъ. Есть основаніе думать, что объясненія по этому поводу не были особенно дружескими. Союзники были недовольны другъ другомъ.

Медаль, выбитая по случаю командованія Петромъ I четырьмя флотами.
Со снимка, находящагося въ изд. Иверсена „Медали на дѣянія Петра Великаго".

Въ концѣ августа, царь опять предпринималъ поѣздки съ цѣлью рекогносцированія шведскихъ береговъ. При одной изъ этихъ поѣздокъ дѣло дошло до перестрѣлки. Съ русскихъ кораблей стрѣляли по шведскимъ батареямъ; однимъ изъ выстрѣловъ съ шведскихъ батарей шнява Принцесса, на которой находился Петръ, «была ранена», какъ сказано въ «Походномъ Журналѣ».

«Генеральный консиліумъ» у царя съ министрами и генералами 1-го сентября рѣшилъ: отложить десантъ въ Шонію до будущаго лѣта. Особенно Меншиковъ, какъ видно изъ его писемъ къ царю, считалъ такой десантъ дѣломъ чрезвычайно опаснымъ. Именно на эти опасности и затрудненія было обращено вниманіе

[1]) Журналъ, 39.

въ конференціяхъ Петра съ королемъ датскимъ и съ русскими и датскими генералами и министрами. Существенный вопросъ состоялъ въ томъ: какъ перевезти въ такое позднее время на непріятельскіе берега тайкомъ значительное войско; высадившись, надобно дать сраженіе, потомъ брать города Ландскрону и Мальмэ, но гдѣ же зимовать, если взять эти города не удастся? Датчане указывали, что зимовать можно при Гельзингэрѣ, въ окопахъ, а людямъ подѣлать землянки. Но отъ такой зимовки, возражали русскіе, должно пропасть больше народу, чѣмъ въ сраженіи. Наконецъ, Петръ велѣлъ объявить датскому двору рѣшительно, что высадка невозможна, что ее надобно отложить до будущей весны [1]).

Послѣ этого датчане, весьма недовольные Петромъ, начали требовать немедленнаго удаленія русскихъ войскъ изъ Даніи [2]). Отношенія между союзниками становились все болѣе и болѣе натянутыми. Петръ долженъ былъ дѣйствовать осторожно: онъ боялся измѣны со стороны датчанъ. Зачѣмъ такая медленность съ ихъ стороны? Зачѣмъ дана непріятелю возможность укрѣпиться? Получались извѣстія, что министръ англійскаго короля Георга, Бернсторфъ, съ товарищами ведетъ крамолу, что генералъ-кригсъ-комиссаръ Шультенъ подкупленъ и нарочно медлилъ транспортомъ, чтобы заставить русскихъ сдѣлать высадку въ осеннее, самое неудобное время: «вѣдая», по словамъ Петра, «что когда въ такое время безъ разсужденія пойдемъ, то или пропадемъ, или такъ отончаемъ, что по ихъ музыкѣ танцовать принуждены будемъ [3]).

Въ сентябрѣ 1716 г., дѣло едва не дошло до кризиса. Союзники обвиняли другъ друга въ измѣнѣ. Король датскій, въ появившейся немного позже особой «деклараціи о причинахъ, заставившихъ его отказаться отъ предполагаемаго десанта» [4]), говорилъ, что царь нарочно медлилъ перевозкой своихъ войскъ, а затѣмъ, подъ предлогомъ поздняго времени, не хотѣлъ высаживаться на шведскіе берега, потому что находится въ сношеніяхъ съ шведскимъ правительствомъ.

Въ Пруссіи тогда говорили, что Петръ за оказанную Даніи помощь требовалъ датской Помераніи, и что Данія не только со-

---

[1]) Соловьевъ, XVII, 59.

[2]) Lamberty, «Mémoires pour servir à l'histoire du XVIII siècle», IX, 626.

[3]) Сообщено Соловьевымъ, XVII, 59. Гдѣ, когда, кому все это было сказано Петромъ? Нельзя не сожалѣть, что Соловьевъ не сообщилъ подробностей.

[4]) Мы пользовались брошюрой «La crise du Nord», появившейся въ 1717 году. Декларація эта напечатана также у Ламберти «Mémoires pour servir à l'histoire du XVIII siècle», 624—627.

гласилась на эту уступку, но даже предлагала царю въ добавокъ Штетинъ; прусское правительство, разсчитывавшее на пріобрѣтеніе Штетина, должно было негодовать на царя за такія намѣренія; недоброжелатели Россіи, очевидно, хотѣли сѣять раздоръ между Петромъ и вѣрнѣйшимъ изъ его союзниковъ, Фридрихомъ Вильгельмомъ I [1]).

Защитники несчастнаго Мекленбурга, ганноверское и англійское правительства, распускали слухъ, что Петръ измѣнилъ союзникамъ, что маска снята, что онъ не хочетъ сдѣлать десанта, такъ какъ желаетъ заключить сепаратный миръ. Наконецъ, даже въ Даніи стали говорить о замыслахъ Петра противъ самой Даніи. Не могъ же онъ, говорили тамъ, безъ всякой цѣли привести въ Данію такое большое войско; надобно опасаться его враждебныхъ замысловъ, надобно беречь Копенгагенъ! Въ Копенгагенѣ поставили всю пѣхоту по валамъ и прорѣзали на валахъ амбразуры [2]). Жителямъ Копенгагена тайкомъ внушали, что необходимо вооружиться для отраженія ожидаемаго нападенія [3]).

Все это происходило въ то самое время, когда датскимъ королемъ въ честь царя и царицы были устраиваемы придворныя празднества и когда Петръ находился въ довольно благопріятныхъ отношеніяхъ къ адмиралу Норрису [4]). А именно Норрисъ и могъ сдѣлаться опаснымъ царю.

Со стороны Англіи въ это время намѣревались нанести ударъ Петру, русскому флоту и русскому войску. Англичане хотѣли разомъ положить конецъ значенію Россіи на Балтійскомъ морѣ. Есть свѣдѣніе, что король Георгъ I поручилъ адмиралу Норрису напасть на русскіе корабли и транспортныя суда, арестовать самого Петра и этимъ принудить его со всѣмъ войскомъ и флотомъ тотчасъ же удалиться въ Россію. Къ счастію, англійскіе министры выставили на видъ, что столь насильственный образъ дѣйствій можетъ имѣть чрезвычайно пагубныя послѣдствія, и что прежде всего пострадаютъ англійскіе купцы, находящіеся въ Россіи. По другимъ извѣстіямъ, Норрисъ не могъ исполнить приказанія, потому что оно было прислано изъ ганноверской, а не изъ англійской канцеляріи [5]). О Норрисѣ разсказывали даже, будто онъ брался уничтожить весь русскій флотъ и перерѣзать въ одну ночь

---

[1]) Droysen, «Gesch. d. preuss. Pol.» IV, 174.
[2]) Соловьевъ, XVII, 59.
[3]) Droysen, IV, 174.
[4]) Журналъ 1716 г., 90—95.
[5]) Соловьевъ, XVII, 60.

всѣ русскія войска, находившіяся на островѣ Зеландіи. Переполохъ, впрочемъ, скоро кончился, потому что съ русской стороны не обнаруживалось никакого враждебнаго намѣренія. Англичане довольствовались внимательнымъ наблюденіемъ за дѣйствіями царя, о которомъ отзывались въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, утверждая, что для укрѣпленія своего господства на Балтійскомъ морѣ онъ мечтаетъ о присоединеніи Мекленбурга къ Россіи [1]). Король Георгъ I обратился къ императору Карлу VI съ требованіемъ, чтобы тотъ, въ качествѣ главы германской имперіи, подумалъ о средствахъ къ спасенію Сѣверной Германіи отъ перевѣса могуще-

Лейбницъ.

Съ гравированнаго портрета Штейнге.

ства Петра и принудилъ бы послѣдняго удалиться въ Россію [2]). Изъ Ганновера не переставали приходить въ Берлинъ внушенія, что царь хочетъ овладѣть Гамбургомъ, Любекомъ, Висмаромъ и укорениться въ имперіи. Къ счастью для Петра, Фридрихъ Вильгельмъ I оставался его вѣрнымъ союзникомъ, обо всемъ сообщалъ русскому посланнику Головкину и въ самыхъ дружескихъ выраженіяхъ говорилъ о Россіи [3]).

---

[1]) Mahon, «History of England», I. 342. «Jt is certain, that if the Czar be let alone three years, he will be absolute master in those seas».

[2]) Droysen, IV, 2, 177—181.

[3]) Соловьевъ, XVII, 61. Droysen, IV, 2. 210.

Несмотря на всѣ эти опасности, грозившія въ Даніи царю и его войску, пребываніе Петра въ Копенгагенѣ окончились довольно благополучно. Въ первыхъ числахъ октября, царскія войска начали обратно перевозиться изъ Даніи въ Мекленбургъ. Происходили разныя увеселенія при датскомъ дворѣ. Царь и король обмѣнялись любезностями и учтивостями и увѣреніями въ дружбѣ. Но были также признаки недовѣрія и сильной подозрительности.

Очевидно, союзники Россіи боялись ея. Считали возможнымъ, что царь поступитъ съ своими союзниками въ западной Европѣ такъ же, какъ онъ поступалъ въ Польшѣ. Петра считали спо-

Герцогъ Филиппъ Орлеанскій.
Съ современнаго гравированнаго портрета.

собнымъ ко всевозможнымъ интригамъ, къ самымъ смѣлымъ предпріятіямъ. Поэтому, нужно было придумать поводы удалить его и его войско изъ западной Европы. Съ разныхъ сторонъ дѣлались усилія возбудить въ общественномъ мнѣніи цѣлой Европы враждебныя чувства противъ царя. Образовалась цѣлая литература по этому предмету. Въ различныхъ брошюрахъ посыпались жалобы на образъ дѣйствій русскихъ войскъ въ Помераніи, Мекленбургѣ и Голштиніи. Побѣды Россіи въ одной брошюрѣ названы предвѣщаніемъ свѣтопреставленія [1]).

[1]) См. нѣкоторыя подробности объ этой полемикѣ въ моей статьѣ «Путешествія Петра» въ «Русскомъ Вѣстникѣ», CLI, 186 и слѣд.

Важнѣйшее мѣсто между этими произведеніями публицистики занимаетъ явившаяся въ переводѣ съ англійскаго языка въ 1717 году брошюра «Кризисъ сѣвера, или безпристрастное разсужденіе о политикѣ царя, по поводу датской декларацiи относительно несостоявшагося десанта въ Шоніи». Авторомъ англійскаго подлинника, который, какъ кажется, вовсе не былъ напечатанъ, считался графъ Карлъ Гилленборгъ.

Содержаніе этой брошюры слѣдующее: послѣ общей характеристики Петра, его способностей, его «чисто политическаго духа», говорится о его честолюбіи, о его страсти къ накопленію богатствъ и къ расширенію могущества, о его путешестіи по Европѣ въ 1697 и 1698 годахъ, и особенно о его пребываніи въ Англіи, имѣвшемъ цѣлью дать Россіи возможность построить флотъ. Далѣе указано, не безъ сожалѣнія, на неосторожность королей польскаго и датскаго при заключеніи союза съ царемъ, на умѣнье Петра воспользоваться ошибками, сдѣланными Карломъ XII, и на основаніе Петербурга. Затѣмъ слѣдуетъ очеркъ исторіи дипломатическихъ переговоровъ о мирѣ, краткое замѣчаніе о значеніи Полтавской битвы и указаніе на намѣреніе Петра завоевать нетолько Лифляндію, Эстляндію и Финляндію, но, со временемъ, и всю Швецію. Въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ говорится о коварствѣ Петра въ обращеніи съ союзниками, т. е. съ Польшею и Даніею, которыхъ онъ заставлялъ будто по пустому тратить силы и средства на борьбу съ Швеціею, съ тою цѣлью, чтобы впослѣдствіи тѣмъ удобнѣе воспользоваться изнеможеніемъ этихъ государствъ для своихъ честолюбивыхъ плановъ. Такимъ образомъ, продолжаетъ авторъ, Россія сдѣлается въ ближайшемъ будущемъ соперницею Англіи, захвативъ въ свои руки всю торговлю на сѣверѣ Европы, а также торговлю съ Персіею и Турціею, что̀, при успѣшномъ развитіи промышленности въ Россіи, становится еще болѣе вѣроятнымъ и удобоосуществимымъ. Наконецъ, авторъ прямо обвиняетъ Петра въ томъ, что онъ имѣлъ въ виду взять себѣ островъ Готландъ, но, убѣдившись въ невозможности привести въ исполненіе этотъ планъ, онъ отказался отъ участія въ предпріятіи на Шонію, чѣмъ нанесъ сильный ущербъ интересамъ своихъ союзниковъ. Потомъ говорится о слухахъ, касательно тайныхъ переговоровъ между Петромъ и Карломъ XII; такой образъ дѣйствій автору кажется предосудительнымъ; Петръ характеризуется, какъ интриганъ, каждую минуту готовый жертвовать пользою своихъ союзниковъ. Изъ всего этого, по мнѣнію автора, слѣдуетъ, что царь сдѣлался чрезвычайно опаснымъ для всей Европы и т. д. Поэтому, нужно осте-

регаться его, противодѣйствовать ему и, между прочимъ, препятствовать сближенію Карла XII съ Петромъ; иначе же все христіанство не перестанетъ безпокоиться. Однимъ словомъ, дѣло дошло до кризиса, и это обстоятельство заставляетъ каждаго желать мира и покоя. Нужно всѣми мѣрами стараться возвратить Швеціи ея прежнее значеніе и пр.

Какъ видно, ничтожность Россіи, по мнѣнію автора этой брошюры, «La crise du Nord», считалась условіемъ счастья Европы. Въ видахъ интересовъ всей западной Европы вообще, а Англіи, Голландіи и Швеціи въ особенности, возстановленіе прежняго положенія на сѣверо-востокѣ, каково оно было до 1700 года, казалось автору необходимымъ средствомъ мира и тишины.

Таковы были результаты пребыванія Петра въ Сѣверной Германіи и въ Даніи. Онъ могъ быть доволенъ тѣмъ громаднымъ значеніемъ, какое получила Россія. Въ письмѣ къ царевичу Алексѣю, отъ 11-го октября 1715 года, онъ говоритъ: «всѣмъ извѣстно есть, что предъ начинаніемъ сея войны нашъ народъ утѣсненъ былъ отъ шведовъ, которые нетолько ограбили толь нужными отеческими пристаньми, но и разумнымъ очамъ къ нашему нелюбозрѣнію добрый задернули завѣсъ и со всѣмъ свѣтомъ коммуникацію пресѣкли. Но потомъ, когда сія война началась (которому дѣлу единъ Богъ руководцемъ былъ и есть), о коль великое гоненіе отъ сихъ всегдашнихъ непріятелей, ради нашего неискусства въ войнѣ, претерпѣли и съ какою горестію и терпѣніемъ сію школу прошли, дондеже достойной степени вышерѣченнаго руководца помощію дошли! И тако сподобилися видѣть, что оный непріятель, отъ котораго трепетали, едва не вящшѣе отъ насъ нынѣ трепещетъ. Что все, помогающу Вышнему, моими бѣдными и прочихъ истинныхъ сыновъ россійскихъ равноревностныхъ трудами достижено». Говоря затѣмъ о значеніи военнаго искусства, царь замѣчаетъ, что «воинскимъ дѣломъ мы отъ тьмы къ свѣту вышли, и которыхъ не знали въ свѣтѣ, нынѣ почитаютъ».

Все это, сказанное Петромъ наканунѣ его путешествія въ западную Европу, подтвердилось еще болѣе событіями 1716 года. Хотя и не произошло никакихъ особенно замѣчательныхъ военныхъ дѣйствій, все-таки приготовленія къ десанту въ Шонію обнаруживали необычайную предпріимчивость и смѣлость Петра, показывали, что Россія и на сушѣ, и на морѣ располагала весьма значительными средствами. Опасенія, высказываемыя на западѣ относительно становившагося тягостнымъ перевѣса Россіи, могли служить мѣркою результатовъ усилій Петра.

*

Пребываніе въ Голландіи.

На пути изъ Копенгагена въ Голландію, позднею осенью 1716 года, Петръ остановился въ Шверинѣ. Сюда явился и гессенъ-кассельскій дипломатъ Кетлеръ, начавшій, какъ мы видѣли, во время пребыванія Петра въ Пирмонтѣ, переговоры о сепаратномъ мирѣ со Швеціею. Изъ донесенія Кетлера о переговорахъ, происходившихъ въ Шверинѣ, видно, что Петръ изъявилъ готовность возвратить Швеціи Финляндію, за исключеніемъ Выборга, между тѣмъ какъ Кетлеръ непремѣнно хотѣлъ удержать за Швеціею Петербургъ и всю Лифляндію. Любопытно то обстоятельство, что при этомъ случаѣ зашла рѣчь и о Польшѣ, и что Петромъ было выражено желаніе сохранить тамъ ограниченіе монархической власти [1]).

Затѣмъ, въ мѣстечкѣ Гавельбергѣ (12—17 ноября), происходило свиданіе между Петромъ и королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ I. Прусскій король крѣпко держалъ сторону Россіи. Когда Петръ, еще изъ Копенгагена, далъ знать берлинскому двору, что высадка въ Шонію отложена, то здѣсь безъ возраженія приняты были причины, представленныя царемъ, и вся вина сложена на датчанъ. Самъ король объявилъ Головкину, что считаетъ всѣ внушенія ганноверскаго двора ложными, происходящими отъ личной злобы Бернсторфа, и поэтому отклонилъ свиданіе съ англійскимъ королемъ. Изъ Ганновера не переставали приходить въ Берлинъ внушенія о разныхъ замыслахъ царя, но Фридрихъ-Вильгельмъ не обращалъ на это никакого вниманія и, въ противность ганноверскому правительству, внушалъ царю, чтобъ онъ не выводилъ своихъ войскъ изъ Мекленбурга, потому что, если шведскій король нападетъ на Данію, то безъ русскихъ войскъ ни Даніи, ни Пруссіи нельзя будетъ съ ними успѣшно бороться, а король англійскій не поможетъ [2]). При такихъ обстоятельствахъ встрѣча короля съ царемъ достигла своей цѣли. Петръ писалъ изъ Гавельберга Екатеринѣ, оставшейся въ Шверинѣ: «о здѣшнемъ объявляю, что нашъ пріѣздъ сюды не даромъ, но съ нѣкоторою пользою [3]); а къ Апраксину: «мы здѣсь, по желанію ко-

---

[1]) Dass nicht zugegeben werden dürfe, dass sich darüber jemalen einer Souverain machte, см. «Herrmann», «Peter d. Grosse u. d. Zarewitsch Alexei», стр. XV.

[2]) Соловьевъ, XVII, 61.

[3]) Письма р. гос., I, 50.

роля прусскаго, пріѣхали и мѣсто небезполезное учинили» [1]). Прежній союзъ между Пруссіей и Россіей былъ скрѣпленъ. Король обязался, въ случаѣ нападенія на Россію съ какой-либо стороны съ цѣлью отнять у нея завоеванныя у шведовъ области, гарантированныя Пруссіею, помогать Россіи или прямо войскомъ, или диверсіей въ земли нападчика. Немного позже Фридрихъ Вильгельмъ письменно увѣрялъ царя въ постоянствѣ своей дружбы, прося его быть увѣреннымъ, что никто не будетъ въ состояніи когда-либо расторгнуть союзъ Пруссіи съ Россіей [2]). Прощаясь съ царемъ, король подарилъ ему великолѣпную яхту и «янтарный кабинетъ» [3]). Въ свою очередь, царь обѣщалъ королю прислать ему пятьдесятъ великановъ изъ русскихъ солдатъ для его гвардіи [4]).

Довольно важнымъ оказалось пребываніе Петра въ Гавельбергѣ въ слѣдующемъ отношеніи. Въ сентябрѣ 1716 года, прусскій король заключилъ съ Франціею секретное условіе объ охраненіи утрехтскаго и баденскаго договоровъ и объ умиротвореніи сѣвера; по случаю свиданія съ Петромъ въ Гавельбергѣ, Фридрихъ Вильгельмъ счелъ нужнымъ побудить царя слѣдовать той же политикѣ и присоединиться съ этой цѣлью къ союзу. Этотъ вопросъ былъ предметомъ бесѣдъ въ Гавельбергѣ, причемъ однако король не открывалъ царю, что онъ уже заключилъ договоръ съ Франціей. Прусскій дипломатъ Книпгаузенъ затѣмъ былъ отправленъ въ Голландію, съ цѣлью дѣйствовать на царя въ этомъ направленіи [5]).

6 декабря 1716 года, Петръ прибылъ въ Амстердамъ. Туда же, въ началѣ февраля 1717 г., прибыла и Екатерина, послѣ того какъ она въ Везелѣ, 2 января, родила царевича Павла Петровича, скончавшагося тотчасъ же послѣ рожденія [6]).

Въ Голландіи Петръ оставался нѣсколько мѣсяцевъ. Впродолженіе этого времени онъ былъ занятъ столько же вопросами внѣшней политики, сколько пріобрѣтеніемъ разностороннихъ свѣдѣній въ области хозяйства, наукъ и искусствъ. Во время перваго пребыванія царя въ Голландіи (1697—98), онъ былъ юно-

---

[1]) Мат. для ист. р. флота, II, 156.

[2]) Droysen, IV, 2, 210.

[3]) Письма р. гос., I. 50. Mém. de Fréderique Sophie Wilhelmine, Brunswick, 1810, I. 45. Сборникъ моск. главнаго архива, вып. I.

[4]) Scheltema, II, 7.

[5]) См. записку Л. Ле-Драна, сост. въ 1726 г., напеч. въ XXXIV т. Сб. ист. О.

[6]) Петръ приписывалъ этотъ несчастный случай пренебреженію, оказанному царицѣ во время ея путешествія чрезъ Ганноверскія владѣнія. См. Соловьева, XVII, 63.

шею; его занимало главнымъ образомъ кораблестроеніе; двадцатью годами позже, онъ пріѣхалъ въ Голландію съ гораздо большимъ запасомъ свѣдѣній, съ болѣе широкимъ кругозоромъ. Въ первый свой пріѣздъ онъ явился въ Голландію неопытнымъ государемъ малоизвѣстнаго, чуждаго Европѣ Московскаго царства, нынѣ же онъ могъ считаться представителемъ великой державы, знаменитымъ полководцемъ, вліятельнымъ членомъ союза государствъ, заключеннаго противъ Швеціи. Со времени перваго пребыванія Петра въ Голландіи, дипломатическія сношенія между Россіей и Нидерландами сдѣлались болѣе оживленными. Съ тѣхъ поръ русскіе дипломаты въ Амстердамѣ и въ Гаагѣ, Матвеевъ и Куракинъ, играли довольно важную роль. Россія все болѣе и болѣе участвовала въ обще-европейскихъ дѣлахъ, а главный городъ въ Нидерландахъ, Гаага, именно въ это время сдѣлался средоточіемъ дипломатическихъ дѣлъ въ Европѣ [1]).

Мы видѣли выше, какъ возрастающее могущество Россіи не нравилось генеральнымъ штатамъ. Между царемъ и Голландіею, накануне пріѣзда Петра въ Амстердамъ, происходили разныя, хотя и не особенно важныя дипломатическія столкновенія. Въ Голландіи не одобряли образа дѣйствій Петра, въ Данцигѣ опасались, что русскіе станутъ мѣшать свободѣ торговли на Балтійскомъ морѣ, жаловались на притѣсненія голландскихъ купцовъ въ Россіи и пр.

Изъ писемъ шведскаго дипломата Прейса, въ то время находившагося въ Гаагѣ, видно, что генеральные штаты не особенно обрадовались пріѣзду царя. Ходили слухи о намѣреніи Петра продолжать въ Голландіи тайные переговоры о мирѣ съ Швеціею. Шведскій дипломатъ, баронъ Гёрцъ, еще до пріѣзда Петра въ Голландію, находился въ сношеніяхъ съ Куракинымъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что поѣздка Петра въ Голландію состояла въ самой тѣсной связи съ этими переговорами, хотя и объ этой, такъ-сказать, закулисной исторіи дипломатическихъ сношеній до насъ дошли лишь весьма отрывочныя данныя.

Въ концѣ февраля Петръ заболѣлъ, но именно во время болѣзни его происходили довольно важные переговоры между Россіею и Англіей. Петръ намѣревался имѣть свиданіе съ королемъ Георгомъ; послѣдній пробылъ нѣкоторое время въ Ганноверѣ и чрезъ Голландію вернулся обратно въ Англію. Въ кружкахъ

---

[1]) Гашаръ (Gachard) замѣчаетъ въ «Bulletin de l'acad. royale de Belgique» 1878, т. 46, стр. 511: «on sait que le Haye était considérée, à cette époque, comme le centre des négotiations de l'Europe».

дипломатовъ разсказывали, что свиданіе царя съ королемъ должно было состояться въ одномъ мѣстечкѣ между Утрехтомъ и Лейденомъ. По другимъ извѣстіямъ, мѣстомъ свиданія былъ назначенъ городъ Флардингенъ [1]). Свиданіе не состоялось, отчасти по случаю болѣзни царя, но особенно, какъ кажется, вслѣдствіе нѣкотораго разлада между Россіею и Англіей. Поводомъ къ этому разладу послужилъ вопросъ о русскихъ войскахъ, находившихся въ Сѣверной Германіи. Пока эти войска оставались въ Мекленбургѣ, англійскій король считалъ положеніе ганноверскихъ владѣній опаснымъ. Поэтому онъ старался принудить царя къ выводу своихъ войскъ изъ Сѣверной Германіи. Переговоры объ этомъ происходили именно во время болѣзни Петра, въ Гаагѣ. Однако Петръ не обращалъ вниманія на просьбы и представленія англійскаго короля, императора, германскаго сейма и отвѣчалъ всѣмъ въ общихъ выраженіяхъ. Изъ бесѣдъ съ барономъ Шафировымъ, политическія способности котораго произвели глубокое впечатлѣніе на императорскаго посла, барона Геемса, послѣдній узналъ о полномъ разладѣ между союзниками и изъ этого заключилъ, что можно ожидать скораго заключенія мира со Швеціею [2]). Англичане грозили насильно принудить русскія войска оставить Мекленбургскую область, а русскіе дипломаты грозили сосредоточить еще большее количество войска въ Сѣверной Германіи. Такимъ образомъ, отношенія къ Англіи остались неопредѣленными. Шведскій дипломатъ Прейсъ писалъ въ это время: «Геемсъ говоритъ, что трудно выразить ту ненависть, которую онъ встрѣтилъ въ министрахъ царя къ англійскому королю; она доходитъ до того, что Шафировъ назвалъ Бернсторфа мошенникомъ (fripon)» [3]).

Особенно натянутыми оставались отношенія Петра къ Даніи. Именно въ это время явилась вышеупомянутая «декларація» Даніи по поводу несостоявшейся высадки въ Шонію. Изъ донесеній Прейса мы узнаемъ, какъ рѣзко говорилъ царь объ этой манифестаціи короля Фридриха IV. Скоро появилась и другая брошюра «Письмо одного мекленбургскаго дворянина къ своему другу въ Копенгагенъ», въ которой были выставлены на видъ интриги Даніи и въ которой образъ дѣйствій царя оправдывался во всѣхъ отношеніяхъ [4]). Утѣшеніемъ въ это тяжелое

---

[1]) Чтенія М. О. И. и др., 1877. II. 8. Herrmann, «P. d. Gr. u. Zar. Alexei» 191—192.

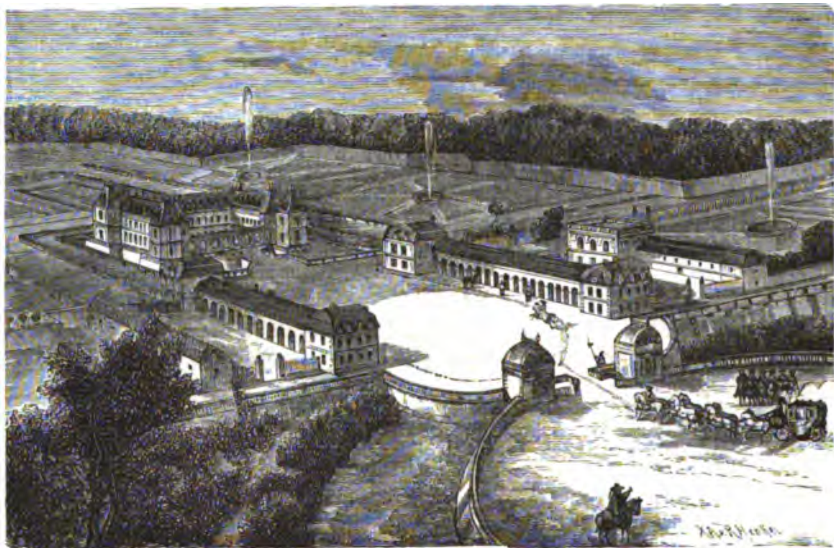
[2]) Lamberty, X, 105—108.

[3]) Чтенія, 1877, II. 7—8.

[4]) Lamberty, IX, 628—636.

время были дружескія отношенія съ Пруссіею. Фридрихъ Вильгельмъ I и его министръ Ильгенъ постоянно говорили о необходимости тѣсной дружбы между обѣими державами [1]).

Среди всѣхъ этихъ заботъ, о которыхъ свидѣтельствуетъ многосложная переписка царя съ Меншиковымъ, Шереметевымъ, Апраксинымъ и др., было получено изъ Англіи важное извѣстіе объ арестованіи шведскаго посла Гилленборга, по случаю открытія тайныхъ сношеній Швеціи съ партіей претендентовъ-Стюартовъ. Сообщая объ этомъ происшествіи царю, русскій посолъ Веселовскій называлъ этотъ случай «очень полезнымъ интересамъ вашего



Видъ Версаля въ началѣ XVIII столѣтія.
Съ современной французской гравюры.

царскаго величества». Петръ былъ дѣйствительно радъ этому эпизоду и ожидалъ войны между Англіею и Швеціею. Къ Апраксину онъ писалъ: «нынѣ не правда-ль моя, что всегда я за здоровье сего начинателя (Карла XII) пилъ? ибо сего никакою цѣною не купишь, что самъ сдѣлалъ». Тотчасъ онъ отправилъ подробныя инструкціи Веселовскому о предложеніи Англіи русской помощи въ случаѣ войны. Тѣмъ не менѣе, отношенія между Россіею и Англіею оставались холодными. Къ тому же, въ бумагахъ, най-

---

[1]) Соловьевъ. XVII, 73—74.

денныхъ у Гилленборга, было упомянуто о русскомъ дворѣ, именно о царскомъ медикѣ Эрскинѣ (Areskin), приверженцѣ Стюартовъ. По поводу этого дѣла возникла переписка съ англійскимъ дворомъ. Царь отправилъ въ Англію Толстого, но Толстой былъ принятъ холодно, и отношенія между Англіею и царемъ оставались натянутыми [1]).

Пребываніе Петра въ Парижѣ.

Мы не знаемъ, въ какое время Петръ рѣшилъ отправиться въ Парижъ. Разсказывали, будто Петръ еще при жизни короля Людовика XIV изъявилъ желаніе видѣть Францію, но что король

Ментенонъ.
Съ современнаго гравированнаго портрета.

не желалъ пріѣзда царя [2]). Мы видѣли, что Людовикъ XIV не разъ возобновлялъ попытки сблизиться съ Россіею. Послѣ кончины этого короля, малолѣтній Людовикъ XV въ весьма учтивомъ письмѣ къ царю сообщилъ ему о случившейся во Франціи пере-

[1]) Соловьевъ, XVII, 664—7.
[2]) Scheltema, II, 33.

мѣнѣ [1]). Многія обстоятельства, между прочимъ польскія дѣла, мѣшали сближенію обѣихъ державъ. Зато Пруссія заботилась о дружескихъ отношеніяхъ между Франціею и Петромъ [2]). Царь первымъ условіемъ союза съ Франціею поставилъ гарантію съ ея стороны всѣхъ завоеваній, сдѣланныхъ Россіей въ Сѣверную войну. Хотя Франція и не соглашалась на это условіе, Петръ все-таки могъ надѣяться чрезъ посѣщеніе французской столицы найти новое средство для достиженія желанной цѣли, для заключенія выгоднаго мира съ Швеціею.

Французское правительство во все время путешествія царя, въ 1716 году, искало случаевъ вступить въ сношенія съ Россіею. Въ Петербургъ былъ отправленъ дипломатическій агентъ, де-Лави, что, между прочимъ, сильно не понравилось шведамъ. Было намѣреніе отправить въ Пирмонтъ, во время пребыванія тамъ царя, графа Ла-Марка для переговоровъ, однако кратковременность пребыванія царя въ Пирмонтѣ помѣшала исполненію этого намѣренія [3]).

Царь выѣхалъ изъ Голландіи въ концѣ марта. О его отношеніяхъ къ республикѣ въ донесеніяхъ Прейса сказано между прочимъ: «полагаютъ, что царь уже болѣе не возвратится сюда, обстоятельство, которое всѣми толкуется какъ признакъ неудовольствія на штаты. Не подлежитъ сомнѣнію, что его нынѣшнее пребываніе отличалось отъ прежняго меньшею къ нему предупредительностью и не представляло много пріятностей. Вообще, здѣсь стали теперь отзываться о царѣ съ гораздо меньшимъ уваженіемъ» и пр. [4]).

Пребываніе Петра въ австрійскихъ Нидерландахъ, гдѣ всюду царю былъ оказанъ торжественный пріемъ, не имѣло особеннаго политическаго значенія. Въ Антверпенѣ онъ осмотрѣлъ весьма тщательно достопримѣчательности города. Въ Брюсселѣ еще нынѣ противъ фонтана, изъ котораго царь выпилъ воды, возвышается памятникъ, состоящій изъ колонны съ бюстомъ Петра [5]).

Отправившись чрезъ Брюгге и Остенде во Францію, Петръ, вступивъ на французскую землю, подвергся значительной опасности. Его любопытство все видѣть, эта господствующая, по выра-

---

[1]) Lamberty, IX, 619—620.

[2]) См. бесѣды Ильгена съ Головкинымъ у Соловьева, XVII, 68—74.

[3]) См. разные документы, свидѣтельствующіе о стараніи Франціи сблизиться съ царемъ въ Сб. И. О. XXXIV, 490—517.

[4]) Чтенія, 1877, II, 10—11.

[5]) См. подробности объ этомъ памятникѣ въ моей статьѣ «Путешествія Петра и пр.» въ «Р. Вѣстникѣ», т. CLI, 644.

женію австрійскаго намѣстника, маркиза де-Тріё, страсть Петра, едва не стоила ему жизни. Пользуясь отливомъ, онъ захотѣлъ объѣхать дюнкирхенскую банку и отправился на нее въ каретѣ. Вдругъ поднялся сильный вѣтеръ; приливъ начался съ необыкновенною быстротою, и вода покрыла дорогу, на которой находился царь; онъ едва имѣлъ достаточно времени, чтобъ отпречь одну изъ лошадей и ускакать верхомъ отъ грозившей ему опасности [1]).

Во Франціи были приняты мѣры для того, чтобы встрѣтить всюду царя съ подобающею ему честью, хотя имъ было выражено желаніе путешествовать инкогнито [2]). Однако на пути въ Парижъ онъ нигдѣ долго не оставался. Франція, какъ кажется, не произвела на него благопріятнаго впечатлѣнія. Послѣ посѣщенія имъ самыхъ богатыхъ тогда въ Европѣ странъ, голландскихъ и австрійскихъ Нидерландовъ, его поражала бѣдность населенія во Франціи [3]).

Въ Парижѣ были приготовлены для царя два помѣщенія: въ Луврѣ и въ домѣ Ледигіеръ (Lesdiguières), принадлежавшемъ маршалу Виллеруа. Петръ предпочелъ помѣститься въ домѣ Ледигіеръ. На другой день послѣ пріѣзда Петра, у него былъ съ визитомъ герцогъ Орлеанскій, причемъ царь держалъ себя нѣсколько гордо. Герцогъ Орлеанскій послѣ разговора, въ которомъ участвовалъ князь Куракинъ, служившій переводчикомъ, съ похвалой отзывался объ умѣ царя. Два дня спустя, самъ король, семилѣтній Людовикъ XV, навѣстилъ царя, и при этомъ случаѣ весьма ловко сказалъ затверженную имъ рѣчь. Царь казался восхищеннымъ, цѣловалъ короля и бралъ его нѣсколько разъ на руки. Когда, на другой день, 30 апрѣля, Петръ отправился съ визитомъ въ тюиллерійскій дворецъ, юный король съ министрами и маршалами встрѣтилъ Петра на нижнемъ крыльцѣ. Петръ взялъ его на руки и, неся по лѣстницѣ, какъ разсказывали впослѣдствіи, сказалъ: «всю Францію на себѣ несу» [4]). Этотъ анекдотъ подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ въ современныхъ французскихъ мемуарахъ и журналахъ не упомянуто о такихъ подробностяхъ [5]).

---

[1]) Gachard, въ Bulletin de l'Acad. Roy. l. c. 522.

[2]) Послѣ собранія мною множества данныхъ о путешествіи Петра во Францію—см. мою статью въ «Р. Вѣстникѣ»—появился цѣлый рядъ дѣловыхъ бумагъ, относящихся къ этому предмету въ XXXIV т. Сб. И. О.

[3]) Письма р. гос., I, 66.

[4]) Голиковъ, V, 318, по разсказу Ив. Ив. Неплюева.

[5]) См. нѣкоторыя подробности въ «журналѣ Данжо», въ мемуарахъ герцога Сенъ-Симона, въ мемуарахъ Дюкло и въ документахъ, напечатанныхъ въ XXXIV т. Сб. Ист. О., а также статью Полуденскаго въ «Р. Арх.» 1865, III, 67 и слѣд.

Весьма тщательно Петръ занялся осмотромъ достопримѣчательностей города Парижа. Онъ былъ въ обсерваторіи, въ анатомическомъ институтѣ, на гобеленовой фабрикѣ, въ картинной галлереѣ, въ библіотекѣ. Затѣмъ онъ смотрѣлъ мастерскую, гдѣ дѣлались статуи, гулялъ въ тюйлерійскомъ саду, наблюдалъ за строеніемъ моста, былъ въ оперѣ, въ «Hôtel des invalides», въ разныхъ замкахъ, напр., въ Мёдонѣ, въ С. Клу, въ Исси, Люксембургскомъ дворцѣ, въ Версалѣ, Тріанонѣ, Марли, Фонтенебло, Сенъ-Жерменѣ и пр. Въ Сенъ-Сирѣ онъ осмотрѣлъ знаменитую женскую школу, заведенную г-жею Ментенонъ, и безъ церемоніи пошелъ въ комнату, гдѣ г-жа Ментенонъ, желая избѣгнуть встрѣчи съ царемъ, легла въ постель. Подойдя къ постели, онъ, не сказавъ ни слова и не поклонившись ей, посмотрѣлъ на нее и затѣмъ преспокойно опять вышелъ изъ комнаты [1]).

На монетномъ дворѣ въ присутствіи царя была выбита медаль въ честь Петра, на которой была представлена при восходящемъ солнцѣ отъ земли парящая и проповѣдывающая трубнымъ гласомъ слава со стихомъ изъ Виргилія вокругъ: «Vires acquirit eundo» [2]).

Петръ былъ и въ Сорбоннѣ, гдѣ съ нимъ заговорили о соединеніи восточной и западной церквей, причемъ однако онъ держалъ себя осторожно и сдержанно [3]). Далѣе онъ осматривалъ королевскую типографію, былъ въ коллегіи, основанной кардиналомъ Мазарини, присутствовалъ при экзерциціяхъ французкой гвардіи, въ засѣданіи парламента, былъ въ Академіи Наукъ и пр.

Петръ сдѣлался членомъ Академіи Наукъ. Во Франціи особенно цѣнили его географическія познанія. Карта Каспійскаго моря, которую онъ въ Парижѣ показывалъ ученому Делилю, измѣнила совершенно понятія, существовавшія на западѣ относительно формы этого моря.

Нѣтъ сомнѣнія, что на царя парижская жизнь произвела глубокое впечатлѣніе. Нѣкоторыя мѣры, принятыя Петромъ послѣ возвращенія въ Россію, свидѣтельствуютъ объ этомъ. Сюда относятся, напр., указъ объ «ассамблеяхъ», печатаніе разныхъ книгъ, мѣры къ открытію Академіи Наукъ и пр.

Впечатлѣніе, которое Петръ произвелъ на современниковъ своимъ пребываніемъ во Франціи, было весьма благопріятное. Онъ

---

[1]) Dangeau, 101 и 104. Saint-Simon, 234. Иначе у Штелина, I, 54.
[2]) См. Иверсена «Medaillen», стр. 48.
[3]) Pierling, «La Sorbonne et la Russie», Paris 1882.

Встрѣча Петра Великаго съ Людовикомъ XV.

Рисунокъ художника Н. Загорскаго. Гравюра Зубчанинова въ С.П.Б.

уражал
ешь въ
царю. С
вычайно
ый бы
личност
Оста
корол
Сов
не оче
ція въ
Англи
была
таких
и Фр
повод
П
закл
шить
герц
подъ
совѣ
ную
рон
вал
съ
зас
вер
ны
ко
от
за
М
с
п
и

поражалъ французовъ простотой своей одежды: чрезмѣрная роскошь въ одеждѣ, господствовавшая во Франціи, не понравилась царю. Особенно изумляла всѣхъ любознательность Петра. Чрезвычайно выгоденъ отзывъ о Петрѣ герцога Сенъ-Симона, который былъ въ восхищеніи не только отъ способностей, но и отъ личности царя.

Оставляя Францію, какъ говорятъ, Петръ замѣтилъ: «жалѣю о королѣ и о Франціи: она погибнетъ отъ роскоши» [1]).

Современники утверждаютъ, что французское правительство не очень обрадовалось пріѣзду царя, особенно потому, что Франція въ то время находилась въ весьма близкихъ отношеніяхъ къ Англіи. Далѣе Франція находилась въ союзѣ со Швеціею и любила покровительствовать Польшѣ. Спрашивалось, могло ли при такихъ обстоятельствахъ состояться то сближеніе между Россіей и Франціей, котораго желалъ Петръ и которое было главнымъ поводомъ его путешествія въ Парижъ.

Царь надѣялся расторгнуть союзъ Франціи со Швеціей и заключить союзъ съ Людовикомъ XV; онъ хотѣлъ этимъ укрѣпить за собою завоеванныя имъ у Швеціи владѣнія. Регентъ, герцогъ Орлеанскій, поручилъ вести переговоры маршалу Тессе подъ руководствомъ маршала Юкселя (d' Huxelles), президента совѣта иностранныхъ дѣлъ. Царскіе министры предлагали взаимную дружбу между обѣими державами и союзъ, заключеніе оборонительнаго договора, коимъ царь и король прусскій гарантировали бы Франціи Баденскій и Утрехтскій договоры, а Франція, съ своей стороны, гарантировала бы царю завоеванія и поручилась бы, что не будетъ помогать шведамъ ни прямо, ни косвенно, деньгами или войскомъ. При переговорахъ возникли разныя затрудненія. Когда русскіе министры намекнули на субсидіи, которыя Россія могла бы ожидать отъ Франціи, Тессе уклонился отъ переговоровъ по этому вопросу, пока не истечетъ срокъ обязательствамъ, которыя Франція взяла на себя передъ Швеціей. Маршалъ Юксель въ особой запискѣ говорилъ, что до окончанія срока договора со Швеціею, въ 1718 году, Франція по вопросу о посредничествѣ должно ограничиться общими обѣщаніями дружбы и союза въ будущемъ [2]).

Во Франціи были люди, умѣвшіе цѣнить значеніе союза съ Россіею. Герцогъ Сенъ-Симонъ писалъ тогда въ своихъ мемуа-

---

[1]) Штелинъ, I, 254.

[2]) См. Flassan, «Histoire de la diplomatie française», IV, 445—459, и записку Ле-Драна въ Сб. И. Общ. XXXIV, стр. XXVI до XXXVIII.

рахъ: «ничто болѣе сего не могло благопріятствовать нашей торговлѣ и нашему вѣсу на сѣверѣ, въ Германіи и въ цѣлой Европѣ. Въ рукахъ сего монарха находилась торговля Англіи (sic), а король Георгъ сильно его опасался изъ-за своихъ германскихъ владѣній. Голландіи, равно какъ и императору римскому, онъ умѣлъ внушить къ себѣ уваженіе; словомъ, безспорно, что онъ былъ весьма важное лицо въ Европѣ и въ Азіи и что Францiя много выиграла бы отъ тѣснаго съ нимъ союза. Онъ не любилъ императора и желалъ мало-по-малу избавить насъ отъ вліянія Англіи, и именно сей послѣдней странѣ обязаны мы тѣмъ, что самымъ неприличнымъ образомъ отвергли его предложенія, дѣланныя намъ еще долго послѣ его отъѣзда. Тщетно настаивалъ я не разъ по этому дѣлу у регента; тщетно представлялъ я ему самые дѣльные и неопровержимые доводы... Съ тѣхъ поръ уже неоднократно приходилось намъ раскаяваться въ послѣдованіи пагубнымъ внушеніямъ Англіи и въ безумномъ пренебреженіи предлагаемыхъ намъ Россіей условій» [1]).

Есть основаніе думать, что именно во время пребыванія Петра въ Парижѣ, Францiя съ разныхъ сторонъ получала предостереженія относительно Петра. Нѣтъ сомнѣнія, что польскіе агенты дѣйствовали на перекоръ видамъ Россіи. Такъ, напр., Сенъ-Симонъ замѣчаетъ, что саксонскій дипломатъ Лосъ всюду слѣдовалъ за царемъ, не столько въ качествѣ дипломата, сколько въ качествѣ лазутчика [2]). Новѣйшіе историки, не отрицая, что образъ дѣйствій царя и его министровъ обнаруживалъ необычайную ловкость, утверждаютъ, что чувство собственнаго достоинства, высокое понятіе о значеніи Россіи и даже нѣкоторое чванство были главнымъ образомъ замѣтны въ пріемахъ Петра во время переговоровъ.

Эти переговоры во время пребыванія Петра въ Парижѣ ни къ чему не привели. Покидая Францію, Петръ уполномочилъ барона Шафирова, Толстого и Куракина заключить союзъ съ Франціею. Договоръ былъ подписанъ только 4-го августа, въ Амстердамѣ, гдѣ Петръ находился въ то время.

Въ силу этого договора, царь и короли, французскій и прусскій, обязались поддерживать миръ, возстановленный трактатами Утрехтскимъ и Баденскимъ, также охранять договоры, которые имѣютъ прекратить Сѣверную войну. Если одинъ изъ союзниковъ подвергнется нападенію, то другіе обязаны сначала мирными сред-

[1]) «Mém. du duc de S. Simon». Paris, 1872, IX, 236 и 237.
[2]) Тамъ же, IX, 254.

ствами потребовать ему удовлетворенія отъ обидчика; но, если эти средства не помогутъ, то по прошествіи четырехъ мѣсяцевъ союзники должны помогать войсками или деньгами; царь и король прусскій обязуются принять медіацію короля французскаго для прекращенія Сѣверной войны, причемъ король французскій не долженъ употреблять никакого понужденія ни противъ какой стороны; король французскій обязуется также, по истеченіи срока договора, существующаго между Францію и Швеціею (въ апрѣлѣ 1718 г.), не вступать ни въ какое новое обязательство со Швеціей [1]).

Непосредственнымъ слѣдствіемъ заключенія этого договора было отправленіе въ Россію французскаго посла Кампредона и французскаго консула Вильярдо (Villardeau) [2]). Царь былъ главнымъ виновникомъ такого сближенія Россіи съ Франціею. Пребываніе въ Парижѣ положило основаніе болѣе близкимъ дипломатическимъ сношеніямъ между обѣими державами.

Спа. Амстердамъ. Берлинъ.

Во время пребыванія Петра во Франціи, считали вѣроятнымъ, что и прусскій король отправится въ Парижъ для переговоровъ о мирѣ со Швеціей [3]). Однако эта поѣздка не состоялась.

9-го іюня, Петръ выѣхалъ изъ Парижа. Въ тотъ же день Данжо замѣтилъ въ своемъ дневникѣ, что царь, уѣзжая, обѣщалъ герцогу Орлеанскому вывести свои войска изъ Мекленбурга и что англійскій король просилъ регента произвести нѣкоторое давленіе на царя въ этомъ смыслѣ. Мы не знаемъ, насколько этотъ разсказъ соотвѣтствуетъ фактамъ. Нельзя однако сомнѣваться въ томъ, что и во Франціи съ нѣкоторымъ опасеніемъ слѣдили за развитіемъ могущества Россіи [4]).

Какъ бы то ни было, во время пребыванія Петра въ Спа, гдѣ онъ лечился впродолженіе четырехъ недѣль [5]), были имъ приняты мѣры для удаленія русскихъ войскъ изъ Мекленбурга. Самъ герцогъ Карлъ Леопольдъ просилъ царя объ этомъ, и герцогиня Екатерина Ивановна писала въ этомъ смыслѣ къ Петру.

---

[1]) П. С. З., № 3098. Lamberty, X, 109—112.
[2]) Flassan, IV, 459—461.
[3]) Донесеніе Прейса, въ Чтеніяхъ, 1877, II, 11.
[4]) Dangeau, 114.
[5]) Albin Body, «Pierre le Grand aux eaux de Spa», Bruxelles, 1872.

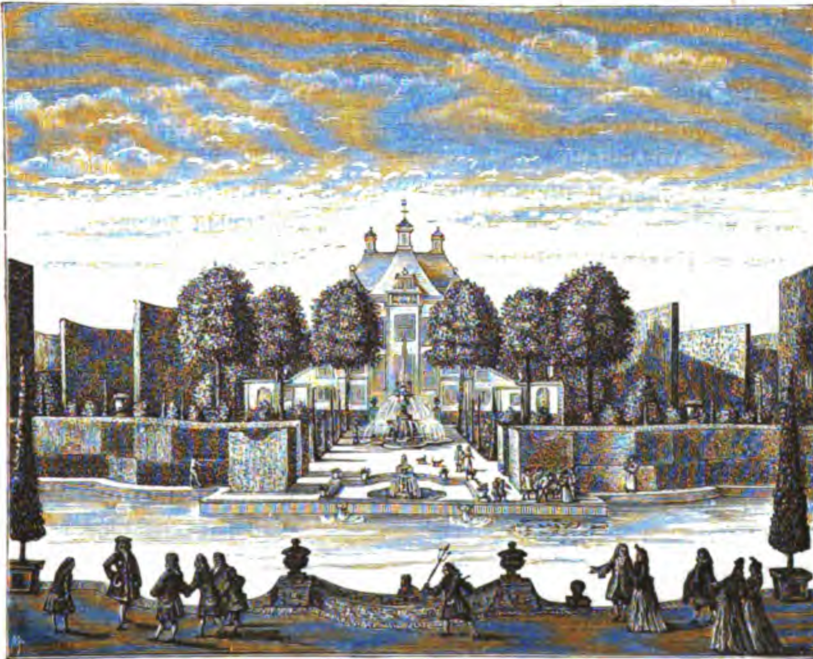
Городъ Спа весьма многимъ былъ обязанъ царю. Репутація минеральныхъ водъ, возросшая со времени пребыванія тамъ царя, привлекала уже въ 1718 и 19 годахъ гораздо большее число больныхъ, чѣмъ прежде. Въ память пребыванія Петра въ Спа, въ 1856 году поставленъ въ главной колоннадѣ у источниковъ великолѣпный бюстъ царя, вышедшій изъ мастерской знаменитаго ваятеля Рауха и подаренный городу княземъ Анатоліемъ Демидовымъ.

Въ Амстердамѣ, куда Петръ пріѣхалъ въ концѣ іюля, приходилось вести весьма важные переговоры. Для этой цѣли Куракинъ прибылъ въ Голландію нѣсколько ранѣе чѣмъ царь. Въ конференціи съ Куракинымъ, извѣстный приверженецъ Карла XII, генералъ Понятовскій, сообщилъ, что графъ Гёрцъ отъѣзжаетъ къ

Медаль, выбитая по случаю посѣщенія Петромъ I парижскаго монетнаго двора.
Со снимка, находящагося въ изд. Иверсена „Медали на дѣянія Петра Великаго".

королю въ Швецію и что лучше всего объявить ему объ условіяхъ царскаго величества, для передачи ихъ Карлу XII. Куракинъ замѣтилъ на это, что условія царя давно объявлены и что напрасно упущено драгоцѣнное время. Въ другой конференціи Понятовскій объявилъ, что видѣлся съ Гёрцомъ, который предлагаетъ такой способъ переговоровъ: король шведскій пошлетъ своихъ уполномоченныхъ въ Финляндію на съѣздъ съ царскими министрами. Когда договоръ будетъ заключенъ, король самъ пожелаетъ видѣться съ царскимъ величествомъ. Какъ видно, обѣ стороны искренно желали мира, но до мира было еще далеко. Въ третьей конференціи, въ которой учаововалъ и шведскій дипло-

матъ Прейсъ, Куракинъ объявилъ, что царь согласенъ на предложеніе Гёрца отправить своихъ министровъ въ Финляндію и желаетъ, чтобы съѣздъ былъ на островѣ Аландѣ. Наконецъ, 12-го августа, въ Лоо происходило свиданіе Куракина съ Гёрцомъ, гдѣ подтвердили все то, что было условлено съ Понятовскимъ и Прейсомъ. На вопросъ Гёрца, можно-ли допустить французскаго посла, графа де-ла-Марка, къ участію въ переговорахъ, Куракинъ отвѣчалъ: «зачѣмъ впутывать въ дѣло постороннюю державу? Особенно нужно остерегаться графа де-ла-Марка, которому поручено



„Петербургъ", загородный домъ русскаго резидента въ Голландіи при Петрѣ I, Хр. Бранта.

Съ современной гравюры Рюйтера.

примирить англійскаго короля, какъ курфирста ганноверскаго, съ шведскимъ королемъ». Гёрцъ согласился съ этимъ мнѣніемъ [1]).

Хотя все это происходило въ секретѣ, но все-таки тотчасъ же распространились слухи о желаніи царя заключить сепаратный миръ со Швеціею [2]).

[1]) Соловьевъ, XVII, 79.

[2]) Lamberty, X, 117.

Въ то же время происходили переговоры между англійскими и русскими министрами. Норрисъ и Витвортъ имѣли конференцію съ Куракинымъ о заключеніи союза и торговаго договора, о мѣрахъ къ заключенію мира со Швеціею и о турецкихъ дѣлахъ. Относительно мира со Швеціею царскіе министры замѣтили, что «по нынѣшнимъ коньюнктурамъ и по всегдашнему жестокоству короля шведскаго безъ принужденія его царское величество не видитъ къ тому способа» и пр. [1]). Скоро послѣ этой конференціи Норрисъ имѣлъ аудіенцію у царя и былъ принятъ весьма благосклонно. Немного позже англичане узнали всѣ подробности сношеній царя и Куракина съ Гёрцомъ [2]).

Что касается отношеній Петра къ Голландіи во время послѣдняго пребыванія его въ этой странѣ, то вопросъ о Данцигѣ, захватъ голландцами шведскаго судна, взятаго русскими каперами, и опасенія голландцевъ на счетъ чрезмѣрно быстраго развитія русской торговли и промышленности, мѣшали установленію болѣе тѣсной дружбы. Всѣ старанія заключить торговый договоръ между Россіею и Нидерландами оказались тщетными [3]). Къ тому же, отношенія Куракина къ Гёрцу сдѣлались извѣстными въ Голландіи, что также произвело неблагопріятное впечатлѣніе на генеральные штаты. Все это, разумѣется, не мѣшало взаимнымъ любезностямъ и соблюденію внѣшнихъ формъ учтивости и привѣтствія. Городъ Амстердамъ, во время присутствія тамъ царя, сдѣлался мѣстопребываніемъ многихъ политическихъ дѣятелей, министровъ, дипломатовъ, которые побывали съ визитами у царя. Жители города устраивали празднества разнаго рода [4]). Магистратъ старался угождать царицѣ Екатеринѣ, оставшейся въ Амстердамѣ во время пребыванія Петра во Франціи и въ Бельгіи.

Петръ въ Голландіи, въ 1717 году, особенно занимался изученіемъ всего того, что относилось въ торговлѣ. Поэтому-то его интересовалъ коммерческій флотъ голландцевъ. Далѣе, онъ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ художниками и учеными, покупалъ картины и книги, осматривалъ разныя коллекціи и пр.

Изъ Амстердама, осенью, Петръ чрезъ Магдебургъ отправился въ Берлинъ, гдѣ впродолженіе всего этого времени происходили

---

[1]) Мат. для ист. флота, IV, 141—145.

[2]) Herrmann, «Peter d. Gr.», 193. Письмо Робетона отъ 8—19 октября, 1717 г.

[3]) Scheltema, II, 58—65, 313—315. Lamberty, X, 113, 117.

[4]) Особеннымъ оживленіемъ отличались празднества въ честь Петра, устроенныя русскимъ резидентомъ въ Голландіи, Брантомъ, въ загородномъ его домѣ, названномъ имъ «Петербургомъ».

переговоры объ условіяхъ мира со Швеціею и гдѣ еще за нѣсколько дней до пріѣзда царя происходили конференціи между русскими и прусскими министрами.

У современниковъ ходили разные слухи о странностяхъ Петра во время его пребыванія въ Берлинѣ. Онъ отличался особенною бережливостью [1]). Что касается политическихъ дѣлъ, то былъ учиненъ концертъ. Гавельбергскій договоръ былъ возобновленъ и утвержденъ во всѣхъ пунктахъ такимъ образомъ, что, если кто изъ сѣверныхъ союзниковъ заключилъ бы отдѣльный миръ со Швеціею, по которому шведы остались бы опять въ Германіи, или если кто-нибудь сталъ-бы принуждать короля прусскаго къ уступкѣ Штетина съ округомъ, то Россія и Пруссія препятствуютъ этому вооруженною силою, соединивъ свои войска. Царь, сообщивъ королю, что онъ самъ началъ вести переговоры со Швеціею о мирѣ, обязался о всѣхъ этихъ сношеніяхъ немедленно и вѣрно сообщать находящемуся при его дворѣ прусскому министру и пр. [2]).

Петръ не долго оставался въ Берлинѣ и чрезъ Данцигъ, Ригу, Пернаву, Ревель и Нарву возвратился въ Петербургъ.

Путешествіе царя продолжалось болѣе двадцати мѣсяцевъ. Никогда царь такъ долго не былъ въ отсутствіи. Не на отдыхъ, впрочемъ, вернулся царственный работникъ. Накопилось множество дѣлъ. Въ разныхъ письмахъ изъ Петербурга за это время говорится о безпорядкахъ, происходившихъ въ Россіи, вслѣдствіе продолжительнаго отсутствія царя [3]). Нужно было заняться разборомъ множества случаевъ злоупотребленій, судомъ надъ царевичемъ, приготовленіемъ дипломатическаго съѣзда на Аландскихъ островахъ и, на всякій случай, разными мѣрами для продолженія войны.

[1]) Въ запискахъ сестры Фридриха Великаго, маркграфини Байрейтской, разсказывается о пребываніи Петра въ Берлинѣ множество нелѣпостей, которыя однако перешли въ разныя сочиненія о Петрѣ. Въ моей статьѣ о путешествіяхъ Петра указано («Русскій Вѣстникъ», CLII, 97 и слѣд.) на нѣкоторыя подробности.

[2]) Соловьевъ, XVII, 92.

[3]) Herrmann, «Peter d. Gr.», 95 и 102.

ГЛАВА V.

Окончаніе Сѣверной войны.

ЕДОБРОЖЕЛАТЕЛИ Россіи не переставали надѣяться лишить Петра результатовъ побѣдъ, одержанныхъ надъ Швеціею. Особенно Англія упорно дѣйствовала наперекоръ интересамъ Россіи. Могущество Россіи для державъ въ западной Европѣ казалось опаснымъ. Поэтому противники Петра желали невыгоднаго для Россіи мира.

При всемъ томъ, однако, всѣ болѣе или менѣе нуждались въ окончаніи многолѣтней войны, въ отдыхѣ. И въ Швеціи общимъ желаніемъ былъ миръ. Послѣ Полтавской битвы тамъ господствовало уныніе. Ходили тогда слухи, что Карлъ XII не остался въ живыхъ. Были люди, видѣвшіе въ немъ единственное препятствіе къ заключенію мира, и потому желавшіе ему смерти; начали сравнивать Карла XII съ лишеннымъ ума королемъ Эрихомъ XIV[1]).

Самъ Карлъ, впрочемъ, какъ мы видѣли, искалъ случаевъ къ открытію переговоровъ о мирѣ. Всякая попытка такого рода для шведскаго короля представляла еще ту выгоду, что вступленіе имъ въ сношенія съ Россіею легко могло посѣять раздоръ между Петромъ и его союзниками.

---

[1]) Fryxell, III, 52 и слѣд.

Во время пребыванія Петра въ Голландіи, лѣтомъ 1717 года, какъ мы видѣли, Куракинъ и Гёрцъ пришли къ соглашенію относительно съѣзда шведскихъ и русскихъ дипломатовъ на Аландскихъ островахъ для переговоровъ о мирѣ. Въ то же время, однако, были возобновлены переговоры Россіи съ Даніею о предполагаемомъ десантѣ въ Шонію. Вскорѣ оказалось, что Петръ не могъ надѣяться на союзниковъ. Данія не переставала питать сильное недовѣріе къ царю. Даже Пруссія начинала дѣйствовать подъчасъ на перекоръ интересамъ Россіи. Русскій посланникъ въ Берлинѣ не разъ долженъ былъ выслушивать совѣтъ, что Россія, при заключеніи мира, должна руководствоваться началами умѣренности, уступчивости и воздержанія. Пруссія объявила, что готовность Петра не настаивать на уступкѣ ему всей Финляндіи еще не можетъ считаться достаточнымъ доказательствомъ миролюбія царя. Считали возможнымъ, что Петръ откажется и отъ присоединенія къ своимъ владѣніямъ Ревеля. Русскіе старались доказать, что пріобрѣтеніе всей Лифляндіи Россіею должно считаться ручательствомъ за сохраненіе мира на сѣверо-востокѣ Европы. При всей натянутости отношеній между Пруссіею и Россіею, все-таки прежній союзъ оставался въ полной силѣ. Союзники обѣщали сообщать другъ другу о всѣхъ частностяхъ положенія дѣла и во время переговоровъ о мирѣ.

Съ Англіею, еще въ 1717 году, происходили переговоры о мѣрахъ къ скорѣйшему окончанію войны. Русскіе выставляли на видъ, что по извѣстной несклонности Карла къ миру нужно принудить его къ тому силою оружія, предлагая соединить англійскій флотъ съ русскимъ для общаго нападенія на Швецію. Эти операціи, по мнѣнію Петра, должны были повторяться, пока Сѣверная война не кончится благополучнымъ миромъ. Король Георгъ I не согласился на это предложеніе, указывая на ограниченность своей власти, на нерасположеніе къ военнымъ дѣйствіямъ парламента и пр. Къ тому же, какъ полагалъ русскій посолъ въ Лондонѣ, французскій дипломатъ Дюбуа, находившійся въ то время въ англійской столицѣ, старался противодѣйствовать сближенію Россіи съ Англіею [1]).

Въ маѣ 1718 года, начались переговоры на Аландскихъ островахъ. Уполномоченными со стороны Швеціи были Гёрцъ и Гилленборгъ, со стороны Россіи Брюсъ и Остерманъ. Самъ Петръ составилъ для своихъ уполномоченныхъ подробный наказъ, изъ ко-

---

[1]) Соловьевъ, XVII, 93—95.

тораго видно, въ какой степени было трудно согласовать интересы Россіи и ея союзниковъ, Пруссіи и Даніи. Союзникамъ Петръ обѣщалъ не скрывать предъ ними частностей негоціаціи о мирѣ. Теперь же онъ не могъ не подумать о сепаратномъ мирѣ, о заключеніи тайнаго соглашенія между Остерманомъ и Гёрцомъ. Въ конфиденціальномъ письмѣ царя къ Остерману, предписывалось послѣднему обѣщать Гёрцу въ подарокъ сто тысячъ рублей и другія награды, еслибы онъ трудился заключить выгодный для Россіи миръ. Далѣе сказано, между прочимъ: «если король уступитъ намъ провинціи, которыя теперь за нами (кромѣ Финляндіи), то мы обяжемся помочь ему вознаградить его потери въ другомъ мѣстѣ, гдѣ ему нужно».

Тотчасъ же послѣ открытія съѣзда, шведскіе уполномоченные объявили, что Лифляндія и Эстляндія составляютъ естественные бастіоны королевства Шведскаго и что королю лучше потерять все въ другомъ мѣстѣ, чѣмъ уступить ихъ Россіи. Остерманъ старался подѣйствовать на прибывшаго на съѣздъ генералъ-адъютанта Шпарре, пользовавшагося особеннымъ довѣріемъ короля. Далѣе русскіе дали почувствовать шведамъ, что царь былъ-бы готовъ дѣйствовать заодно съ Швеціею противъ Англіи и, напр., поддерживать претендента изъ дома Стюартовъ противъ Георга I. Особенно упорно спорили о Ревелѣ, на уступку котораго Гёрцъ никакъ не соглашался. Затѣмъ Гёрцъ цѣлый мѣсяцъ былъ въ отсутствіи и вернулся въ Аландъ съ новымъ наказомъ, въ силу котораго онъ объявилъ, что король не иначе можетъ согласиться на уступку Ревеля, какъ если получитъ еквивалентъ изъ датскихъ владѣній, и желаетъ, чтобы царь ему въ томъ помогъ. Дальнѣйшее затрудненіе представлялъ собою Выборгъ. Русскіе уполномоченные объявили, что этотъ городъ отъ Петербурга въ близкомъ разстояніи и что царь въ своей резиденціи никогда безопасенъ быть не можетъ, если Выборгъ будетъ за Швеціею. Постоянно являлись со стороны Гёрца новыя предложенія, чтобы царь дѣйствовалъ въ ущербъ своимъ союзникамъ. Нельзя было придти къ какому-либо соглашенію. Два раза Остерманъ ѣздилъ за новыми инструкціями въ Петербургъ, два раза Гёрцъ отправлялся съ тою же цѣлью въ Стокгольмъ. Ничто не помогало. Оказалось вскорѣ, что Гёрцъ въ Швеціи не пользовался болѣе прежнимъ довѣріемъ и что это обстоятельство мѣшало успѣху его дипломатической дѣятельности. Достойно вниманія и то, что со стороны Швеціи медлили заключеніемъ мира въ надеждѣ на безпорядки въ Россіи; ожидаемый бунтъ противъ царя дѣйствительно оказался бы весьма важною

выгодою для Швеціи. Наконецъ, Остерманъ пришелъ къ тому убѣжденію, что на заключеніе мира можно надѣяться не иначе, какъ послѣ нападенія на самую Швецію. Къ тому же имъ была выражена надежда, что «король, по его отважнымъ поступкамъ, когда нибудь или убитъ будетъ, или, скача верхомъ, шею сломитъ».

Послѣ сдѣланнаго Гёрцомъ предложенія, чтобы Россія помогала Карлу воевать съ Даніею, на что, разумѣется, русскіе уполномоченные не соглашались, Гёрцъ, въ ноябрѣ 1718 года, уѣхалъ въ Швецію. Ожидали его возвращенія на Аландскіе острова по истеченіи четырехъ недѣль. Онъ не вернулся. Зато была получена вѣсть объ убіеніи короля Карла XII подъ стѣнами крѣпости Фридрихсгаль и объ арестованіи Гёрца.

Остерманъ отправился въ Петербургъ, между тѣмъ, какъ Брюсъ для продолженія переговоровъ оставался на Аландскихъ островахъ. Перемѣна, происшедшая въ Швеціи, состоявшееся тамъ ограниченіе монархической власти—оказались весьма выгодными для Россіи. Рѣшительнѣе прежняго Петръ могъ настаивать на уступкѣ ему Лифляндіи, Эстляндіи, Ингерманландіи, Выборга и Кексгольма съ частью Кареліи. За то со стороны Россіи была изъявлена готовность заплатить за эти провинціи нѣкоторую сумму денегъ. Между тѣмъ, царь чрезъ отправленнаго въ Стокгольмъ бригадира Лефорта поздравилъ королеву Ульрику Элеонору со вступленіемъ на престолъ и при этомъ выразилъ надежду на заключеніе мира. Однако, переговоры въ Аландѣ оставались безуспѣшными и опять Брюсъ и Остерманъ начали говорить о необходимости нападеніемъ на самую Швецію принудить ее къ миру.

Шведскіе дипломаты между тѣмъ старались поссорить Россію съ Пруссіею. Новый шведскій уполномоченный, Лилієнштедтъ, спросилъ Брюса и Остермана, извѣстно ли царю, что противъ него ведутся большія интриги, что недавно противъ него заключенъ даже союзъ. Головкинъ узналъ въ Берлинѣ, что здѣсь ганноверская партія сильно интригуетъ, чтобы отвлечь короля Фридриха Вильгельма отъ Россіи и заставить его вступить въ соглашеніе съ королемъ Георгомъ. Головкинъ не разъ бесѣдовалъ съ самимъ королемъ объ этомъ дѣлѣ и всѣ старанія недоброжелателей Россіи не повели къ желанной цѣли.

Россія приступила къ возобновленію военныхъ дѣйствій. Флотъ, состоявшій изъ 30 военныхъ кораблей, 130 галеръ и 100 мелкихъ судовъ, былъ отправленъ къ берегамъ Швеціи; войска, находившіяся на этомъ флотѣ, высадились въ окрестностяхъ Стокгольма, сожгли 2 города, 130 селеній, 40 мельницъ и нѣсколько

желѣзныхъ заводовъ. Добыча русскихъ цѣнилась въ 1 милліонъ, ущербъ, нанесенный шведамъ въ 12 милліоновъ. Казаки явились недалеко отъ шведской столицы. Все это происходило въ 1719 г. Петръ, надѣявшійся, что все это подѣйствуетъ въ пользу мира, снова отправилъ Остермана для веденія переговоровъ въ Швецію. Однако, Остерману объявили, что королева готова уступить Нарву, Ревель и Эстляндію, но требуетъ возвращенія Финляндіи и Лифляндіи. Къ тому же выговаривали Остерману, что царь присылаетъ своего министра съ мирными предложеніями, а войска его

Шведскій министръ баронъ Герцъ.
Съ современнаго гравированнаго портрета.

жгутъ шведскія области, и прибавили, что никогда не дадутъ приневолить себя къ миру.

Тогда царь послалъ своимъ уполномоченнымъ на Аландскомъ конгрессѣ порученіе въ видѣ ультиматума: или впродолженіе двухъ недѣль окончить переговоры на основаніи требованій Россіи, или же прекратить конгрессъ. Шведскіе дипломаты объявили, что уѣзжаютъ съ Аландскихъ острововъ. Такимъ образомъ, оставалось только надѣяться на продолженіе военныхъ дѣйствій [1]).

---

[1]) Соловьевъ, XVII, 229—262.

Весьма важнымъ событіемъ въ это время было сближеніе между Швеціею и Англіею. Въ силу договора, заключеннаго между обѣими державами, Бременъ и Верденъ были уступлены Ганноверу. Впрочемъ, какъ доказывалъ Куракинъ въ особой составленной имъ по этому поводу запискѣ, этотъ договоръ не могъ сдѣлаться опаснымъ для Россіи; Куракинъ былъ того убѣжденія, что нѣтъ основанія ожидать какихъ-либо опасныхъ предпріятій со стороны

Яковъ Вилимовичъ Брюсъ.

Съ портрета, принадлежащаго графу Ю. И. Стенбоку.

Швеціи, что вся задача заключается въ выигрышѣ времени для того, чтобы принудить Швецію къ заключенію мира, и что для достиженія этой цѣли можетъ оказать пользу энергичное продолженіе военныхъ дѣйствій [1]).

[1]) Соловьевъ, XVII, 319—320.

Такимъ образомъ, не прекращались одновременно и дипломатическія, и военныя дѣйствія. Не было основанія ожидать особенно дѣятельнаго заступничества со стороны какой-либо державы въ пользу Швеціи. И происходившее въ это время сближеніе между Швеціею и Австріею не представляло опасности. Притязанія Польши на Лифляндію также не могли имѣть значенія, потому что внутреннее разложеніе Рѣчи Посполитой мѣшало успѣху этой державы во внѣшней политикѣ.

Зато достойно вниманія состоявшееся въ это время сближеніе между Россіею и Испаніею. Франція и Англія заключили между собою союзъ противъ Испаніи, стараясь привлечь къ этому союзу и Нидерланды. Одновременно Куракинъ велъ въ Гаагѣ съ испанскимъ посломъ переговоры о заключеніи союза между Россіею и Испаніею. Этотъ эпизодъ, не имѣвшій важныхъ послѣдствій, все-таки свидѣтельствовалъ о тѣсной связи, существовавшей между Россіею и западно-европейскою системою государствъ. Россія имѣла возможность разсчитывать на союзниковъ, которые могли сдѣлаться довольно опасными ея противникамъ. Союзъ съ Испаніею въ то время, при замѣчательной роли, которую игралъ Альберони, могъ имѣть важное значеніе. Паденіе кардинала положило конецъ этимъ проектамъ испанско-русскаго союза [1]).

Въ отношеніяхъ между Петромъ и Фридрихомъ Вильгельмомъ I было неизбѣжно нѣкоторое охлажденіе, вслѣдствіе англійско-ганноверскаго вліянія, оказаннаго на Пруссію. Прусскій дипломатъ въ Петербургѣ, Шлиппенбахъ, долженъ былъ выслушивать упреки за непостоянство дружбы прусскаго короля и за то, что Фридрихъ Вильгельмъ I играетъ роль защитника Швеціи. Къ счастію и для Россіи и для Пруссіи, интересы обѣихъ державъ были тѣсно связаны и такого рода нерасположеніе могло быть лишь временнымъ [2]). Петръ въ сущности не имѣлъ ни малѣйшаго основанія опасаться враждебныхъ дѣйствій Пруссіи.

Зато можно было считать вѣроятнымъ разрывъ между Россіею и Англіею. Царь и нѣкоторыя лица, окружавшія его, находились въ сношеніяхъ съ партіею претендента на англійскій престолъ, Якова III. Такъ, напр., въ Англіи узнали, что Петръ во время пребыванія въ Парижѣ нѣсколько разъ видѣлся съ лордомъ Маромъ, принадлежавшимъ къ этой партіи, и что тамъ происходили переговоры о заключеніи тѣснаго союза между Россіею, Швеціею

---

[1]) Соловьевъ, XVII, 314 и слѣд.
[2]) Droysen, IV, 2, 279, 320. Соловьевъ, XVII, 304.

и Яковомъ III. Такіе случаи повторялись. Лейбъ-медикъ царя, Эрескинъ (Areskin), состоялъ въ тѣсной связи съ якобитами[1]). Нельзя удивляться тому, что король Георгъ относился съ недовѣріемъ къ Россіи, что министръ Стенгопъ не разъ жаловался русскому послу въ Лондонѣ на ласковый пріемъ, оказанный приверженцамъ претендента въ Россіи, и что многіе современники считали возможнымъ разрывъ между Англіею и Россію.

Къ тому же, въ послѣднее время Сѣверной войны англійскій флотъ не разъ являлся въ Балтійскомъ морѣ, показывая видъ, что назначенъ для наблюденія за дѣйствіями русскаго флота. Между русскимъ посломъ и англійскими министрами происходили разныя объясненія по этому поводу[2]). Когда адмиралъ Норрисъ съ англійскимъ флотомъ, лѣтомъ 1719 года, явился въ Балтійскомъ морѣ, царь отправилъ къ адмиралу письмо, въ которомъ требовалъ объясненія, зачѣмъ онъ присланъ. Норрисъ отвѣчалъ въ общихъ выраженіяхъ. Англійскій посланникъ въ Швеціи, Картеретъ, сообщилъ Брюсу и Остерману, что королева Ульрика Элеонора приняла посредничество Англіи для заключенія мира между Швеціею и Россіею и что англійскій флотъ находится въ Балтійскомъ морѣ для защиты торговли англійскихъ подданныхъ и для поддержанія его медіаціи. Въ такихъ же выраженіяхъ писалъ къ Брюсу и Остерману и адмиралъ Норрисъ. Русскіе уполномоченные на Аландскихъ островахъ, «усмотря весьма необыкновенный и гордый поступокъ англійскихъ посла и адмирала», отвѣчали Картерету, что они не могутъ препроводить подобныхъ писемъ къ царскому величеству и пр.

Петръ не желалъ англійской медіаціи: всякое вмѣшательство Англіи въ дѣла Россіи могло сдѣлаться опаснымъ для послѣдней. Однако, и въ 1720 году, въ Балтійское море явился англійскій флотъ, и Веселовскій писалъ изъ Лондона, что Стенгопъ написалъ ему письмо объ отправленіи Норриса въ Балтійское море «для прикрытія областей Швеціи и для содѣйствія заключенія выгоднаго для обѣихъ сторонъ мира между Россіею и Швеціею.» Царь приказалъ генералъ-адмиралу, графу Апраксину, и рижскому генералъ-губернатору, князю Репнину, не принимать никакихъ писемъ отъ Норриса и Картерета, «ибо всему свѣту извѣстно, что адмиралъ Норрисъ посланъ на помощь въ Швецію» и т. д.

Доказательствомъ того, что англійская демонстрація не произвела дѣйствія, служило энергичное продолженіе военныхъ дѣй-

[1]) Herrmann, «Peter und Alexei», 193, 194, 196, 143—148.
[2]) Соловьевъ, XVII, 322 и слѣд.

ствій. И въ 1720 году русское войско высадилось на берегахъ Швеціи, и опять было превращено въ пепелъ нѣсколько городовъ и деревень. Въ Англіи противники министерства смѣялись надъ англійскимъ флотомъ, отправленнымъ для защиты Швеціи и преспокойно смотрѣвшимъ на опустошеніе шведскихъ областей русскимъ войскомъ.

И въ 1721 году повторились крейсированіе англичанъ въ Балтійскомъ морѣ и высадка русскихъ войскъ въ Швеціи, на глазахъ у англійскаго флота. Чрезъ Куракина Петръ узналъ о письмѣ ко-

Андрей Ивановичъ Остерманъ.
Съ портрета, находящагося въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

роля Георга къ королевѣ Ульрикѣ Элеонорѣ, въ которомъ онъ совѣтовалъ заключить миръ, потому что Англія не можетъ тратить такъ много денегъ на высылку эскадръ. Очевидно, Швеція не могла разсчитывать на содѣйствіе Англіи, а къ тому же въ Англіи желали, уже изъ за интересовъ торговли, нѣкотораго сближенія съ Россіею [1]).

Въ маѣ 1720 г., въ Петербургъ явился шведскій дипломатъ для сообщенія о вступленіи на престолъ королевы Ульрики Эле-

[1]) Соловьевъ, XVII, 322, 359, 367—68.

оноры. Въ августѣ этого же года, въ Стокгольмъ былъ отправленъ Румянцевъ съ предложеніемъ возобновить переговоры о мирѣ. Мѣстомъ съѣзда уполномоченныхъ обѣихъ державъ былъ назначенъ Ништадтъ, близь Або.

Въ Петербургѣ, затѣмъ, въ началѣ 1721 года, происходили переговоры о мирѣ съ Швеціею съ французскимъ дипломатомъ Кампредономъ. Ему было объявлено рѣшительно, что царь можетъ возвратить Швеціи лишь одну Финляндію, ничего болѣе. Кампредонъ отправился въ Швецію.

Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ.
Съ неизданнаго гравированнаго портрета изъ собранія Бекетова.

Въ концѣ апрѣля 1721 года, въ Ништадтѣ начались переговоры между Брюсомъ и Остерманомъ, съ одной стороны, и Лиліенштедтомъ и Стремфельдтомъ—съ другой. Прежде, во время переговоровъ на Аландскихъ островахъ, Петръ готовъ былъ согласиться, чтобы Лифляндія оставлена была въ русскомъ владѣніи отъ тридцати до двацати лѣтъ, и по окончаніи этого срока была бы возвращена Швеціи [1]). Теперь же онъ могъ настаивать на безусловной уступкѣ этой области. Послѣ страшнаго опустошенія шведскихъ береговъ русскими войсками, повторившагося и въ 1721

[1]) Соловьевъ, XVII, 256.

году, Швеція стала уступчивѣе; довольно горячо спорили еще о Выборгѣ, такъ какъ шведы долго не соглашались на уступку этого города; далѣе шведы все еще надѣялись удержать за собою Пернаву и Эзель, однако Россія не соглашалась ни на какія уступки и также не желала заключенія прелиминарнаго договора. Наконецъ, послѣ устраненія всѣхъ затрудненій, послѣдовало заключеніе мира (30 августа), въ силу котораго Россія пріобрѣла Лифляндію, Эстляндію, Ингерманландію, часть Кареліи съ Выборгомъ; Финляндія была возвращена Швеціи; Россія заплатила 2 милліона рублей.

Узнавъ, 3 сентября, о мирѣ, Петръ писалъ князю Василію Лукичу Долгорукому: «всѣ ученики науки въ семь лѣтъ оканчиваютъ обыкновенно; но наша школа троекратное время была (21 годъ), однакожъ, слава Богу, такъ хорошо окончилась, какъ лучше быть невозможно».

При полученіи извѣстія о мирѣ, Петръ находился въ окрестностяхъ Петербурга; тотчасъ же онъ возвратился въ новую столицу, гдѣ происходили торжественная встрѣча и разныя празднества. Генералъ-адмиралъ, флагманы, министры—просили царя принять чинъ адмирала. На Троицкой площади были приготовлены кадки съ виномъ и пивомъ и устроено возвышенное мѣсто. На него взошолъ царь и сказалъ окружавшему его народу: «Здравствуйте и благодарите Бога, православные, что толикую долговременную войну всесильный Богъ прекратилъ и даровалъ намъ со Швеціею счастливый, вѣчный миръ». Сказавъ это, Петръ взялъ ковшъ съ виномъ и выпилъ за здоровье народа, который плакалъ и кричалъ «Да здравствуетъ государь!» Съ крѣпости раздались пушечные выстрѣлы; поставленные на площади полки стрѣляли изъ ружей. По городу съ извѣстіями о мирѣ ѣздили 12 драгунъ съ бѣлыми черезъ плечо перевязями, съ знаменами и лавровыми вѣтвями, передъ ними по два трубача. 10 числа начался большой маскарадъ изъ 1,000 масокъ и продолжался цѣлую недѣлю. Петръ веселился какъ ребенокъ, плясалъ и пѣлъ пѣсни [1]). 20 октября Петръ объявилъ въ сенатѣ, что даетъ прощеніе всѣмъ осужденнымъ преступникамъ, освобождаетъ государственныхъ должниковъ, слагаетъ недоимки, накопившіяся съ начала войны по 1718 годъ. Въ тотъ же день сенатъ рѣшилъ поднести Петру титулъ Отца

[1]) Голиковъ VII, 340. Büsching Mag. XIX, 142 и слѣд.

Отечества, Императора и Великаго. 22 октября, царь со всѣми вельможами былъ у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ. Послѣ обѣдни читался мирный договоръ. Ѳеофанъ Прокоповичъ въ проповѣди описывалъ знаменитыя дѣла царя. Затѣмъ подошли къ Петру сенаторы, и канцлеръ, графъ Головкинъ, сказалъ рѣчь, въ которой между прочимъ говорилъ: «мы, ваши вѣрные подданные, изъ тьмы невѣдѣнія на ѳеатръ славы всего свѣта, и тако рѣщи, изъ небытія въ бытіе произведены, и въ общество политичныхъ народовъ присовокуплены». Затѣмъ Головкинъ просилъ Петра принять титулъ Великаго Отца Отечества и Императора Всероссійскаго. Сенаторы три раза прокричали: виватъ; за ними повторилъ этотъ крикъ весь народъ, стоявшій внутри и внѣ церкви; раздались колокольный звонъ, звуки трубъ, литавръ и барабановъ, пушечная и ружейная стрѣльба.

Петръ отвѣчалъ, что «желаетъ весьма народу россійскому узнать истинное дѣйствіе Божіе къ пользѣ нашей въ прошедшей войнѣ и въ заключеніи настоящаго мира, должно всѣми силами благодарить Бога, но надѣясь на миръ, не ослабѣвать въ военномъ дѣлѣ, дабы не имѣть жребія монархіи греческой; подлежитъ стараться о пользѣ общей, являемой Богомъ намъ очевидно внутри и внѣ, отчего народъ получитъ облегченіе».

Съ такимъ же торжествомъ было отпраздновано заключеніе Ништадтскаго мира и въ Москвѣ, куда Петръ отправился въ началѣ слѣдующаго года.

Современники Петра не могли не сознавать, что Сѣверная война навсегда должна была отдѣлить древнее Московское царство отъ новой Россіи. Война была рѣшена въ Москвѣ, окончаніе ея праздновали въ Петербургѣ. Достойно вниманія, что во время войны было сдѣлано распоряженіе наблюдать за тѣмъ, чтобы Россія въ «курантахъ», т. е. газетахъ, не называлась болѣе Московскимъ, а только Россійскимъ государствомъ [1]). Во время этой войны совершилось окончательно превращеніе Россіи изъ азіатскаго государства въ европейское, вступленіе ея въ систему европейскаго политическаго міра. Этою войною измѣнилось многое въ политической системѣ Европы. Гегемонія Швеціи на сѣверо-востокѣ прекратилась, паденіе Польши сдѣлалось неизбѣжнымъ, зато Россія стала первоклассною державою. Венеціанскій дипломатъ замѣтилъ:

[1]) Соловьевъ, XVII, 404.

«прежде Польша предписывала царю законы; теперь же царь распоряжается по своему усмотрѣнію, пользуясь безусловнымъ авторитетомъ» [1]).

Возлѣ новой великой державы, Россіи, возникло во время этой войны еще другое первоклассное государство—Пруссія. Бывшій курфирстъ Бранденбургскій сдѣлался лучшимъ и вѣрнѣйшимъ союзникомъ Россіи. Центръ тяжести политическаго вѣса и значенія, такъ долго находившійся на юго-западѣ, у романско-католическихъ

Первоначальный видъ Троицкаго собора въ Петербургѣ.

Съ современной гравюры.

народовъ, благодаря происхожденію и развитію двухъ новыхъ великихъ державъ на сѣверо-востокѣ, долженъ былъ измѣнить свое положеніе.

Нельзя отрицать, что весьма важная доля успѣха принадлежала лично Петру. Его во все тяжелое время войны поддерживала мысль о преобразованіи Россіи; онъ сдѣлался побѣдителемъ надъ знаменитымъ полководцемъ, Карломъ XII, именно потому, что, уступая ему въ военномъ искусствѣ, онъ превосходилъ его въ качествѣ всесторонняго государственнаго дѣятеля. Не даромъ всѣ

---

[1]) Ranke, Werke, XXIV, 7.

труды и опасности, лишенія и страданія во время Сѣверной войны Петромъ считались полезною школою. Сознаніе необходимости успѣха въ области внѣшней политики для внутренняго преобразованія заслужило ему имя «Великаго». Во время этой войны скромный корабельный плотникъ и бомбардиръ, лоцманъ и шкиперъ—дослужился до чина адмирала. Мало того, царь сдѣлался Всероссійскимъ Императоромъ.

ГЛАВА VI.

Отношенія къ Азіи.

ОССІИ было суждено сдѣлаться посредникомъ между востокомъ и западомъ. Поэтому Петръ и въ самый разгаръ Сѣверной войны, доставившей Россіи важное мѣсто въ европейской системѣ государствъ, не упускалъ изъ виду азіатскихъ дѣлъ. Еще до заключенія Ништадтскаго мира, онъ былъ занятъ проектами завоеваній на востокѣ. Кавказъ и Персія обращали на себя особенное вниманіе царя.

Уже въ XVI и XVII вѣкахъ, путь въ Персію чрезъ Каспійское море, торговыя связи съ азіатскими государствами—сдѣлались предметомъ желаній многихъ державъ. Почти всѣ западно-европейскія государства домогались заключенія договоровъ съ Россіею объ исключительномъ правѣ на торговыя сношенія съ Персіею. Таковы были старанія Англіи при Иванѣ IV; отважный и опытный путешественникъ Дженкинсонъ въ то время предпринималъ путешествія въ Персію и Бухару; нѣсколько десятилѣтій позже, гольштинское посольство, при которомъ находился Олеарій, предприняло такое же путешествіе съ торговыми цѣлями въ Персію. Затѣмъ, Юрій Крижаничъ старался доказывать, что для Россіи торговыя сношенія съ азіатскими странами представятъ чрезвычайныя выгоды: Россія, по мнѣнію ученаго серба, должна была

сдѣлаться посредникомъ между промышленностью и торговлею въ Бухарѣ, Хивѣ и Персіи, съ одной стороны, и западно-европейскимъ миромъ—съ другой; онъ выразилъ надежду, что Каспійское море наполнится русскими торговыми судами и предлагалъ сооруженіе фортовъ на берегахъ этого моря, учрежденіе консульствъ въ Персіи и пр.

Хотя Петру и не были извѣстны сочиненія Крижанича, но онъ не могъ не заняться подобными же проектами. Еще въ 1691 году, Витзенъ, въ письмѣ къ царю, указывалъ на торговыя сношенія съ азіатскими державами, какъ на обильный источникъ богатства, и говорилъ, между прочимъ, о необходимости сближенія Россіи съ Китаемъ [1]). Въ 1692 году, былъ отправленъ въ Китай датчанинъ Избрандъ для собиранія свѣдѣній объ этой странѣ. Петръ разсчитывалъ на развитіе торговыхъ сношеній съ Китаемъ, и поэтому требовалъ отъ своихъ подданныхъ на крайнемъ востокѣ особенной осторожности въ обращеніи съ китайцами. Оказалось, однако, что іезуиты въ Китаѣ старались препятствовать развитію сношеній этой страны съ Россіею, такъ что, хотя при Петрѣ и были отправлены посольства въ Китай, но успѣха въ дипломатическихъ переговорахъ не было.

Успѣшнѣе можно было дѣйствовать на юго-востокѣ. Исходною точкою операцій при этомъ служили берега Каспійскаго моря. Уже въ 1699 году, была отправлена экспедиція для изученія береговъ Каспійскаго моря, однако, датчанинъ Шельтрупъ, бывшій начальникомъ этой экспедиціи, имѣлъ несчастіе попасть въ плѣнъ къ персіянамъ и вскорѣ умеръ [2]). Немного позже, была снаряжена еще другая экспедиція съ тою же цѣлью, о дѣятельности которой, однако, не имѣется свѣдѣній [3]).

Неудачный Прутскій походъ заставилъ Петра обратить еще большее вниманіе на эти страны. Можно было думать о вознагражденіи на Каспійскомъ морѣ потери, понесенной на Азовскомъ и Черномъ моряхъ. Важною задачею считалось обезпеченіе торговыхъ сношеній съ Персіею и центрально-азіатскими странами. На пути въ Персію, Бухару и Хиву весьма часто подвергались разграбленію караваны русскихъ купцовъ. Подобные эпизоды случались и на Кавказѣ. Прежде всего казалось важнымъ собрать болѣе точныя свѣдѣнія о закаспійскихъ земляхъ. Поэтому Петръ, въ

[1]) Posselt, «Lefort», I, 508.
[2]) Перри, нѣм. изд., 164—166.
[3]) Baer, «Peters d. Gr. Verdienste um die Erweiterung d. geogr. Kenntnisse», въ сборникѣ «Beiträge z. Kenntniss d. russ. Reichs», XVI, 158.

*

началѣ 1716 года, отправилъ туда князя Александра Бековича Черкасскаго, которому было поручено, между прочимъ, построить фортъ у гавани, гдѣ было устье рѣки Аму-Дарьи, осмотрѣть всѣ мѣстности края, хана хивинскаго склонить къ вѣрности и подданству, обѣщая ему наслѣдственное владѣніе, провѣдать о бухарскомъ ханѣ, нельзя ли его, если не въ подданство, то въ дружбу

Артемій Петровичъ Волынскій.
Съ портрета, принадлежащаго г. Трегубову.

привести. Для исполненія всѣхъ этихъ порученій Бековичъ былъ сопровождаемъ 4000-нымъ войскомъ. Предпріятіе кончилось печальнымъ образомъ. Хивинскій ханъ, опасавшійся наступательныхъ дѣйствій Россіи и обманувъ Бековича обѣщаніемъ ласковаго пріема, велѣлъ убить его; войско частью погибло, частью было взято въ плѣнъ. Русскіе не могли даже удержать за собою форты, построенные у береговъ Каспійскаго моря. Въ возмездіе за этотъ

поступокъ, русское правительство, въ 1720 году, когда пріѣхалъ хивинскій посолъ, велѣло заключить его въ крѣпость, гдѣ онъ скоро и умеръ. Отношенія къ хивинскому хану оставались натянутыми. Съ однимъ изъ хивинцевъ, пріѣхавшихъ съ посланникомъ, отправлена была къ хану грамата съ увѣдомленіемъ о смерти посланника и съ требованіемъ отпустить всѣхъ плѣнныхъ. Въ январѣ 1722 года, вышелъ изъ Хивы плѣнный яицкій казакъ и разсказывалъ, что, когда хану подана была гра-

Городъ Терки въ XVIII столѣтіи.
Съ современной гравюры, находящейся въ „Путешествіи" Олеарія.

мата, то онъ топталъ ее ногами и отдалъ играть молодымъ ребятамъ [1]).

Расширеніе предѣловъ Россіи къ востоку отъ Каспійскаго моря было лишь вопросомъ времени. Завоеваніе этихъ странъ послѣдовало гораздо позже.

Зато столкновеніе съ Персіею произошло еще при Петрѣ Великомъ. Отношенія Россіи къ Грузіи и прочимъ областямъ на Кав-

---

[1]) Соловьевъ, XVIII, 11—13.

казѣ легко могли повести къ столкновенію съ Персіей. Уже въ 1701 году, какъ доносилъ Плейеръ, царь намѣревался требовать отъ персидскаго шаха уступки провинціи Гилянь, богатой удобными портами и лѣсомъ, годнымъ для кораблестроенія. Ходили тогда же слухи о сооруженіи флота, назначеннаго въ Каспійское море, къ походу противъ Персіи [1]).

Петръ самъ былъ занятъ изученіемъ вопроса о персидской торговлѣ. Въ этомъ отношеніи достоенъ вниманія наказъ Волынскому, отправленному въ Персію въ качествѣ русскаго посланника въ 1715 году. Тутъ сказано, между прочимъ: «ѣдучи по владѣніямъ шаха персидскаго, какъ моремъ, такъ и сухимъ путемъ, всѣ мѣста, пристани, города и прочія поселенія и положенія мѣстъ, и какія гдѣ въ море Каспійское рѣки большія впадаютъ, и до которыхъ мѣстъ по онымъ рѣкамъ мочно ѣхать отъ моря и нѣтъ ли какой рѣки изъ Индіи, которая бы впала въ сіе море, и есть ли на томъ морѣ и въ пристаняхъ у шаха суды военныя или купеческія, такожъ какія крѣпости и фортеціи—присматривать прилежно и искусно и провѣдывать о томъ, а особливо про Гилянь и какія горы и непроходимыя мѣста кромѣ одного нужнаго пути (какъ сказываютъ) отдѣлили Гилянь и прочія провинціи, по Каспійскому морю лежащія, отъ Персиды, однакожъ такъ, чтобы того не признали персіяне, и дѣлать о томъ секретно журналъ повседневный, описывая все подлинно. Будучи ему въ Персіи, присматривать и разведывать, сколько у шаха крѣпостей и войска и въ какомъ порядкѣ, и не вводятъ ли европейскихъ обычаевъ въ войнѣ? Какое шахъ обхожденіе имѣетъ съ турками, и нѣтъ ли у персовъ намѣренія начать войну съ турками и не желаютъ ли противъ нихъ съ кѣмъ въ союзъ вступить. Внушать, что турки главные непріятели персидскому государству и народу, и самые опасные сосѣди всѣмъ, и царское величество желаетъ содержать съ шахомъ добрую сосѣдскую пріязнь. Смотрѣть, какимъ способомъ въ тѣхъ краяхъ купечество россійскихъ подданныхъ размножить, и нельзя ли чрезъ Персію учинить купечество въ Индію. Склонять шаха, чтобъ повелѣно было армянамъ весь свой торгъ шелкомъ-сырцомъ обратить проѣздомъ въ россійское государство, предъявляя удобство водяного пути до самаго С.-Петербурга, вмѣсто того, что они принуждены возить свои товары въ турецкія области на верблюдахъ, и буде не возможно то словами и домогатель-

[1]) Устряловъ, IV, 2, 538, 556, 583.

ствомъ сдѣлать, то нельзя ли дачею шаховымъ ближнимъ людемъ; буде и симъ нельзя будетъ учинить Смирнскому и Алепскому торгамъ гдѣ и какъ? [1]) развѣдывать объ армянскомъ народѣ, много ли его и въ которыхъ мѣстахъ живетъ, и есть ли изъ нихъ какіе знатные люди изъ шляхетства или изъ купцовъ, и каковы они къ сторонѣ царскаго величества, обходиться съ ними ласково и склонять къ пріязни» и пр. [2]).

Въ Персіи знали о хивинской экспедиціи, были весьма недовольны этимъ предпріятіемъ и, когда пріѣхалъ Волынскій (весною 1717 года), оказали ему неблагопріятный пріемъ. Его заперли въ домѣ, поставили крѣпкій караулъ и требовали его скораго отъѣзда. Волынскій, отличавшійся необычайною ловкостью дипломатъ, успѣлъ устроить дѣло такъ, что ему было дозволено оставаться дольше. О положеніи Персіи онъ писалъ царю, между прочимъ: «здѣсь такая нынѣ глава, что не онъ надъ подданными, но у своихъ подданныхъ подданный, и, чаю, рѣдко такого дурачка можно сыскать и между простыхъ, не только изъ коронованныхъ... Они не знаютъ, что такое дѣла и какъ ихъ дѣлать, притомъ лѣнивы, о дѣлѣ же ни одного часа не хотятъ говорить... отъ этого такъ свое государство разорили, что, думаю, и Александръ Великій, въ бытность свою, не могъ такъ разорить... не только отъ непріятелей, и отъ своихъ бунтовщиковъ оборониться не могутъ, и уже мало мѣстъ осталось, гдѣ бы не было бунта... Богъ ведетъ къ паденію сію корону... Хотя настоящая война наша (шведская) намъ и возбраняла бъ, однако, какъ я здѣшнюю слабость вижу, намъ безъ всякаго опасенія начать можно; ибо не только цѣлою арміею, но и малымъ корпусомъ великую часть къ Россіи присовокупить безъ труда можно, къ чему удобнѣе нынѣшняго времени не будетъ» и пр. [3]).

Однако, продолжавшаяся шведская война мѣшала открытію военныхъ дѣйствій противъ Персіи. Приходилось ждать до Ништадтскаго мира. Между тѣмъ Волынскій, успѣвъ заключить торговый договоръ съ Персіею, возвратился въ Россію. На пути онъ зимовалъ въ Шемахѣ, гдѣ видѣлся съ начальникомъ персидскаго войска, Форседанъ-Бекомъ; тутъ Волынскій узналъ о печальномъ состояніи персидскаго войска, не получавшаго жалованья и поэтому всегда готоваго къ бунту, а также о томъ, что шахъ персидскій узбекскому хану послалъ въ подарокъ значительную сумму

[1]) Напечатанное крупнѣе написано собственною рукою Петра В.
[2]) Соловьевъ, XVIII, 28.
[3]) Тамъ же, XVIII, 30.

денегъ за то, что хивинцы убили князя Александра Бековича Черкасскаго. Далѣе, Волынскому разсказывали, что въ Персіи ежечасно ждутъ нападенія со стороны Россіи. Въ началѣ 1718 года, въ Шемахѣ разнесся слухъ, что въ Астрахань царь прислалъ 10 бояръ съ 80,000 регулярнаго войска, что при Терекѣ зимуетъ нѣсколько сотъ кораблей. Ханъ шемахинскій казался склоннымъ измѣнить шаху и дѣйствовать заодно съ русскими противъ Персіи.

Въ 1720 году, Волынскій сдѣлался губернаторомъ въ Астрахани. Въ данномъ ему наказѣ встрѣчаются порученія, прямо указывающія на ожидаемую войну съ Персіею. Въ сентябрѣ того же года отправленъ былъ въ Персію капитанъ Алексѣй Баскаковъ; ему было поручено осмотрѣть путь отъ Терека чрезъ Шемаху и

Городъ Дербентъ въ XVIII столѣтіи.
Съ гравюры Оттенса 1726 года.

Апшеронъ до Гиляни: удобенъ ли онъ для прохода войскъ водами, кормами конскими и прочимъ. Волынскій не переставалъ говорить о возможности и выгодѣ войны съ Персіею. Въ августѣ 1721 года, онъ доносилъ, что грузинскій принцъ, Вахтангъ, проситъ царя защитить христіанъ, живущихъ на Кавказѣ, и предлагаетъ начать военныя дѣйствія противъ Персіи, выставляя на видъ, что легко можно завладѣть и Дербентомъ, и Шемахою. «Вахтангъ», писалъ Волынскій, «представляетъ о слабомъ нынѣшнемъ состояніи персидскомъ и какъ персіяне оружію вашему противиться не могутъ; ежели вы изволите противъ шаха въ войну вступить, онъ, Вахтангъ, можетъ поставить въ поле своихъ войскъ отъ 30 до 40,000 и обѣщается пройти до самой Гиспагани, ибо онъ персіянъ бабами называетъ».

Зато Волынскій не совѣтовалъ сближаться съ владѣльцами другихъ иновѣрныхъ народовъ Кавказа, такъ какъ на нихъ плохая надежда. Наконецъ, онъ представилъ, что случившееся, въ августѣ 1721 года, разграбленіе города Шемахи лезгинцами, причемъ пострадали и нѣкоторые русскіе купцы, можно употребить, какъ поводъ къ разрыву съ Персіею. «Не великихъ войскъ», писалъ Волынскій, «сія война требуетъ, ибо ваше величество уже изволите и сами видѣть, что не люди, скоты воюютъ и разоряютъ... только бъ была исправная аммуниція и довольное число провіанта».

Землянка въ Дербентѣ, гдѣ, по преданію, ночевалъ Петръ I.
Въ ея настоящемъ видѣ.

Петръ рѣшился къ походу. Узнали о новыхъ бунтахъ въ Персіи; желали воспользоваться господствовавшею въ этомъ государствѣ неурядицею. Весною 1722 года, Петръ отправился въ путь къ Каспійскому морю. При немъ находились Екатерина, Толстой, Апраксинъ. На пути къ Кавказу, царь всюду самолично старался собирать топографическія свѣдѣнія о Кавказѣ и Персіи и средне-азіатскихъ владѣніяхъ.

Тотчасъ же при появленіи царя съ войскомъ на берегахъ Кавказа, владѣльцы разныхъ мѣстностей выразили готовность служить царю. Особенно торжественно Петръ и Екатерина были приняты

въ Таркахъ. Петръ объявилъ, что собственно не желаетъ воевать съ Персіею, но хочетъ лишь наказать разбойниковъ, нанесшихъ обиду русскимъ купцамъ, а къ тому же намѣренъ требовать отъ шаха уступки нѣкоторыхъ областей на берегу Каспійскаго моря. Русскимъ войскамъ было вмѣнено въ обязанность всюду щадить по возможности туземное населеніе.

Начался походъ; войско русское состояло изъ 106,000 человѣкъ. На пути къ Дербенту приходилось сражаться, но городъ сдался 23 августа. Петръ писалъ къ Ромодановскому, что «тако въ сихъ краяхъ, съ помощію Божіею, футъ получили» [1]). Сенаторы отвѣчали, что «по случаю побѣдъ въ Персіи и за здравіе Петра Великаго, вступившаго на стези Александра Великаго, всѣ радостно пили».

Послѣ этого успѣха, однако, начались затрудненія. Провіантскія суда пострадали отъ бурь; пропало множество съѣстныхъ припасовъ; лошади падали массами, въ одну ночь не менѣе 1700, какъ видно изъ письма самого Петра къ сенаторамъ, отъ 16-го октября 1722 года. Все это не помѣшало Петру заложить на Сулакѣ новую крѣпость Св. Креста, для прикрытія русской границы, вмѣсто прежней Терской крѣпости, положеніе которой государь нашелъ очень неудобнымъ. Петръ долженъ былъ отказаться отъ исполненія своего намѣренія отправиться въ Шемаху и оттуда въ Тифлисъ. Предоставивъ главное начальство надъ войскомъ генералу Матюшкину, онъ возвратился въ Россію. Въ Астрахани, гдѣ болѣзнь задержала его нѣкоторое время, онъ составилъ подробный планъ кампаніи слѣдующаго года. Тутъ онъ далъ полковнику Шипову, отплывавшему въ Гилянь, слѣдующую инструкцію: «приставъ (къ берегу), дать о себѣ знать въ городѣ Рящѣ, что онъ присланъ для ихъ охраненія и чтобъ они ничего не опасались; потомъ выбраться къ деревнѣ Перибазаръ и тутъ усилить небольшой редутъ съ палисады для охраненія мелкихъ судовъ... смотрѣть, дабы жителямъ утѣсненія и обиды отнюдь не было и обходимо бы дѣло пріятельски и не сурово, но ласкою, обнадеживая ихъ ласкою... развѣдать не только, что въ городѣ, но и во всей Гиляни какіе товары, а именно сколько шелку въ свободное время бывало, на сколько денегъ и сколько нынѣ, и отчего меньше... и о прочихъ товарахъ, и что чего бывало и нынѣ есть и куды идетъ и на что мѣняютъ или на деньги все продаютъ; провѣдать про сахаръ, гдѣ родится. Также сколько воз-

[1]) Т. е. стали твердою ногою.

можно развѣдать о провинціяхъ Мазандеранъ и Астрабадъ, что тамъ родится» и пр.

Петръ считалъ вѣроятнымъ, что турки пожелаютъ завладѣть этими провинціями на южныхъ берегахъ Каспійскаго моря. Ему казалось необходимымъ противиться этому во что бы то ни стало.

Полковникъ Шиповъ безъ затрудненій занялъ городъ Рештъ, въ ноябрѣ 1722 года. Однако здѣсь русскіе были приняты далеко не дружелюбно. Мало по малу персіяне начали собирать войска около Решта. Шипову было объявлено, что никто не нуждается въ его помощи и защитѣ, и потому пусть онъ уходитъ, пока его не принудили. Нѣсколько недѣль тянулись переговоры по этому дѣлу. Непріязнь дошла до враждебныхъ дѣйствій. Происходила схватка, въ которой горсть русскихъ заставила бѣжать многочисленнаго непріятеля.

Между тѣмъ въ Персіи на престолѣ произошла перемѣна; Шахъ Гуссейнъ уступилъ мѣсто шаху Махмуду, и сей послѣдній казался склоннымъ сблизиться съ Портою. Такое усложненіе персидскихъ дѣлъ могло сдѣлаться опаснымъ для Россіи. Турція могла, равно какъ и Россія, подумать о завоеваніяхъ въ Персіи. Петръ предупредилъ Порту. Русскія войска, лѣтомъ 1723 года, заняли Баку, завладѣли провинціею Гилянь. Спрашивалось, на сколько можно было считать вѣроятнымъ вмѣшательство въ эти дѣла Турціи?

И безъ того русскіе послы въ Константинополѣ довольно часто находились въ чрезвычайно трудномъ положеніи; во время послѣднихъ лѣтъ Сѣверной войны, англійскіе дипломаты не переставали возбуждать Порту противъ Россіи, причемъ постоянно указывалось на сношенія царя съ христіанскими подданными султана. Также и австрійскій и французскій посланники крамолили противъ Россіи. Русскіе дипломаты старались противодѣйствовать этимъ проискамъ путемъ подкупа турецкихъ сановниковъ. Несмотря на всѣ затрудненія, русскому дипломату Дашкову удалось превратить заключенный въ 1713 году въ Адріанополѣ договоръ въ «вѣчный» миръ (5 ноября, 1720 года).

Скоро послѣ этого, началась война персидская. Кавказскіе христіане и армяне обратились къ царю съ просьбою о помощи. Лезгинцы и другіе приверженцы ислама требовали защиты Турціи, изъявляя готовность сдѣлаться подданными султана. Такимъ

образомъ, персидскія дѣла легко могли повести къ разрыву между Россіею и Портою. Французскій посолъ въ Константинополѣ говорилъ русскому, Неплюеву, что если русскіе ограничатся только прикаспійскими провинціями и не будутъ со стороны Арменіи и Грузіи приближаться къ турецкимъ границамъ, то Порта останется равнодушною, а, быть можетъ, что нибудь и себѣ возьметъ со стороны Вавилона. Вскорѣ однако въ Константинополь прибылъ гонецъ отъ персидскаго шаха съ просьбою о помощи противъ Россіи. Возобновились внушенія дипломатовъ Англіи, Вене-

Персидскій шахъ Гуссейнъ.
Съ современнаго портрета, находящагося въ „Путешествіи“ де-Брунна, изд. 1737 года.

ціи, Австріи, султану о чрезмѣрномъ могуществѣ Петра, и представленія о необходимости сдерживать его. Когда, говорили они, царь возьметъ провинціи Ширванскую, Эриванскую и часть Грузіи, тогда турецкіе подданные, грузины и армяне, сами вступятъ подъ русское покровительство, а оттуда близко и къ Трапезунду, отчего со временемъ можетъ быть Турецкой имперіи крайнее раззореніе. Съ разныхъ сторонъ были слышны жалобы на страсть Петра къ завоеваніямъ. Порта не желала разрыва съ Россіею, однако визирь говорилъ однажды Неплюеву: «вашъ государь, пре-

слѣдуя своихъ непріятелей, вступаетъ въ области, зависящія отъ Порты: это развѣ не нарушеніе мира? Еслибы мы начали войну съ шведами и пошли ихъ искать чрезъ ваши земли, то что̀ бы вы сказали?.. государь вашъ сорокъ лѣтъ своего царствованія проводитъ въ постоянной войнѣ: хотя бы на малое время успокоился и далъ покой друзьямъ своимъ; а если онъ желаетъ нарушить съ нами дружбу, то могъ бы и явно объявить намъ войну; мы, слава Богу, въ состояніи отпоръ сдѣлать».

Впрочемъ, Неплюевъ узналъ о нѣкоторыхъ приготовленіяхъ Порты къ войнѣ, объ отправленіи военныхъ снарядовъ къ Азову и Эрзеруму. Татары подкинули самому султану бумагу, въ которой упрекали его за неосмотрительность: «министры тебя обманываютъ: ты и не узнаешь, какъ русскій царь разоритъ половину твоего государства». Чернь волновалась, требуя отъ правительства рѣшительныхъ дѣйствій. Неплюевъ узналъ, что между Портою и Хивою происходятъ сношенія о союзѣ оборонительномъ и наступательномъ противъ Россіи. Зато Рагоци, въ интересахъ котораго было сохраненіе мира между Россіею и Турціею, составилъ проектъ примиренія между обоими государствами, въ которомъ предлагалось раздѣлить Кавказъ такимъ образомъ, чтобы Турція получила Дагестанъ, а Россія Грузію и пр. Однако турки не хотѣли допустить дальнѣйшаго пребыванія русскихъ на Кавказѣ, и поддерживали князей кавказскихъ отправленіемъ къ нимъ значительныхъ суммъ денегъ и обѣщаніемъ имъ помощи войскомъ для изгнанія русскихъ изъ Кавказа.

Гичка Петра Великаго, хранящаяся въ Астраханскомъ музеѣ.

Наконецъ визирь обратился къ Неплюеву съ рѣшительнымъ требованіемъ, чтобы русскіе очистили Кавказъ, причемъ окончилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «всякій бы желалъ для себя большихъ пріобрѣтеній, но равновѣсіе сего свѣта не допускаетъ; напримѣръ, и мы бы послали войско противъ Италіи и

прочихъ малосильныхъ государей, но другіе государи не допустятъ; поэтому и мы за Персіею смотримъ».

Внушенія англійскаго дипломата продолжались. Онъ подалъ Портѣ меморіалъ, въ которомъ говорилось, что, по сообщеніямъ прусскаго двора, русскій государь собираетъ огромное войско и хочетъ выступить въ походъ противъ Дагестана и распространить свои владѣнія до Чернаго моря. Порта, было сказано въ этой запискѣ, должна беречься Россіи, бороться съ которою легко, ибо русскій государь не въ дружбѣ ни съ однимъ изъ европейскихъ государей, всѣ они ему злодѣи. — Французскій посолъ де-Бонакъ сказалъ Неплюеву: «донесите своему двору, что все дѣло въ двухъ словахъ: сохранять миръ съ Турціею и не вступаться въ персидскія дѣла; продолжать войну въ персидскихъ областяхъ — разорвать съ Турціею».

Петръ думалъ о возможности разрыва съ Турціею. Онъ писалъ Неплюеву: «наши интересы отнюдь не допускаютъ, чтобы какая другая держава, чья-бъ ни была, на Каспійскомъ морѣ утвердилась... если Порта, въ противность вѣчному миру, будетъ принимать подъ свое покровительство лезгинцевъ, нашихъ явныхъ враговъ, то тѣмъ менѣе должно быть противно Портѣ, если мы принимаемъ подъ свое покровительство народы, не имѣющіе никакого отношенія къ Портѣ и находящіеся въ дальнемъ отъ нея разстояніи, на самомъ Каспійскомъ морѣ, до котораго намъ никакую другую державу допустить нельзя. Если Порта, безъ всякой со стороны нашей причины, хочетъ нарушить вѣчный миръ, то мы предаемъ такой беззаконный поступокъ суду Божію, и къ оборонѣ своей, съ помощію Божіею, потребные способы найдемъ» [1]).

Однако войны съ Турціею не произошло. Напротивъ, персидская война кончилась. Новый шахъ отправилъ посла въ Петербургъ и здѣсь былъ заключенъ миръ, 12 сентября 1723 года. Персія уступила Россіи въ вѣчное владѣніе Дербентъ, Баку, провинцію Гилянь, Мазандеранъ и Астрабатъ. Тотчасъ же Петръ распорядился о постройкѣ фортовъ въ новопріобрѣтенныхъ земляхъ; къ тому же онъ требовалъ скорѣйшаго доставленія ему образчиковъ разныхъ продуктовъ этихъ провинцій, какъ то: сахару, мѣди, нефти, лимоновъ и пр.; его интересовалъ вопросъ о судоходности рѣки Куры, о разстояніи отъ рѣки Куры до Арменіи и т. д. [2]).

---

[1]) Соловьевъ, XVIII, 58—74.

[2]) Тамъ же, XVIII, 50—52. О персидской войнѣ см. монографію Мельгунова въ «Русск. Вѣстникѣ» 1874. CX, 33 и слѣд.

Турція была чрезвычайно недовольна русско-персидскимъ договоромъ. Негодованіе Порты легко могло повести къ разрыву; однако старанія французскаго посла содѣйствовали сохраненію мира. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ, трактатъ между Турціею и Россіею былъ подписанъ, 12 іюня 1724 г. Въ немъ была опредѣлена граница между Россіею, Турціею и Персіею.

Когда Румянцевъ отправился въ Константинополь для ратификаціи договора, Петръ велѣлъ къ нему послать рескриптъ: «пріѣхали къ намъ армянскіе депутаты съ просьбою защитить отъ непріятелей; если же мы этого сдѣлать не въ состояніи, то позволить имъ перейти на житье въ наши новопріобрѣтенныя отъ Персіи провинціи... Если турки станутъ вамъ объ этомъ говорить, то отвѣчайте, что мы сами армянъ не призывали, но они насъ по единовѣрію просили взять ихъ подъ свое покровительство; намъ, ради христіанства, армянамъ, какъ христіанамъ, отказать

Плезиръ-яхта Петра Великаго, хранящаяся въ Астраханскомъ музеѣ.

въ томъ было нельзя, какъ и визирь самъ часто объявлялъ, что по единовѣрію просящимъ покровительства отказать невозможно» [1]).

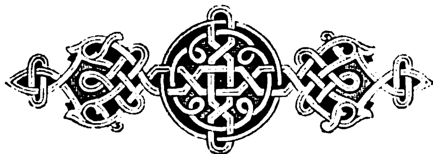
Вопросъ объ армянахъ занималъ Петра въ самое послѣднее время его жизни [2]). Также и Грузія до кончины Петра обращала на себя вниманіе государя. Впрочемъ, уступленныя Персіею Петру провинціи не долго оставались въ рукахъ Россіи. Скоро послѣ кончины царя нужно было вновь отказаться отъ этихъ завоеваній. Цѣль, которую имѣлъ въ виду Петръ, завоеваніе вообще береговъ Каспійскаго моря и проложеніе пути въ среднюю Азію, не была достигнута. Однако ясно и точно имъ было указано направленіе политики, которой держалась Россія и послѣ него въ отношеніи къ юго-востоку.

Нельзя удивляться тому, что на западѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за этими событіями. Въ іюнѣ 1722 года, русскій дипломатъ Ланчинскій писалъ изъ Вѣны, что тамъ глав-

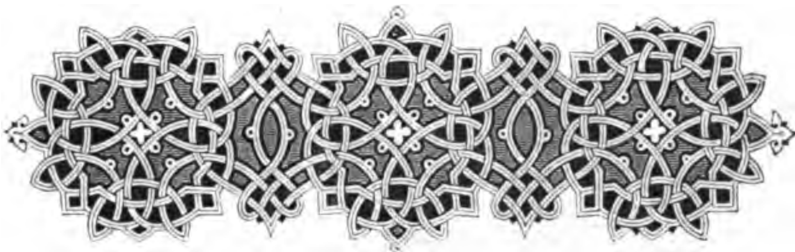
[1]) Соловьевъ, XVIII, 74.
[2]) Мельгуновъ, въ «Русск. Вѣстникѣ», 1874. CX, 6.

ное содержаніе разговоровъ составляютъ военныя дѣйствія русскихъ въ Персіи; разсматривали дѣло съ разныхъ сторонъ, особенно толковали, что Петръ, занявъ значительнѣйшія мѣста на Каспійскомъ морѣ, станетъ хлопотать объ установленіи сообщеній съ Индіею вплоть до Персидскаго залива, и это ему будетъ легко при смутѣ въ персидскомъ государствѣ. Въ Вѣнѣ рѣдко кто не имѣлъ у себя на столѣ карты Азіи для наблюденія за ходомъ событій. Англійская партія внушала, какъ неблагоразумно поступало австрійское правительство, не заключивши съ Англіею союза противъ Россіи до Ништадтскаго мира, а теперь царь своими завоеваніями въ Персіи можетъ основать государство сильнѣе римскаго [1]).

О впечатлѣніи, произведенномъ этими событіями въ Голландіи, Куракинъ изъ Гааги, въ ноябрѣ 1723 года, писалъ Петру слѣдующее: «не могу умолчать о всѣхъ здѣшнихъ разсужденіяхъ и славѣ персональной вашего императорскаго величества, понеже сія война персидская въ короткомъ времени съ такимъ великимъ прогрессомъ слѣдуетъ, что весьма всѣмъ удивительна; наипаче же во время ситуаціи дѣлъ сходныхъ въ Европѣ начата и слѣдуетъ, что никто онымъ намѣреніямъ помѣшать не можетъ, и такъ великая слава имени вашего еще превзошла въ высшій тотъ градусъ, что ни которому монарху чрезъ многіе секули могли приписать. Правда же желюзія не убавляется отъ многихъ потенцій, но паче умножается о великой потенціи вашего величества; но что́ могутъ дѣлать? токмо паціенцію имѣть. Всѣ потенціи, завистливыя и злонамѣренныя къ великой потенціи вашего величества, радуются, что ваше величество въ войнѣ персидской окупацію имѣете, желая, чтобъ оная продолжалась на нѣсколько лѣтъ дабы они съ сей стороны крѣпче стать могли» [2]).



[1]) Соловьевъ, XVIII, 96.
[2]) Тамъ же, XVIII, 134.



ГЛАВА VII.

Императорскій титулъ.

ОССІЯ при Петрѣ сдѣлалась великою державою. Общимъ итогомъ стараній его въ области внѣшней политики было превращеніе чуждаго Европѣ Московскаго царства въ состоящую въ самой тѣсной связи съ Европою Всероссійскую имперію. Въ 1715 году, Петръ уже писалъ: «воинскимъ дѣломъ мы отъ тьмы къ свѣту вышли, и которыхъ не знали въ свѣтѣ, нынѣ почитаютъ». Царь былъ правъ. Россію почитали, Россіи боялись. Не даромъ Куракинъ писалъ изъ Гааги въ концѣ царствованія Петра о другихъ «потенціяхъ»: «что могутъ дѣлать?—токмо паціенцію имѣть». Не даромъ, однако, въ то же время англійскій посолъ въ Турціи говорилъ: «русскій государь не въ дружбѣ ни съ однимъ изъ европейскихъ государей: всѣ они ему злодѣи».

Усиленію Россіи, измѣнившемуся совершенно положенію ея въ ряду государствъ, должно было соотвѣтствовать принятіе императорскаго титула.

Не разъ этотъ титулъ употреблялся и въ прежнее время. Въ началѣ XVI вѣка, онъ встрѣчается въ договорѣ, заключенномъ между императоромъ Максимиліаномъ I и великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ. Въ началѣ XVII вѣка, Лжедимитрій въ пе-

реговорахъ съ польскими послами требовалъ употребленія этого титула. Въ 1702 году, папскій нунцій въ Вѣнѣ сообщилъ Голицыну, что папа готовъ признавать царя восточнымъ императоромъ «за цезаря оріентальскаго»)[1]). Въ 1710 году, въ одной граматѣ

Анна

Цесаревна Анна Петровна.

Съ гравированнаго портрета Вортмана.

англійской королевы Анны, царю былъ данъ титулъ императорскій; Головкинъ потребовалъ тогда, чтобы этотъ титулъ былъ впередъ постоянно употребляемъ, и англійскій посолъ изъявилъ на это согласіе [2]). При всемъ томъ, однако, русское правительство тогда

[1]) Соловьевъ, XV, 45.
[2]) Тамъ же, XVI, 61.

еще не разсчитывало на общее признаніе этого титула и потому, напр., въ 1713 году предписало Матвееву, для избѣжанія безполезныхъ столкновеній, не называть въ своихъ меморіалахъ къ вѣнскому двору царя императоромъ [1]).

Зато, послѣ окончанія Сѣверной войны, Петръ торжественно и формально принялъ императорскій титулъ. Спрашивалось: какъ отнесутся къ этой перемѣнѣ прочія державы.

Пруссія и Нидерланды тотчасъ же признали царя императоромъ.

Совсѣмъ иначе извѣстіе подѣйствовало на австрійское правительство. Когда русскій дипломатъ Ланчинскій увѣдомилъ въ аудіенціи Карла VI, что Петръ принялъ императорскій титулъ, императоръ устроилъ дѣло такъ, что вопросъ о признаніи новаго титула оставался открытымъ. Ланчинскій доносилъ: «его величество мою рѣчь спокойно выслушалъ, и потомъ изволилъ мнѣ отвѣтствовать, но толь невнятно и толь скоро, что я ни словъ, ни въ какую силу не выразумѣлъ; но не могъ я требовать у его величества экспликаціи для того, что многіе примѣры есть, что когда въ чемъ не изволитъ себя изъяснять, то и повторнѣ невнятно же отвѣтствовать обыкъ, и въ таковыхъ случаяхъ чужестранные себя адресуютъ къ имперскому вице-канцлеру». Вице-канцлеръ все извинялся, что не имѣлъ времени говорить съ цесаремъ; другіе министры отмалчивались; между ними была рознь: одни говорили, что лучше заранѣе признать титулъ и тѣмъ одолжить царя, нежели современемъ послѣдовать примѣру другихъ, что первенство между императорами все же останется за цесаремъ священной римской имперіи. Другіе говорили, что, если признать императорскій титулъ царя, то и король англійскій потребуетъ того же, подъ предлогомъ, что англичане издавна свою корону называютъ императорскою, а потомъ и другіе короли, у которыхъ нѣсколько королевствъ, будутъ искать того же: такимъ образомъ, императорское отличіе уничтожится. «Въ концѣ 1721 года, отправлены были отъ цесаря двѣ граматы къ новому императору, и обѣ съ старымъ титуломъ. Рѣшеніе дѣла было отложено [2]).

Во Франціи регентъ сказалъ о признаніи титула за русскимъ государемъ Долгорукому: «еслибы это дѣло зависѣло отъ меня, то я бы исполнилъ желаніе его величества; но дѣло такой важности, что надобно о немъ подумать» [3]).

---

[1]) Соловьевъ, XVII, 105.
[2]) Тамъ же, XVII, 391.
[3]) Тамъ же, XVIII, 120.

И въ Польшѣ встрѣтились затрудненія. Когда, въ началѣ 1722 года, русскій посолъ обращался съ этимъ дѣломъ къ нѣкоторымъ доброжелательнымъ сенаторамъ, тѣ отвѣчали, что Рѣчь Посполитая согласится, если король не будетъ препятствовать; только одно сомнѣніе: не дастъ ли этотъ титулъ будущимъ государямъ русскимъ претензій на русскія области, находящіяся подъ польскимъ владычествомъ? Паны говорили, что можно дать императорскій титулъ только подъ условіемъ письменнаго удосто-

Герцогъ Карлъ-Фридрихъ Голштинскій.
Съ современнаго гравированнаго портрета.

вѣренія, что императоръ и его преемники не будутъ претендовать на эти области. Вопросъ и здѣсь оставался открытымъ [1]).

Данія опасалась Россіи тѣмъ болѣе, что въ то время герцогъ Голштинскій сватался за дочь Петра, Анну. Алексѣй Бестужевъ писалъ изъ Копенгагена, въ 1722 году, что датскій дворъ признаетъ Петра императоромъ всероссійскимъ, но съ условіемъ гарантіи Шлезвига или, по крайней мѣрѣ, удаленія герцога Голштинскаго изъ Россіи [2]).

---

[1]) Соловьевъ, XVIII, 81.
[2]) Тамъ же, XVIII, 107.

Такимъ образомъ, со стороны разныхъ державъ обнаруживались въ отношеніи къ новому титулу Петра сомнѣнія, затрудненія, недоброжелательство. Мало того: явились въ печати брошюры, заключавшія въ себѣ протестъ противъ превращенія бывшей Московіи во Всероссійскую имперію. При этомъ публицисты особенно

Цесаревна Елисавета Петровна въ дѣтствѣ.
Съ портрета, находящагося во дворцѣ Марли въ Петергофѣ.

подробно разбирали вопросъ о значеніи и исторіи императорскаго титула вообще и приходили къ заключенію, что новый титулъ царю не подобаетъ [1]).

[1]) Martin Schmeitzel, «Oratio inauguralis de Titulo Imperatoris, quem Tzarus Russorum sibi dari praetendit. etc.» Jena, 1722.—«Politisches Bedenken über die Frage: ob der Kaiserliche Titel und Namen ohnbeschadet Kaiserl. Maj. und des Römischen Reichs allerhöchsten Würde, nicht weniger derer Christlichen Könige

Уже въ 1718 году, Петръ велѣлъ напечатать посланіе императора Максимиліана къ великому князю Василію Ивановичу, въ которомъ придавался царю титулъ императора. Теперь же въ одной направленной противъ Россіи брошюрѣ была заподозрѣна подлинность этой граматы[1]). Впрочемъ, явились и брошюры, защищавшія принятіе царемъ новаго титула. Нѣкоторыя изъ нихъ были напечатаны въ нѣсколькихъ изданіяхъ[2]).

Въ рѣшеніяхъ подобныхъ дѣлъ не можетъ имѣть какого-либо значенія вопросъ о подлинности того или другого документа, или мнѣніе того или другого юриста или публициста. Значеніе Россіи принудило всѣ державы ранѣе или позже помириться съ мыслію объ имперіи Всероссійской. Признаніе новаго титула состоялось со стороны Швеціи въ 1723 г., Турціи въ 1739 г., Англіи и Австріи въ 1742 г., Франціи и Испаніи въ 1745 г., Польши въ 1764 г.

Въ концѣ своего царствованія, Петръ думалъ объ обезпеченіи значенія Россіи чрезъ вступленіе въ родственныя связи съ разными царствующими домами. Племянница Петра, какъ мы видѣли, вышла за герцога Мекленбургскаго; дочь Петра сдѣлалась невѣстою герцога Голштинскаго; другая племянница Петра вступила въ бракъ съ герцогомъ Курляндскимъ, но скоро послѣ свадьбы овдовѣла. Любимою мыслью Петра въ послѣдніе годы его жизни было выдать дочь Елизавету за французскаго короля Людовика XV. Зато во Франціи въ это время была рѣчь о бракѣ сына регента, герцога Шартрскаго, съ Елизаветою, причемъ надѣялись, что Петръ успѣетъ доставить своему зятю польскую корону. Говорили и о герцогѣ Бурбонскомъ, какъ о женихѣ или для Елизаветы Петровны, или для Прасковьи Ѳедоровны. Все это оставалось проектомъ, мечтою. Также не осуществилось предположеніе выдать дочь Петра, Наталью (род. въ 1718 году), за испанскаго инфанта Фердинанда. Переговоры объ этомъ происходили въ 1723 году, когда царевнѣ было не болѣе пяти лѣтъ. Два года спустя, она скончалась. Такимъ образомъ, при Петрѣ не было заключено особенно важныхъ въ политическомъ отношеніи браковъ между царствующимъ домомъ въ Россіи и иностранными династіями. Женитьба внука Петра

---

und Freyen Staaten Vorrecht und Interesse dem Tzaaren von Russland communiciret werden könne?»—Объ этой брошюрѣ см. соч. Минцлофа, «Pierre le Grand dans littérature étrangère», St.-Pétersbourg, 1872, стр. 397—398.

[1]) «Des Kaysers Maximiliani I vorgegebener Brieff an Basilium Jvanovitz etc. Gedruckt zu Freystadt, 1723. см. Минцлофа 396.

[2]) О таковыхъ трудахъ Отто, Струве, Гундлинга и пр. см. Минцлофа, 396.

на принцессѣ Ангальтъ-Цербстской состоялась черезъ два десятилѣтія послѣ кончины Петра.

Сношенія между Россіею и западно-европейскими державами въ послѣднее время царствованія Петра были довольно оживленными. Весьма часто Россія вмѣшивалась въ дѣла прочихъ государствъ и чрезъ своихъ дипломатовъ вліяла на общій ходъ политики въ Европѣ.

Въ особенности жалкое состояніе Польши доставляло широкій просторъ дѣйствіямъ русскаго посла въ Варшавѣ, князя Григорія Ѳедоровича Долгорукаго. Вопросъ о диссидентахъ, остававшійся на очереди до самой эпохи раздѣловъ Польши, давалъ возможность ко вмѣшательству Россіи во внутреннія дѣла этого государства. Русскія деньги играли весьма важную роль на польскихъ сеймахъ. Въ большей части случаевъ Россія дѣйствовала въ Польшѣ заодно съ Пруссіею. Можно было ожидать, что и предстоявшій выборъ короля не состоится безъ участія Пруссіи и Россіи [1]).

Несмотря на старанія Саксоніи и Англіи поссорить Пруссію съ Россіею, союзъ между этими державами поддерживался въ полной силѣ; Фридрихъ Вильгельмъ I до кончины Петра оставался вѣрнымъ союзникомъ послѣдняго, хотя въ сношеніяхъ между обоими государями и бывали иногда случаи недоразумѣній, не имѣвшихъ, впрочемъ, особеннаго политическаго значенія [2]). Только во время царствованія дочери Петра совершенно измѣнились, хотя и не на долго, отношенія Россіи къ Пруссіи. Участіе Елизаветы въ Семилѣтней войнѣ привело Пруссію на край бездны.

Австрія оказалась гораздо легче доступною внушеніямъ нерасположеннаго къ Россіи англійскаго правительства. Англія не переставала говорить объ опасностяхъ чрезмѣрнаго могущества Россіи. Къ тому же и мекленбургскія дѣла содѣйствовали нѣкоторой натянутости отношеній между Россіею и Австріею [3]).

Данія, такъ долго находившаяся въ союзѣ съ Россіею, была чрезвычайно недовольна перевѣсомъ Петра. Датскіе министры сильно перепугались, когда, однажды, русскій посолъ Бестужевъ требовалъ, чтобы русскія суда были освобождены отъ платежа зундской пошлины. Сближеніе Россіи съ Голштиніею сильно не понравилось Даніи, опасавшейся снабженія будущаго зятя Петра, герцога Голштинскаго, судами и войсками. Возникла даже мысль

---

[1]) Соловьевъ, XVIII, 79 и слѣд.
[2]) Тамъ же, XVIII, 102—106.
[3]) Тамъ же, XVIII, 90—101.

о заключеніи наступательнаго и оборонительнаго союза съ Швеціею противъ Россіи. Однако вліяніе Петра въ Копенгагенѣ оставалось весьма сильнымъ. Русскій посолъ въ тайныхъ аудіенціяхъ умѣлъ дѣйствовать на короля; далѣе, онъ успѣвалъ задобривать

Елисавета

Цесаревна Елисавета Петровна.

Съ гравированнаго портрета Вагнера.

министровъ подарками; такимъ образомъ, Данія при Петрѣ оставалась въ нѣкоторой зависимости отъ Россіи[1]).

Еще гораздо успѣшнѣе Россія стала вмѣшиваться въ борьбу партій въ Швеціи. Члены сейма и министры отличались продажностью. Россія успѣшно поддерживала сохраненіе шведской

---

[1]) Соловьевъ, XVIII, 107—111.

конституціи, ограничивавшей монархическую власть. Жалкое состояніе Швеціи продолжалось до царствованія короля Густава III.

Что касается отношеній къ Англіи, то Петръ и въ послѣднее время своего царствованія поддерживалъ связи съ претендентомъ, Яковомъ III, и его приверженцами. Въ іюнѣ 1722 года,

Великая княжна Наталья Петровна.

Съ портрета, находящагося въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

Яковъ III, въ письмѣ къ Петру, сообщилъ планъ высадки русскихъ войскъ въ Англію и просилъ какъ можно скорѣе привести его въ исполненіе. Повѣренный претендента, Томасъ Гордонъ, вступилъ въ переговоры объ этомъ проектѣ, который, однако, оказался неудобоосуществимымъ [1]).

---

[1]) Соловьевъ, XVIII, 128—130.

Сношенія Петра съ стюартистами, или якобитами, содѣйствовали нѣкоторому сближенію Россіи съ Испаніею. Къ тому же, Петръ надѣялся на большія выгоды отъ развитія торговыхъ сношеній съ Испаніею. Съ 1723 г., тамъ находился постоянный русскій резидентъ, князь С. Голицынъ. Довольно часто была рѣчь о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ Россіи и Испаніи противъ Англіи [1]).

Таково было значеніе Россіи въ области внѣшней политики въ послѣдніе годы царствованія Петра. Авторитетъ Россіи, главнымъ образомъ, поддерживался личностью государя, его постояннымъ участіемъ въ дѣлахъ. На западѣ поэтому надѣялись, что перемѣна на престолѣ Россіи лишитъ это государство значенія, пріобрѣтеннаго при Петрѣ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытны слѣдующія данныя.

Еще въ то время, когда Петръ былъ живъ, въ Польшѣ разнесся слухъ о его кончинѣ. Изъ Могилева, Рудаковскій, не зная еще о кончинѣ государя, въ февралѣ 1725 года, написалъ на имя Петра слѣдующее донесеніе: «въ здѣшнихъ краяхъ отъ злокоmварственныхъ и злозамышляющихъ враговъ публикуются сердце и утробу мою проникающія вѣдомости, что будто ваше величество соизволилъ переселиться въ небесные чертоги, чему я, рабъ вашъ, не имѣя извѣстія отъ двора вашего величества, весьма вѣры дать не могу. Слыша объ этомъ, мухи мертвые носъ поднимать начинаютъ, думаютъ, что русская имперія уже погибла, всюду радость, стрѣльба и попойки, и мнѣ отъ ихъ похвальбы изъ Могилева выѣзжать нельзя, да и въ Могилевѣ жизнь моя не безопасна».

Узнавъ о кончинѣ Петра, русскій резидентъ въ Стокгольмѣ, М. П. Бестужевъ, поѣхалъ ко двору и «увидалъ короля и его партизановъ въ немалой радости». Новой государынѣ, Екатеринѣ I, Бестужевъ писалъ: «дворъ сильно надѣялся, что отъ такого внезапнаго случая въ Россіи произойдетъ великое замѣшательство и всѣ дѣла ниспровергнутся..... намѣреніе здѣшняго двора было въ мутной водѣ рыбу ловить» и пр.

Когда въ Копенгагенѣ получено было извѣстіе о кончинѣ Петра, то оно произвело неописанную радость: по словамъ русскаго резидента, А. П. Бестужева, «изъ первыхъ при дворѣ яко генерально и всѣ подлые съ радости опилися было». Королева въ

[1]) Соловьевъ, XVIII, 131. Осьмнадцатый вѣкъ, II, 5 и слѣд. и III, 134 и слѣд.

тотъ же день послала тысячу ефимковъ въ четыре церкви для нищихъ и въ госпитали, подъ предлогомъ благодарности Богу за выздоровленіе короля; но въ городѣ повсюду говорили, что королева благодарила Бога за другое, потому что король выздоровѣлъ уже недѣлю тому назадъ, да и прежде король часто и опаснѣе болѣлъ, однако королева ни гроша ни въ одну церковь не посылала. Только король велъ себя прилично и сердился на тѣхъ, которые обнаруживали нескромную радость. Радость происходила

Князь Григорій Өеодоровичъ Долгорукій.
Съ портрета, находящагося въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

оттого, что ожидали смуты въ Россіи; восторгъ прекратился, когда слѣдующая почта привезла извѣстіе, что Екатерина признана самодержавною императрицею безъ всякаго сопротивленія.

Всѣ заграницею радовались, доказывая этимъ, что были «злодѣями Петру», какъ выразился англійскій посланникъ въ Константинополѣ. Только прусскій король, Фридрихъ Вильгельмъ I, по случаю кончины Петра откровенно называлъ его «дражайшимъ другомъ» и сталъ носить трауръ даже въ Потсдамѣ, чего никогда не дѣлывалъ; онъ всѣмъ велѣлъ носить трауръ четверть года, тогда какъ по другимъ государямъ носили только шесть недѣль.

На вопросъ своего посланника въ Петербургѣ, Мардефельда, какъ ему носить трауръ, король отвѣчалъ: «какъ по мнѣ».

Обстоятельство, что и послѣ Петра Россія сохраняла то значеніе, которое ею было пріобрѣтено Сѣверною войною, доказывало прочность результатовъ стремленій царя-преобразователя и свидѣтельствовало о томъ, что царствованіе Петра было эпохою не только для Россіи, но и для всего политическаго міра.

ИСТОРІЯ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО

ИСТОРІЯ
ПЕТРА ВЕЛИКАГО

ТЕКСТЪ

А. Г. БРИКНЕРА,

профессора русской исторіи въ Дерптскомъ университетѣ

ГРАВЮРЫ НА ДЕРЕВѢ

ПАННЕМАКЕРА и **МАТТЭ** въ Парижѣ; **КЕЗЕБЕРГА** и **ЭРТЕЛЯ** въ Лейпцигѣ; **КЛОССА** и **ХЕЛЬМА** въ Штутгартѣ; **ЗУБЧАНИНОВА, РАШЕВСКАГО, ШЛИПЕРА** и **ВИНКЛЕРА** въ Петербургѣ.

Заглавный листъ, заглавныя буквы и украшенія художника **ПАНОВА.**

ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1883

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ГЛАВА I.

Государственныя учрежденія.

ЫСЛЬ о благоденствіи народа лежала въ основѣ административной и законодательной дѣятельности Петра. Въ противоположность началамъ Макіавелизма, стремившагося главнымъ образомъ къ расширенію политической власти, силъ и средствъ государства, Петръ былъ истымъ представителемъ просвѣщеннаго абсолютизма, считавшаго успѣхи въ области внѣшней политики и безусловную монархическую власть лишь орудіями для достиженія главной цѣли: развитія богатства и образованія народа. Поэтому Петръ, при крайне напряженныхъ занятіяхъ вопросами внѣшней политики, не упускалъ изъ виду вопросовъ администраціи, законодательства, судопроизводства, полиціи. Не даромъ Лейбницъ обрадовался Полтавской битвѣ особенно потому, что этотъ успѣхъ царя могъ доставить ему возможность успѣшнѣе прежняго заняться внутреннимъ преобразованіемъ государства [1]). До обезпеченія соотвѣтствующаго Россіи положенія въ ряду европейскихъ государствъ, нельзя было заняться систематически реформою государственнаго и общественнаго организма. Опасность, грозившая Россіи со стороны внѣшнихъ враговъ, мѣшала спокойной и всесторонней дѣя-

---

[1]) Guerrier, Leibniz. Приложенія, 131—132.

тельности при управленіи внутренними дѣлами. Не даромъ многія указы и распоряженія Петра носятъ отпечатокъ смѣлаго опыта, не вполнѣ созрѣвшей мысли, чрезмѣрно быстраго приведенія въ исполненіе недостаточно разработанныхъ проектовъ. Во множествѣ предписаній, законовъ, инструкцій, имѣвшихъ цѣлью пользу народа, обезпеченіе порядка и началъ политической нравственности, заключались насиліе, недостаточное знакомство съ положеніемъ дѣлъ, нарушеніе многихъ интересовъ и правъ. Нельзя не вспомнить для правильной и справедливой оцѣнки нѣкоторыхъ промаховъ въ законодательной и административной дѣятельности Петра, что онъ не располагалъ достаточно прочнымъ и солиднымъ бюрократическимъ приборомъ. Не было особенно опытныхъ, образованныхъ и добросовѣстныхъ экспертовъ въ дѣлѣ внутренняго управленія государствомъ. Люди въ родѣ Курбатова, Меншикова, Апраксина и Ягужинскаго были такими же диллетантами и самоучками, какъ и самъ Петръ. Иностранные же наставники, составители проектовъ преобразованія, какъ, напр., Паткуль, Ли, Лейбницъ и пр., отличались нѣкоторымъ доктринерствомъ и не были достаточно знакомы съ нуждами Россіи.

Мы видѣли выше, что Петръ, до 1698 года, предоставлялъ управленіе внутренними дѣлами Россіи другимъ лицамъ, а далѣе, что послѣ его возвращенія изъ перваго путешествія въ западную Европу замѣтна нѣкоторая иниціатива царя при рѣшеніи сложныхъ задачъ администраціи и законодательства. Въ первые годы Сѣверной войны, Петръ былъ главнымъ образомъ занятъ военными и дипломатическими дѣйствіями. Бояре въ это время управляли внутренними дѣлами по прежнему. При этомъ, довольно часто господствовали произволъ, насиліе, недобросовѣстность.

Мало-по-малу, однако, уже въ это время замѣчается нѣкоторое стараніе царя замѣнить прежнія, отжившія свой вѣкъ учрежденія привлеченіемъ къ участію въ дѣлахъ новыхъ лицъ. Такимъ образомъ, возлѣ старинныхъ представителей администраціи: бояръ, окольничихъ, думныхъ дворянъ, думныхъ дьяковъ, являются сановники новаго рода. Около стараго зданія возведено уже новое, предъ которымъ старое не преминетъ исчезнуть. Самъ царь проходитъ извѣстные чины, и этихъ чиновъ не было въ старинныхъ спискахъ; человѣкъ ближайшій къ царю и потомъ сильнѣйшій изъ вельможъ, Александръ Даниловичъ Меншиковъ, не имѣетъ ни одного изъ старыхъ чиновъ; то же самое и Апраксинъ и Ромодановскій и другіе люди, пользовавшіеся особеннымъ довѣріемъ государя. Такимъ образомъ, можно было ожидать, что старые бояре и

окольничіе мало-по-малу вымрутъ безъ преемниковъ, и старые чины исчезнутъ сами собою, безъ торжественнаго упраздненія [1]). Не даромъ Шакловитый уже гораздо раньше называлъ бояръ «отпадшимъ, зяблымъ деревомъ [2]).»

Все болѣе и болѣе самъ Петръ становился душею и внутренняго управленія. Этому значенію государя должно было соотвѣтствовать новое административное учрежденіе. То былъ «Кабинетъ» царскаго величества. Царь почти всегда находился въ отлучкѣ изъ Москвы; онъ то въ Петербургѣ, то въ Воронежѣ, то въ Азовѣ, то въ Литвѣ; но онъ постоянно слѣдилъ за всѣмъ; къ нему обращались всѣ съ донесеніями, вопросами, просьбами и жалобами. Всѣ эти бумаги поступали въ Кабинетъ, при немъ находившійся; всѣ эти бумаги онъ прочитывалъ. Подлѣ него безотлучно находился кабинетъ-секретарь, Алексѣй Васильевичъ Макаровъ, человѣкъ безъ голоса и безъ мнѣнія, но человѣкъ могущественный по своей приближенности къ царю; всѣ вельможи, самые сильные, прибѣгали къ нему съ просьбами обратить вниманіе на ихъ дѣла, доложить о нихъ царскому величеству и напомнить, чтобъ поскорѣе были рѣшены [3]). Макарову впослѣдствіи Петръ поручилъ составленіе «Гисторіи Свейской войны», однако, опытный кабинетъ-секретарь оказался недостаточно способнымъ историкомъ, и Петръ, недовольный его трудомъ, измѣнялъ чуть-ли не каждую страницу сочиненія Макарова, изданнаго въ 1770 году подъ заглавіемъ «Журналъ Петра Великаго».

Какимъ образомъ происходила отмѣна прежней боярской думы, мы не знаемъ. Только самый фактъ отмѣны этого учрежденія не подлежитъ сомнѣнію. Указа объ этомъ не сохранилось. Въ послѣдній разъ упоминается о существованіи боярской думы въ февралѣ 1700 года. Есть основаніе считать вѣроятнымъ, что способнѣйшіе члены боярской думы перешли въ «Ближнюю Канцелярію», основанную около этого же времени. Не легко составить себѣ точное понятіе о кругѣ дѣйствій и правахъ этого учрежденія, въ которомъ участвовали люди, пользовавшіеся особеннымъ довѣріемъ государя, Головинъ, Стрѣшневъ, Ромодановскій и пр. О дѣятельности этой «Канцеляріи» мы знаемъ весьма немного. Она могла имѣть лишь временное значеніе. Нужно было ранѣе или позже подумать о созданіи другого учрежденія, имѣвшаго бы постоянное и самостоятельное значеніе и стоявшаго бы въ средоточіи всѣхъ дѣлъ. То былъ Сенатъ.

---

[1]) Соловьевъ, XV, 86.
[2]) Устряловъ, II, 40.
[3]) Соловьевъ, XVI, 2—3.

Первоначальное происхожденіе и развитіе мысли объ учрежденіи его остается неизвѣстнымъ. Можно думать, что при учрежденіи Сената служили образцами таковыя же центрально-административно-юридическія присутственныя мѣста въ Швеціи или въ Польшѣ.

Въ тотъ самый день, когда была объявлена война Турціи (22-го февраля 1711 г.), появился указъ, гдѣ говорилось слѣдующее: «опредѣлили быть для отлучекъ нашихъ Правительствующій Сенатъ для управленія». Новое учрежденіе состояло изъ девяти членовъ, между которыми были Мусинъ-Пушкинъ, Стрѣшневъ, кн. Петръ Голицынъ и пр., 2-го марта былъ изданъ указъ о власти и отвѣтственности Сената. Здѣсь было сказано, между прочимъ: «всякъ да будетъ послушенъ Сенату и ихъ указамъ такъ, какъ намъ самому».

Петръ никогда не старался ограничивать власть Сената, а напротивъ, постоянно твердилъ членамъ этого учрежденія о необходимости самостоятельныхъ дѣйствій. Весьма часто онъ приказывалъ лицамъ, обращавшимся къ нему съ просьбами о помощи, о совѣтѣ и пр., снестись съ Сенатомъ, который былъ высшимъ авторитетомъ въ судебныхъ и административныхъ дѣлахъ и занималъ мѣсто возлѣ царя. Въ наказѣ, составленномъ для Сената при его учрежденіи, упоминается о множествѣ обязанностей его, о весьма широкомъ кругѣ дѣятельности: «судъ имѣть нелицемѣрный и неправедныхъ судей наказывать; смотрѣть во всемъ государствѣ расходовъ, и ненужные, а особливо напрасные, отставить. Денегъ какъ возможно сбирать, понеже деньги суть артеріею войны». Затѣмъ слѣдуютъ разныя замѣчанія о собираніи войска, объ откупныхъ товарахъ, о соли, о торгѣ китайскомъ и пр.

Сенатъ долженъ былъ подлежать контролю не только государя, но и публики. Въ указѣ отъ 2-го марта 1711 года было сказано: «и ежели оный Сенатъ не праведно что поступятъ въ какомъ партикулярномъ дѣлѣ, и кто про то увѣдаетъ, то однако жь да молчитъ до нашего возвращенія, дабы тѣмъ не помѣшать настоящихъ прочихъ дѣлъ, и тогда да возвѣститъ намъ» и пр. Далѣе слѣдовали инструкціи о составленіи протоколовъ Сената. Если одинъ изъ сенаторовъ откажется подписать, объявляя несправедливость приговора, то приговоръ остальныхъ членовъ недѣйствителенъ, но при этомъ сенаторъ, оспаривающій приговоръ, долженъ дать свой протестъ на письмѣ за собственноручною подписью. Для удобнѣйшихъ и быстрѣйшихъ сношеній Сената съ губерніями, должны были находиться въ Москвѣ комиссары изъ каждой губерніи и безотлучно быть въ канцеляріи Сената для приниманія указовъ и отвѣта на вопросы по дѣламъ, касавшимся ихъ губерній.

Сенатъ долженъ былъ наблюдать за правильностью дѣйствій всѣхъ государственныхъ учрежденій, присутственныхъ мѣстъ, судебныхъ инстанцій, за исполненіемъ своихъ обязанностей всѣми служащими, за искорененіемъ всякой неправды, всякаго казнокрадства. При этомъ органами Сената было фискалы, доносившіе о всѣхъ случаяхъ какихъ бы то ни было неправильныхъ дѣйствій.

Какъ видно, Сенатъ своею самостоятельностью въ рѣшеніи и исполненіи важнѣйшихъ дѣлъ, стоялъ гораздо выше боярской думы. Въ Сенатѣ соединялся высшій судебный авторитетъ съ административнымъ и законодательнымъ. Онъ былъ нѣчто въ родѣ диктатуры. При многихъ недостаткахъ внутренняго управленія, нужно было создать сильный, располагавшій широкими правами центръ правленія. Царь нуждался въ немъ, какъ въ полезномъ товарищѣ, сотрудникѣ.

Нельзя отрицать, что новое учрежденіе оказалось чрезвычайно дѣятельнымъ и полезнымъ. Сенатъ заботился о собираніи и приведеніи въ надлежащее состояніе войска, о снабженіи его съѣстными припасами и аммуниціею, о доставленіи сырого матеріала для постройки и содержанія въ должномъ порядкѣ флота, о мѣрахъ для поощренія торговли, промышленности, о собираніи налоговъ, о мѣрахъ противъ пожаровъ и повальныхъ болѣзней, о постройкѣ каналовъ и дорогъ, о защитѣ границъ противъ нападеній сосѣднихъ хищныхъ народовъ и пр.

Постоянно самъ Петръ находился въ тѣсной связи, въ самой оживленной перепискѣ съ «Господами Сенатъ», какъ онъ обыкновенно называлъ это учрежденіе. Весьма часто онъ былъ недоволенъ медленностью дѣйствій сенаторовъ и строго порицалъ ихъ нерадѣніе или неумѣніе взяться за дѣло. Трудно было угодить царю. Но царь былъ правъ, придавая цѣну времени, требуя, чтобы сенаторы не ограничивались распоряженіями и предписаніями, а наблюдали бы также за исполненіемъ сенатскихъ указовъ. Во многихъ случаяхъ онъ подвергалъ безпощадной критикѣ неправильность и нецѣлесообразность мѣръ, принятыхъ Сенатомъ; то онъ находилъ дѣйствія Сената достойными смѣха, то онъ подозрѣвалъ сенаторовъ въ продажности и похлебствѣ, то онъ грозилъ имъ, что привлечетъ ихъ къ строжайшей отвѣтственности. Обо всѣхъ дѣйствіяхъ Сената царь зналъ подробно; онъ входилъ во всѣ частности, требовалъ на каждомъ шагу объясненій и оправданій, и въ отношеніи къ Сенату, какъ и вобще, бывалъ строгимъ наставникомъ, неумолимымъ судьею.

Медленность дѣйствій прочихъ органовъ правительственной власти значительно тормозила дѣятельность Сената. Весьма часто

указы Сената оставались безъ исполненія. Чтобъ исполнять немедленно указы, въ ноябрѣ 1715 года опредѣленъ былъ при Сенатѣ особый «генеральный ревизоръ или надзиратель указовъ». Должность эта была поручена Василію Зотову. Онъ былъ обязанъ доносить государю и на сенаторовъ, если они тратили время по пустому и вообще дѣйствовали нерадиво. И въ самомъ дѣлѣ, Зотовъ жаловался иногда на неточное исполненіе сенаторами своихъ обязанностей:—они не съѣзжались когда слѣдовало, опаздывали къ засѣданіямъ, не соблюдали всѣхъ формальностей при составленіи протоколовъ, не собирали достаточно тщательно данныхъ о доходахъ казны и пр. И съ другихъ сторонъ являлись жалобы на нерадѣніе и недобросовѣстность сенаторовъ. Постоянно происходили столкновенія между Сенатомъ и разными сановниками и военачальниками. Петръ всегда долженъ былъ или играть роль посредника, или строго наказывать виновныхъ, составлять новыя инструкціи, направлять дѣятельность Сената, наставлять подробно, какимъ образомъ служащіе обязаны работать и пр. Вотъ образчикъ такихъ предписаній царя. Въ 1719 году, онъ писалъ объ обязанностяхъ Сената: «никому въ Сенатѣ не позволяется разговоры имѣть о постороннихъ дѣлахъ, которыя не касаются службы нашей, тѣмъ менѣе заниматься бездѣльными разговорами или шутками, понеже Сенатъ собирается вмѣсто присутствія его величества собственной персоны. Безъ согласія всего Сената ничего нельзя начинать, тѣмъ менѣе вершить, и надобно, чтобъ всякія дѣла не въ особливыхъ домахъ или бесѣдахъ, но въ Сенатѣ рѣшались и въ протоколъ записывались, и не подлежитъ сенатскимъ членамъ никого постороннихъ съ собою въ Сенатъ брать. Всякое дѣло должно быть исполнено письменно, а не словесно; глава же всему, дабы должность свою и наши указы въ памяти имѣли и до завтра не откладывали; ибо какъ можетъ государство управлено быть, егда указы дѣйствительны не будутъ: понеже презрѣніе указовъ ничѣмъ не рознится съ измѣною, и не только равномѣрную бѣду принимаетъ государство отъ обоихъ, но отъ этого еще больше, ибо, услышавъ измѣну, всякъ остережется, а сего никто вскорѣ не почувствуетъ, но мало-по-малу все разорится, и люди въ непослушаніи останутся, чему ничто иное токмо общая погибель слѣдовать будетъ, какъ-то въ греческой монархіи явный примѣръ имѣемъ» [1]).

Весьма важная перемѣна въ составѣ Сената и кругѣ его дѣятельности произошла въ 1718 году, учрежденіемъ коллегій. Уже

[1]) О Сенатѣ см. Соловьева, XVI, гл. I и III. Соч. Петровскаго о Сенатѣ при Петрѣ Великомъ, М. 1875 г. и пр.

въ 1698 году, какъ мы видѣли, Френсисъ-Ли составилъ для царя проектъ введенія коллегіальной системы въ администраціи. Затѣмъ Петръ бесѣдовалъ объ этомъ предметѣ съ Лейбницемъ, Любрасомъ [1]) и другими лицами. Для царя были составлены разныя записки объ этомъ дѣлѣ. Важнѣйшее вліяніе въ этомъ отношеніи имѣлъ Генрихъ Фикъ, вступившій въ русскую службу въ 1715 году и отправленный въ Швецію для изученія административныхъ учрежденій этой страны. Цѣлый рядъ меморіаловъ, отчасти и понынѣ приписываемыхъ Лейбницу, принадлежитъ перу Фика [2]).

Алексѣй Васильевичъ Макаровъ.

Съ современнаго портрета, по фотографическому снимку, доставленному А. М. Лушевымъ.

Уже въ 1715 году, царь поручилъ генералу Вейде достать иностранныхъ ученыхъ и въ «правостяхъ» (т. е. правахъ) искусныхъ людей для отправленія дѣлъ въ коллегіяхъ. Въ концѣ того же года, поручено резиденту при австрійскомъ дворѣ, Веселовскому, сыскать изъ «шрейберовъ (писарей) или другихъ приказныхъ людей такихъ, которые знаютъ по славянски, отъ всѣхъ

[1]) См. мою статью о путешествіяхъ Петра 1711—18 гг. въ «Русскомъ Вѣстникѣ» CLII 79.

[2]) Guerrier, Leibniz, 181 и слѣд. О запискахъ Фика см. соч. Петровскаго, 39. О немъ упомянуто и въ соч. Фокеродта, 32.

коллегій, которыя есть у цесаря, кромѣ духовныхъ, по одному человѣку, и чтобъ они были люди добрые и могли тѣ дѣла здѣсь основать». Въ 1717 году, было поручено Измайлову приглашать шведскихъ плѣнныхъ, жившихъ въ Сибири, въ службу въ коллегіяхъ. Между тѣмъ, было велѣно послать въ Кенигсбергъ человѣкъ 30 или 40 молодыхъ подьячихъ для наученія нѣмецкому языку, «дабы удобнѣе въ коллегіумъ были».

Въ концѣ 1717 года, уже опредѣлено было число коллегій—девять: 1) чужестранныхъ дѣлъ, 2) камеръ, или казенныхъ сборовъ, 3) юстиціи, 4) ревизіонъ: счетъ всѣхъ государственныхъ приходовъ и расходовъ, 5) воинскій (т. е. коллегіумъ) 6) адмиралтейскій, 7) коммерцъ, 8) штатсъ-конторъ: казенный домъ, вѣдѣніе всѣхъ государственныхъ расходовъ, 9) бергъ и мануфактуръ. Президентами почти всѣхъ коллегій были назначены русскіе, вице-президентами почти исключительно иностранцы. Впродолженіе 1718 года, все было приготовлено къ открытію новыхъ учрежденій, послѣдовавшему въ концѣ этого года. Цѣлый рядъ наказовъ царя даетъ намъ понятіе о намѣреніяхъ его при этомъ случаѣ.

Въ одномъ изъ проектовъ о коллегіяхъ сказано, что устройство ихъ похоже на устройство часовъ, гдѣ колеса взаимно приводятъ другъ друга въ движеніе. Сравненіе это не могло не понравиться Петру, который именно стремился къ тому, чтобъ русскіе люди во всемъ приводили другъ друга въ движеніе, ибо все зло происходило отъ разобщенности колесъ [1]).

Основною мыслью при учрежденіи коллегій было усиленіе и взаимнодѣйствіе труда административныхъ органовъ. Связь между коллегіями заключалась, между прочимъ, и въ томъ, что ихъ президенты были въ то же время сенаторами. Для дѣлопроизводства въ коллегіяхъ были составлены особыя правила. Петръ старался опредѣлить точнѣе прежняго обязанности служащихъ, внушить имъ чувство долга и отвѣтственности, усилить во всѣхъ отношеніяхъ контроль надъ дѣйствіями чиновниковъ. Недостатокъ въ правилахъ, по которымъ должны были дѣйствовать органы правительства, вызывалъ до этого множество случаевъ несправедливыхъ рѣшеній судей и произвольныхъ дѣйствій приказныхъ людей. Петръ старался помочь этому недостатку введеніемъ коллегіальнаго порядка при управленіи дѣлами, устройствомъ разныхъ должностей для наблюденія за правильнымъ ходомъ дѣлъ, назначеніемъ

[1]) Соловьевъ, XVI, 186.

контролеровъ, обличавшихъ всѣ случаи нарушенія какихъ-либо законовъ или недобросовѣстнаго исполненія обязанности. «Неправда», которую Петръ хотѣлъ искоренить изъ чиновнаго люда, въ Россіи, была въ значительной степени слѣдствіемъ прежней системы «кормленія». Не даромъ иностранцы, посѣщавшіе до-Петровскую Русь, въ одинъ голосъ осуждали юридическій бытъ и бюрократію Россіи, говоря подробно о произволѣ, сребролюбіи и жестокости приказныхъ людей и судей, о невниманіи ихъ къ общему благу, о нарушеніи на каждомъ шагу правъ собственности, о нерадѣніи служащихъ. Новыя учрежденія Петра должны были сдѣлаться школою для развитія въ бюрократіи политической нравственности; царь хотѣлъ замѣнить систему «кормленія» обезпеченіемъ служащихъ казеннымъ жалованьемъ; онъ надѣялся на развитіе въ чиновникахъ уваженія къ закону и вниманія къ нуждамъ народа.

Нельзя сказать, чтобы дѣйствія царя въ этомъ направленіи имѣли успѣхъ. Надежды его на удачную дѣятельность коллегій не исполнились. Недоставало опытныхъ и добросовѣстныхъ чиновниковъ. По отзыву одного современника, новыя учрежденія въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже повели къ разнымъ неудобствамъ. Царь весьма часто жаловался на разладъ между коллегіями. Иногда онъ собственноручными распоряженіями старался бороться съ такого рода недостатками, наставлялъ, училъ, порицалъ и самолично участвовалъ въ дѣлахъ. Такъ, напр., однажды, въ 1722 году, онъ самъ руководилъ выборомъ президента Юстицъ-Коллегіи, объясняя подробно при этомъ установленныя правила.

Что касается должностей, имѣвшихъ цѣлью контроль надъ правильностью дѣйствій присутственныхъ мѣстъ, то опытомъ въ этомъ родѣ было назначеніе, уже въ 1705 году, извѣстнаго дѣльца и неутомимаго труженика Курбатова «инспекторомъ ратуши». Тутъ онъ былъ поставленъ во главѣ финансоваго управленія въ цѣлой Россіи, переписывался объ этихъ дѣлахъ съ самимъ царемъ, открывалъ злоупотребленія, указывалъ новые источники доходовъ и не щадилъ при всемъ этомъ даже и сильныхъ людей. Такое же значеніе имѣло учрежденіе фискаловъ, сдѣлавшихся вскорѣ ненавистными народу, въ чемъ при случаѣ сознавался даже самъ Петръ.

Таковымъ контролеромъ и доносчикомъ былъ Зотовъ, въ 1715 году опредѣленный «ревизоромъ» при Сенатѣ и сдѣлавшійся затѣмъ «оберъ-секретаремъ» при этомъ учрежденіи. Въ началѣ 1722 года, Петръ учредилъ при Сенатѣ «генералъ-прокурора, то-есть

*

стряпчаго отъ государя и государства». Онъ долженъ былъ «смотрѣть накрѣпко, дабы Сенатъ свою должность хранилъ и въ своемъ званіи праведно и нелицемѣрно поступалъ и надъ всѣми прокуроры, дабы въ своемъ званіи истинно и ревностно поступали, и за фискалами смотрѣть» и пр. Петръ говорилъ о должности генералъ-прокурора: «и понеже сей чинъ, яко око наше и стряпчій о дѣлахъ государственныхъ, того ради подлежитъ вѣрно поступать, ибо перво на немъ взыскано будетъ». Генералъ-прокуроръ, которымъ былъ назначенъ Ягужинскій, ничьему суду неподлежалъ, кромѣ суда самого государя.

То-же самое стремленіе развить единство, законность и успѣхъ въ дѣйствіяхъ бюрократіи обнаруживается и въ распоряженіяхъ Петра относительно органовъ мѣстнаго управленія. И здѣсь, уже съ 1702 года, замѣтно преобладаніе коллегіальнаго начала; и тутъ Петръ старался внушить всѣмъ и каждому желаніе дѣйствовать самостоятельно и чувство долга и отвѣтственности. Чрезъ назначеніе «бурмистровъ» и учрежденіе «ратушей», «бурмистерской палаты», «главнаго магистрата» и пр., царь желалъ оживить и въ среднемъ классѣ общества способность къ дѣлу самоуправленія. Всѣ неудобства администраціи, всѣ случаи нарушенія права и народной пользы, какъ надѣялся Петръ, могли легче сдѣлаться извѣстными, посредствомъ такихъ учрежденій. Всѣ должны были трудиться, надзирать и, въ случаѣ открытія какой-либо «неправды», доносить куда слѣдовало. И должности «рекетмейстера» и «герольдмейстера», учрежденныя въ концѣ Петровскаго царствованія, имѣли цѣлью усиленіе контроля, выслушиваніе жалобъ, привлеченіе всѣхъ и каждаго къ участію въ трудѣ на пользу государства. Средствомъ поощренія къ труду была также составленная въ 1722 году «табель о рангахъ», дававшая просторъ личнымъ качествамъ служащихъ, независимо отъ ихъ рожденія и происхожденія, и долженствовавшая внушить уваженіе къ чину, къ государственной должности. «Табель о рангахъ» была составлена и написана самимъ Петромъ, по образцу имѣвшихся у него въ переводѣ росписаній чиновъ королевствъ «самодержавныхъ», французскаго, прусскаго, шведскаго и датскаго. Видно также, что принимались въ соображеніе и англійскія учрежденія. Объяснительный текстъ къ «табели», или пункты, вчернѣ исправлялись и дополнялись также самимъ царемъ [1]).

[1]) См. Пекарскаго, «Наука и лит.» II, 564. О всѣхъ этихъ учрежденіяхъ см. соч. Петровскаго, Градовскаго, Андреевскаго и пр.

При столь ревностномъ желаніи Петра исправить администрацію и судопроизводство въ Россіи, онъ не могъ не коснуться вопроса о необходимости составленія новаго уложенія. Исправить и дополнить Уложеніе царя Алексѣя Михайловича считалось Петромъ дѣломъ крайней важности. Первый шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ былъ указомъ 18-го февраля 1700 года, которымъ предписано свести Уложеніе съ послѣдующими законами. Была составлена палата изъ бояръ, думныхъ дворянъ, стольниковъ и дьяковъ. До 1703 года она успѣла «свести» только три главы

Павелъ Ивановичъ Ягужинскій.
Съ гравированнаго портрета Герасимова.

Уложенія и была закрыта. Въ 1714 году, учреждена новая комиссія, дѣйствовавшая по 1718 годъ. Она составила до десяти главъ своднаго Уложенія, которое не имѣло никакихъ послѣдствій.

Въ 1718 году, Петръ рѣшился оставить прежній путь и прямо сочинить новое уложеніе, на основаніи законовъ русскихъ, шведскихъ и датскихъ. Въ 1720 году, образована для этой цѣли комиссія изъ русскихъ и иностранцевъ. Однако, и она не имѣла успѣха и лишь номинально просуществовала до кончины Екатерины I. Дѣло было трудное. Нужно было не только собрать дѣй-

ствующее право въ одно цѣлое, но и улучшить и дополнить его на основаніи представленія о лучшемъ государственномъ управленіи и тѣхъ образцовъ, которые имѣлись на западѣ. Во всякомъ случаѣ, для исполненія такой задачи были нужны юристы, многосторонне образованные люди, между тѣмъ, какъ юридическое образованіе того времени не могло быть высокимъ [1]).

Петръ Великій замѣтилъ однажды: «нигдѣ въ свѣтѣ такъ нѣтъ, какъ у насъ было, а отчасти и есть и зѣло тщатся всякія мины чинить подъ фортецію правды» [2]). И Иванъ Посошковъ жаловался: «намъ сіе вельми зазорно: не точію у иноземцевъ, но и бусурмане судъ чинятъ праведенъ, а у насъ вѣра святая, благочестивая, на весь свѣтъ славная, а судная расправа никуда не годная и какіе указы его императорскаго величества ни состоятся, всѣ ни во что обращаются, но всякъ по своему обычаю дѣлаютъ... россійская земля во многихъ мѣстахъ запустѣла, и все отъ неправды и отъ нездраваго и неправаго разсужденія. И какія гибели ни чинятся, а все отъ неправды» [3]).

Петръ до гроба не переставалъ бороться противъ этого зла. Весьма часто и онъ жаловался на тщетность строгаго наказанія виновныхъ, на несоблюденіе предписываемыхъ имъ правилъ, на презрѣніе къ закону. Успѣхъ его стремленій въ этомъ отношеніи былъ ничтоженъ. Не задолго до своей смерти, Петръ, въ указѣ о различіи штрафовъ и наказаній за государственныя и партикулярныя преступленія, выразился слѣдующимъ образомъ: «когда кто въ своемъ званіи погрѣшитъ, то бѣду нанесетъ всему государству; когда судья страсти ради какой или похлѣбства, а особливо когда лакомства ради погрѣшитъ, тогда первое станетъ всю коллегію тщаться въ свой фарватеръ (то-есть въ свою дорогу) сводить, опасаясь отъ нихъ извѣта, и увидѣвъ то, подчиненные въ какой роспускъ впадутъ, понеже страха начальника бояться весьма не станутъ, для того понеже начальнику страстному уже наказывать подчиненныхъ нельзя... и тако по малу всѣ въ безстрашіе придутъ, людей въ государствѣ разорятъ, Божій гнѣвъ подвигнутъ и тако паче партикулярной измѣны можетъ быть государству не точію бѣдство, но и конечное паденіе» и пр. [4]).

---

[1]) См. мое сочиненіе объ Иванѣ Посошковѣ, т. II, подъ заглавіемъ «Мнѣнія Посошкова», Москва 1879 г., 153 и слѣд.; далѣе соч. Градовскаго, «Начала рус. гос. пр.», I, 41. Пахмана,—«Ист. кодификаціи», Спб. 1876 г. I, 244 и слѣд.

[2]) Соловьевъ, XVIII, 137.

[3]) Соч. Посошкова, I, 87.

[4]) П. С. З., № 4460.

Были приняты разныя мѣры и противъ медленности хода дѣлъ, «волокиты». Однако, какъ видно, изъ множества указовъ Петра на этотъ счетъ, а также изъ жалобъ современниковъ, всѣ старанія правительства устранить это зло, оказывались тщетными. Особеннаго вниманія достоенъ указъ Юстицъ-Коллегіи о безволокитномъ и правомъ вершеніи дѣлъ. Въ немъ сказано: «наипаче же смотрѣть судьямъ того всемѣрно, чтобъ безвластные бѣдные люди и вдовы и сироты безъ меньшей самой волокиты, по безотступнымъ своимъ докукамъ, на дѣла свои самыя скорыя вершенія отъ судей впредь получали и отъ обидящихъ ихъ защищены были, несмотря ни на какое лицо». Въ другомъ указѣ сказано о бѣдныхъ людяхъ, вдовахъ и сиротахъ «безгласныхъ и безпомощныхъ», что «его царское величество всемилосердымъ ихъ защитителемъ есть и взыскателемъ обидъ ихъ напрасныхъ отъ насильствующихъ» [1]).

Стремленіе царя къ окончательному искорененію «неправды» развило въ народѣ и безъ того уже сильную страсть къ доносамъ. Постоянно росло число анонимныхъ доносовъ, между которыми были и ложные. Личная ненависть и чувство мести имѣли просторъ. Безконечная масса случаевъ столкновеній сослуживцевъ между собою составляетъ характеристическую черту этой эпохи. Множество печальныхъ эпизодовъ обвиненія и наказанія неправедныхъ судей, продажныхъ чиновниковъ, грабившихъ казну аферистовъ, свидѣтельствуютъ о неблагопріятныхъ условіяхъ, при которыхъ трудился Петръ. Люди, пользовавшіеся довѣріемъ царя, довольно часто враждовали между собою, доносили другъ на друга. Происходили столкновенія между Курбатовымъ и Меншиковымъ, между Ягужинскимъ и Шафировымъ, между Ромодановскимъ и Долгорукимъ и пр. Многіе сановники оканчивали свою карьеру плачевнымъ образомъ. Виніусъ недобросовѣстностью навлекъ на себя гнѣвъ царя; Курбатовъ находился къ концу жизни подъ судомъ; сибирскій губернаторъ Гагаринъ былъ казненъ за многіе случаи продажности и казнокрадства; оберъ-фискалъ Нестеровъ, привлекшій къ суду многихъ недобросовѣстныхъ людей, самъ подобными же поступками навлекъ на себя бѣду и былъ колесованъ. Шафировъ за нарушеніе законовъ былъ приговоренъ къ смертной казни и помилованъ лишь въ послѣднюю минуту, на эшафотѣ. Даже Меншиковъ не разъ находился въ опасности окончить свою дѣятельность подобнымъ же образомъ. Разсказывали о слѣдующемъ анекдотѣ, случившемся въ послѣднее время царствованія Петра. Бывши од-

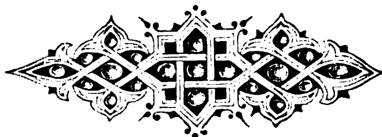
---

[1]) П. С. З. №№ 3290, 3298, 3608.

нажды въ Сенатѣ и услышавъ о нѣкоторыхъ воровствахъ, онъ въ гнѣвѣ сказалъ генералъ-прокурору Ягужинскому: «напиши указъ, что всякій воръ, который украдетъ настолько, чего веревка стоитъ, безъ замедленія долженъ быть повѣшенъ». Ягужинскій возразилъ: «всемилостивѣйшій государь, развѣ хочешь ты остаться императоромъ одинъ, безъ подданныхъ? Всѣ мы воруемъ, только одинъ больше и примѣтнѣе другого» [1]).

Особенно послѣдніе годы царствованія Петра, со времени его возвращенія изъ-за границы, въ 1717 году, были эпохою террора, безпощаднаго преслѣдованія нарушителей «правды». Бывали случаи наказанія и невинныхъ; вообще же жестокость царя въ этихъ дѣлахъ объясняется не произволомъ азіатскаго деспота, а чувствомъ долга государя, заботившагося о благѣ народа. Мы помнимъ, что, когда во время стрѣлецкаго розыска патріархъ просилъ царя прекратить пытки и казни, Петръ возразилъ ему: «я исполняю богоугодное дѣло, когда защищаю народъ и казню злодѣевъ, противъ него умышлявшихъ». То же самое могъ онъ сказать о своей строгости при наказаніи казнокрадства, продажности, лихоимства и пр. Мысль о преобразованіи, объ улучшеніи быта народа, о поднятіи уровня нравственности находилась въ самой тѣсной связи съ этою неумолимою строгостью Петра, одобряемою, впрочемъ, не только современниками-иностранцами, каковы были, напр., ганноверскій резидентъ Веберъ или французскій дипломатъ де-Лави и пр., но также и настоящими русскими патріотами, какимъ былъ Иванъ Посошковъ.

Мысль о реформѣ не покидала Петра до гроба. Еще въ самомъ концѣ своего царствованія, онъ мечталъ объ учрежденіи особенной коллегіи, обязанной представлять проекты разнымъ улучшеніямъ государственнаго быта. Онъ понималъ, что государство нуждается постоянно въ обновленіи, что никогда не должно довольствоваться существующимъ. Не будучи знакомымъ съ сочиненіями Крижанича, онъ держался правила послѣдняго, замѣтившаго о государствѣ: «потребна ему есть неустойна поправа» [2]).



[1]) Штелинъ, I, № 48.
[2]) Соч. Крижанича, I, III.

ГЛАВА II.

Хозяйственный быт.

ЕНЬГИ суть артеріею войны», сказано въ письмѣ Петра къ Сенату. Для рѣшенія многосложныхъ политическихъ задачъ, царь нуждался въ весьма значительныхъ матеріальныхъ средствахъ. Особенно же постоянныя войны, содержаніе войска и флота требовали громадныхъ суммъ.

Къ сожалѣнію, данныя о размѣрахъ бюджета, о доходахъ и расходахъ государства и о состояніи флота и войска за это время весьма скудны. Мы узнаемъ, что къ концу царствованія Петра регулярная армія состояла изъ 210,000 чел., флотъ изъ 48 линейныхъ кораблей и 800 другихъ судовъ съ экипажемъ въ 28,000 чел. [1]). Въ 1710 году, государь велѣлъ въ первый разъ сличить приходъ съ расходомъ: оказалось, что, при общемъ доходѣ около 3 милліоновъ рублей, безъ малаго половина этой суммы употреблялась на содержаніе войска, а поль-милліона рублей на расходы содержанія флота [2]). Тутъ Петръ не щадилъ ни денегъ, ни людей. Условіемъ внутренняго преобразованія былъ успѣхъ въ области внѣшней политики. Цѣль была достигнута. Войско и флотъ находились въ такомъ состояніи, что могли вну-

---

[1]) Соловьевъ, XVIII, 163.
[2]) Тамъ же, XVI, 44.

шать другимъ державамъ высокое понятіе о значеніи силъ и средствъ Россіи [1]).

Были и другіе расходы, до того времени не имѣвшіе столь значительныхъ размѣровъ. Болѣе тѣсныя сношенія съ западною Европою требовали содержанія резидентовъ при иностранныхъ дворахъ. Уже въ 1704 году, содержаніе Матвеева въ Гаагѣ обошлось въ 27,000 гульденовъ. Въ 1706 году, получали: Урбихъ въ Вѣнѣ 9,000 рублей, Толстой въ Константинополѣ 4,225 р., Матвеевъ въ Англіи 5,265 р. [2]). Зато для содержанія своего двора Петръ не нуждался въ большихъ суммахъ. Между тѣмъ, какъ въ концѣ царствованія его государственные доходы достигали суммы 10 милліоновъ р., содержаніе двора, какъ разсказывали современники, стоило не болѣе 50,000 р. [3]).

Для покрытія государственныхъ расходовъ нужно было думать о новыхъ источникахъ доходовъ. Усложненіе финансовой системы, изобрѣтеніе новыхъ средствъ для доставленія казнѣ необходимыхъ денежныхъ суммъ, во многихъ случаяхъ поврежденіе экономическихъ интересовъ посредствомъ чрезмѣрной строгости при взиманіи налоговъ, обусловливаемой недостаточнымъ пониманіемъ общественно-хозяйственнаго организма—все это было характеристическою чертою въ исторіи государственнаго хозяйства при Петрѣ.

Явилась новая должность «прибыльщиковъ», которые стали искать во всемъ прибыли государству и сообщали свои мнѣнія о новыхъ источникахъ доходовъ. Первымъ прибыльщикомъ сдѣлался Алексѣй Александровичъ Курбатовъ, по предложенію котораго была введена гербовая бумага (1699). Въ актахъ 1705 года встрѣчаются имена еще другихъ прибыльщиковъ; то были большею частью люди незнатнаго происхожденія, которые, однако, скоро получали довольно важныя мѣста. Курбатовъ сдѣлался вице-губернаторомъ въ Архангельскѣ, другой прибыльщикъ, Ершовъ, бывшій крѣпостной человѣкъ князя Черкасскаго, вице-губернаторомъ московскимъ [4]).

Эти люди обнаруживали необычайную изобрѣтательность и замѣчательную рабочую силу, то указывая на возможность введенія новыхъ податей и налоговъ, то объясняя вредное дѣйствіе той или другой привилегіи, то стараясь собирать недоимки и пр. При-

---

[1]) О войскѣ см. соч. Врикса, «Gesch. d. russ. Heereseinrichtungen», Berlin, 1867. О флотѣ см. соч. Елагина, Веселаго и пр.

[2]) Соловьевъ, XV, 90, XVI, 14.

[3]) Vockerodt, 117.

[4]) Соловьевъ, XV, 95.

ступили къ выпуску легковѣсной монеты, къ отдачѣ на откупъ рыбныхъ ловель, къ обложенію сборами бородъ, бань, дубовыхъ гробовъ и пр. Соль стала гораздо дороже прежняго; подушная подать сдѣлалась страшно тягостною для народа. Иностранцы, какъ, напр., Плейеръ, фанъ-деръ-Гульстъ, Перри и др., въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ порицали образъ дѣйствій прибыльщиковъ и прочихъ финансовыхъ чиновниковъ, не обращавшихъ достаточнаго вниманія на экономическія силы народа, безпощадно преслѣдовавшихъ несостоятельныхъ должниковъ казны и разорявшихъ народъ. Фокеродтъ выразилъ предположеніе, что рано или поздно чрезмѣрное насиліе сборщиковъ налоговъ должно будетъ повести къ какому нибудь кризису [1]).

О мѣрѣ страданій народа можно судить по слѣдующему письму самого «прибыльщика» Курбатова къ Петру, въ 1709 г.: «отъ правежей превеликой обходится всенародный вопль, а паче въ поселянахъ, яко не точію послѣдняго скота, но иніи бѣднѣйшіе и домишковъ своихъ лишаются. И ежели вашимъ призрѣніемъ нынѣ вскорѣ отсрочкою помилованы не будутъ, то въ сихъ послѣднихъ сего года мѣсяцахъ премногое пріимутъ разореніе и, Богъ вѣстъ, будутъ ли впредь иніи даней вашихъ тяглецы... а впредь, по благомъ окончаніи войны сея, могутъ по-малу и во всемъ исправиться» [2]). Не даромъ Посошковъ въ своемъ сочиненіи «О скудости и богатствѣ» требовалъ осторожности въ обращеніи съ народомъ, замѣчая въ главѣ «о правосудіи»: «въ поборѣхъ за гривну изъ человѣка хотятъ душу вытянуть, а гдѣ многія тысячи погибаютъ, того ни мало не смотрятъ... а что тѣмъ собираніемъ своимъ бѣдъ надѣлаютъ людямъ, того не смотрятъ и не радѣютъ о томъ» и пр. [3]).

Петръ старался дѣйствовать въ духѣ воззрѣній Посошкова. Въ указѣ отъ 25-го августа 1713 года онъ, «милосердуя о народахъ государствъ своихъ, ревнуя искоренить неправедныя, бѣдственныя, всенародныя тягости», изъявилъ сожалѣніе о томъ, что «возростаютъ на тягость всенародную великія неправды и грабительства, тѣмъ многіе всякихъ чиновъ люди, а наипаче крестьяне, приходятъ въ разореніе и бѣдность». Поэтому Петръ изъявилъ намѣреніе «искоренить повредителей интересовъ государственныхъ и во всякихъ государственныхъ дѣлахъ неправды и тяготы, а именно

---

1) Vockerodt, 118.
2) Соловьевъ, XV, 382.
3) Соч. Посошкова, I, 106.

въ сборахъ». Въ другомъ указѣ того же года предписывается, чтобы при сборѣ подушной подати съ сибирскихъ мастеровыхъ людей, ихъ «ни въ чемъ не привлекали и не волочили и не убытчили и нигдѣ бъ ихъ не держали, потому что безъ нихъ... пробыть невозможно» [1]). Все это не помогало, и современники продолжали ратовать противъ невниманія къ экономическому положенію народа при собираніи налоговъ, противъ продѣлокъ губернаторовъ и цѣловальниковъ, противъ вредной дѣятельности прибыльщиковъ. Штраленбергъ замѣчаетъ, что губернаторы всевозможными способами разоряли ввѣренныя ихъ управленію страны; такъ, напр., чиновники, отправляемые ими для сбора податей, являлись съ тре-

Рублевикъ Петровскаго времени.

Съ рисунка, находящагося въ „Описаніи русскихъ монетъ" Шуберта.

бованіями казны обыкновенно въ то время, когда крестьяне, въ самую горячую рабочую пору, не имѣли наличныхъ денегъ и вслѣдствіе того должны были продавать своихъ лошадей и коровъ и свой хлѣбъ за половинную цѣну. Лишенные скота и возможности продолжать хозяйство, крестьяне поэтому бѣжали иногда даже за границу. Штраленбергъ насчитываетъ до 100,000 человѣкъ, бѣжавшихъ въ Польшу, Литву, Турцію и Татарію [2]). Послѣ введенія казенной продажи соли, въ 1705 году, отчего произошло значительное повышеніе цѣны на этотъ предметъ, правительство жаловалось, что, благодаря злоупотребленіямъ чиновниковъ, «подлые» люди не имѣютъ возможности купить соли въ маломъ коли-

[1]) П. С. З. №№ 2707 и 2727.

[2]) Перри, нѣм. изд., 300, 403. Strahlenberg, «Das nord-und östliche Theil von Europa und Asien», 238.

чествѣ, «отчего многіе бѣдные въ неизцѣлимыя болѣзни впадаютъ, а съ жалобами на такихъ воровъ придтить не смѣютъ». Правительство до того было раздражено такимъ образомъ дѣйствій цѣловальниковъ, что грозило смертною казнію и конфискованіемъ имущества такимъ «ворамъ» и обѣщало доносчикамъ половину конфискованнаго имущества [1]).

Петръ самъ не столько заботился прямо о финансовомъ управленіи, сколько предоставлялъ себѣ рѣшеніе задачъ хозяйственной полиціи. Въ безчисленныхъ указахъ мы находимъ его личныя воззрѣнія на этотъ предметъ. И въ области производства и потребленія, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, Петръ хотѣлъ быть наставникомъ своего народа. Онъ училъ подданныхъ, какъ должно работать; онъ желалъ развить народное богатство. Во мно-

Русская деревня въ концѣ XVII столѣтія.
Съ рѣдкой современной гравюры Гетериса.

гихъ отрасляхъ технологіи онъ былъ экспертомъ, и поэтому считалъ себя въ правѣ предписывать всѣмъ и каждому, какъ должно дѣйствовать въ качествѣ купца, ремесленника или земледѣльца. Въ одномъ изъ его указовъ сказано: «нашъ народъ яко дѣти, неученія ради, которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бываютъ, которымъ сперва досадно кажется, но когда выучатся, потомъ благодарятъ, что ясно изо всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ: не все-ль неволею сдѣлано, и уже за многое благодареніе слышится, отъ чего уже плодъ произошелъ» [2]).

Во время своихъ путешествій и въ личныхъ сношеніяхъ съ иностранцами, находившимися въ Россіи, онъ могъ убѣдиться въ превосходствѣ экономическаго развитія Европы. Учреждая въ

[1]) П. С. З. 4007.
[2]) П. С. З. 4345.

1712 году «коллегіумъ для торговаго дѣла исправленія», онъ считалъ полезнымъ, чтобы въ этомъ учрежденіи участвовали «одинъ или два человѣка иноземцевъ, дабы лучшій порядокъ устроить, ибо безъ прекословія есть, что ихъ торги несравнительно лучше нашихъ».

Петръ въ разработкѣ правилъ народной экономіи боролся съ большими затрудненіями. Онъ часто жаловался, что «изъ всѣхъ дѣлъ администраціи торговля представляетъ наиболѣе затрудненій», но при этомъ иностранцы признавали, что Петръ «относительно пользы торговли для Россіи имѣлъ довольно вѣрныя соображенія» [1]). Когда, однажды, заключеніе торговаго договора съ Голландіею замедлилось, Остерманъ утѣшалъ голландскаго резидента де-Би слѣдующими словами: «между нами, я вамъ скажу всю правду: у насъ здѣсь нѣтъ ни одного человѣка, который бы понималъ торговое дѣло; но я могу вамъ сказать навѣрное, что царское величество занимается теперь этимъ дѣломъ». По случаю проведенія главныхъ началъ политики меркантилизма, Петръ, однажды, замѣтилъ голландскому резиденту, жаловавшемуся на разныя неудобства торговой полиціи Петра: «приложеніе принциповъ всегда трудно, но съ теченіемъ времени всѣ интересы примирятся» [2]).

Органически связанныя между собою мѣры Петра для усиленія торговли и промышленности, впрочемъ, были вызваны не только желаніемъ обезпечить матеріальный бытъ народа, но и надеждою, благодаря развитію экономической дѣятельности въ Россіи, располагать большими средствами для государственнаго хозяйства. Путемъ усиленія вывоза, ограниченія привоза, путемъ учрежденія фабрикъ, оружейныхъ заводовъ, путемъ развитія горнаго искусства, разными распоряженіями для обезпеченія интересовъ торговаго и промышленнаго сословія—онъ надѣялся въ одно и то же время открыть новые источники для доходовъ казны и пріучить народъ къ разнымъ новымъ отраслямъ производства.

Вслѣдствіе того, по приказанію Петра, постоянно по всему государству разъѣзжали знатоки различныхъ товаровъ для отысканія предметовъ, необходимыхъ для производства оныхъ. Искали и находили то серебряныя руды, то «краску марену», то каменный уголь, о которомъ Петръ замѣтилъ, что «сей минералъ если не намъ, то нашимъ потомкамъ весьма полезенъ будетъ», то се-

[1]) Vockerodt, 73.
[2]) Соловьевъ. XVI, 194.

литру, торфъ и пр. Петръ заставлялъ всѣхъ и каждаго участвовать въ производствѣ и экономическомъ трудѣ, приглашая «кадетовъ знатныхъ фамилій» заниматься торговлею, а не быть праздными, устраивая рабочіе дома для праздношатающихся, заставляя работать монаховъ и монахинь и принимая разныя мѣры для того, чтобы рабочія силы колодниковъ и артистовъ обращались на общую пользу.

И производство, и потребленіе должны были находиться подъ непосредственнымъ надзоромъ правительства. Такъ, напр., оно запрещало дѣлать узкія полотна, приказывало дѣлать широкія «противъ приготовляемыхъ въ другихъ европейскихъ государствахъ», потому что «широкія полотна болѣе расходятся».—Точно также правительство заботилось о сбереженіи лѣсовъ, предписывало старостамъ и приказчикамъ наблюдать, чтобы мельницы въ селеніяхъ отъ вешней и дождевой воды не были повреждены; пріучало дровосѣковъ къ распилкѣ дровъ и строго приказывало, «чтобы работные люди изучались въ два года пилованью дровъ», запрещало, подъ страхомъ наказанія каторгою и конфискованія имущества, торговать «скобами и гвоздями, употребляемыми на подбивку сапоговъ и башмаковъ мужскихъ и женскихъ», учреждало почтовыя сообщенія, учило публику, какъ дѣлать кровли, какъ строить дороги, отовсюду старалось собирать данныя о цѣнахъ разнымъ товарамъ, заботилось объ ученіи дѣтей ариѳметикѣ, вводило новые способы собиранія хлѣба и пр. Едва ли мы ошибаемся, приписывая значительную долю такихъ мѣръ, распоряженій, наказовъ, личному вліянію государя, постоянно имѣвшаго въ виду соглашеніе интересовъ внѣшней политики съ стремленіемъ развить народное богатство. Для всѣхъ современниковъ и участвовавшихъ въ управленіи государствомъ и для прочихъ подданныхъ Петра, эта дѣятельность царя-наставника не могла не быть нѣкоторымъ образомъ политико-экономическою школою [1]).

Не даромъ Петръ былъ названъ «первымъ лѣсоводомъ въ Россіи» [2]). До него не было издано никакого общаго постановленія о лѣсахъ. Правительство о лѣсномъ хозяйствѣ не заботилось. Петру былъ нуженъ лѣсъ для кораблестроенія, лѣсъ извѣстныхъ породъ, самыхъ крупныхъ размѣровъ и совершенно здоровый. Деревья, представлявшія такія качества, не могли встрѣчаться часто, даже и при тогдашнемъ изобиліи лѣсовъ. Вотъ почему Петръ

[1]) См. мое соч. о Посошковѣ, 91—93.
[2]) См. статью Зобова въ «Лѣсномъ Журналѣ» 1872 г., августъ.

обратилъ строгое вниманіе на охраненіе корабельнаго лѣса. Было запрещено рубить заповѣдные лѣса, годные на корабельное строеніе, подъ страхомъ смертной казни, «безъ всякія пощады, кто-бъ ни былъ». Такихъ указовъ множество. Иногда они прибивались къ столбамъ въ деревняхъ, читались въ церквахъ «приходскимъ людямъ, чтобъ въ томъ невѣдѣніемъ никто не отговаривался». Изъ нѣкоторыхъ граматъ видно, что строгія наказанія были часто приводимы въ исполненіе. Такъ какъ заповѣдные лѣса не были ничѣмъ обозначены въ натурѣ, и потому народъ не могъ знать, гдѣ дозволено и гдѣ не дозволено рубить, то Петръ велѣлъ (въ 1720 г.) по Невѣ и Финскому заливу, отмѣривъ отъ

Курная изба въ концѣ XVII столѣтія.

Съ рѣдкой современной голландской гравюры.

береговъ указныя разстоянія, провести межи въ три сажени шириной и построить на нихъ, для страха, чрезъ каждыя 5 верстъ по висѣлицѣ. Въ Петербургѣ, на мѣстѣ нынѣшняго Гостиннаго двора, была большая березовая роща, и въ ней Петръ строго воспретилъ всякую рубку; несмотря на то, жители Петербурга, въ томъ числѣ и чиновные, начали рубить въ ней. Петръ велѣлъ десятаго изъ виновныхъ повѣсить, а всѣхъ остальныхъ наказать кнутомъ. Екатерина упросила Петра не наказывать никого смертью, и наказаніе было смягчено: вмѣсто смерти пошли въ дѣло кнутъ,

шпицрутены, каторга [1]). Несмотря на всю строгость, эти указы нарушались довольно часто. Для государственныхъ цѣлей, впрочемъ, Петръ не щадилъ лѣсовъ. Постройка моловъ въ Ревелѣ и Балтійскомъ портѣ, къ тому же не имѣвшая вовсе успѣха, нанесла страшный ущербъ лѣсамъ прибалтійскаго края [2]). Зато Петромъ были приняты мѣры для того, чтобы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ посѣянъ новый лѣсъ. Встрѣчаются распоряженія и указы Петра, изъ которыхъ видно, что онъ понималъ сбереженіе лѣсовъ не только ради пользы флота, но и ради сбереженія вообще. Такъ, напр., было приказано поташъ дѣлать изъ остаточнаго лѣсу, а именно изъ сучьевъ, изъ старыхъ бочекъ и т. п. Изъ отрубковъ и сучьевъ велѣно дѣлать пушечныя колеса, косяки, спицы, станки пушечные. Далѣе было запрещено изъ сосноваго

Мостовая дорога въ Новгородской губерніи въ концѣ XVII столѣтія.
Съ рѣдкаго современнаго офорта Гетериса, находящагося въ собраніи П. Я. Дашкова.

дерева дѣлать выдолбленные гробы. Въ инструкціи «вальдмейстерамъ» встрѣчаются правила, имѣющія народно-хозяйственное, общеполезное значеніе [3]).

Придерживаясь правилъ меркантилизма, Петръ устраивалъ множество фабрикъ и мануфактуръ, и число заводовъ росло весьма быстро. При нѣкоторыхъ случаяхъ поощренія той или другой отрасли промышленности, или земледѣлія, правительство прямо указывало на цѣль, имѣвшуюся въ виду при этомъ, а именно на необходимость избѣжанія платить деньги иностранцамъ за тотъ или другой товаръ. Современники замѣчаютъ, что Петръ приглашалъ пастуховъ изъ Силезіи для развитія шерстяной промышленности,

[1]) Шелгуновъ, «Ист. р. лѣсного законодательства», 57.
[2]) Vockerodt, 85.
[3]) См. мое соч. о Посошковѣ, I, 132—135.

съ тою цѣлью, «чтобы не платить столько денегъ за шерсть и за сукно англичанамъ» [1]), или что онъ устраивалъ мануфактуры «шелковыхъ издѣлій, ибо зналъ, что привозъ таковыхъ товаровъ стоитъ много денегъ» [2]).

До Петра Россія получала пушки и оружіе вообще главнымъ образомъ изъ за границы. При немъ устроены были желѣзные заводы, на которыхъ дѣлали пушки, ружья, гранаты и пр., далѣе пороховые заводы; иностранные мастера должны были учить русскихъ, чтобъ можно было замѣнить первыхъ послѣдними. Съ привозныхъ товаровъ, которые можно было дѣлать въ Россіи, взималась высокая пошлина. Въ дальнія страны, напр., въ Испанію, были отправлены русскіе корабли съ разными русскими товарами; въ Тулонѣ, Лиссабонѣ и прочихъ городахъ были учреждены консульства. Заключеніе торговыхъ договоровъ между Россіей и другими державами, постройка Петербурга и мѣры, принятыя для привлеченія туда главной части внѣшней торговли, мысль объ учрежденіи колоній на островахъ южной Азіи и на островѣ Мадагаскарѣ,—все это заключаетъ въ себѣ доказательства, что Петръ обращалъ особенное вниманіе на торговлю; что онъ лично занимался частностями этой отрасли администраціи и раздѣлялъ главныя воззрѣнія западно-европейской школы меркантилистовъ. Въ 1705 году, онъ съ радостью сообщилъ Меншикову, что успѣлъ сдѣлать себѣ «къ празднику» кафтанъ изъ русскаго сукна. При учрежденіи Бергъ-Коллегіи Петръ замѣтилъ: «наше россійское государство предъ многими иными землями преизобилуетъ и потребными металлами и минералами благословенно есть, которыя до нынѣшняго времени безъ всякаго прилежанія исканы, паче же не такъ употреблены были, какъ принадлежитъ, такъ что многая польза и прибытокъ, который бы намъ и подданнымъ нашимъ изъ онаго произойти могъ, пренебреженъ» и пр. [3]).

Старанія Петра развить торговлю и промышленность лишь отчасти имѣли успѣхъ. Многія отрасли экономической дѣятельности народа, несмотря на всѣ усилія правительства, не только при Петрѣ, но и гораздо позже, еще оставались мало развитыми [4]).

Разныя мѣры, принятыя Петромъ для поощренія торговли, оказались сопряженными со многими неудобствами и вызывали жа-

---

[1]) Weber, «Verändertes Russland», I, 222.

[2]) Marperger, «Moscovitischer Kaufmann», Hamburg, 1728, 142.

[3]) П. С. З. I, 3464.

[4]) О меркантилизмѣ Петра см. соч. В. Штида, въ «Russische Revue», IV, 193—246.

лобы со стороны купцовъ. Къ тому же послѣдніе страдали весьма часто отъ произвола приказныхъ людей, хотя Петръ и твердилъ во многихъ указахъ, что нужно щадить торговый классъ ради пользы государства. Не всегда иностранцы были довольны распоряженіями Петра. Когда, вскорѣ послѣ возвращенія изъ западной Европѣ, въ 1696 году, царь приказалъ: «купецкимъ людямъ торговать такъ же, какъ торгуютъ иныхъ государствъ торговые люди, «компаніями», голландцы испугались, ожидая, что эта мѣра будетъ содѣйствовать быстрому развитію самостоятельной торговли русскихъ. Вскорѣ, однако, голландскій резидентъ могъ извѣстить своихъ соотечественниковъ о томъ, что нѣтъ повода къ опасеніямъ: «что касается торговли компаніями, то это дѣло пало само собою: русскіе не знаютъ, какъ приняться за такое сложное и трудное дѣло» [1]). Желая направить движеніе внѣшней торговли къ Балтійскому морю, Петръ требовалъ, чтобы товары отправлялись не какъ прежде, къ Архангельску, а къ Петербургу. Противъ этихъ распоряженій начали сильно хлопотать купцы голландскіе, которые издавна устроились въ Аргангельскѣ и вовсе не желали развитія русской торговли на Балтійскомъ морѣ [2]). Особенно Меншиковъ былъ сторонникомъ мѣръ въ пользу Петербурга, между тѣмъ какъ другіе сановники, по разсказамъ современниковъ, старались всѣми мѣрами отклонить царя отъ распоряженій, имѣвшихъ цѣлью дать направленіе внѣшней торговли чрезъ Петербургъ [3]).

Въ 1722 году, къ Петербургу пришло 116 иностранныхъ кораблей; въ 1724 году, ихъ было уже 240 [4]).

Старанія Петра пріучить русскихъ къ занятію внѣшнею торговлею оставались тщетными. За исключеніемъ одного предпріимчиваго и способнаго купца, Соловьева, нѣсколько лѣтъ весьма удачно занимавшагося въ Амстердамѣ торговлею въ большихъ размѣрахъ, другіе русскіе купцы не обладали для подобныхъ операцій ни опытностію, ни знаніемъ дѣла, ни средствами. Въ 1722 году, Бестужевъ писалъ изъ Стокгольма, что туда пріѣхали изъ Ревеля въ Або русскіе купцы съ мелочью, привезли немного полотна, ложки деревянныя, орѣхи каленые, продаютъ на саняхъ и нѣкоторые на улицѣ кашу варятъ у моста, гдѣ корабли пристаютъ. Узнавши объ этомъ, Бестужевъ запретилъ имъ продавать

---

[1]) Соловьевъ, XIV, 309; XV, 91.
[2]) Тамъ же, XVI, 210.
[3]) Vockerodt, 70—73.
[4]) Соловьевъ, XVIII, 164.

орѣхи и ложки, и чтобъ впредь съ такою бездѣлицею въ Стокгольмъ не ѣздили и кашу на улицѣ не варили, а наняли себѣ домъ и тамъ свою нужду исправляли. Бестужевъ писалъ, что шведы насмѣхаются надъ этими купцами [1]).

Подражая во многихъ отношеніяхъ западной Европѣ, Петръ старался о введеніи цехового устройства. Въ «Регламентѣ или уставѣ главнаго магистрата» сказано: каждое ремесло должно было

Русскій крестьянинъ въ XVIII столѣтіи.
Съ современной гравюры Дальстена.

имѣть «свои особливыя цунфты (цехи) или собранія ремесленныхъ людей, и надъ оными алдермановъ (или старшинъ) и свои книги, въ которыхъ регулы, или уставы, права и привилегіи ремесленныхъ людей содержаны». Мануфактуръ-коллегіи было поручено составить такіе уставы [2]). Все это было начато, «понеже всякое каждаго города изобиліе при Божіей помощи и доброй полиціи, въ

[1]) Соловьевъ, XVIII, 164. Русскіе купцы въ Стокгольмѣ бранились, дрались между собою и пр.
[2]) П. С. З. 3708.

началѣ отъ корабельнаго морского хода, также отъ свободнаго и безобиднаго во всемъ купечествѣ и искуснаго рукодѣлія, собственную свою имѣетъ силу и умножительное дѣйство». Приведеніе въ исполненіе проекта о цехахъ встрѣтило разныя затрудненія. Петръ строго требовалъ ускоренія этого дѣла. Въ 1722 году, онъ писалъ оберъ-президенту главнаго магистрата: «ежели въ Петербургѣ сихъ двухъ дѣлъ, т. е. магистрата и цеховъ, не учините въ

Каторжникъ въ XVIII столѣтіи.
Съ современной гравюры Дальстена.

пять мѣсяцевъ или полгода, то ты и товарищь твой, Исаевъ, будете въ работу каторжную посланы». Въ апрѣлѣ 1722 года, по выходѣ изъ сената, велѣно Димитрію Соловьеву «учинить съ иностранныхъ учрежденій о цехахъ извѣстіе и внесть въ сенатъ». Соловьевъ обѣщалъ сдѣлать это къ завтрашнему утру [1]).

Учрежденіе цеховъ никогда не привилось въ Россіи. Старанія Петра оказались въ этомъ отношеніи тщетными. Подражаніе образцамъ западной Европы не всегда могло имѣть успѣхъ.

[1]) Соловьевъ, XVIII, 178.

Гораздо менѣе торговли и промышленности Петра интересовало земледѣліе. Положеніе крестьянъ при немъ стало не лучше, а хуже. Нѣкоторыя мѣры, принятыя царемъ для поощренія промышленности, оказались гибельными для земледѣльческаго класса. «Подлымъ народомъ» Петръ считалъ себя въ правѣ располагать совершенно по своему произволу, не обращая вниманія ни на права крестьянъ, ни на ихъ интересы. Цѣлыми тысячами употреблялись рабочіе на верфяхъ въ Воронежѣ, Азовѣ, Архангельскѣ, Петербургѣ, или работали при постройкѣ новыхъ городовъ и крѣпостей. Въ такихъ мѣстахъ между рабочими, при невниманіи къ ихъ нуждамъ, продовольствію и къ санитарной части, бывала ужасная смертность. Показаніе Фокеродта, что при сооруженіи таганрогской гавани погибло отъ голода и болѣзней 300,000 человѣкъ, очевидно преувеличено; подобныя цифры, относящіяся къ постройкѣ Петербурга, также едва-ли заслуживаютъ довѣрія; однако, постоянныя жалобы крестьянъ на чрезмѣрныя работы, на ужасную тягость, вѣчно повторявшіеся случаи бѣгства крестьянъ массами, свидѣтельствуютъ объ ужасныхъ страданіяхъ низшаго класса.

Фокеродтъ сообщаетъ о повсемѣстной жалобѣ на убавленіе населенія при Петрѣ. Причинами этого явленія онъ называетъ налоги, рекрутчину, наборъ рабочихъ для постройки каналовъ и пр., причемъ люди массами умираютъ съ голоду. Этотъ же писатель сообщаетъ, что, «по случаю послѣдняго похода въ польскія владѣнія [1]), русскіе въ одной Литвѣ открыли не менѣе 200,000 такихъ крестьянскихъ дворовъ, жители которыхъ были принуждены возвратиться въ Россію», и пр.

Законы въ отношеніи къ бѣглымъ крестьянамъ становились все строже и строже. Вообще правительство къ крестьянамъ относилось особенно строго, а иногда и жестоко, принимая только въ видѣ исключенія мѣры къ обезпеченію интересовъ крестьянъ. При характерѣ законодательства, болѣе и болѣе лишавшаго крестьянъ всѣхъ правъ, административныя мѣры, внушенія, надзоръ, контроль надъ господскими распоряженіями—не могли имѣть успѣха. Незамѣтно, узелъ прикрѣпленія затягивался туже и туже, земля ускользала изъ подъ крестьянъ, и они изъ прикрѣпленныхъ къ землѣ дѣлались крѣпостными своихъ господъ, наравнѣ съ холопами [2]). Случаи продажи крестьянъ безъ земли во время царство-

[1]) Вѣроятно, здѣсь разумѣется походъ Миниха въ Польшу въ 1733 году. Vockerodt, 82, 87, 113.

[2]) Бѣляевъ, «Крестьяне на Руси», 196.

ванія Петра становятся чаще. И «ревизіи» оказали вредное дѣйствіе на положеніе крестьянъ, такъ какъ первая ревизія 1719 года зачислила крестьянъ въ одинъ разрядъ съ задворными, дѣловыми и дворовыми людьми. Отринувъ различіе между холопомъ и между крестьяниномъ и кабальнымъ слугою, не составлявшимъ прежде исключительной собственности господъ, ревизія тѣмъ самымъ сравнила ихъ съ полными холопами и вполнѣ утвердила всѣ притязанія господской власти надъ прежними полусвободными людьми. Подати были переложены съ земли на души; сборъ податей непосредственно легъ на самыхъ владѣльцевъ; въ исправности платежа стали уже отвѣчать не сами плательщики, а ихъ господа. Такимъ образомъ, усиливалась власть господъ надъ крестьянами [1]). Новымъ видомъ крѣпостного права были «заводскіе» крестьяне, приписанные къ фабрикамъ. Такихъ рабочихъ было очень много, и этотъ видъ зависимости не даромъ казался народу особенно тягостнымъ. Въ сравненіи съ гибельными дѣйствіями такихъ общихъ постановленій, нѣкоторые указы противъ «разорителей» крестьянъ не имѣли значенія [2]). Въ принципѣ, однако, Петръ заступался за крестьянъ. Въ указѣ отъ 15-го апрѣля 1721 года, государь, признавая всю безнравственность продажи врознь крестьянъ, говоритъ слѣдующее: «обычай былъ въ Россіи, который и нынѣ есть, что крестьянъ и дѣловыхъ и дворовыхъ людей мелкое шляхетство продаетъ врознь, кто похочетъ купить, какъ скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится, а наипаче отъ семей, отъ отца или отъ матери, дочь и сына помѣщикъ продаетъ, отчего не малый вопль бываетъ, и его царское величество указалъ оную продажу людямъ пресѣчь». Но правительство сомнѣвалось въ возможности проведенія этой мѣры, и потому, тотчасъ послѣ приказанія «пресѣчь оную продажу», оговаривается: «а ежели невозможно того будетъ вовсе пресѣчь, то бы хотя по нуждѣ и продавать цѣлыми фамиліями или семьями, а не порознь». Очевидно, все это было лишь предположеніемъ, а не дѣйствительнымъ распоряженіемъ, ибо въ заключеніе сказано: «и о томъ бы при сочиненіи нынѣшняго уложенія изъяснить, какъ высокоправительствующіе господа сенаторы заблагоразсудятъ» [3]).

По разсказу одного современника-иностранца, кто-то совѣтовалъ Петру освободить крестьянъ, но царь замѣтилъ, что такимъ

---

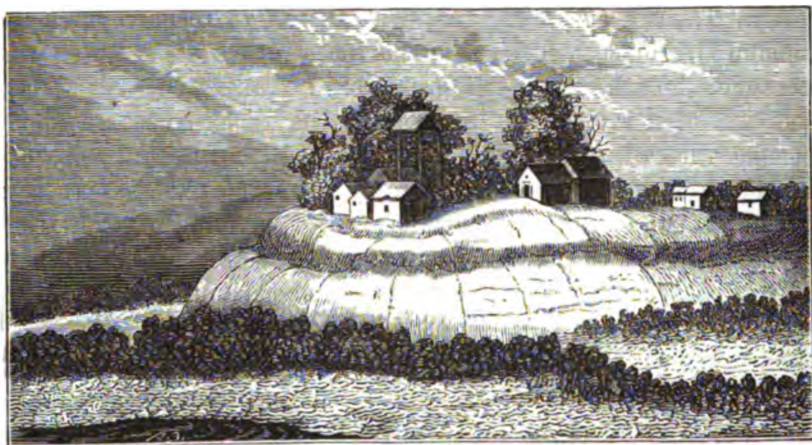
[1]) Бѣляевъ, 254—255.

[2]) См., напр., П. С. З. 3294, 31.

[3]) П. С. З. № 3770.

народомъ можно управлять лишь съ крайнею строгостью [1]). Изъ сочиненія современника Петра, Посошкова, мы знаемъ, что «крестьянинъ села Покровскаго» всецѣло раздѣлялъ въ этомъ отношеніи воззрѣнія государя.

Зато Петръ въ совсѣмъ иномъ отношеніи оказалъ существенную пользу земледѣлію въ Россію—постройкою каналовъ. Мы видѣли, что, уже въ 1698 году, въ проектѣ Френсиса Ли говорилось о возможности подобнаго «усовершенствованія природы». Уже до этого начались работы для прорытія канала, соединявшаго Волгу съ Дономъ. Сначала англичанинъ Бэли, затѣмъ нѣмецъ Бракель,



Боярская усадьба въ концѣ XVII столѣтія.
Съ рѣдкой современной голландской гравюры.

наконецъ, извѣстный Джонъ Перри руководили этою работою, обращавшею на себя вниманіе западной Европы. Между бумагами Лейбница былъ найденъ подробный планъ мѣстности между Иловлею и Камышенкою, притоками Волги и Дона. Однако, эти работы не повели къ желанной цѣли, и сооруженіе этого канала не состоялось.

Послѣ заложенія Петербурга, явилось желаніе соединить эту новую гавань водными путями съ разными областями Россіи. Самолично Петръ участвовалъ въ топографическихъ изслѣдованіяхъ близь Вышняго-Волочка, для постройки извѣстнаго канала, которая была окончена въ 1711 году. При этомъ отличился особенною

[1]) Веберъ, «Verändertes Russland», II, 174.

дѣятельностью Михаилъ Сердюковъ. Еще въ двадцатыхъ годахъ нашего вѣка старый крестьянинъ, которому было 120 лѣтъ отъ роду, помнилъ, что самъ видѣлъ Петра и Сердюкова при занятіи дѣломъ постройки этого канала [1]). Изъ писемъ Меншикова къ царю отъ 1717 года, мы узнаемъ, какъ зорко Петръ слѣдилъ за этими работами [2]). Къ концу своей жизни Петръ особенно интересовался Ладожскимъ каналомъ, надъ постройкою котораго тру-

Михаилъ Ивановичъ Сердюковъ.
Съ портрета, принадлежащаго Институту Путей Сообщенія.

дился Минихъ. Въ подробной запискѣ, представленной сенату, Петръ объяснялъ великую пользу дѣла [3]). Собственноручно онъ принималъ участіе при началѣ постройки канала, довольно часто пріѣзжалъ для наблюденія за успѣшнымъ ходомъ работы [4]). Сынъ

---

[1]) Stuckenberg, «Beschreibung aller Kanäle», Petersburg, 1841, стр. 483. Wittenheim, Ueber Russlands Wasserverbindungen», Mitau und Leipzig 1842, 4 и 5.

[2]) Соловьевъ, XVI, 208.

[3]) Тамъ же, XVI, 209.

[4]) Wittenheim, 5.

Миниха въ своихъ запискахъ подробно разсказываетъ о радости Петра, когда онъ, послѣ удачнаго окончанія одной части канала, объѣхалъ её. Обнявъ Миниха и поблагодаривъ его за радѣніе, Петръ, по возвращеніи въ Петербургъ, сказалъ императрицѣ: «я былъ боленъ, но работа Миниха сдѣлала меня здоровымъ; я надѣюсь со временемъ вмѣстѣ съ нимъ ѣхать водою изъ Петербурга и въ Головинскомъ саду при рѣкѣ Яузѣ въ Москвѣ стать» [1]).

Если принять въ соображеніе, что постройка каналовъ въ нѣкоторыхъ государствахъ состоялась лишь довольно поздно, что, напр., извѣстный «Canal du midi» во Франціи относился къ эпохѣ кардинала Мазарини, что въ Англіи даже еще около половины XVIII вѣка при постройкѣ каналовъ приходилось бороться съ предразсудками, потому что были люди, считавшіе такое стремленіе къ «усовершенствованію природы» грѣшнымъ, то нельзя не признать, что Петръ съумѣлъ извлечь пользу изъ своихъ заграничныхъ путешествій, доставившихъ ему — особенно въ Голландіи — возможность составить себѣ точное понятіе о пользѣ и значеніи подобныхъ средствъ сообщенія для народнаго хозяйства.

[1]) Зап. Миниха, сына фельдмаршала, 19—21. Штелинъ, анекдоты, II, 123.

ГЛАВА III.

Церковь.

ЕТРЪ, ни въ чемъ не измѣняя догматовъ церкви, подвергнулъ коренной перемѣнѣ духовную администрацію, отношеніе государства къ церкви. Уже въ 1700 году, какъ мы видѣли, происходитъ фактическая отмѣна патріаршескаго достоинства; къ 1721 году относится учрежденіе Синода. «Блюститель патріаршаго престола», Стефанъ Яворскій, находился во многихъ отношеніяхъ въ полной зависимости отъ свѣтской власти; его положеніе не можетъ быть сравнено съ мѣстомъ, занимаемымъ прежними патріархами. «Монастырскимъ приказомъ», которому было поручено управленіе духовными дѣлами, завѣдывали главнымъ образомъ свѣтскіе сановники [1]).

Петръ не занимался изученіемъ богословскихъ вопросовъ. Нѣкоторые отзывы его свидѣтельствуютъ объ извѣстной долѣ раціонализма въ его воззрѣніяхъ, о терпимости, о либерализмѣ въ дѣлахъ религіозныхъ. Особенно ненавидѣлъ онъ ханжество и былъ завзятымъ противникомъ средневѣковыхъ, византійскихъ воззрѣній, господствовавшихъ въ народѣ. Монашескій аскетизмъ ему казался чудовищнымъ, болѣзненнымъ и достойнымъ рѣзкаго порицанія явленіемъ. Въ указѣ Петра о монастыряхъ (1723 года)

[1]) Горчаковъ, «Монастырскій приказъ», Спб., 1868.

*

сказано: «когда нѣкоторые греческіе императоры, покинувъ свое званіе, ханжить начали и паче ихъ жены, тогда нѣкоторые плуты къ онымъ подошли и монастыри уже въ самыхъ городахъ строить испросили и денежныя помощи требовали: еще же горше, яко не трудитися, но трудами другихъ туне питатися восхотѣть, къ чему императоры весьма склонны явились и великую часть погибели самимъ себѣ и народу стяжали, на одномъ каналѣ отъ Чернаго моря даже до Царьгорода на 30 верстахъ съ 300 монастырей было и такъ, какъ отъ прочаго неосмотрѣнія, такъ и отъ сего въ такое бѣдство пришли; когда турки осадили Царьгородъ, ниже 6,000 человѣкъ воиновъ сыскать могли. Сія гангрена и у насъ

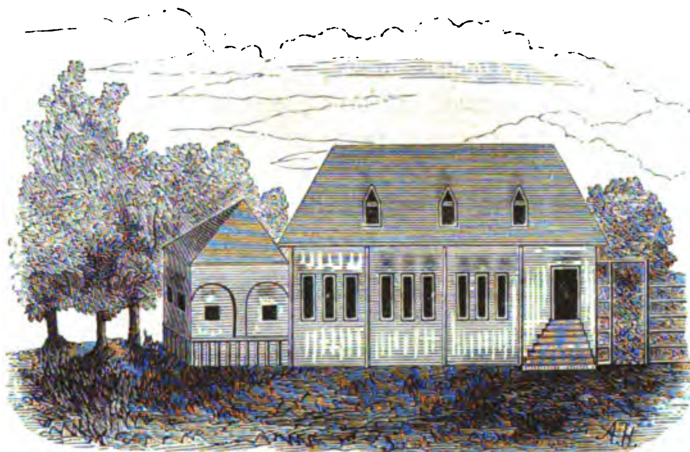
Стефанъ Яворскій.
Факсимиле съ гравированнаго портрета Зубова.

зѣло было распространяться начала подъ защищеніемъ единовластниковъ церковныхъ; но еще Господь Богъ прежнихъ владѣтелей такъ благодати своей не лишилъ, какъ греческихъ, которые (т. е. русскіе) въ умѣренности оныхъ держали. Могутъ ли у насъ монахи имя свое дѣломъ исполнить? Но сего весьма климатъ сѣверныя нашея страны не допускаетъ и безъ трудовъ своихъ или чужихъ весьма пропитатися не могутъ» и пр. Немного позже, въ указѣ 1724 года, сказано: «большая часть монаховъ тунеядцы суть и, понеже корень всему злу праздность, то сколько забобоновъ (суевѣрій), расколовъ и возмутителей произошло, всѣмъ вѣдомо есть... большая часть бѣгутъ отъ податей и отъ лѣности, дабы даромъ хлѣбъ ѣсть» и т. д. [1]).

---

[1]) Соловьевъ, XVIII, 203—204.

Въ преувеличенной обрядности, схоластическихъ мелочахъ и догматическихъ тонкостяхъ, Петръ видѣлъ опасность лицемѣрія и ханжества. Будучи непримиримымъ врагомъ внѣшняго благочестія и фарисейства, замѣчая въ народѣ сильное развитіе этого порока, Петръ мечталъ о средствахъ искоренить это зло. Его занимала мысль составить такую книгу, въ которой съ обличеніемъ лицемѣрія предлагалось бы наставленіе о правильномъ благочестіи. При составленіи программы такого сочиненія, Петръ удивился тому, что между десятью заповѣдями нѣтъ заповѣди, запрещающей лицемѣріе, и старался въ довольно подробномъ изложеніи доказать, что лицемѣріе содержитъ въ себѣ грѣхи противъ всѣхъ заповѣдей.



Подворье Стефана Яворскаго въ Петербургѣ.
Съ рисунка, приложеннаго къ „Описанію Петербурга" Рубана.

Весьма строго Петръ преслѣдовалъ и наказывалъ виновниковъ ложныхъ чудесъ; далѣе онъ останавливалъ учрежденіе лишнихъ церквей и часовень. Особенно же строго онъ требовалъ безпрекословной преданности духовныхъ лицъ свѣтской власти [1]).

Въ новѣйшее время сдѣлалось извѣстнымъ, что Петръ при составленіи «Духовнаго Регламента» принималъ самое дѣятельное участіе. Редакція этого важнаго памятника, быть можетъ, должна считаться еще болѣе трудомъ Петра, нежели трудомъ Θеофана Про-

[1]) См. соч. Чистовича о Θеофанѣ Прокоповичѣ въ «Сборникѣ статей р. отд. Ак. Наукъ», Спб. 1868, IV, 103, 109, 124, 127.

коповича. Тутъ, между прочимъ, сказано: «дурно многіе говорятъ, что наука порождаетъ ереси: наши русскіе раскольники не отъ грубости-ли и невѣжества такъ жестоко бѣснуются? И если посмотрѣть на мимошедшіе вѣка чрезъ исторію, какъ чрезъ зрительную трубу, то увидимъ все худшее въ темныхъ, а не въ свѣтлыхъ ученіемъ временахъ.» При замѣнѣ патріаршества коллегіальнымъ управленіемъ, т. е. Синодомъ, излагалось превосходство новаго учрежденія слѣдующимъ образомъ: «отъ соборнаго правленія нельзя опасаться отечеству мятежей и смущенія, какіе могутъ произойдти, когда въ челѣ церковнаго управленія находится одинъ человѣкъ: простой народъ не знаетъ, какъ различается власть духовная отъ самодержавной, и, удивленный славою и честію верховнаго пастыря церкви, помышляетъ, что этотъ правитель есть второй государь, самодержцу равносильный, или еще и больше его, и что духовный чинъ есть другое лучшее государство, и если случится между патріархомъ и царемъ какое нибудь разногласіе, то скорѣе пристанутъ къ сторонѣ перваго, мечтая, что побораютъ по самомъ Богѣ».

Такимъ воззрѣніемъ на отношеніе свѣтской власти къ духовной обусловливалась нѣсколько скромная роль послѣдней. Понятно, что Петръ былъ очень доволенъ дѣятельностью Ѳеофана Прокоповича, во всемъ поддерживавшаго и отстаивавшаго взгляды государя.

Замѣчательнѣйшія духовныя лица эпохи Петра, Димитрій Ростовскій, Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, были малороссійскаго происхожденія. Въ Кіевѣ было замѣтно нѣкоторое вліяніе западно-европейскаго духовнаго просвѣщенія; здѣсь духовныя лица являлись представителями научной эрудиціи; между ними встрѣчались стихотворцы и писатели.

Димитрій, какъ составитель Четіихъ-Миней, пользовался уже нѣкоторою извѣстностью, когда онъ, въ 1700 году, былъ вызванъ изъ Малороссіи и сдѣланъ митрополитомъ тобольскимъ. Онъ, однако, не могъ свыкнуться съ мыслію объ отправленіи въ Сибирь, заболѣлъ съ горя, и Петръ позволилъ ему остаться въ Москвѣ, а въ 1702 году, онъ получилъ мѣсто ростовскаго митрополита. Здѣсь онъ до гроба трудился на пользу духовнаго просвѣщенія, завелъ училище при своемъ архіерейскомъ домѣ для лицъ, готовившихся къ духовному званію, самъ исполнялъ учительскія обязанности, въ то же время продолжая свои научныя занятія и поддерживая свѣтскую власть въ дѣлѣ преобразованія. Разсказываютъ о Димитріѣ слѣдующій случай. Однажды, въ 1705 году, когда послѣ обѣда

онъ шелъ изъ собора домой, къ нему подошли два человѣка, не старые, но съ бородами, и сказали ему: «владыка-святый, какъ ты велишь? велятъ намъ по указу государеву бороды брить, а мы готовы головы наши за бороды положить: лучше намъ пусть отсѣкутся наши головы, чѣмъ бороды обрѣются?» Изумленный митрополитъ не нашелъ, что вдругъ отвѣчать имъ отъ писанія и спросилъ: «что отростетъ—голова ли отсѣченная, или борода обритая?» Тѣ, помолчавши, отвѣчали: «борода отроститъ, а голова нѣтъ». «Такъ вамъ лучше не пощадить бороды, которая, десять разъ обритая, отростетъ, чѣмъ потерять голову, которая, разъ отсѣченная, уже не отростетъ никогда, развѣ въ общее воскресеніе», сказалъ митрополитъ и пошелъ въ свою келію. Но за нимъ пришло много лучшихъ горожанъ, и былъ у нихъ длинный разговоръ о брадобритіи. Тутъ митрополитъ узналъ, что многіе, обрившіеся по указу, сомнѣваются о спасеніи, думаютъ, что потеряютъ образъ и подобіе Божіе. Митрополитъ долженъ былъ увѣщевать ихъ, что образъ Божій и подобіе состоятъ не въ видимомъ лицѣ человѣческомъ, но въ невидимой душѣ, притомъ брѣются бороды не по своей волѣ, по указу государеву, а надобно повиноваться властямъ въ дѣлахъ, непротивныхъ Богу и невредящихъ спасенію. Послѣ этого разговора Димитрій счелъ своею обязанностью написать разсужденіе «Объ образѣ Божіи и подобіи въ человѣцѣ», которое нѣсколько разъ печаталось по приказанію Петра.—Кромѣ того онъ писалъ духовныя драматическія сочиненія, или мистеріи, «Розыскъ о раскольничьей Брынской вѣрѣ» и пр. Димитрій скончался въ 1709 году; въ гробѣ подъ голову и подъ все тѣло, по его завѣщанію, постланы были его черновыя бумаги. Кромѣ книгъ у него ничего не осталось [1]).

Стефанъ Яворскій пользовался славою необыкновенно искуснаго церковнаго оратора. Въ качествѣ «Блюстителя патріаршаго престола» онъ имѣлъ лишь ограниченное вліяніе. Съ одной стороны, онъ отличался религіозною нетерпимостью, съ другой—угождалъ царю, льстилъ ему. Нѣсколько разъ онъ выражалъ желаніе возвратиться въ Малороссію, но Петръ не соглашался на увольненіе его, какъ рязанскаго митрополита. Можно считать вѣроятнымъ, что Яворскій надѣялся на возстановленіе патріаршаго сана и на предоставленіе ему этой должности, однако, эти надежды оказались тщетными. Подчасъ обнаруживалось въ Яворскомъ нѣкото-

[1]) Соловьевъ, XV, 125—126, XVI, 26—28. Пекарскій «Наука и лит.», I, 378, 413—416.

рое отвращеніе къ реформамъ Петра, и встрѣчались въ его проповѣдяхъ нѣкоторые полемическіе намеки противъ брадобритія, противъ фискаловъ и пр. Косвенно онъ довольно рѣзко порицалъ шумныя попойки царя. Однако, вообще онъ былъ осторожнымъ, уступчивымъ въ отношеніи свѣтской власти. Яворскій принадлежалъ къ завзятымъ противникамъ протестантизма. Въ одной изъ своихъ проповѣдей онъ сильно нападаетъ на Лютера, называя его: «червь, ядомъ адскимъ наполненный, треокаянный еретикъ, мерз-

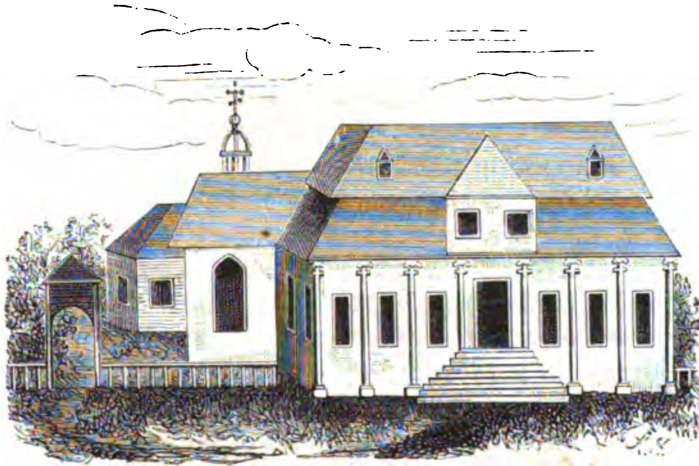
Ѳеофанъ Прокоповичъ.
Съ современнаго гравированнаго портрета.

кій ересіархо, богомерзкій блюзнерцо, глухій аспиде» и пр. [1]). Вообще, онъ любилъ ратовать противъ ереси иностранцевъ; въ преслѣдованіи раскольниковъ онъ поступалъ рѣзко и жестоко и этимъ даже, при большой терпимости Петра и Ѳеофана Прокоповича, подвергся разнымъ непріятностямъ. Полемическое сочиненіе Яворскаго «Камень вѣры» было напечатано послѣ его кончины. При учрежденіи Синода, онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ этой коллегіи, но и тутъ не имѣлъ сильнаго вліянія [2]).

[1]) Пекарскій, II, 4.

[2]) См. Сол., XV, 119, XVI, 22, 239, 336, 353, и біографію Яворскаго, составленную Терновскимъ въ «Др. и Нов. Россіи» 1879, сентябрь.

Въ противоположность Яворскому, Ѳеофанъ Прокоповичъ былъ настоящимъ единомышленникомъ царя. Онъ особенно благосклонно и терпимо относился къ протестантамъ. Своимъ образованіемъ онъ былъ отчасти обязанъ богословской наукѣ протестантовъ, подвинувшихъ впередъ библейскую филологію, критику, церковную исторію. Ему не нравились ни іезуитская школа въ схоластическомъ богословіи, ни католическая обрядность въ церковномъ богослуженіи и церковной практикѣ. Сдѣлавшись профессоромъ богословія, онъ выбралъ себѣ образцами протестантскихъ ученыхъ, какъ, напр., Гергарда, Квенштета и другихъ, и проложилъ новую тропу русскому богословію. Въ юношествѣ, слышавъ въ Римѣ, изъ устъ



Подворье Ѳеофана Прокоповича въ Петербургѣ.
Съ рисунка, находящагося въ „Описаніи Петербурга" Рубана.

папы Иннокентія XII публичныя проклятія на лютеранъ, кальвинистовъ и прочихъ схизматиковъ, онъ тайно смѣялся надъ этими проклятіями, какъ надъ пустымъ громомъ. Онъ любилъ сочиненія Буддея, Декарта, Бекона и другихъ ученыхъ западной Европы. Его не разъ обвиняли въ склонности къ протестантизму. Въ первый разъ онъ своимъ краснорѣчіемъ обратилъ на себя вниманіе царя во время пребыванія послѣдняго въ Кіевѣ, въ 1706 году; затѣмъ онъ произнесъ замѣчательную проповѣдь послѣ Полтавской битвы. Онъ былъ при Петрѣ во время Прутскаго похода. Въ 1715 году, онъ, по желанію Петра, переселился въ Петербургъ, гдѣ, несмотря на козни многочисленныхъ противниковъ, сдѣлался полезнымъ сотрудникомъ Петра.

Тотчасъ же послѣ пріѣзда въ Петербургъ, Ѳеофанъ въ одной проповѣди намекнулъ на недоброжелателей Петра, на противниковъ нововведеній: «помыслитъ бо кто—и многіе мыслятъ, что не всѣ весьма люди симъ долженствомъ обязаны суть, но нѣкіи выключаются, именно же священство и монашество. Се тернъ, или, паче рещи, жало, но жало се змiино есть, папежскій се духъ» и пр. [1]). Ѳеофанъ не могъ надивиться фарисейству, страсти къ внѣшней обрядности, къ богословскимъ преніямъ въ народѣ, и сильно ратовалъ противъ нетерпимости. Не разъ онъ сталкивался и съ Яворскимъ, обвинявшимъ его въ склонности къ ереси. Петръ оставался въ близкихъ сношеніяхъ съ Ѳеофаномъ, бывалъ его частымъ гостемъ и любилъ бесѣдовать съ нимъ о вопросахъ духовной администраціи. Вмѣстѣ съ Ѳеофаномъ Петръ трудился надъ составленіемъ «Духовнаго Регламента».

Царь объявилъ, что «для лучшаго управленія мнится быть удобно Духовной Коллегіи». Яворскій не раздѣлялъ этого мнѣнія государя; Ѳеофанъ же раздѣлялъ его, и потому долженъ былъ принять на себя составленіе регламента для новой коллегіи.

Въ «Духовномъ Регламентѣ» особенное вниманіе обращается на необходимость образованія и просвѣщенія въ духовенствѣ. Не даромъ иностранцы, бывавшіе въ Россіи, въ своихъ запискахъ въ одинъ голосъ осуждали грубость нравовъ и невѣжество духовенства. Не даромъ и русскіе патріоты, какъ, напр., Иванъ Посошковъ, постоянно требовали мѣръ для поднятія уровня духовнаго просвѣщенія. Замѣчательные представители, какъ, напр., Ѳеодосій, митрополитъ новгородскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ, заботились объ учрежденіи школъ, семинарій для духовныхъ лицъ и пр. Изъ множества узаконеній и предписаній правительства, изъ переписки царя съ Курбатовымъ, Питиримомъ и пр. мы узнаемъ, что лучшіе люди того времени думали о реформахъ въ бытѣ духовенства. Завѣдовавшій Монастырскимъ Приказомъ Мусинъ-Пушкинъ постоянно заботился объ открытіи школъ. Почти столь же рѣзко, какъ въ сочиненіяхъ Маржерета, Олеарія, Коллинса, Перри и пр., хотя и въ другихъ выраженіяхъ, въ «Духовномъ Регламентѣ» говорилось о невѣжествѣ духовенства, о необходимости улучшенія быта священниковъ и монаховъ, объ упадкѣ просвѣщенія, объ обязанности архіереевъ заботиться объ истребленіи всѣхъ существующихъ суевѣрій. Далѣе подробно говорилось объ учебныхъ предметахъ въ духовныхъ школахъ, объ обязанностяхъ учениковъ, о методѣ уче-

[1]) Чистовича, біогр. Ѳеофана, 29.

нія, о строгихъ мѣрахъ поощренія къ прилежному и успѣшному ученію. Для учрежденія большой духовной семинаріи былъ назначенъ домъ и определены значительныя денежныя средства. Кончина Петра прервала работу приготовленія этого полезнаго предпріятія. Послѣ него домъ нѣсколько лѣтъ сряду стоялъ впустѣ, а затѣмъ, въ 1743 году, былъ отданъ въ распоряженіе канцеляріи полиціймейстера [1]).

Въ первое время существованія Синода возникали разные спорные вопросы о кругѣ дѣятельности, о размѣрахъ компетентности новаго учрежденія. Царь часто долженъ былъ по собственному усмотрѣнію рѣшать такіе вопросы. Бывали случаи столкновеній между Сенатомъ и Синодомъ. Вообще же дѣятельность обоихъ высшихъ учрежденій свидѣтельствовала о томъ, что сановники, которымъ было ввѣрено управленіе дѣлами, были въ состояніи руководствоваться соображеніями царя, слѣдовать его указаніямъ, трудиться въ его духѣ. Послѣ кончины его и въ Сенатѣ, и въ Синодѣ было замѣтно отсутствіе иниціативы царя-преобразователя, эксперта-дѣльца, сильнаго волею и одареннаго проницательнымъ умомъ администратора.

Образъ дѣйствій Петра въ отношеніи къ раскольникамъ, съ одной стороны, обнаруживаетъ его религіозную терпимость, съ другой—свидѣтельствуетъ о желаніи государя во всѣхъ отношеніяхъ руководствоваться интересами свѣтской политики. Высказанное Петромъ относительно иностранцевъ правило, что правительство «охотно предоставляетъ каждому христіанину на его отвѣтственность пещись о блаженствѣ души своей», по мнѣнію Петра, могло относиться и къ раскольникамъ; Петръ въ области религіи держался либеральныхъ началъ. При свиданіи съ польскимъ королемъ въ Биржахъ, въ 1701 году, Петръ былъ въ церкви и внимательно приглядывался къ католическому богослуженію, разспрашивая, что̀ значитъ то или другое дѣйствіе. Одинъ изъ польскихъ сенаторовъ замѣтилъ ему, что въ его власти соединить церковь греческую съ латинскою. Царь отвѣчалъ: «Господь дѣйствительно далъ царямъ власть надъ народами, но надъ совѣстью людей властенъ одинъ Христосъ и соединеніе церквей можетъ совершиться только съ Божіей воли [2]).

---

[1]) Чистовичъ, 136 и слѣд.
[2]) Соловьевъ, XIV, 358.

Въ слѣдующемъ году, царю случилось ѣхать изъ Архангельска къ Финскому заливу чрезъ Выгъ, гдѣ жило много раскольниковъ. Когда разнеслась страшная вѣсть о приближеніи Петра, одни изъ братьевъ и сестеръ начали готовиться къ смерти, приготовили смолу и солому въ часовнѣ, другіе сбирались бѣжать; но гроза прошла; когда государю доложили, что по Выгу живутъ раскольники, то онъ сказалъ: «пускай живутъ», и проѣхалъ далѣе. Другой разъ онъ спросилъ: «каковы купцы изъ раскольниковъ, честны ли и прилежны ли»? Когда ему отвѣчали, что честны и прилежны, то онъ сказалъ: «если они подлинно таковы, то по мнѣ вѣруютъ чему хотятъ, и когда уже нельзя ихъ обратить отъ суевѣрія разсудкомъ, то, конечно, не пособитъ ни огонь ни мечь; а мучениками за глупость быть—ни они той чести недостойны, ни государство пользы имѣть не будетъ». За то Петръ требовалъ, чтобы раскольники работали усиленно на желѣзныхъ заводахъ близъ Выговской пустыни, объявляя при этомъ, что «за то царское величество далъ имъ свободу жить въ той Выговской пустынѣ и по старопечатнымъ книгамъ службы свои къ Богу отправлять». Когда раскольники жаловались на нѣкоторыя притѣсненія, Меншиковъ въ 1711 году издалъ указъ, «чтобы никто общежителямъ Андрею Денисову съ товарищи и посланнымъ отъ нихъ обидъ и утѣсненія и въ вѣрѣ помѣшательства отнюдь не чинили подъ опасеніемъ жестокаго истязанія». Въ 1714 году, братъ Андрея Денисова, Семенъ, былъ схваченъ въ Новгородѣ духовною властью. Раскольники, поддерживаемые въ этомъ дѣлѣ начальникомъ олонецкихъ заводовъ, Геннинымъ, обратились къ Петру съ просьбою о помощи; Петръ велѣлъ привести къ себѣ Семена Денисова и, какъ сказано въ современномъ разсказѣ объ этихъ событіяхъ, «испытавъ изъ тиха на словахъ и поговоря мало, ни его отпустити, ни испытати жестоко не повелѣ, такожде митрополиту не повелѣ, оставилъ его тако». Семенъ Денисовъ просидѣлъ четыре года въ монастырѣ, наконецъ ему удалось уйти изъ Новгорода. Изъ переписки Геннина съ царемъ видно, что духовенство относилось къ раскольникамъ гораздо строже, чѣмъ царь. Когда былъ арестованъ раскольникъ Данила Викуличъ, Геннинъ опять заступился за раскольниковъ и царь велѣлъ выпустить Викулича. Основной взглядъ Петра на дѣло заключался въ проповѣдуемомъ имъ правилѣ: «Съ противниками церкви съ кротостью и разумомъ поступать по апостолу... и не такъ, какъ нынѣ, жестокими словами и отчужденіемъ» [1]).

[1]) Соловьевъ, XVI. 326.

Перенесеніе Петромъ I мощей св. Александра Невскаго въ Петербургъ, въ 1723 году.

Съ картины профессора Васнина, находящейся въ Исаакіевскомъ соборѣ. Гравюра Зубчанинова въ С.П.Б.

За то Петръ требовалъ отъ раскольниковъ двойной подати и этимъ перенесъ, такъ-сказать, вопросъ о расколѣ изъ области церкви на почву государственнаго хозяйства. Раскольники сдѣлались достойными вниманія съ точки зрѣнія финансовъ, бюджета.

Но въ то же время правительство не переставало дѣйствовать путемъ обученія, просвѣщенія, причемъ нѣкоторая строгость была соединена съ кротостью. Для этой цѣли Петръ желалъ воспользоваться игуменомъ Переяславскаго монастыря, Питиримомъ, бывшимъ прежде раскольникомъ и потому хорошо знавшимъ своихъ прежнихъ собратій, для обращенія раскольниковъ увѣщательными средствами.

Въ 1722 году, вышелъ синодскій указъ, или «Пастырское увѣщаніе къ обращенію раскольниковъ въ нѣдра православной церкви». Въ заключеніе этого указа Синодъ объявлялъ: «да всякъ, кто-бъ ни былъ, ежели въ книгахъ покажется кому нѣкоторое сомнительство, приходилъ бы съ объявленіемъ онаго сомнительства въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ, безо всякаго подозрѣнія и опасенія, и таковому въ ономъ Синодѣ то сомнительство изъяснено будетъ отъ Святаго Писанія и оный сомнитель по тому разсужденію сомнительства своего удовольствуется рѣшеніемъ». Въ другомъ указѣ Синодъ увѣрялъ, что не намѣренъ никакимъ образомъ раскольниковъ «удерживать и озлоблять», а только «съ усердіемъ требуетъ свободнаго съ ними о противности разглагольствія», прося расколоучителей «показаться нескрытно, безо всякой боязни, и въ разглагольствіи наблюдать надлежащую токмо учтивость и не употреблять невѣжескихъ поступковъ», такъ что каждый «имѣлъ бы въ объясненію мнѣнія своего голосъ свободный». Прибавлено даже слѣдующее: «которые явятся къ обращенію къ святой церкви неприклонны, и останутся при прежнемъ своемъ мнѣніи, тѣмъ дана будетъ неудержанная свобода» и пр. Срокъ для такихъ объясненій или «разглагольствія» былъ опредѣленъ отъ 1-го марта 1722 до 1-го марта 1723 года. Кто не явится и станетъ продолжать распространять расколъ, будетъ строго наказанъ «безо всякой пощады и помилованія» [1]).

Едва ли много раскольниковъ откликнулось на приглашеніе Синода. По всей вѣроятности, раскольники опасались входить въ столь близкія отношенія къ власти, отважиться на «разглагольствіе», которое могло повести чрезвычайно далеко и вовлечь раскольниковъ въ бѣду.

[1]) П. С. З. 3891 и 3925.

Склонность правительства къ кроткимъ мѣрамъ не была, впрочемъ, общимъ правиломъ. До 1744 года и послѣ, много было принято мѣръ довольно строгихъ въ отношеніи къ раскольникамъ. Петръ отличался терпимостью только къ догматическимъ вопросамъ; но онъ хорошо зналъ, что раскольники были самыми отчаянными противниками преобразованій, самыми ревностными распространителями ученія о новыхъ временахъ, какъ временахъ антихриста, зналъ, что эти люди толпами бѣгаютъ и кроются въ лѣсахъ и пустыняхъ, лишая государство рабочихъ силъ, отбывая отъ службы. Свѣтская власть изъ за своихъ государственныхъ интересовъ не могла смотрѣть спокойно и равнодушно на раскольниковъ. Нужно было наблюдать за расколомъ, усиливать контроль относительно числа раскольниковъ, привлекать ихъ къ участію въ государственныхъ повинностяхъ. Въ 1716 году было объявлено Сенатомъ: «чтобъ всѣ люди у отцовъ своихъ духовныхъ исповѣдывались повсягодно». На тѣхъ, кто не исполнялъ этого требованія, «класть штрафы противъ дохода съ него втрое, а потомъ имъ ту исповѣдь исполнить же». Переписать всѣхъ раскольниковъ [1]) было дѣло чрезвычайно трудное. Раскольники считали, не безъ основанія, опаснымъ дѣломъ объявить себя раскольниками; это значило отдаться въ руки правительству, которое, если и не будетъ преслѣдовать, то будетъ наблюдать, причемъ нельзя будетъ тайкомъ распространять свое ученіе: новоприбылые будутъ явны. Раскольники стали подкупать священниковъ, которые должны были показать, кто у нихъ въ приходахъ исповѣдуется и кто нѣтъ. Тутъ начались доносы на укрывающихся раскольниковъ и на неисполняющихъ свой долгъ священниковъ. Питиримъ писалъ Петру о десяткахъ тысячъ раскольниковъ, которые «государственному благополучію не радуются, но паче несчастію радуются, и всегда стремятся возвысить свой злой рогъ къ обладанію на церковь и на гражданство». Требуя весьма строгихъ мѣръ, Питиримъ доносилъ, что «попы едва не всѣ укрыли раскольщиковъ, то писали исповѣдующимся, то никакъ не писали», такъ что не уплачиваются штрафы отъ неисповѣдующихся, ни двойной окладъ отъ раскольниковъ [2]).

Въ 1721 году, 17 мая, Синодъ приказалъ отбирать «у кого явились харатейныя и старопечатныя книги»; далѣе были приняты разныя мѣры для поимки лжеучителей; въ 1722 году возобновляется указъ о присылкѣ вѣдомостей о небывшихъ на испо-

---

[1]) П. С. З. 2991 и 2996.
[2]) Соловьевъ, XVI, 329.

вѣди и о раскольникахъ; о нѣкоторой строгости свидѣтельствуютъ разныя предписанія, какъ, напр., объ отдачѣ конфискованнаго у раскольниковъ имѣнія въ Синодъ, о православномъ крещеніи дѣтей записныхъ раскольниковъ, о запрещеніи браковъ «обоихъ расколъ держащихъ лицъ», объ отправленіи тайныхъ раскольниковъ на каторгу, о запрещеніи писать иконы «по раскольническому мудрованію» и пр. [1]).

Число наказанныхъ раскольниковъ было весьма значительно, какъ видно изъ указа, даннаго Петромъ Сенату 15 октября 1722 года. Въ немъ сказано между прочимъ: «раскольщиковъ отнюдь въ Сибирь посылать не велите, ибо тамъ и безъ нихъ раскольщиковъ много; а велите ихъ посылать въ Рогервикъ, гдѣ дѣлаютъ новый гавань [2])». Въ январѣ 1723 года, Синодъ издалъ указъ о крѣпкомъ содержаніи посылаемыхъ въ монастыри раскольническихъ монаховъ и монахинь. Незадолго до кончины Петра, еще были приняты нѣкоторыя мѣры, стѣснявшія права и свободу раскольниковъ; въ разныхъ мѣстахъ поставлены были заставы для поимки бѣглыхъ раскольниковъ и пр. [3]).

Мы видѣли выше, что уже въ девяностыхъ годахъ XVII вѣка ходилъ слухъ о нѣкоторой склонности Петра къ католицизму. Мы знаемъ, однако, что этотъ слухъ былъ лишенъ основанія. Царь соблюдалъ нѣкоторый нейтралитетъ между исповѣданіями. Изъ лицъ, его окружавшихъ, Гордонъ былъ католикомъ, Лефортъ—кальвинистомъ, Перри—приверженцемъ англиканской церкви и пр., зато въ Россіи строжайше было запрещено дѣйствовать въ пользу распространенія какого-либо исповѣданія [4]).

Дипломатическія отношенія между Россіею и папою при Петрѣ бывали рѣдкимъ исключеніемъ. Въ 1707 году, Куракинъ находился въ Римѣ, имѣя порученіе требовать, чтобы папа не признавалъ на польскомъ престолѣ корля Станислава Лещинскаго. Когда папа при этомъ случаѣ требовалъ, чтобы царь далъ грамату о свободномъ отправленіи римскаго богослуженія и построеніи римскихъ церквей въ Россіи, Куракинъ уклонился отъ рѣшительнаго отвѣта [5]).

Нѣсколько разъ былъ поднятъ иностранцами-католиками вопросъ о соединеніи церквей. По случаю отправленія Куракина въ Римъ, въ Вѣнѣ считали вѣроятнымъ, что ему было поручено дѣйствовать

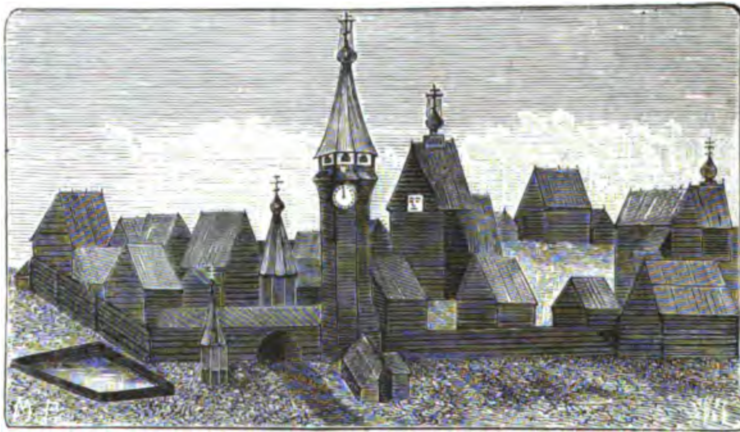
---

[1]) П. С. З. 3183, 3232, 3784, 3854 пунктъ 13, 3870, 4009, 4113, 4519.
[2]) Тамъ-же, 4109.
[3]) Тамъ-же, 4153, 4467, 4596.
[4]) Соловьевъ, XIV, 321.
[5]) Тамъ-же, XV, 228.

именно въ пользу соединенія церквей [1]). Однако такіе слухи были лишены основанія. Подобное же предложеніе, сдѣланное парижскою Сорбонною въ 1717 году, не имѣло никакого успѣха [2]).

Въ этомъ же духѣ со стороны англиканской церкви была сдѣлана попытка сближенія съ православною церковью. Двое епископовъ обратились къ Петру съ письмомъ; старались подѣйствовать и на Головкина; но все это осталось безъ послѣдствій [3]).

Мы помнимъ, что Василій Васильевичъ Голицынъ былъ покровителемъ іезуитовъ. Петръ, напротивъ, неразъ выражался довольно рѣзко о іезуитскомъ орденѣ. Въ 1719 году, 18-го апрѣля, маіоръ



Старообрядческая Выгорѣцкая пустынь въ XVIII столѣтіи.
С̀ъ весьма рѣдкаго современнаго иконописнаго рисунка, находящагося въ собраніи П. Я. Дашкова.

Румянцовъ получилъ собственноручный царскій указъ: «ѣхать въ езувитскій монастырь, въ полночь, осмотрѣть тамъ и взять всѣ ихъ письма, а какъ разсвѣнетъ, объявить имъ указъ, и потомъ, давъ имъ убраться, послать съ Москвы за рубежъ съ добрымъ провожатымъ; однако велѣть ихъ задержать въ Можайскѣ, а тѣмъ временемъ письма ихъ чрезъ учителей нашихъ школъ пересмотрѣть и буде какія письма явятся подозрительныя, то оныя перевесть и привезти съ собою, а ихъ не отпускать. Понеже слышимъ, что оные учениковъ многихъ въ свой законъ привели, а наипаче изъ

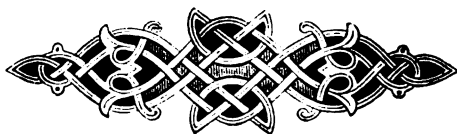
[1]) Guerrier, Leibniz, 99 — 104.

[2]) Толстой, «Catholicisme romain en Russie» I. 159. Соч. Пирлинга «La Sorbonne et la Russie». Paris 1882.

[3]) Соловьевъ, Приложенія къ XVII тому.

мѣщанскаго, того такожь освидѣтельствовать, а кои приличатся въ семъ или иномъ, арестовать[1])». Въ концѣ 1723 года, изданъ былъ любопытный указъ, чтобъ католики, живущіе въ Петербургѣ, требовали пасторовъ только изъ французовъ: предпочтеніе, оказанное галликанской церкви, какъ болѣе свободно относящейся къ папѣ, понятно; кромѣ того побужденіемъ могли служить и дружественныя отношенія къ Франціи[2]).

Исторія иностранцевъ въ Россіи въ эпоху Петра свидѣтельствуетъ о мѣрѣ терпимости его въ отношеніи къ разнымъ исповѣданіямъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ раздѣлялъ воззрѣнія государя. Иностранцы, какъ, напр., Плейеръ и Гваріентъ, замѣчали, что Петръ обращалъ гораздо меньше вниманіе на внѣшніе обряды, на религіозныя церемоніи, чѣмъ прежніе государи[3]). Однако, было бы несправедливо обвинять Петра въ религіозномъ индифферентизмѣ. Многіе случаи свидѣтельствуютъ объ истинномъ благочестіи царя. Его попытки преобразованій въ области церкви въ духѣ прогресса не имѣли успѣха. Достойно вниманія, что Фокеродтъ, вполнѣ одобрявшій дѣятельность Петра въ этомъ направленіи, выражаетъ сомнѣніе, можно ли считать особенно «политичнымъ[4])» стремленіе царя распространить просвѣщеніе въ духовномъ сословіи. «Разумные люди», замѣчаетъ Фокеродтъ, «полагаютъ, что Петръ не успѣлъ бы провести свои реформы, еслибы имѣлъ дѣло съ болѣе опытнымъ духовенствомъ[5]), которое пользовалось бы въ народѣ бо̀льшимъ уваженіемъ и умѣло бы располагать общимъ мнѣніемъ въ свою пользу[6])».



[1]) Соловьевъ, XVI, 346. П. С. З. 3356.

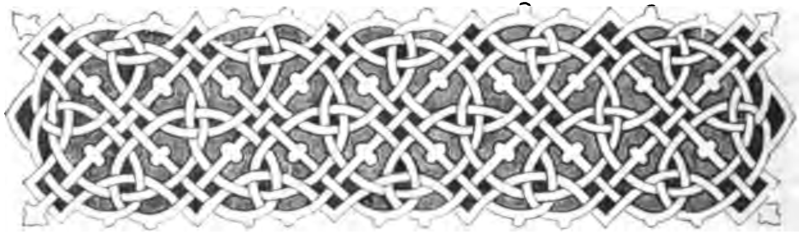
[2]) Тамъ-же, XVIII, 217.

[3]) Устряловъ, III, 622 и 657.

[4]) «Ob. Petrus en bon politique gehandelt pape».

[5]) «Mit einer habilerent Clescée».

[6]) Zeitgenöss, Besichte, 17.



ГЛАВА IV.

Просвѣщеніе.

ЕЙБНИЦЪ, слѣдя съ большимъ вниманіемъ за мѣрами Петра для распространенія просвѣщенія, считалъ его благодѣтелемъ человѣчества. Царь, по его мнѣнію, былъ избраннымъ орудіемъ Провидѣнія для насажденія цивилизаціи среди «скиѳовъ»; онъ считалъ Петра чрезвычайно способнымъ извлечь наибольшую пользу изъ примѣра культуры Китая, съ одной стороны, и изъ образцовъ умственнаго и нравственнаго развитія въ Западной Европѣ—съ другой. Для Россіи Лейбницъ считалъ громадною выгодою то обстоятельство, что въ ней, пользуясь примѣрами исторіи развитія другихъ странъ и народовъ, можно избѣжать многихъ ошибокъ, сдѣланныхъ въ разныхъ случаяхъ. «Дворецъ, построенный совершенно съизнова, замѣчаетъ Лейбницъ, во всякомъ случаѣ можетъ быть устроенъ удобнѣе, чѣмъ зданіе, надъ которымъ трудились впродолженіе нѣсколькихъ столѣтій, постоянно дѣлая перестройки, починки, поправки» [1]). Такъ писалъ Лейбницъ въ 1712 году. Два года позже, Петръ, по случаю спуска корабля «Илья Пророкъ», произнесъ рѣчь, въ которой выразился о мѣстѣ, занимаемомъ Россіею въ исторіи просвѣщенія, слѣдующимъ образомъ: «кому изъ васъ,

[1]) Guerrier, прилож. 207.

Петербургъ при Петрѣ Великомъ.
Набережная. Съ современной гравюры Зубова.

Петербургъ при Петрѣ Великомъ.
Набережная. Съ современной гравюры Зубова.

Заглавный листъ изданія географіи Петровскаго времени.

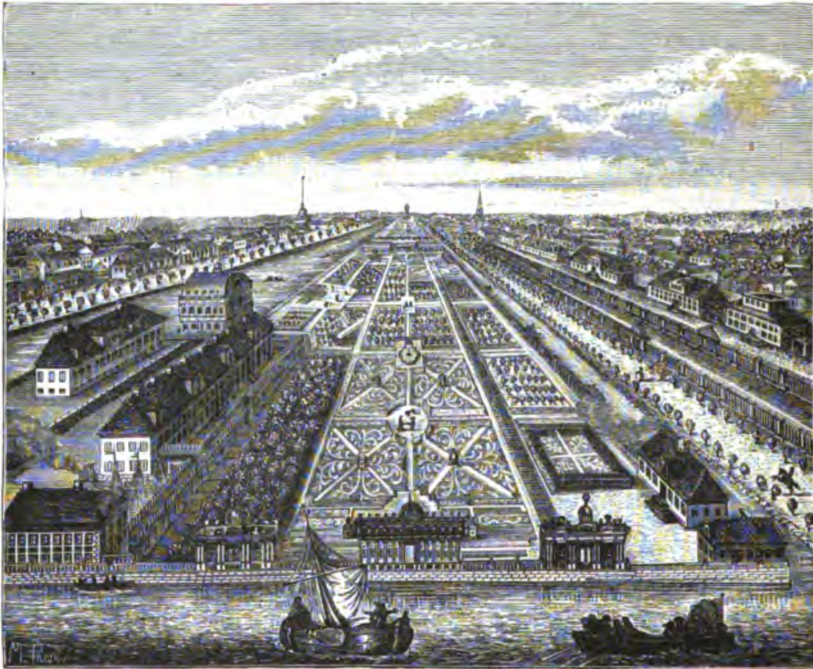
Съ подлиннаго заглавнаго листа.

братцы мои, хоть-бы во снѣ снилось, лѣтъ 30 тому назадъ, что мы съ вами здѣсь, у Балтійскаго моря, будемъ плотничать, и въ одеждахъ нѣмцевъ, въ завоеванной у нихъ же нашими трудами и мужествомъ странѣ, воздвигнемъ городъ, въ которомъ вы живете; что мы доживемъ до того, что увидимъ такихъ храбрыхъ и побѣдоносныхъ солдатъ и матросовъ русской крови, такихъ сыновъ, побывавшихъ въ чужихъ странахъ и возвратившихся домой столь смышлеными; что увидимъ у насъ также множество иноземныхъ художниковъ и ремесленниковъ, доживемъ до того, что меня и васъ станутъ такъ уважать чужестранные государи? Историки полагаютъ колыбель всѣхъ знаній въ Греціи, откуда (по превратности временъ) они были изгнаны, перешли въ Италію, а потомъ распространились и по всѣмъ европейскимъ землямъ, но невѣжествомъ нашихъ предковъ были пріостановлены и не проникли далѣе Польши; а поляки, равно какъ и нѣмцы, пребывали въ такомъ-же непроходимомъ мракѣ невѣжества, въ какомъ мы пребываемъ доселѣ, и только непомѣрными трудами правителей своихъ открыли глаза и усвоили себѣ прежнія греческія искусства, науки и образъ жизни. Теперь очередь приходитъ до насъ, если только вы поддержите меня въ моихъ важныхъ предпріятіяхъ, будете слушаться безъ всякихъ отговорокъ и привыкнете свободно распознавать и изучать добро и зло. Указанное выше передвиженіе наукъ я приравниваю къ обращенію крови въ человѣческомъ тѣлѣ, и сдается мнѣ, что со временемъ онѣ оставятъ теперешнее свое мѣстопребываніе въ Англіи, Франціи и Германіи, продержатся нѣсколько вѣковъ у насъ и затѣмъ снова возвратятся въ истинное отечество свое—въ Грецію. Покамѣсть совѣтую вамъ помнить латинскую поговорку: ora et labora (молись и трудись) и твердо надѣяться, что, можетъ быть, еще на нашемъ вѣку вы пристыдите другія образованныя страны и вознесете на высшую степень славу русскаго имени» [1]).

Петръ самъ учился многому и до гроба не переставалъ учиться. Онъ былъ неумолимо строгимъ наставникомъ своего народа. На войны онъ смотрѣлъ, какъ на полезную для себя и для народа школу. Но среди войнъ онъ не переставалъ заботиться о заведеніи училищъ, бороться съ невѣжествомъ въ русскомъ обществѣ. Тотчасъ-же послѣ возвращенія изъ-за границы въ Россію въ 1698 году, онъ сталъ думать объ учрежденіи школъ и переписывался объ этомъ предметѣ съ Виніусомъ, Курбатовымъ и пр. Съ радо-

[1]) Weber, Verändertes Russland, I, стр. 11.

стью Виніусъ, уже въ 1701 году, писалъ царю, что «собрано въ школы 250 ребятъ, изъ которыхъ выйдутъ хорошіе инженеры, артиллеристы и мастера» [1]). Въ 1703 году Курбатовъ писалъ Головину, что «прибрано и учатся 200 человѣкъ», что наставники—англичане и что къ нимъ приставленъ помощникомъ Леонтій Магницкій. Потомъ Курбатовъ писалъ: «прибрано учениковъ со 180 человѣкъ охотниковъ всякихъ чиновъ людей и учатся всѣ ариѳ-



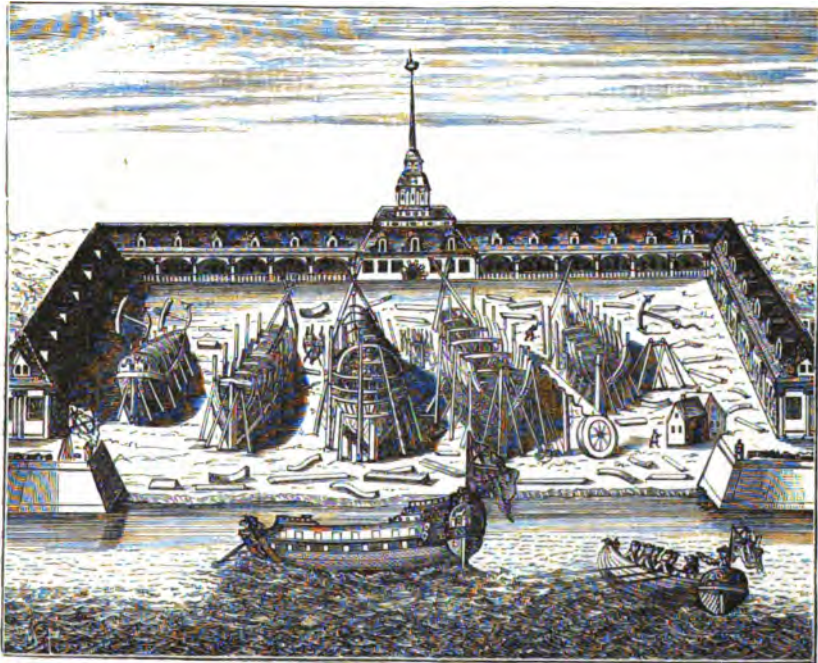
Петербургъ при Петрѣ Великомъ.
Лѣтній садъ и дворецъ. Съ гравюры 1716 года.

метикѣ, изъ которыхъ человѣкъ съ десять учатъ радиксы и готовы совершенно въ геометрію» и пр. [2]). Достойно вниманія въ письмѣ Курбатова слѣдующее замѣчаніе: «а нынѣ многіе изъ всякихъ чиновъ и прижиточные люди припознали тоя науки сладость, отдаютъ въ тѣ школы дѣтей своихъ, а иные и сами недоросли и рейторскія дѣти и молодые изъ приказовъ подьячіе приходятъ съ

[1]) Соловьевъ, XIV, 357.
[2]) Тамъ-же, XV, 99—100.

охотою немалою» и т. д. Особенно Курбатовъ хвалилъ учебникъ ариѳметики, составленный Магницкимъ [1]).

Послѣ занятія Маріенбурга, причемъ былъ взятъ въ плѣнъ тамошній пробстъ Эрнстъ Глюкъ, царь опредѣлилъ ему ежегодное жалованье въ 3000 руб. съ тѣмъ, чтобы Глюкъ открылъ въ Москвѣ первоначальную гимназію для разночинцевъ. Въ весьма широкой учебной программѣ гимназіи Глюка, мы встрѣчаемъ, между



Петербургъ при Петрѣ Великомъ.
Адмиралтейство. Съ гравюры 1716 года.

прочимъ, философію картезіанскую, новые языки, катехизисъ Лютера, стилистику, астрономію, исторію, грамматику, реторику, фехтованіе, танцованіе и пр. Школа эта, впрочемъ, существовала не долго; тутъ, однако, учились нѣкоторые извѣстные люди, напр., изъ иностранцевъ Блюментростъ, изъ русскихъ братья Веселовскіе и пр. [2]).

Устроенный въ 1706 году въ Москвѣ за Яузою гошпиталь, которымъ завѣдовалъ докторъ Бидлоо съ двумя помощниками-рус-

---

[1]) Соловьевъ, XV, 397.

[2]) Пекарскій, «Ист. Ак. Наукъ» Спб. 1870 I, стр. XVIII и слѣд.

скими, долженъ былъ сдѣлаться въ то же время медицинскою школою. Въ 1712 году, Бидлоо доносилъ царю, что было у него всего 50 учениковъ и что многіе изъ нихъ пріобрѣли основательныя познанія въ хирургіи [1]).

Въ 1714 году, явился указъ: «послать во всѣ губерніи по нѣскольку человѣкъ изъ школъ математическихъ, чтобъ учить дворянскихъ дѣтей цифири и геометріи, и положить штрафъ такой, чтобъ невольно будетъ жениться, пока сему не выучится». Въ Петербургѣ были учреждены разныя частныя школы, инженерное училище, морская академія. Разные иностранцы, напр., нѣмецъ Вурисъ, французъ Сентъ-Илеръ (St.-Hilaire), шведъ Вреехъ, итальянецъ Гаджини,—основали разныя училища. Въ Петербургѣ при оружейной канцеляріи, «ради общенародной во всякихъ художествахъ пользы, противъ обычаевъ государствъ европейскихъ, зачата была небольшая академія, ради правильнаго обученія рисованія иконнаго и живописнаго и прочихъ художествъ» [2]). Шведскіе военноплѣнные даже въ Тобольскѣ устроили учебное заведеніе по образцамъ западно-европейской педагогики [3]).

Книгопечатаніе при Петрѣ приняло довольно значительные размѣры. Учрежденная по предложенію царя въ Амстердамѣ типографія Тессинга и Копьевскаго издала множество русскихъ книгъ, большею частью переводовъ иностранныхъ сочиненій, напр., басни Эзопа, сочиненіе Квинта Курція объ Александрѣ Македонскомъ, календари, учебники морскихъ и военныхъ наукъ. Затѣмъ и въ Россіи росло число типографій. Послѣ Полтавской битвы, Петръ далъ приказаніе собирать разные матеріалы для русской исторіи; также имъ было выражено желаніе, чтобы былъ напечатанъ переводъ исторіи Троянской войны. Явились переводы сочиненій Вобана, Пуфендорфа, разныя книги о механикѣ, архитектурѣ, воспитаніи дѣтей и пр. Полезными сотрудниками Петра въ типографскомъ дѣлѣ были, между прочимъ, Поликарповъ и Аврамовъ.

Петръ заботился также о покупкѣ коллекцій книгъ, выписывалъ ихъ изъ-за границы, велѣлъ перевезти довольно богатое собраніе разныхъ сочиненій изъ Курляндіи въ Петербургъ и пр. [4]). Въ 1721 году, онъ отправилъ секретаря медицинской канцеляріи по иностранной перепискѣ, Шумахера, за границу съ разными порученіями, касавшимися болѣе ученыхъ и наукъ. Между прочимъ,

[1]) Соловьевъ, XVI, 15—16.
[2]) Тамъ-же, XVI, 201, 307 и слѣд., 321.
[3]) Пекарскій, «Наука и лит.» I, 133 и слѣд.
[4]) Тамъ-же, «Наука и лит.» 46 и слѣд.

Шумахеръ долженъ былъ купить нѣкоторыя ученыя коллекціи. Такимъ образомъ и благодаря покупкамъ, сдѣланнымъ царемъ во время его путешествій, устроилась «кунсткамера». Сохранились письма царя къ разнымъ лицамъ, доставлявшимъ ему предметы для кунсткамеры, а также анекдоты о стараніи Петра привлечь публику къ посѣщенію этой коллекціи [1]).

Многіе указы свидѣтельствуютъ о любознательности царя и его стараніи содѣйствовать развитію просвѣщенія. Въ 1720 году, повелѣно: «во всѣхъ монастыряхъ, обрѣтающихся въ россійскомъ государствѣ, осмотрѣть и забрать древнія жалованныя грамоты и другія курьезныя письма оригинальныя, также книги историческія, рукописныя и печатныя, гдѣ какія потребныя къ извѣстію найдутся». Далѣе онъ распорядился, чтобы физическіе инструменты, картины, статуи, книги и пр. не были обложены никакою таможенною пошлиною [2]). По случаю посѣщенія Петромъ развалинъ древняго города Булгара на Волгѣ, по указу его, были списаны точныя копіи со всѣхъ надгробныхъ надписей и переведены на русскій языкъ; имъ-же были приняты мѣры для сохраненія въ цѣлости остатковъ развалинъ этихъ замѣчательныхъ памятниковъ [3]).

Уже во время перваго путешествія Петра за границу, зашла рѣчь объ учрежденіи въ Россіи Академіи Наукъ. Лейбницъ говорилъ еще въ 1697 году о пользѣ такого учрежденія; Ли, въ своемъ проектѣ реформъ, указалъ на англійскую «Royal Society», какъ на образецъ Академіи Наукъ. Въ 1706 году, былъ представленъ проектъ устройства цѣлой системы научныхъ и учебныхъ учрежденій, причемъ неизвѣстный авторъ—быть можетъ, это былъ вышеупомянутый грекъ Серафимъ—обращалъ особенное вниманіе на богословскія науки [4]). Иванъ Посошковъ предлагалъ устроить въ Москвѣ «великую академію, всѣхъ наукъ исполненную», причемъ даже совѣтовалъ приглашать учителей «хотя-бы изъ лютерской вѣры» [5]). Лейбницъ составилъ для царя нѣсколько записокъ, въ которыхъ указывалъ на способы осуществленія желанія Петра распространить въ Россіи просвѣщеніе. Послѣ Полтавской битвы, Лейбницъ изъявилъ готовность сдѣлаться руководителемъ акаде-

---

[1]) Пекарскій, «Наука и лит.» I, 48—54, Штелинъ, анекдоты, М. 1830. I, № 27.

[2]) «Осьмнадцатый вѣкъ», I, 505, IV, 265.

[3]) Древніе города и другіе булгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи, С. М. Шпилевскаго. Казань, 1878, стр. 239.

[4]) Пекарскій, «Ист. Акад. Наукъ», I, XXI.

[5]) Рукоп. въ библ. Акад. Наукъ.

міи наукъ и художествъ въ Россіи. Одновременно съ Лейбницомъ и Гейнрихъ Фикъ былъ занятъ составленіемъ записокъ объ учрежденіи академіи.

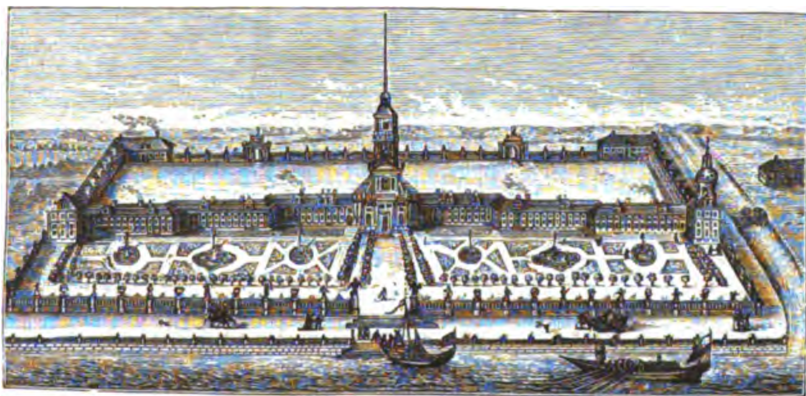
Осуществленіе любимаго плана Петра состоялось лишь послѣ его кончины. Но уже въ началѣ 1724 года, Петръ утвердилъ проектъ учрежденія академіи, составленный Блюментростомъ и Шумахеромъ, а затѣмъ началась переписка съ разными заграничными учеными, которые изъявляли готовность переселиться въ Петербургъ для занятія мѣстъ въ академіи, открытіе которой воспослѣдовало лишь при Екатеринѣ I [1]).

Петербургъ при Петрѣ Великомъ.
Гостиный дворъ. Съ гравюры 1716 года.

Средоточіемъ и выраженіемъ главныхъ началъ, которыми, при своей дѣятельности, руководствовался царь-преобразователь, сдѣлалась новая столица. Здѣсь, благодаря мѣрамъ, принятымъ Петромъ,

[1]) См. отзывъ Фокеродта объ Академіи Наукъ въ моей статьѣ о запискѣ Фокеродта въ «Журналѣ Министерства Нар. Просв.» CLXXI, отд. 2, стр. 208 и слѣд.

развились оживленныя торговыя сношенія съ Западною Европою; сюда пріѣзжало множество иностранцевъ, съ которыми Петръ любилъ бесѣдовать непринужденно о всевозможныхъ предметахъ, сидя за стаканомъ вина въ устроенной по приказанію царя «австеріи». Здѣсь, въ 1711 году, была устроена первая типографія, а въ слѣдующихъ годахъ послѣдовало открытіе еще другихъ типографій. Здѣсь было построено еще при Петрѣ нѣсколько дворцовъ, напр., великолѣпный домъ Меншикова, въ которомъ было отпраздновано бракосочетаніе племянницы Петра съ герцогомъ Курляндскимъ, причемъ, въ числѣ увеселеній, была устроена курьезная свадьба карлика Волкова, на которую собрано со всей Россіи до 70 карликовъ и карлицъ. При заложеніи Васильевской части города об-

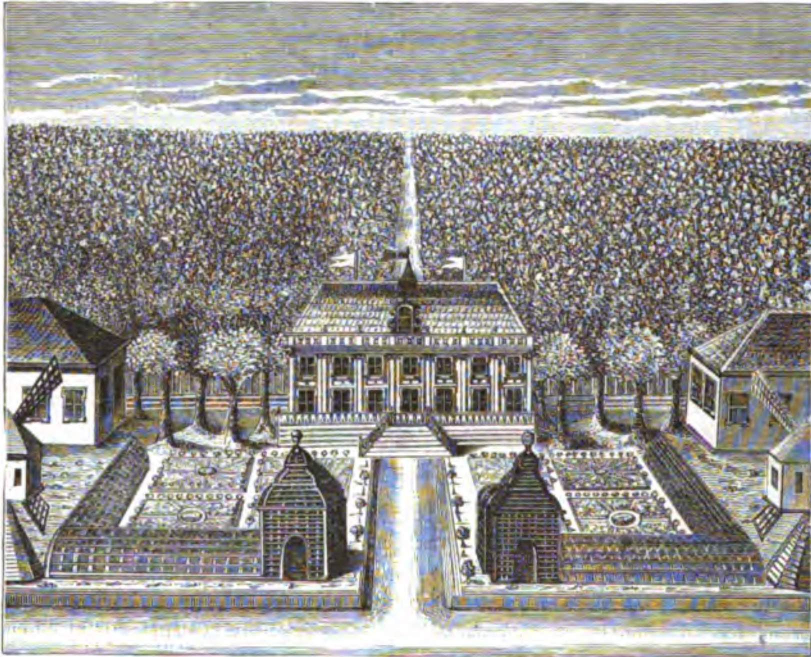


Петербургъ при Петрѣ Великомъ.

Александро-Невская лавра. Съ гравюры 1716 года.

разцомъ долженъ былъ служить Амстердамъ, однако, прорытіе предполагаемыхъ каналовъ на Васильевскомъ островѣ не состоялось. Въ новой столицѣ были помѣщены: библіотека, кунсткамера, зданіе коллегій; началась постройка биржи, галерной гавани, адмиралтейства, Исаакіевскаго собора, въ Лѣтнемъ саду былъ построенъ небольшой дворецъ, передъ окнами котораго Петръ посадилъ собственноручно нѣсколько дубовыхъ деревъ. Въ 1711 году, былъ заложенъ Зимній дворецъ, отсроенный впослѣдствіи для дочери Петра, Елизаветы, знаменитымъ архитекторомъ Растрелли. Ко времени Петра относится еще постройка въ Петербургѣ нѣкоторыхъ протестантскихъ церквей, заложеніе литейнаго завода, Невскаго проспекта, многихъ фабрикъ и мануфактуръ; въ окрестностяхъ Петербурга возникли дворцы: Екатерингофскій, Петергофскій и Ораніен-

баумскій и др. [1]). Въ Петербургѣ была учреждена Академія; сюда долженъ былъ переселиться изъ Москвы Сенатъ; тутъ, въ своемъ «парадизѣ», любилъ пребывать и самъ Петръ. Возвращеніе двора въ Москву при Петрѣ II оказалось возможнымъ лишь на короткое время. Предсказаніе Алексѣя и его приверженцевъ, что новая столица останется «въ пустѣ», не сбылось. Петербургъ оставался столицею и въ позднѣйшее время; мало того: новый городъ дол-

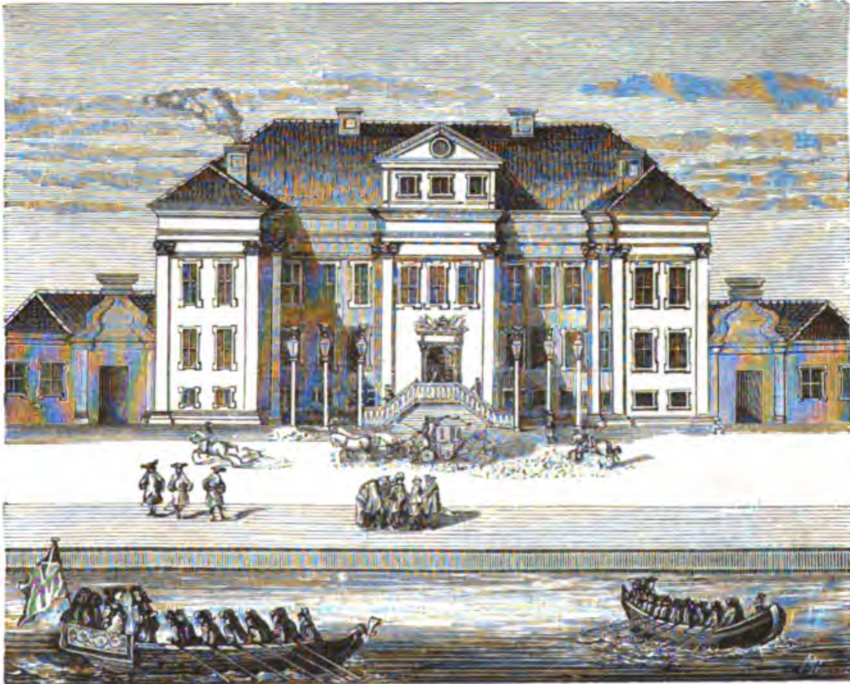


Петербургъ при Петрѣ Великомъ.
Екатерингофъ. Съ гравюры 1716 года.

женъ былъ сдѣлаться какъ-бы мѣстомъ воспитанія русской публики, знакомившейся ближе и ближе съ западно-европейскими пріемами общежитія. И такому воспитанію русскаго общества Петръ посвятилъ себя въ послѣдніе годы своей жизни съ обычною ему энергіею и съ свойственною ему строгостью. Наравнѣ съ сочиненіями о военномъ искусствѣ, съ учебниками по ариѳметикѣ, географіи, исторіи, переводились на русскій языкъ и чисто дидактиче-

[1]) Reimers, St.-Petersburg am Ende seines ersten Jahrhunderts. St.-Petersburg, 1805, два тома.

ческія и педагогическія сочиненія. Къ такимъ переводамъ относится «Юности честное зерцало, или показаніе къ житейскому обхожденію», собранное изъ разныхъ авторовъ. На заглавномъ листѣ этой книги, изданной въ 1717 году, сказано, что она «напечатается повелѣніемъ царскаго величества». Она издавалась нѣсколько разъ и была, какъ кажется, сильно распространена въ русской публикѣ. Главное содержаніе ея заключается въ прави-



Петербургъ при Петрѣ Великомъ.
Зимній дворецъ. Съ гравюры 1716 года.

лахъ, какъ вести себя въ обществѣ. Она касается лишь внѣшней стороны человѣка. На первомъ планѣ находятся наставленія о сохраненіи въ чистотѣ ногтей, рта, запрещеніе громко чихать, сморкаться и плевать и т. п. Все это могло быть не безполезно. Русскіе, удивлявшіе до того времени иностранцевъ грубостью нравовъ, неряшливостью, неопрятностью, должны были научиться прилично стоять, сидѣть, ходить, ѣсть и пить, кланяться и пр. «Юности честное зерцало» было привознымъ продуктомъ наравнѣ съ фран-

цузскимъ виномъ и брюссельскими кружевами, въ которыхъ нуждались высшіе классы русскаго общества [1]).

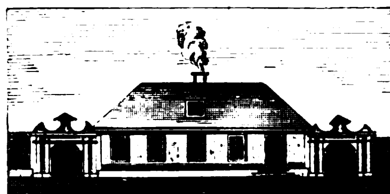
Совершенно измѣнилось въ эпоху Петра положеніе женщины въ обществѣ. Вскорѣ послѣ возвращенія изъ-за границы, въ 1698 году, царь приказалъ, чтобы женщины участвовали въ разныхъ увеселеніяхъ. Затѣмъ, послѣ путешествія 1717 года, появился указъ «объ ассамблеяхъ», общественныхъ собраніямъ, зимнихъ увеселеніяхъ. Онѣ были учреждены на первый разъ въ Петербургѣ и о

Петербургъ при Петрѣ Великомъ.
Домъ князя Меншикова на Васильевскомъ островѣ. Съ гравюры 1716 года.

времени ихъ открытія объявлялось съ барабаннымъ боемъ на площадяхъ и перекресткахъ. Ассамблеи распредѣлялись между чиновными лицами, жившими въ Петербургѣ, безъ соблюденія, впрочемъ, какой-либо очереди. Самъ государь назначалъ, въ чьемъ домѣ должно было быть ассамблеѣ. Несмотря на то, у кого бы ни происходила ассамблея, — хотя бы у самого царя, — входъ на нее былъ доступенъ каждому прилично одѣтому человѣку, за исключеніемъ слугъ и крестьянъ. Вслѣдствіе этого, на ассамблеи собира-

[1]) См. мою статью «Zur geschichte der didaktischen Literatur in Russland im 18 Jahrhundert», въ журналѣ «Russ. Revue» VIII, 272 и слѣд.

лись: чиновныя особы всѣхъ ранговъ, приказные, корабельные мастеры и иностранные матросы. Каждый могъ являться съ женою и домочадцами. Петръ приглашалъ на ассамблеи и духовныхъ лицъ.



Петербургъ при Петрѣ Великомъ.
Типы домовъ въ Петербургѣ. Съ современныхъ гравюръ.

Первымъ условіемъ ассамблеи государь постановилъ отсутствіе всякаго стѣсненія и принужденности. Такъ, ни хозяинъ, ни хозяйка, не должны были встрѣчать никого изъ гостей, даже самого го-

сударя или государыню и членовъ ихъ семейства. Въ комнатѣ, назначенной для танцевъ, или въ сосѣдней съ нею, должны были быть приготовлены: табакъ, трубки и лучины для ихъ закуриванія. Здѣсь-же стояли столы для игры въ шахматы и въ шашки, но карточная игра на ассамблеяхъ не допускалась. Главнымъ увеселеніемъ на ассамблеяхъ полагались танцы; посредствомъ ихъ должны были сближаться молодые люди и дѣвицы, знакомиться дамы съ мужчинами, а потому въ глазахъ русскихъ стараго покроя танцы казались сперва увеселеніемъ крайне безнравственнымъ.

Все это прививалось нѣсколько туго къ русскому обществу. Дамы и кавалеры на ассамблеяхъ дичились другъ друга, не завязывали между собою разговоровъ, и послѣ каждаго танца, тотчасъ-же расходились въ разныя стороны. По словамъ одного изъ современниковъ, на ассамблеяхъ «всѣ сидѣли, какъ нѣмые, и только смотрѣли другъ на друга». Вообще, еслибы на первыхъ порахъ самъ Петръ не присматривалъ за ассамблеями и не распоряжался бы на нихъ своею государскою властью, то онѣ, по всей вѣроятности, не вошли бы въ обычай. Петръ иногда самъ управлялъ танцами, становясь въ первой парѣ. По свидѣтельству одного современника-иностранца, Петръ и Екатерина танцовали очень ловко и проворно, какъ самые молодые люди; также и дочери Петра танцовали очень охотно. Спустя три года по введеніи ассамблей въ Петербургѣ, онѣ были заведены и въ Москвѣ; кромѣ того были устраиваемы по желанію царя маскерады, концерты и пр. Понятно, что, съ учрежденія ассамблей, женщина стала являться въ положеніи, отличномъ отъ прежняго. Теперь она, вмѣсто смиренной и молчаливой хозяйки дома, подносившей гостю съ глубокими поклонами чарку водку, являлась царицею празднества. При Петрѣ было введено, чтобы хозяинъ, во время бала, подносилъ букетъ цвѣтовъ, живыхъ или искуственныхъ, той дамѣ, которую онъ хотѣлъ отличить. Дама эта распоряжалась танцами и въ концѣ бала торжественно отдавала букетъ тому изъ кавалеровъ, въ домѣ котораго она хотѣла танцовать слѣдующій разъ, и т. п. Одною изъ главныхъ цѣлей Петра при учрежденіи ассамблей была — соединить все русское

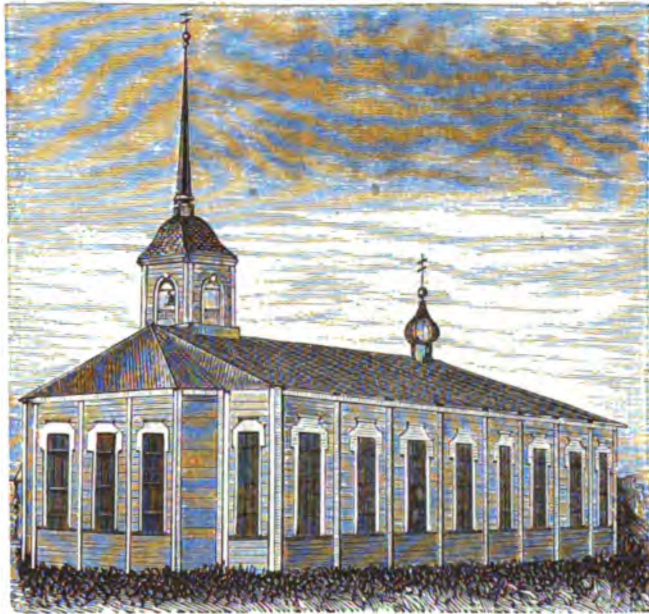
Ива въ Александровскомъ паркѣ, сохранившаяся отъ временъ Петра Великаго.

Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры А. П. Норовлевымъ.

Ассамблея при Петрѣ Великомъ.

Картина профессора Хлѣбовскаго. Гравюра Хельма въ Штутгартѣ.

общество въ одинъ кружокъ и сблизить русскихъ съ иностранцами. Отчужденность русскихъ отъ иностранцевъ выражалась между прочимъ тѣмъ, что русскія дамы обыкновенно выбирали себѣ кавалеровъ только изъ русскихъ, обходя иностранцевъ, чѣмъ эти послѣдніе очень обижались. Нѣкоторыя, однако, изъ русскихъ дамъ чрезвычайно были любезны и съ иностранцами, мало чѣмъ уступали француженкамъ и нѣмкамъ въ обращеніи и



Петербургъ при Петрѣ Великомъ.

Первоначальный видъ Исаакіевскаго собора. Съ современной гравюры.

свѣтскости, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имѣли даже надъ ними и преимущество.

Понятно, что ассамблеи временъ Петра не отличались тою утонченностью обстановки, которою, вскорѣ послѣ него, напр., уже при Аннѣ Іоанновнѣ, отличались собранія высшаго круга. На Петровскихъ ассамблеяхъ пили лихо. Грубость нравовъ, однако, исчезала мало-по-малу, чему въ особенности способствовало присутствіе дамъ въ мужскомъ обществѣ, и въ царствованіе императрицы Елизаветы

ассамблеи переродились въ такіе балы, которые мало чѣмъ уступали изящнымъ Версальскимъ собраніямъ [1]).

Такого рода явленія становились въ разрѣзъ съ прежними нравами и обычаями русскихъ людей. Національному началу, до того времени господствовавшему въ русскомъ обществѣ, былъ противопоставленъ принципъ космополитизма. Коренное измѣненіе положенія женщины должно было оказать сильное вліяніе на нравы и обычаи общества и даже на государственный строй. Въ послѣднемъ отношеніи довольно значительная доля успѣха дѣятельности Петра, какъ наставника русскихъ въ пріемахъ общежитія, принадлежала Екатеринѣ, которая оказалась необычайно способною поддерживать приличіе, роскошь и пышность двора, придавать придворнымъ празд-

Колымага Петровскаго времени.

Съ современной гравюры.

нествамъ нѣкоторую прелесть и участвовать съ достоинствомъ при разныхъ увеселеніяхъ Петра. Въ послѣднее время этого царствованія при дворѣ происходили театральныя представленія, въ которыхъ участвовали племянницы государя; Екатерина имѣла въ своемъ распоряженіи полный оркестръ. Иностранцы, какъ, напр., Бассевичъ, Берггольцъ, герцогъ Лирійскій, Веберъ и пр. находили, что нравы и обычаи русскаго двора не отличались отъ пріемовъ, господствовавшихъ на западѣ.

Для будущности Россіи было важно появленіе уже при Петрѣ значительнаго числа иностранныхъ воспитателей и воспитательницъ для дочерей и сыновей высшихъ классовъ русскаго общества. Петръ самъ старался дать своимъ дочерямъ тщательное образованіе. Въ домахъ нѣкоторыхъ знатныхъ фамилій, напр., Трубецкихъ, Черкас-

---

[1]) См. статью г. Карновича объ ассамблеяхъ въ «Др. и Н. Россіи» 1877. I. 77 — 84.

скихъ и пр., явились французскія гувернантки. Иностранцы хвалили русскихъ за тщательность, съ которою они заботились о дѣтскомъ воспитаніи. Новое поколѣніе выростало при совершенно иныхъ и довольно благопріятныхъ условіяхъ. Не во всѣхъ отношеніяхъ, пожалуй, такое подражаніе иноземнымъ обычаямъ было полезно и благотворно. Не безъ основанія, князь Щербатовъ въ своемъ сочиненіи «О поврежденіи нравовъ» приписываетъ Петру важную долю въ развитіи въ русскомъ обществѣ склонности къ чрезмѣрной роскоши, къ разврату и пр. Однако эти явленія не представляютъ собою доводовъ для отрицанія пользы преобразовательной дѣятель-

Дворецъ Петра Великаго на Петровскомъ островѣ въ Петербургѣ.

Съ современной гравюры.

ности Петра вообще. Всякаго рода эмансипація заключаетъ въ себѣ нѣкоторую опасность употребленія во зло новопріобрѣтенной свободы. Въ концѣ концовъ, несмотря на многія неудобства свѣтскихъ пріемовъ, господствовавшихъ въ образованномъ обществѣ западной Европы, салонная утонченность, служившая образцомъ для русскаго общества, была менѣе опасною, чѣмъ замкнутость византійско-средневѣковаго аскетизма, которая служила правиломъ до Петра. Сближеніе съ Западною Европою въ внѣшнихъ формахъ «людскости» способствовало заимствованію у запада лучшихъ идей прогресса, возникавшихъ въ Англіи, Франціи и Германіи. И здѣсь, особенно женщины, оказались способными учиться у запада; женщинамъ же было предоставлено играть весьма важную роль во

время десятилѣтій, слѣдовавшихъ за эпохою Петра. При императрицѣ Елизаветѣ употребленіе французскаго языка сдѣлалось правиломъ при дворѣ и въ высшихъ слояхъ русскаго общества; при Екатеринѣ II восторжествовали многія начала, проповѣдуемыя въ литературѣ просвѣщенія Англіи и Франціи; Александръ I воспитывался подъ надзоромъ своей бабки, называвшей себя «ученицею Вольтера» и давшей ему въ воспитатели швейцарца Лагарпа. Никто не станетъ отрицать, что исходною точкою всѣхъ этихъ явленій главнымъ образомъ служитъ дѣятельность Петра-Преобразователя [1]).

[1]) См. соч. Иконникова, «Русская женщина въ эпоху Петра Великаго», Кіевъ, 1876, и мое соч. «Die Frauenfrage in Russland im Zeitalter Peters des Grossen» Russ. Revue. XV. 97 — 130.

ИСТОРІЯ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО

ИСТОРІЯ
ПЕТРА ВЕЛИКАГО

ТЕКСТЪ
А. Г. БРИКНЕРА,
профессора русской исторіи въ Дерптскомъ университетѣ

ГРАВЮРЫ НА ДЕРЕВѢ

ПАННЕМАКЕРА и **МАТТЭ** въ Парижѣ; **КЕЗЕБЕРГА** и **ЭРТЕЛЯ** въ Лейпцигѣ; **КЛОССА** и **ХЕЛЬМА** въ Штутгартѣ; **ЗУБЧАНИНОВА, РАШЕВСКАГО, ШЛИПЕРА** и **ВИНКЛЕРА** въ Петербургѣ.

Заглавный листъ, заглавныя буквы и украшенія художника **ПАНОВА.**

ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1883

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

ГЛАВА I.

Сотрудники Петра.

ВАНЪ Посошковъ говорилъ о Петрѣ: «нашъ монархъ на гору аще самъ десять тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ: то какъ дѣло его споро будетъ?» [1])

Самъ Петръ жаловался на недостатокъ въ сотрудникахъ. Мы помнимъ, что въ одномъ изъ писемъ его къ Екатеринѣ сказано: «лѣвшею не умѣю владѣть, а въ одной рукѣ принужденъ держать шпагу и перо; а помощниковъ сколько, сама знаешь» [2]).

Помощниковъ дѣйствительно было мало, противниковъ, «тянувшихъ подъ-гору», множество. Масса народа не могла считаться сотрудникомъ Петра. Весьма лишь немногіе входили въ его положеніе, имѣли возможность вникнуть въ самую суть его мыслей. Еще менѣе было лицъ, желавшихъ успѣха преобразовательной дѣятельности Петра.

На окончательный успѣхъ реформъ Петра можно было надѣяться лишь или при весьма продолжительномъ царствованіи его, или при образованіи группы сотрудниковъ, вполнѣ способныхъ продолжать въ духѣ Петра то, что̀ имъ было начато. Правда, нельзя

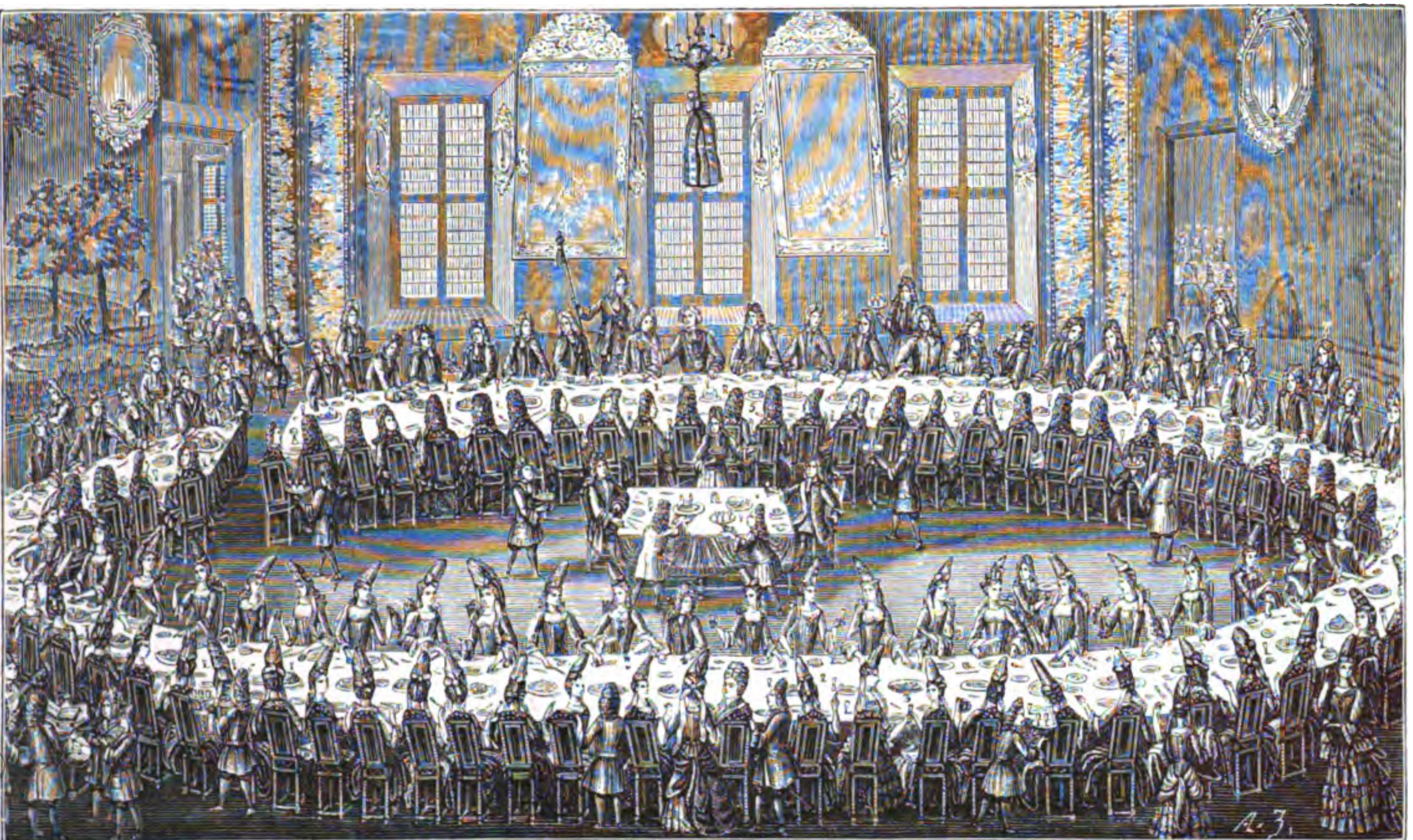
---

[1]) Соч. Посошкова, I, 95.
[2]) Письма рос. гос., I, 21—23.

было ожидать превращенія Россіи вновь изъ европейскаго государства въ азіатское, однако существовала опасность реакціоннаго движенія противъ духа реформъ Петра. Спрашивается: удалось-ли Петру образовать школу дѣятелей, готовыхъ и способныхъ бороться съ этою опасностью реакціи?

Нельзя было удивляться тому, что иностранцы, какъ, напр., Гордонъ и Лефортъ, Виніусъ, Остерманъ, Минихъ и др., поддерживали образъ дѣйствій Петра. Ихъ положеніе, ихъ карьера, обусловливались успѣхомъ нововведеній Петра. Нельзя отрицать, что Минихъ и Остерманъ впродолженіи шестнадцати лѣтъ, слѣдовавшихъ за царствованіемъ Петра, значительно содѣйствовали успѣху его предначертаній, поддержанію значенія Россіи въ ряду европейскихъ государствъ, продолженію дѣятельности русскаго правительства въ духѣ Петра. Россія имъ весьма многимъ была обязана. Однако господствовавшая въ Россіи и послѣ Петра ненависть къ иностранцамъ легко могла положить конецъ ихъ дѣятельности, что̀ и случилось въ 1741 году. Поэтому нельзя было не желать, чтобы между русскими нашлись люди, способные и намѣренные идти дальше по указанному Петромъ направленію.

Между русскими, къ счастію, не было недостатка въ даровитыхъ и энергичныхъ людяхъ. Курбатовъ переписывался съ Петромъ о разныхъ мѣрахъ къ реформамъ, объ отмѣнѣ патріаршества, о заведеніи школъ, о нѣмецкомъ платьѣ, о вопросахъ внѣшней политики, о финансовыхъ дѣлахъ и пр. и оказался чрезвычайно полезнымъ сотрудникомъ государя. Украинцевъ принадлежалъ къ самымъ опытнымъ дѣльцамъ въ области внѣшней политики и оказывалъ царю существенныя услуги въ Малороссіи, въ Польшѣ, въ Константинополѣ и пр.; Куракинъ, Матвеевъ, Толстой, Неплюевъ, Волынскій и др. были замѣчательными дипломатами; Макаровъ служилъ царю ревностно и успѣшно въ качествѣ кабинетъ-секретаря; въ области народной экономіи Строгановы, Демидовы, Гончаровы, Соловьевы и пр. оказались способными руководствоваться совѣтами Петра и отличались рабочею силою, предпріимчивостью, знаніемъ дѣлъ и способностію трудиться въ духѣ его; люди незнатнаго происхожденія, представители массы народа, какъ, напр., Кириловъ, Сердюковъ, Посошковъ и т. п. сдѣлались единомышленниками царя. Однако весьма немногимъ изъ всѣхъ этихъ тружениковъ было суждено продолжать свою дѣятельность на пользу Россіи послѣ Петра. Многіе пали жертвою доносовъ и поклеповъ своихъ недоброжелателей; нѣкоторые изъ нихъ погибли, вслѣдствіе разныхъ обвиненій, не лишенныхъ основанія. Политическая карьера въ то время пред-



Современное изображеніе свадьбы Петра Великаго.

Съ гравюры 1712 года.

X

ставляла собою страшныя опасности. Можно было считать исключеніемъ, если кто либо, занимавшій видное мѣсто, до своей кончины оставался въ полномъ блескѣ своего положенія. Высшіе сановники, игравшіе весьма важную роль при дворѣ, привыкшіе къ роскоши и къ власти, весьма часто оканчивали свою жизнь въ печальной ссылкѣ, въ бѣдности, въ уединеніи. Такова была участь кн. В. В. Голицына, Остермана, Толстого, Меншикова и др. Были также частые случаи жестокой смерти на эшафотѣ: примѣрами могутъ служить Нестеровъ, Гагаринъ, Волынскій и др.

Къ тѣмъ немногимъ людямъ, начавшимъ свою карьеру при Петрѣ и принадлежавшимъ къ его школѣ, бывшимъ «птенцами» Петра и трудившимся въ его духѣ еще долго послѣ него, можно отнести Неплюева и Татищева.

Вскорѣ послѣ возвращенія изъ-за границы, гдѣ онъ учился, Неплюевъ, какъ мы видѣли, въ качествѣ дипломата, былъ отправленъ въ Константинополь. Въ его автобіографіи заключаются многія данныя, свидѣтельствующія о неограниченномъ уваженіи къ геніальности и личности царя. Неплюевъ умѣлъ цѣнить значеніе Петра для Россіи. Разсказывая, что по полученіи извѣстія о кончинѣ государя, онъ пролежалъ болѣе сутокъ въ безпамятствѣ, Неплюевъ замѣчаетъ: «да иначе бы мнѣ и грѣшно было: сей монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими; научилъ узнавать, что и мы люди; однимъ словомъ, на чтò въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣетъ, и чтò бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ [1])». Нѣсколько десятилѣтій сряду Неплюевъ трудился въ духѣ Петра въ качествѣ дипломата въ Турціи, администратора въ Малороссіи и на Уралѣ, главнокомандующаго въ Петербургѣ въ первое время царствованія Екатерины II.

И Татищевъ былъ типомъ школы Петра. Многосторонностью занятій, разнообразіемъ познаній, рабочею силою, неутомимостью онъ походилъ на Петра. Равно какъ и Петръ, Татищевъ въ молодости былъ весьма многимъ обязанъ пребыванію на западѣ. Впослѣдствіи, онъ трудился въ качествѣ дипломата, директора горныхъ заводовъ, администратора среди инородцевъ. Онъ участвовалъ въ нѣкоторыхъ событіяхъ Сѣверной войны и Прутскомъ походѣ. Во время своихъ путешествій за границею, въ Швеціи, въ Саксоніи, онъ покупалъ множество книгъ математическаго, историческаго, географическаго и военно-техническаго содержанія. По же-

---

[1]) Русскій Архивъ, 1871. 651.

ланію Петра, онъ особенно подробно занимался географіею Россіи. Впослѣдствіи онъ сдѣлался первымъ русскимъ исторіографомъ. Жизнь и дѣятельность Татищева служатъ свидѣтельствомъ благопріятнаго вліянія, оказываемаго преобразованіемъ Россіи на способныхъ и склонныхъ къ ученію русскихъ людей[1]).

Примѣромъ такого же полезнаго вліянія служитъ и жизнь Толстаго: уже выше было указано нами на значеніе путешествія его

Иванъ Ивановичъ Неплюевъ.
Съ портрета принадлежащаго Н. И. Путилову.

за границу въ 1697 — 1698 годахъ. Пребываніе въ Италіи и въ другихъ странахъ развило въ немъ политическія способности. Онъ, какъ мы знаемъ, былъ ловкимъ дипломатомъ въ Турціи. Послѣ кончины Петра, онъ содѣйствовалъ возведенію на престолъ Екатерины. Французскій посолъ, Кампредонъ, называетъ его «умнѣйшею головою въ Россіи», «правою рукою императрицы» и пр.

---

[1]) См. соч. Н. Попова, о Татищевѣ. М. 1861 и статьи К. Н. Бестужева-Рюмина въ «Др. и Н. Россіи». 1875.

Никто изъ представителей школы Петра не былъ столько близкимъ царю человѣкомъ, какъ князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ. Навлекая на себя гнѣвъ царя сребролюбіемъ, алчностью, произвольными дѣйствіями, онъ былъ любимъ Петромъ за необычайныя способности, расторопность, рѣшимость, энергію.

Меншиковъ былъ очень незнатнаго происхожденія, сынъ придворнаго конюха. Извѣстіе, что «Алексашка» въ молодости торго-

Василій Никитичъ Татищевъ.
Съ портрета принадлежащаго Н. И. Путилову.

валъ пирогами, вѣроятно, не лишено основанія; онъ родился, какъ и Петръ, въ 1672 году. Наружность его была замѣчательна; онъ былъ высокаго роста, хорошо сложенъ, худощавъ, съ пріятными чертами лица, съ очень живыми глазами; любилъ одѣваться великолѣпно и былъ очень опрятенъ. Въ немъ вскорѣ сдѣлались замѣтны большая проницательность, необыкновенная ясность рѣчи, отражавшая ясность мысли, ловкость, съ которою онъ умѣлъ обдѣлать всякое дѣло, искусство выбирать людей.

Петръ цѣнилъ высоко замѣчательныя качества своего любимца, порою строго порицая его чрезмѣрное честолюбіе и грозя ему

строгимъ наказаніемъ за алчность. Во многихъ письмахъ Петра къ фавориту послѣдній названъ «мейнъ герцъ», «мейнъ фринтъ» (другъ), «мейнъ герценкинъ» (Herzenskind), «мейнъ либе камратъ», «мейнъ либе брудеръ» и т. п., что, впрочемъ, не мѣшаетъ частымъ порывамъ гнѣва царя на Меншикова. До послѣдняго времени Петръ давалъ ему самыя сложныя порученія, ввѣрялъ ему чрезвычайно важныя должности, оказывалъ ему милость, осыпалъ его наградами. Въ Сѣверной войнѣ, Меншиковъ и какъ полководецъ, и какъ дипломатъ, и какъ администраторъ, оказывалъ Петру самыя существенныя услуги.

Меншиковъ былъ нѣкоторымъ образомъ соперникомъ царевича Алексѣя, подобно тому какъ герцогъ Альба когда-то былъ соперникомъ Донъ-Карлоса. Въ то время, когда Петръ (въ 1715 г.) писалъ сыну о престолонаслѣдіи: «лучше будь чужой добрый, нежели свой непотребный», онъ, быть можетъ, имѣлъ въ виду Меншикова, который и сдѣлался фактическимъ наслѣдникомъ Петра и управлялъ Россіею болѣе двухъ лѣтъ во время царствованія Екатерины I и въ началѣ царствованія Петра II.

Зато грабежи, которые позволялъ себѣ Меншиковъ въ Польшѣ и Малороссіи, возбуждали сильнѣйшее негодованіе Петра. Къ счастью для Меншикова, у него была при царѣ сильная покровительница, царица Екатерина; она въ крайнихъ случаяхъ заступалась за своего стараго пріятеля. Однажды, въ 1712 году, отправляя Меншикова въ Померанію, Петръ писалъ ему: «говорю тебѣ въ послѣдній разъ: перемѣни поведеніе, если не хочешь большой бѣды. Теперь ты пойдешь въ Померанію, не мечтай, что ты будешь тамъ вести себя, какъ въ Польшѣ; ты мнѣ отвѣтишь головою при малѣйшей жалобѣ на тебя». Но, несмотря на эти угрозы, Меншиковъ въ Пемераніи дѣйствовалъ такъ, что еще болѣе раздражилъ царя. Еще въ концѣ своего царствованія, Петръ, однажды, говорилъ Екатеринѣ: «Меншиковъ въ беззаконіи зачатъ, во грѣхахъ его родила мать его и въ плутовствѣ скончаетъ животъ свой, и, если онъ не исправится, то быть ему безъ головы». Нельзя не признать, что царь по справедливости могъ приговорить Меншикова къ смертной казни точно такъ же, какъ онъ осуждалъ людей въ родѣ Гагарина, Нестерова, Шафирова, но не должно забывать, во первыхъ, личной дружбы между свѣтлѣйшимъ княземъ и государемъ, а далѣе, необычайной, нелегко замѣнимой опытности Меншикова въ дѣлахъ. Дружба безкорыстнаго и честнаго Лефорта могла быть дороже царю, нежели близкія отношенія къ нему Меншикова; за то какъ государственный дѣятель Меншиковъ стоялъ гораздо выше скромнаго швейцарца.

Апраксинъ разъ въ письмѣ къ царю замѣтилъ, что безъ Меншикова всѣ дѣла могли бы легко придти въ замѣшательство. Когда онъ, однажды, во время царствованія Екатерины, былъ въ отсутствіи въ Курляндіи, тотчасъ же сдѣлался замѣтнымъ нѣкоторый застой въ управленіи дѣлами. Меншиковъ былъ другомъ, понимавшимъ значеніе мыслей царя-преобразователя, трудившимся въ томъ самомъ направленіи, въ какомъ работалъ самъ царь. Не даромъ онъ и при немъ, и послѣ него занималъ столь высокое мѣсто [1]).

Другомъ, товарищемъ и сотрудникомъ Петра была и Екатерина. Отношенія къ ней царя, въ сравненіи съ первымъ бракомъ

Князь Яковъ Ѳеодоровичъ Долгорукій.
Съ портрета принадлежащаго Ю. В. Толстому.

Петра, свидѣтельствуютъ о важной перемѣнѣ происшедшей въ Россіи за все это время. Въ противоположность мало способной и мало развитой Евдокіи, Екатерина, несмотря на свое самое скромное происхожденіе, вскорѣ съумѣла составить себѣ положеніе. О душевно близкомъ отношеніи Петра къ Екатеринѣ свидѣтельствуетъ переписка обоихъ. Здѣсь обнаруживается безусловная преданность другъ другу; она раздѣляла труды и опасности царя, весьма часто бывала съ нимъ въ дорогѣ, слѣдила за его успѣхами, сочув-

[1]) Соловьевъ, XIV, 287 и слѣд. Устряловъ, IV, 1 — 207 и слѣд. Поссельтъ; Лефортъ I, 545—561. Есиповъ, біогр. Меншикова въ «Р. Архивѣ» 1875, II, 233 и слѣд. III, 47.

ствовала его радости и его горю, умѣла шутить съ нимъ, успокоивать его въ случаяхъ крайняго раздраженія или болѣзненныхъ припадковъ.

Екатерина происходила изъ семейства Скавронскихъ, переселившихся изъ Литвы въ Лифляндію[1]). Многія частности, разсказы-

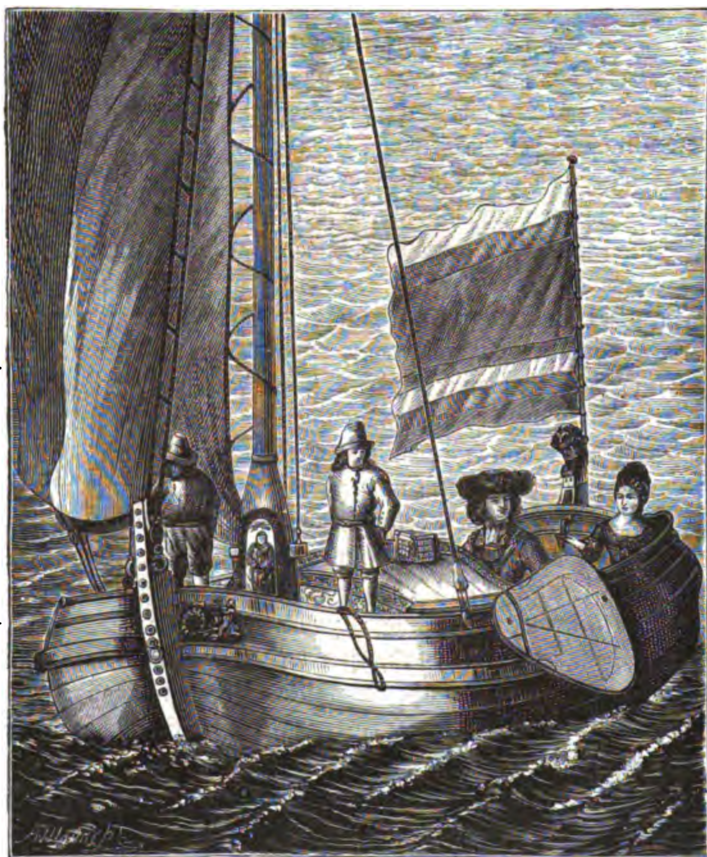
Императрица Екатерина I.
Съ гравированнаго портрета Хубракена.

ваемыя о ея молодости, имѣютъ характеръ и значеніе легенды. Достовѣрно извѣстно, что она, живя въ домѣ пробста Глюка, была взята въ плѣнъ, въ 1702 году, при завоеваніи Маріенбурга, и что вскорѣ послѣ этого Петръ познакомился съ нею въ домѣ Меншикова. Въ 1711 году, значитъ, послѣ рожденія ея дочерей, Анны

[1]) См. статью Грота въ XVIII т. «Сборника Второго Отдѣленія Академіи Наукъ».

и Елизаветы, Петръ объявилъ ее своею супругою[1]). Формальное бракосочетаніе происходило 19-го февраля 1712 года, въ Петербургѣ[2]).

Не опредѣливъ подробнѣе, въ чемъ собственно состояли заслуги Екатерины по случаю Прутскаго похода, Петръ намекнулъ на это



Петръ I и Екатерина I, катающіеся въ шнявѣ, по Невѣ.
Съ современной гравюры Зубова, 1716 года.

въ манифестѣ о коронованіи Екатерины. Частности, разсказываемыя въ сочиненіяхъ въ родѣ Вольтеровой исторіи Петра Великаго, не имѣютъ значенія. Вопросъ о намѣреніи Петра назначить Екатерину

---

[1]) См. письмо Алексѣя у Устрялова VI, 312.
[2]) См. статью Бычкова въ «Др. и Н. Россія». 1877. I, 323 — 325.

наслѣдницею престола долженъ оставаться открытымъ. 5 февраля 1722 года, появился указъ Петра, въ силу котораго государь имѣетъ право назначать своимъ наслѣдникомъ кого ему угодно. Можно было считать вѣроятнымъ, что это постановленіе было направлено противъ сына царевича Алексѣя. Какъ бы въ оправданіе образа дѣйствій Петра, Ѳеофанъ Прокоповичъ написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ «Правда воли монаршей», въ которомъ старался доказать разумность этого установленія. Но Петръ не успѣлъ воспользоваться своимъ правомъ назначить себѣ преемника.

Уже въ концѣ 1721 года, значитъ, вскорѣ послѣ принятія Петромъ императорскаго титула, Сенатъ и Синодъ рѣшили именовать Екатерину «Ея Величествомъ Императрицею». Въ 1723 году, Петръ вознамѣрился короновать Екатерину, и 15 ноября былъ написанъ манифестъ, въ которомъ послѣ нѣкоторыхъ замѣчаній о войнахъ сказано между прочимъ: «въ которыхъ вышеписанныхъ нашихъ трудахъ наша любезнѣйшая супруга, государыня императрица Екатерина, великою помощницею была, и не точію въ семъ, но и во многихъ воинскихъ дѣйствіяхъ, отложа немочь женскую, волею съ нами присутствовала и елико возможно вспомогала, а наипаче въ Прутской кампаніи съ Турки, почитай отчаянномъ времени какъ мужески, а не женски поступала, о томъ вѣдомо всей нашей арміи и отъ нихъ, несомнѣнно, всему государству» и пр. [1]).

Коронація Екатерины совершилась въ Москвѣ, съ великимъ торжествомъ, 7 мая 1724 года. Впослѣдствіи разсказывали, что Петръ желалъ этою церемоніею указать на Екатерину, какъ на преемницу. Во всякомъ случаѣ, при ея воцареніи, изрѣченія Петра въ этомъ тонѣ служили аргументаціею при поддержаніи правъ Екатерины. Какъ бы то ни было, коронація Екатерины являлась нововведеніемъ. За исключеніемъ коронаціи Марины Мнишекъ, не было подобнаго событія въ исторіи Россіи.

Много было разсказываемо о разладѣ, происшедшемъ будто бы между Екатериною и Петромъ не задолго до кончины послѣдняго, по случаю яко-бы существовавшей между императрицею и камергеромъ Монсомъ любовной связи. Частности, въ этихъ разсказахъ, очевидно въ значительной долѣ основанныхъ на слухахъ и предположеніяхъ, имѣютъ характеръ анекдотовъ, а не фактически доказаннаго историческаго событія. Можно допустить развѣ лишь временное или скорѣе минутное разстройство благопріятнаго отно-

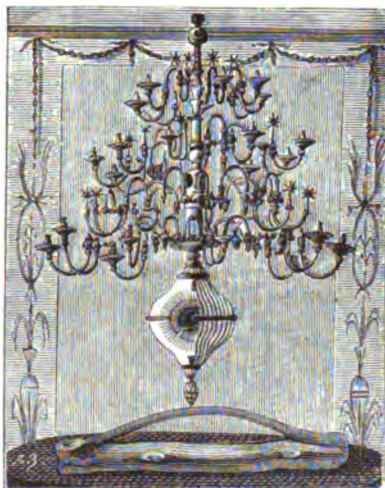
[1]) Соловьевъ, XVIII, 243—244.

Свадьба карликовъ въ 1710 году.

Съ современной голландской гравюры Филинса. Гравюра на деревѣ Паннемакера въ Парижѣ.

шенія между супругами, послѣ чего между ними тотчасъ же возстановилось полное согласіе [1]).

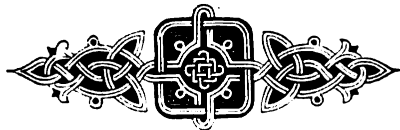
То обстоятельство, что Екатерина и Меншиковъ, лица самыя близкія Петру, лица, которыхъ онъ называлъ своими «герценкиндеръ», сдѣлались преемниками его, не могло не содѣйствовать обезпеченію результатовъ преобразовательной дѣятельности Петра. На-



Паникадило, точеное Петромъ I.

Съ рисунка, находящагося въ книгѣ „Кабинетъ Петра Великаго" Бѣляева.

прасно недоброжелатели Россіи въ минуту кончины Петра надѣялись на анархію въ Россіи, на какую-то реакцію противъ системы его царствованія. Хотя и краткое управленіе дѣлами Екатерины и Меншикова заключало въ себѣ достаточное доказательство, что Петръ успѣлъ создать школу государственныхъ людей, способныхъ и готовыхъ дѣйствовать въ духѣ его; дальнѣйшая судьба Россіи была обезпечена.



---

[1]) См. соч. Костомарова о Екатеринѣ въ «Древней и Новой Россіи», 1877 I, 149.

*

ГЛАВА II.

Личность Петра.

АКОЙ-ДЕ онъ государь?» спрашивали часто въ народѣ, недовольномъ образомъ дѣйствій Петра, потому что онъ во всѣхъ отношеніяхъ отличался отъ своихъ предшественниковъ. Прежніе цари были полубогами; они молились и постились, любили окружать себя блескомъ торжественнаго и пышнаго церемоніала. Петръ, напротивъ, держалъ себя во многихъ отношеніяхъ какъ-бы частнымъ человѣкомъ, работалъ и веселился наравнѣ съ представителями разныхъ классовъ общества, не гнушался и компаніи скромныхъ людей, столь-же охотно вращаясь въ средѣ матросовъ и плотниковъ, какъ и бесѣдуя съ государями, министрами, дипломатами и полководцами. Прежніе цари занимались немного, не имѣли понятія объ упорномъ трудѣ, по цѣлымъ часамъ смотрѣли на работы придворныхъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ или прислушивались къ нелѣпой болтовнѣ придворныхъ шутовъ. Петръ вставалъ рано, около 4 часовъ утра, занимался государственными дѣлами, обыкновенно въ 6 часовъ отправлялся въ Адмиралтейство или въ Сенатъ и трудился въ разныхъ занятіяхъ до ночи, употребляя минуты отдыха для работы за токарнымъ станкомъ или для осмотра разныхъ инструментовъ, приборовъ, орудій или для посѣщенія фабрикъ и мастерскихъ. Трудъ для него былъ наслажденіемъ; онъ зналъ цѣну времени, не разъ возставая противъ русскаго «сей-

Петръ Великій.

Съ гравюры Крамскаго, сдѣланной съ портрета Никитина.

часъ». Нельзя удивляться, что трудившійся неусыпно, дѣйствовавшій быстро и рѣшительно государь рѣдко оставался доволенъ трудомъ другихъ, требуя отъ всѣхъ и каждаго такой-же неутомимости и силы воли, какою отличался онъ самъ. Иностранцы, слѣдившіе за ходомъ дѣлъ, замѣчали, что въ отсутствіе царя работы по управленію государствомъ или шли гораздо медленнѣе или останавливались совершенно.

Петръ не любилъ роскоши, ѣлъ скромно, иногда спалъ на полу, ѣздилъ въ одноколкѣ и пр. Зато онъ любилъ шумную пирушку

Петръ Великій на смертномъ одрѣ.
Съ портрета Никитина, писаннаго съ натуры.

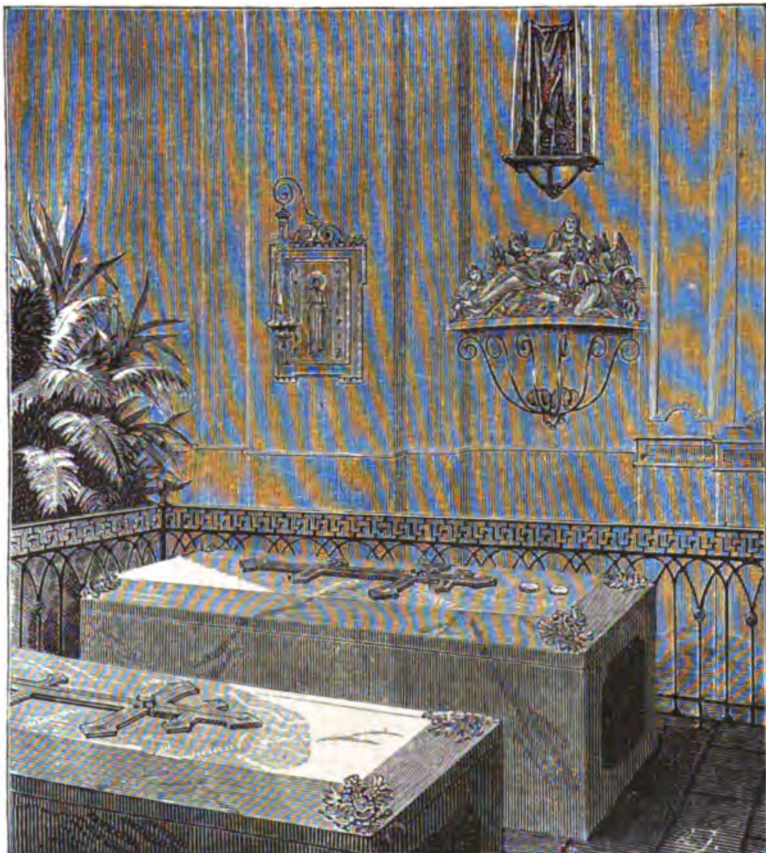
въ кругу пріятелей, веселье, разгулъ, попойки. Шутки и потѣхи иногда доходили до ужасающихъ размѣровъ. Сложность комизма задумываемыхъ ихъ маскерадовъ, пародій, шуточныхъ празднествъ трудно постижима. Никто не станетъ отрицать, что устроенная Петромъ свадьба шута Тургенева въ 1695 году, такое-же празднество въ 1704 году, свадьба Зотова въ 1715 году и пр. отличались особенною грубостью шутокъ, юморомъ для нашего вѣка и нрава едва понятнымъ. Нельзя, однако, не вспомнить при этомъ,

что и при другихъ дворахъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ встрѣчались потѣхи, свидѣтельствующія о свойственномъ тѣмъ временамъ вкусѣ, не подходящемъ къ нашимъ нравамъ и наклонностямъ. Избавившись отъ чопорности прежняго этикета, господствовавшаго въ Кремлѣ, но не успѣвъ усвоить себѣ утонченность нравовъ западноевропейскаго высшаго общества, русскій дворъ при Петрѣ могъ легко предаваться увеселеніямъ, отличавшимся грубыми шутками, буйнымъ разгуломъ, необузданною игрою воображенія. Самое непріятное впечатлѣніе на насъ производятъ потѣхи

Бронзовая маска Петра Великаго.
Со снимка находящагося въ Академіи Художествъ.

Петра, въ которыхъ заключалось подражаніе духовнымъ обрядамъ, какъ, напр., славленіе, церемоніи при выборѣ князя-папы, въ которыхъ должны были разыгрывать важныя роли сановники, какъ, напр., Ромодановскій, Зотовъ, Бутурлинъ и пр. Во многихъ подобныхъ шуткахъ Петръ, въ частностяхъ этихъ потѣхъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, имѣвшій инищіативу, приближается къ Ивану Грозному и къ его образу дѣйствій въ эпоху Опричины. Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторыя торжественныя процессіи были за-

думаны имъ самимъ, что онъ съ непонятною для насъ основательностью занимался составленіемъ программъ для разныхъ комическихъ празднествъ [1]). Укажемъ, какъ на образчикъ юмора Петра, на пятидневный маскарадъ, происходившій въ началѣ 1722



Гробница Петра Великаго въ Петропавловскомъ соборѣ.
Въ ея настоящемъ видѣ.

года въ Москвѣ. Торжественный въѣздъ въ Москву происходилъ въ слѣдующемъ порядкѣ. Впереди всѣхъ ѣхалъ шутовскій маршалъ, окруженный группою самыхъ забавныхъ масокъ. За нимъ

[1]) См. статью Семевскаго о шуткахъ и потѣхахъ въ V т. «Рус. Старины». Многія частности въ сочиненіяхъ современниковъ: Штраленберга, Вебера, Фокеродта, Берггольца и пр.

слѣдовалъ глава «всепьянѣйшаго собора», князь-папа И. И. Бутурлинъ, въ саняхъ въ папскомъ одѣяніи. Въ ногахъ у него красовался верхомъ на бочкѣ Бахусъ. Потомъ ѣхала, верхомъ на волахъ, свита князь-папы, т. е. кардиналы. Послѣ нихъ въ маленькихъ саняхъ, запряженныхъ четырьмя пестрыми свиньями, двигался царскій шутъ, наряженный въ самый курьезный костюмъ.

Кукла Петра Великаго, находящаяся въ Петровской галлереѣ въ Эрмитажѣ.
Съ рисунка, находящагося въ книгѣ „Кабинетъ Петра Великаго" Бѣляева.

Затѣмъ слѣдовалъ Нептунъ, въ коронѣ, съ длинною сѣдою бородою и съ трезубцемъ въ правой рукѣ. За нимъ ѣхала въ гондолѣ «князь-игуменья» Стрѣшнева, въ костюмѣ аббатиссы, окруженная монахинями. Послѣ нея ѣхалъ со свитой настоящій маршалъ маскерада, князь Меншиковъ, въ огромной лодкѣ, въ костюмѣ аббата. Затѣмъ, въ слѣдующихъ повозкахъ, имѣвшихъ отчасти видъ лодокъ, слѣдовали въ разныхъ замысловатыхъ костюмахъ княгиня

Маскерадъ въ Москвѣ въ 1722 году по случаю празднованія Ништадскаго мира.

Съ весьма рѣдкой современной гравюры, находящейся въ собраніи Д. А. Ровинскаго.

Меншикова, князь Ромодановскій, царица Прасковья Ѳеодоровна, Апраксинъ; далѣе слѣдовалъ огромный корабль, на которомъ командовалъ самъ Петръ, и пр., и пр. [1]).

О богатствѣ воображенія царя, о многосторонности его познаній, о его юморѣ, свидѣтельствуютъ его письма, въ которыхъ поражаетъ весьма часто оригинальность оборотовъ, сила выраженій, смѣлость сравненій, изобиліе ссылокъ на историческіе факты, на миѳологію; множество чужихъ словъ, прибаутокъ и истинно

Опальня Петра Великаго въ Марли, въ Петергофѣ.
Въ ея настоящемъ видѣ.

комическихъ мыслей придаютъ этимъ, къ сожалѣнію все еще не изданнымъ въ полной коллекціи, памятникамъ чрезвычайную прелесть. Письма Петра, какъ мы видѣли въ разныхъ частяхъ нашего труда, служатъ чуть-ли не важнѣйшимъ источникомъ исторіи его царствованія, его дѣятельности вообще.

[1]) См. статью Шубинскаго въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1882. II, 149—541.

Нельзя не удивляться широкимъ размѣрамъ энциклопедическаго образованія Петра. О его занятіяхъ естественными науками мы уже говорили по случаю указанія на значеніе первой поѣздки царя за границу. На искусства, на живопись и архитектуру, онъ сталъ обращать вниманіе гораздо позже. Онъ велѣлъ снять планы и рисунки знаменитаго дворца въ Ильдефонзо въ Испаніи; при постройкѣ разныхъ дворцовъ въ Россіи ему служили образцами пре-

Одноколка Петра Великаго.
Съ старинной гравюры.

Карета Петра Великаго, хранящаяся въ Петровскомъ цейхгаузѣ въ Воронежѣ.
Съ фотографическаго снимка.

Кресло Петра I.
Съ старинной гравюры.

красныя зданія такого рода въ Западной Европѣ; онъ заботился о составленіи коллекцій картинъ, гравюръ, предметовъ скульптуры. Устройство великолѣпныхъ парковъ подъ непосредственнымъ личнымъ наблюденіемъ Петра, напр., въ Петергофѣ, въ Екатериненталѣ и пр., обнаруживаетъ въ немъ любовь къ природѣ, склонность къ изящному садоводству.

Уже въ XVII столѣтіи современники удивлялись подробности и размѣрамъ познаній царя въ области географіи. Уже тогда его инте-

ресовалъ вопросъ о возможности проѣзда въ Китай и Индію чрезъ Ледовитый Океанъ, или вопросъ, соединена-ли Новая Земля съ материкомъ или нѣтъ [1]). Во Флоренціи уже въ 1698 году боярину Шереметеву показывали карту Чернаго моря, составленную

Лошадь Петра Великаго.

Съ рисунка, находящагося въ книгѣ „Кабинетъ Петра Великаго" Бѣляева.

Собаки Петра Великаго.

Съ рисунка, находящагося въ книгѣ „Кабинетъ Петра Великаго" Бѣляева.

Дворецъ Петра Великаго въ Петрозаводскѣ, нынѣ не существующій.

Съ рисунка, приложеннаго къ книгѣ „Путешествія Петра Великаго на Олонецъ".

Петромъ [2]). По случаю походовъ и путешествій, царь всюду любилъ собирать топографическія данныя, изучать особенно водныя пути сообщенія, узнавать о продуктахъ каждой посѣщаемой имъ области. Сооруженіе географическихъ экспедицій самимъ Петромъ

[1]) Crull, 208.
[2]) Журналъ путешествія Шереметева, стр. 85.

обнаруживаетъ въ немъ не только пытливость и любознательность, но и необычайное умѣніе заниматься проблеммами землевѣдѣнія. Открытіе Берингова пролива, замѣчательнѣйшій фактъ въ исторіи подобныхъ событій послѣ подвига Колумба, было ничѣмъ инымъ,

Церковь построенная по рисунку Петра I въ Петрозаводскѣ.
Съ рисунка, приложеннаго къ книгѣ Озерецковскаго „Путешествіе къ сѣвернымъ озерамъ" 1792 г.

какъ лишь рѣшеніемъ задачи, поставленной Петромъ, приведеніе въ исполненіе составленной имъ для ученой экспедиціи программы. То, что̀ было сдѣлано въ то время и нѣсколько позже знаменитыми путешественниками, какъ, напр., Герберомъ, Мессершмидтомъ.

Петръ Великій на Лахтѣ.

Рисунокъ художника Н. П. Загорскаго. Гравюра Клосса въ Штуттартѣ.

Лангомъ, Берингомъ и пр., состоялось бо̀льшею частью по личной иниціативѣ царя [1]). При немъ въ Россіи были начаты геодезическія работы въ большихъ размѣрахъ, появились многія географическія карты, составленъ Кириловымъ атласъ Россіи [2]) и пр.

Петръ, во все время своего царствованія, хворалъ часто, иногда опасно. Въ 1692 году ожидали его кончины. Нерѣдко онъ стра-

Домикъ въ селѣ Бѣлая Гора (Олонецкаго уѣзда), гдѣ, по преданію, жилъ Петръ I во время разработки шахты на Псавдійскихъ мраморно-плитныхъ ломкахъ.

Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры А. П. Норовлевымъ.

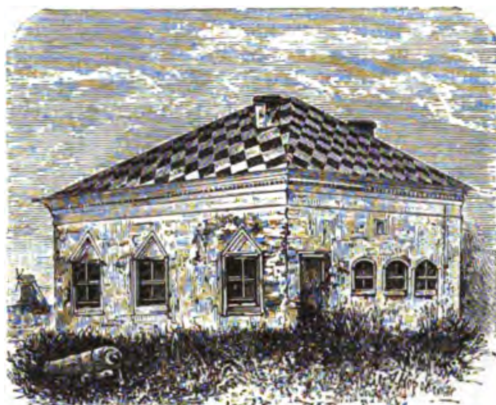
далъ перемежающеюся лихорадкою. Мы видѣли, что онъ иногда, и не безуспѣшно, лечился на минеральныхъ водахъ. Съ 1722 года хроническіе недуги Петра приняли серьезный характеръ. Въ 1724 году, болѣзнь видимо усиливалась. А между тѣмъ Петръ не переставалъ трудиться, путешествовать, не щадя себя. Никакая натура не могла выдерживать такой дѣятельности. Осенью 1724 года, съ нимъ сдѣлался сильный припадокъ, но, несмотря на это, онъ отправился осматривать Ладожскій каналъ, потомъ поѣхалъ на

---

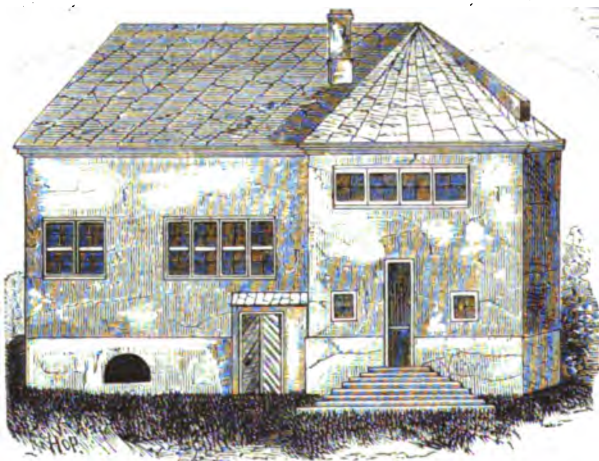
[1]) Baer, Peters Verdienste um die Erweiterung geographischer Kenntnisse, стр. 48.

[2]) Otto Struve, Ueber die Verdienste Peters d. Gr. um die Kartographie Russlands, Russ. Revue (1876) VIII, 1—19.

Олонецкіе желѣзные заводы, оттуда въ Старую Русу; въ первыхъ числахъ ноября, возвращаясь въ Петербургъ, онъ увидалъ, что у мѣстечка Лахты, плывшій изъ Кронштадта ботъ съ солдатами



Домъ, гдѣ жилъ Петръ Великій въ бытность свою въ Вологдѣ.
Съ фотографическаго снимка.



Дворецъ Петра Великаго въ Ревелѣ.
Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры А. П. Норовлевымъ.

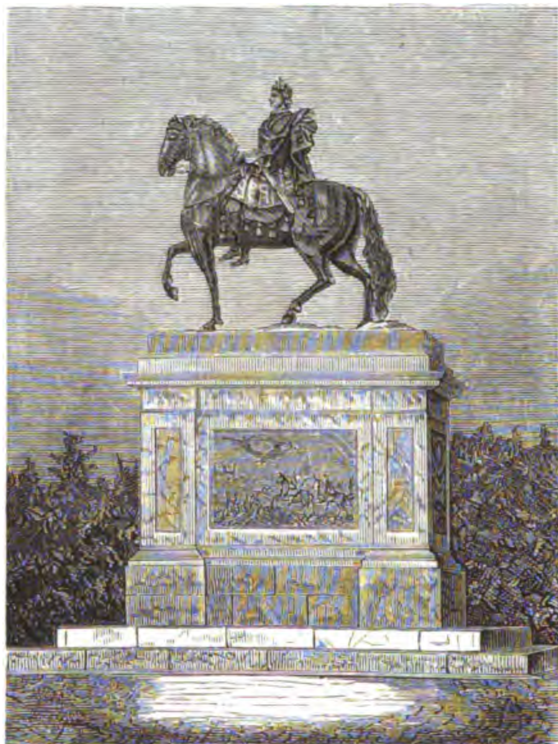
сѣлъ на мель; не утерпѣвъ, Петръ самъ поѣхалъ къ нему и помогалъ стаскивать судно съ мели и спасать людей, причемъ стоялъ по поясъ въ водѣ. Припадки немедленно возобновились. Въ

Памятникъ Петру Великому на Сенатской площади въ Петербургѣ.
Съ гравюры Набгольца 1791 года.

Голова статуи Петра I находящейся на Сенатской площади, въ Петербургѣ.
Съ гравюры Генрикеца 1772 года.

январѣ, болѣзнь усилилась. 27-го числа, онъ потребовалъ бумаги, началъ было писать, но перо выпало изъ рукъ его; изъ написаннаго могли разобрать только слова: «отдайте все...», потомъ онъ

велѣлъ позвать дочь Анну для того, чтобъ она написала подъ его диктовку, но когда она подошла къ нему, то Петръ не могъ уже сказать ни слова. На другой день, 28-го января, его не стало [1]).



Памятникъ Петру Великому на площади у Инженернаго замка въ Петербургѣ.

Съ фотографическаго снимка.

[1]) О болѣзняхъ Петра см. соч. Задлера, «Peter. d. Gr. als Mensch und Regent», St.-Petersburg, 1872, стр. 217—219. Рихтеръ, Gesch. d. Medicin in Russland. Moskau, 1817 III, 80—91. Соловьевъ, XVIII, 245—247 и въ приложеніи, стр. 354. разсказъ Кампредона.

Отзывы потомства.

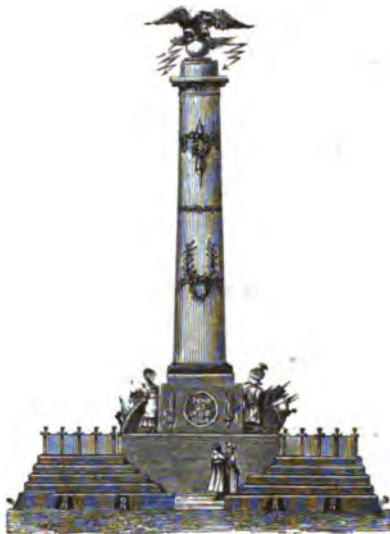
Со времени Петра и понынѣ встрѣчаются постоянно діаметрально противоположные одинъ другому отзывы о личности Петра, о его заслугахъ, о значеніи его царствованія въ исторіи Россіи.

Памятникъ Петру Великому въ Кронштадтѣ.
Съ фотографическаго снимка.

Раскольники ненавидѣли Петра; меньшинство, къ которому принадлежали патріоты, въ родѣ Посошкова, восхваляли его. Изъ иностранцевъ-современниковъ, между прочимъ, Фокеродтъ выразилъ сильныя сомнѣнія въ пользѣ его царствованія, въ цѣлесообразности его мѣръ для преобразованія Россіи, тогда какъ другіе наблюдатели, напр., Перри, Веберъ и пр., знавшіе Петра лично и слѣдившіе зорко за его реформою, восхищались геніальностью го-

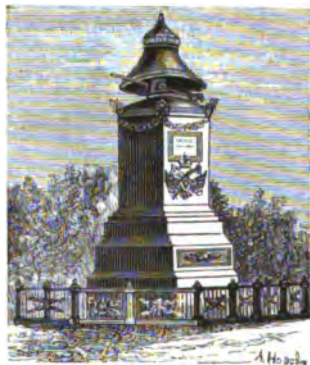
сударя, благотворнымъ вліяніемъ его дѣятельности. Всѣ преемники Петра на престолѣ считали его образцомъ правителя. Въ самыя трудныя минуты своего царствованія Екатерина II вспоминала о

Памятникъ Петру I въ Воронежѣ.
Съ фотографическаго снимка.



Памятникъ Петру I въ Полтавѣ.
Съ фотографическаго снимка.

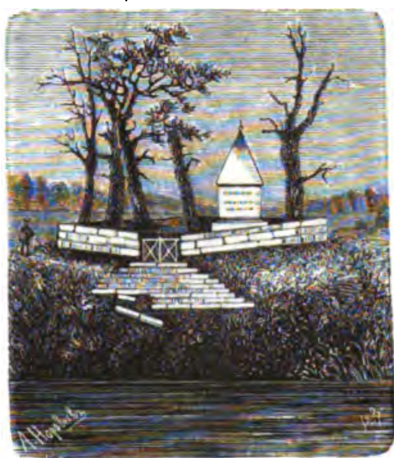
Памятникъ Петру I на озерѣ Плещеевѣ.
Съ фотографическаго снимка.



Второй памятникъ Петру I въ Полтавѣ.
Съ фотографическаго снимка.

Петрѣ, задавая себѣ вопросъ, какъ-бы дѣйствовалъ онъ въ каждомъ данномъ случаѣ, между тѣмъ, какъ въ то же самое время княгиня Дашкова, однажды, въ Вѣнѣ, за столомъ у князя Кауница,

въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ порицала и личность, и дѣятельность Петра. Не у однихъ только знавшихъ его лично встрѣчается нѣкоторая смѣсь уваженія съ боязнью и отвращеніемъ. Когда послѣ Чесменской битвы въ присутствіи двора митрополитъ Платонъ говорилъ краснорѣчивое слово и, внезапно сойдя съ амвона, подошелъ къ памятнику Петра и воскликнулъ: «Возстани теперь, великій монархъ, отечества нашего отецъ!—возстани и воззри на любезное изобрѣтеніе твое» и пр., то среди общаго восторга и умиленія, графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій тихонько сказалъ



Памятникъ Петру I у Красныхъ сосенъ.

Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры А. П. Норовлевымъ.

Памятникъ Петру I въ Липецкѣ.

Съ фотографическаго снимка.

окружавшимъ его: «Чего онъ его кличетъ: если онъ встанетъ намъ всѣмъ достанется» [1]).

Уваженіе къ Петру, удивленіе его подвигамъ, заставило потомство сначала собирать отдѣльныя черты его жизни: появились сочиненія, имѣвшія характеръ сборниковъ анекдотовъ; таковы труды Нартова, Крекшина, Штелина, Голикова, Вольтера. Нужно было идти дальше, заняться правильною, всестороннею, безпристрастною оцѣнкою значенія Петра въ исторіи, на основаніи изученія исторіи той эпохи вообще. Исторіографіею новѣйшаго времени многое

[1]) «Осьмнадцатый вѣкъ», II, 490.

*

было сдѣлано; много еще ей остается сдѣлать въ отношеніи къ этому предмету. Результаты нашего труда главнымъ образомъ совпадаютъ съ воззрѣніями на этотъ предметъ того достойнаго труженика, памяти котораго посвящено это сочиненіе. Эти результаты относительно значенія Петра въ исторіи слѣдующіе:

Развитіе историческое происходитъ въ сущности независимо отъ отдѣльныхъ личностей. Россія и безъ Петра превратилась-бы въ европейскую державу; онъ не создалъ новаго направленія въ

Памятникъ Петру I въ Дербентѣ.

Памятникъ Петру I въ Петрозаводскѣ.

историческомъ развитіи Россіи; но, благодаря геніальности и силѣ воли Петра-патріота, Россія особенно быстро и успѣшно подвинулась впередъ въ указанномъ ей уже прежде направленіи. Народъ, создавшій Петра, можетъ гордиться этимъ героемъ, бывшимъ какъ-бы продуктомъ соприкосновенія русскаго народнаго духа съ обще-человѣческою культурою. Глубокое пониманіе необходимости такого соединенія двухъ началъ, національнаго и космополитическаго, доставило Петру на вѣчное время одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи человѣчества.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ ИСТОРІИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

*

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ ИСТОРІИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

А.

Б.

В.

Г.

*

Д.

Е.

Л.

Н.

О.

П.

Р.

*

С.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

УКАЗАТЕЛЬ
ГРАВЮРЪ,
ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ ИСТОРІИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

ПОРТРЕТЫ.

А. Портреты Петра Великаго:

В. Портреты разныхъ лицъ:

немакеръ, ч. II, 251;—съ портрета, находящагося въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, грав. Паннемакеръ, ч. III, 355.

Екатерина I Алексѣевна, императрица, съ гравированнаго портрета Хубракена, грав. Паннемакеръ, ч. VI, 666.

Елисавета Петровна, цесаревна, впослѣдствіи императрица:

— въ дѣтствѣ, съ портрета находящагося во дворцѣ Марли въ Петергофѣ, грав. Паннемакеръ, ч. IV, 575. — съ гравированнаго портрета Вагнера, грав. Паннемакеръ, ч. IV, 578.

Зотовъ, Никита Моисеев., дьякъ челобитнаго приказа, учитель Петра Великаго, впослѣд. графъ и тайный совѣтникъ; съ гравированнаго портрета Осипова, грав. Паннемакеръ, ч. I, 15.

Иванъ Алексѣевичъ, московскій царь, съ портрета, находящагося въ Императорскомъ Эрмитажѣ, грав. Клоссъ, ч. I, 22.

Карлъ XII, шведскій король, съ гравированнаго портрета Танже, 1717 г., грав. Хельмъ, ч. IV, 399.

Карлъ-Фридрихъ, герцогъ Голштейнъ-Готторпскій, съ современнаго гравированнаго портрета, грав. Хельмъ, ч. IV, 574.

Кармартенъ, маркизъ, англійскій морякъ, съ рѣдкаго портрета, доставленнаго профессоромъ оксфордскаго университета Морфилемъ, грав. Зубчаниновъ, ч. II, 191.

Кочубей, Леонтій Васильев., генеральный судья малороссійскаго войска, съ портрета, принадлежащаго княгинѣ Е. П. Кочубей, грав. Хельмъ, ч. IV, 442.

Крюйсъ, Корнилій Иванов., русскій адмиралъ, съ рѣдкой голландской гравюры Кнюйна, находящейся въ собраніи П. Я. Дашкова, грав. Хельмъ, ч. II, 223.

Куракинъ, кн. Борисъ Ив., съ портрета, принадлежаго князю А. Б. Куракину, грав. Паннемакеръ, ч. IV, 515.

Лейбницъ, баронъ Готфридъ-Вильгельмъ, съ гравированнаго портрета Штейнге, ч. IV, 522.

Леопольдъ I, австрійскій императоръ, съ гравированнаго портрета Шенка, грав. Зубчаниновъ, ч. II, 195.

Лефортъ, Францъ Яковлев., 1-й адмиралъ русскаго флота, съ гравированнаго портрета Шенка 1698 года, грав. Хельмъ, ч. I, 115.

Мазепа, Ив. Степанов., съ портрета, принадлежащаго Академіи Художествъ, грав. Хельмъ, ч. IV, 431; съ портрета, находящагося на аллегорической гравюрѣ дьякона Мишуры 1706 г., грав. Зубчаниновъ, ч. IV, 434.

Макаровъ, Алексѣй Вас., тайный совѣтникъ, съ современнаго портрета, по фотографическому снимку, доставленному А. М. Лушевымъ, грав. Хельмъ, ч. V, 595.

Матвѣевы:

— Андрей Артамонов., графъ, дипломатъ, съ гравированнаго портрета Колпакова, грав. Клоссъ, ч. II, 215.

— Артамонъ Сергѣев., ближній бояринъ, съ гравированнаго портрета, приложеннаго къ его жизнеописанію, изд. въ 1776 г., грав. Паннемакеръ, ч. I, 11.

Ментенонъ, Франсоазъ д'Обиньи, маркиза, тайная супруга Людовика XIV, съ современнаго гравированнаго портрета, ч. IV, 531.

Меншиковъ, кн. Александръ Данил., генералиссимусъ, съ портрета, принадлежащаго кн. В. А. Меншикову, грав. Паннемакеръ, ч. IV, 430.

Нарышкинъ, Ив. Кириллов., бояринъ, съ портрета, находящагося въ картинной галлереѣ Н. И. Путилова, гравировалъ Зубчаниновъ, ч. I, 34.

Наталья Кирилловна (Нарышкина), вторая супруга царя Алексѣя Михайловича, съ портрета, находящагося въ Императорскомъ Эрмитажѣ, грав. Паннемакеръ, ч. I, 14.

*

Ягужинскій, гр. Пав. Ив., оберъ-прокуроръ сената, впослѣд. кабинетъ-министръ, съ гравированнаго портрета Герасимова, грав. Хельмъ, ч. V, 599.

Өеофанъ (Прокоповичъ), архіепископъ новгородскій, съ современнаго гравированнаго портрета, грав. Клоссъ, ч. V, 626.

КАРТИНЫ:

Азовъ, взятіе его въ 1696 году, съ современной (1699 г.) гравюры Шхонебека, грав. Паннемакеръ (на отдѣльномъ листѣ), ч. I, 144.

Ассамблея при Петрѣ Великомъ, картина профессора Хлѣбовскаго, грав. Хельмъ (на отдѣльномъ листѣ), ч. V, 648.

Битва подъ Полтавой:

— съ картины профессора Коцебу, грав. Паннемакеръ (на отдѣльномъ листѣ), ч. IV, 460.

— съ современной гравюры Шхонебека, грав. Кезебергъ и Эртель (на отдѣльномъ листѣ), ч. IV, 460.

Битва при Переволочнѣ, съ современной гравюры Шхонебека, грав. Кезебергъ и Эртель (на отдѣльномъ листѣ), ч. IV, 462.

Встрѣча Петра Великаго съ Людовикомъ XV въ Парижѣ, рисунокъ художника Н. Загорскаго, грав. Зубчаниновъ (на отдѣльномъ листѣ), ч. IV, 534.

Казнь стрѣльцовъ, съ современой гравюры, приложенной къ «Дневнику Корба», грав. Зубчаниновъ (на отдѣльномъ листѣ), ч. III, 286.

Карлъ XII при переправѣ черезъ Днѣпръ, съ картины шведскаго художника Седерштрема, грав. Зубчаниновъ (на отдѣльномъ листѣ), ч. IV, 464.

Маскарадъ въ Москвѣ въ 1722 году, съ весьма рѣдкой современной гравюры изъ собранія Д. А. Ровинскаго, грав. Зубчаниновъ (на отдѣльномъ листѣ), ч. VI, 674.

Махмутъ, турецкій султанъ, въѣздъ его въ Констанстантинополь послѣ заключенія карловицкаго мира, съ современной гравюры, находящейся въ «Путешествіи Ламотрея», изд. 1727 г. (на отдѣльномъ листѣ), ч. IV, 384.

Нарва, взятіе ея въ 1704 году, картина профессора Коцебу, грав. Паннемакеръ, ч. IV, 416.

Нотебургъ, взятіе его:

— картина профессора Коцебу, грав. Хельмъ (на отдѣльномъ листѣ), ч. IV, 420.

— съ современной гравюры, 1703 г., Шхонебека, грав. Кезебергъ и Эртель (на отдѣльномъ листѣ), ч. IV, 420.

Перенесеніе мощей Св. Александра Невскаго, картина профессора Васнина, грав. Зубчаниновъ (на отдѣльномъ листѣ), ч. V, 630.

Петръ I въ кабинетѣ голландскаго собирателя рѣдкостей Вильде, съ современнаго офорта, сдѣланнаго дочерью Вильде, грав. Паннемакеръ, ч. II, 179.

Петръ I въ селѣ Измайловѣ, картина Мясоѣдова, грав. Кезебергъ и Эртель (на отдѣльномъ листѣ), ч. I, 90.

Петръ I и царевичъ Алексѣй, картина профессора Ге, грав. Кезебергъ и Эртель (на отдѣльномъ листѣ), ч. III, 360.

Петръ Великій на Лахтѣ, рисунокъ Н. Загорскаго, грав. Клоссъ (на отдѣльномъ листѣ), ч. VI, 678.

Петръ I экзаменуетъ учениковъ, возвратившихся изъ-за границы, картина Н. Н. Каразина, грав. Зубчаниновъ, ч. II, 211.

Посольство русское:

— въ Амстердамѣ въ 1697 году, съ современной гравюры Мушерона, грав. Паннемакеръ (на отдѣльномъ листѣ), ч. II, 172.

ВИДЫ ГОРОДОВЪ:

Петебургъ, городъ, при шведскомъ владычествѣ, съ гравюры, находящейся въ «Путешествіи» Олеарія, грав. Клоссъ, ч. IV, 414.

Ревель въ началѣ XVIII столѣтія, съ современной гравюры Меріана, грав. Хельмъ, ч. IV, 463.

Рига въ XVIII столѣтіи, съ рѣдкой современной гравюры Шенка, грав. Хельмъ, ч. II, 162.

Терки въ XVIII столѣтіи, съ современной гравюры, находящейся въ «Путешествіи» Олеарія, грав. Рашевскій, ч. IV, 559.

Царицынъ въ XVII столѣтіи, съ современной голландской гравюры фанъ-деръ-Аа, грав. Рашевскій, ч. III, 315.

ВИДЫ МѢСТНОСТЕЙ И ЗДАНІЙ:

Версаль въ началѣ XVIII столѣтія, съ современной французской гравюры, ч. IV, 530.

Дворцы:

— Коломенскій, съ рѣдчайшей гравюры, сдѣланной съ натуры за годъ до разрушенія дворца, находящейся въ собраніи П. Я. Дашкова, грав. Клоссъ (на особомъ листѣ), ч. I, 18.

— Царевича Алексѣя Петровича въ Петербургѣ, съ рисунка, приложеннаго къ «Описанію Петербурга» Рубана, ч. III, 338.

— Въ Лѣтнемъ саду, съ гравюры 1716 г., грав. Рашевскій, ч. V, 638.

— Петра Великаго на Петровскомъ островѣ, съ современной гравюры, грав. Винклеръ, ч. V, 651.

— Петра Великаго въ Петрозаводскѣ, нынѣ не существующій, съ рисунка, приложеннаго къ книгѣ «Путешествіе Петра Великаго на Олонецъ», ч. VI, 677.

— Петра Великаго въ Ревелѣ, съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры А. П. Норовлевымъ, грав. Винклеръ, ч. VI, 680.

— Зимній дворецъ при Петрѣ Великомъ, съ гравюры 1716 года, грав. Винклеръ, ч. V, 645.

Деревня русская въ концѣ XVII столѣтія, съ рѣдкой современной гравюры Гетериса, грав. Паннемакеръ, ч. V, 607.

Дома, въ которыхъ жилъ Петръ Великій:

— въ Нарвѣ, въ настоящемъ его видѣ, грав. Рашевскій, ч. IV, 402.

— въ Новодвинской крѣпости, въ настоящемъ его видѣ, грав. Рашевскій, ч. IV, 407.

— въ Петербургѣ, наружный видъ, съ современной гравюры, грав. Рашевскій, ч. IV, 419; внутренній видъ — въ настоящее время, грав. Рашевскій, ч. IV, 422.

— въ Саардамѣ, наружный видъ, съ современной гравюры, грав. Зубчаниновъ, ч. II, 167; внутренній видъ—въ настоящее время, съ гравюры Слюйтера, грав. Рашевскій, ч. II, 170.

— въ селѣ Бѣлая-Гора, Олонецкаго уѣзда, съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры А. П. Норовлевымъ, грав. Рашевскій, ч. VI, 679.

— въ Вологдѣ, съ фотографическаго снимка, грав. Винклеръ, ч. VI, 680.

— Землянка въ Дербентѣ, въ настоящемъ ея видѣ, грав. Рашевскій, ч. IV, 563.

Домъ Лефорта въ Нѣмецкой слободѣ, съ рѣдкой современной гравюры Генриха де-Виттъ, находящейся въ обраніи П. Я. Дашкова, грав. Рашевскій, ч. I, 126.

Дорога мостовая въ Новгородской губерніи въ концѣ XVII столѣтія, съ рѣдкаго современнаго офорта Гетериса, находящагося въ собраніи П. Я. Дашкова, грав. Паннемакеръ, ч. V, 611.

Площадь въ Москвѣ въ концѣ XVII столѣтія, съ современной гравюры, находящейся въ «Путешествіи» Олеарія, грав. Зубчаниновъ, ч. I, 67.

Подворья:
— Стефана Яворскаго, съ рисунка, приложеннаго къ «Описанію Петербурга» Рубана, грав. Винклеръ, ч. V, 623.
— Ѳеофана Прокоповича, съ рисунка изъ того же изданія, грав. Винклеръ, ч. V, 627.

Посольскій дворъ въ Москвѣ въ XVII столѣтіи, съ современной гравюры, грав. Паннемакеръ, ч. I, 59.

Слобода нѣмецкая въ Москвѣ, съ гравюры Генриха де-Виттъ, начала XVIII столѣтія (двѣ гравюры), грав. Рашевскій, ч. I, 6, 7.

Спальня Петра Великаго въ Марли, въ Петергофѣ, въ настоящемъ ея видѣ, грав. Рашевскій, ч. VI, 675.

Ст.-Эльмо, съ рисунка, приложеннаго къ «Исторіи Петра Великаго» Устрялова, грав. Шлиперъ, ч. III, 347.

Тронъ царей Петра и Ивана Алексѣевичей, съ рисунка, находящагося въ «Древностяхъ Россійскаго Государства», грав. Паннемакеръ, ч. I, 87.

Улица въ Москвѣ въ концѣ XVII столѣтія, съ современной гравюры, находящейся въ «Путешествіи» Олеарія, грав. Паннемакеръ, ч. I, 75.

Усадьба боярская въ концѣ XVII столѣтія, съ рѣдкой современной голландской гравюры, грав. Зубчаниновъ, ч. V, 618.

Цейхгаузъ Петровскаго времени въ Воронежѣ, въ его настоящемъ видѣ, грав. Рашевскій, ч. I, 138.

Церкви:
— въ селѣ Воздвиженскомъ, съ рисунка, находящагося въ «Русской Старинѣ», изд. Мартыновымъ, грав. Зубчаниновъ, ч. I, 47.
— Исаакіевскій соборъ въ первональномъ видѣ, съ современной гравюры, грав. Винклеръ, ч. V, 649.
— въ Петрозаводскѣ, построенная по рисунку Петра Великаго, съ рисунка, приложеннаго къ книгѣ Озерецковскаго «Путешествіе къ сѣвернымъ озерамъ» 1792 года, ч. VI, 678.
— Петропавловскій соборъ въ Петербургѣ, первоначальный видъ, съ рисунка, приложеннаго къ «Описанію Петербурга» Рубана, грав. Винклеръ, ч. IV, 418.
— Троицкій соборъ въ Петербургѣ, въ первоначальномъ видѣ, съ современной гравюры, грав. Винклеръ, ч. IV, 554.

Часовня въ домикѣ Петра Великаго въ Петербургѣ, грав. Рашевскій, ч. IV, 423.

Эренбергъ, замокъ, съ рисунка, приложеннаго къ «Исторіи Петра Великаго» Устрялова, грав. Шлиперъ, ч. III, 346.

БЫТОВЫЕ РИСУНКИ:

Войска петровскаго времени:
— Артиллеристъ, съ рисунка, находящагося въ «Описаніи одеждъ и вооруженія русскихъ войскъ», грав. Шлиперъ, ч. II, 246.
— Воинъ-иноземецъ въ русской службѣ въ XVII столѣтіи, съ рисунка изъ того же изданія, грав. Рашевскій, ч. I, 52.
— Гренадеръ преображенскаго полка, грав. Зубчаниновъ, ч. II, 239.
— Жилецъ конный, грав. Зубчаниновъ, ч. I, 46.
— Жилецъ пѣшій, грав. Зубчаниновъ, ч. I, 43.

— Малороссійскій казакъ, грав. Зубчаниновъ, ч. IV, 439.
— Малороссійскій полковникъ, грав. Зубчаниновъ, ч. IV, 435.
— Матросъ, грав. Зубчаниновъ, ч. IV, 387.
— Начальники стрѣльцовъ, грав. Рашевскій, ч. I, 30.
— Пѣхотинцы, съ рисунка художника Загорскаго, грав. Зубчаниновъ, ч. IV, 506 и 507
— Рядовые стрѣльцы, грав. Рашевскій, ч. I, 31.
— Фузелеръ драгунскаго полка, грав. Шлиперъ, ч. II, 242.
— Фузелеръ преображенскаго полка, грав. Зубчаниновъ, ч. II, 238.
— Фузелеры пѣхотныхъ армейскихъ полковъ, грав. Шлиперъ, ч. II, 243.

Допросъ шпіона, съ рисунка шведскаго художника Седенштрома, грав. Зубчаниновъ, ч. IV, 511.

Казни въ Россіи:
— колесованіемъ, съ рѣдчайшей гравюры начала XVIII столѣтія, находящейся въ собраніи П. Я. Дашкова, грав. Паннемакеръ, ч. III, 295.
— повѣшеніемъ за ребро и закапываніемъ въ землю, съ такой же гравюры, грав. Паннемакеръ, ч. III, 299.
— публичныя наказанія въ XVII столѣтіи, съ рисунка, находящагося въ «Путешествіи» Олеарія, грав. Зубчаниновъ, ч. III, 303.

Каторжникъ въ XVIII столѣтіи, съ современной гравюры Дальстена, грав. Зубчаниновъ, ч. V, 615.

Крестьянинъ русскій въ XVIII столѣтіи, съ современной гравюры Дальстена, грав. Зубчаниновъ, ч. V, 614.

Крестьянинъ лифляндскій, служившій проводникомъ шведской арміи въ походѣ 1700 г., съ современной гравюры, грав. Зубчаниновъ, ч. IV, 398.

Одежда бояръ и боярынь въ XVII столѣтіи, съ рисунковъ, находящихся въ «Древностяхъ Россійскаго Государства», грав. Зубчаниновъ, ч. I, 62, 63.

Петръ I и Екатерина I, катающіеся въ шнявѣ по Невѣ, съ современной гравюры Зубова, 1716 года, грав. Шлиперъ, ч. V, 667.

Поѣздъ знатной русской боярыни въ XVII столѣтіи, съ рисунка, сдѣланнаго въ 1674 году шведомъ Пальмквистомъ, грав. Винклеръ, ч. I, 71.

Присяга русскихъ въ XVII столѣтіи, съ современной гравюры, грав. Зубчаниновъ, ч. I, 23.

Пытка водой, съ рисунка, сдѣланнаго шведомъ Пальмквистомъ въ 1674 году, грав. Винклеръ, ч. III, 298.

МЕЛКІЕ РИСУНКИ:

Бородовые знаки, съ рисунковъ, находящихся въ «Описаніи русскихъ монетъ» Шуберта, грав. Винклеръ, ч. II, 231, 234, 235.

Ботикъ измайловскій: «Дѣдушка русскаго флота», въ настоящемъ его видѣ, грав. Зубчаниновъ, ч. I, 94.

Гичка Петра Великаго, хранящаяся въ Астраханскомъ музеѣ, ч. IV, 567.

Гробница Петра Великаго въ Петропавловскомъ соборѣ, въ настоящемъ ея видѣ, грав. Зубчаниновъ, ч. VI, 673.

Заглавный листъ изданія географіи петровскаго времени (на отдѣльномъ листѣ), грав. Зубчаниновъ, ч. V, 640.

Знамена:
— Преображенскаго полка въ 1701 году, съ рисунка, находящагося въ «Описаніи одеждъ и вооруженія русскихъ войскъ», грав. Зубчаниновъ, ч. II, 247.

— Стрѣлецкое, съ фотографіи, сдѣланной съ подлинника, хранящагося въ Оружейной Палатѣ, грав. Зубчаниновъ, ч. I, 35.

Ива въ Александровскомъ паркѣ, сохранившаяся отъ временъ Петра Великаго, съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры А. П. Норовлевымъ, грав. Рашевскій, ч. V, 648.

Корабль „Молящійся св. Апостолъ Петръ", построенный Петромъ I въ Воронежѣ, въ 1696 году, съ современной гравюры Шхонебека, грав. Рашевскій, ч. I, 139.

Кресло Петра Великаго, съ соврем. гравюры, грав. Зубчаниновъ, ч. VI, 676.

Крестъ, поставленный Петромъ Великимъ на берегу Бѣлаго моря, съ рисунка, приложеннаго къ «Исторіи Петра Великаго» Устрялова, грав. Рашевскій, ч. I, 122.

Крестъ, сдѣланный Петромъ Великимъ и находящійся въ соборѣ г. Архангельска, съ рисунка А. П. Норовлева, грав. Рашевскій, ч. I, 123.

Лошадь Петра Великаго, съ рисунка, находящагося въ книгѣ «Кабинетъ Петра Великаго» Бѣляева, грав. Зубчаниновъ, ч. VI, 677.

Медали:

— выбитая по случаю командованія Петромъ Великимъ четырьмя флотами, со снимка, находящагося въ изданіи Иверсена «Медали на дѣянія Петра Великаго», грав. Винклеръ, ч. IV, 519.

— выбитая по случаю посѣщенія Петромъ Великимъ парижскаго монетнаго двора, со снимка, находящагося въ томъ же изданіи, ч. IV, 538.

Модель корабля, сдѣланнаго Петромъ Великимъ, грав. Рашевскій, ч. IV, 386.

Носилки Карла XII, захваченныя во время полтавскаго боя, съ рисунка, находящагося на современной гравюрѣ, грав. Зубчаниновъ, ч. IV, 443.

Памятники Петру Великому:

въ Петербургѣ:

— на Сенатской площади, съ гравюры Набгольца 1791 года, грав. Зубчаниновъ, ч. VI, 681.

— у Инженернаго замка, съ фотографическаго снимка, грав. Винклеръ, ч. VI, 682.

— въ Кронштадтѣ, съ фотографическаго снимка, грав. Винклеръ, ч. VI, 683.

— въ Воронежѣ, съ фотограф. снимка, ч. VI, 684.

— въ Петрозаводскѣ, съ фотограф. снимка, VI, 686.

— въ Полтавѣ, съ фотографическаго снимка, ч. VI, 684.

— на озерѣ Плещеевѣ, съ фотографическаго снимка, ч. VI, 684.

— у Красныхъ сосенъ, съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры А. П. Норовлевымъ, ч. VI, 685.

— въ Липецкѣ, съ фотографическаго снимка, ч. VI, 685.

— въ Дербентѣ, съ фотограф. снимка, ч. VI, 686.

Памятникъ русскимъ воинамъ, убитымъ въ Гангеутскомъ сраженіи, ч. IV, 503.

Паникадило, точеное Петромъ I, съ рисунка, находящагося въ книгѣ «Кабинетъ Петра Великаго» Бѣляева, грав. Зубчаниновъ, ч. VI, 669.

Печати, употреблявшіяся Петромъ I во время пребыванія его въ Голландіи, съ факсимиле, приложенныхъ къ «Исторіи Петра Великаго» Устрялова, грав. Зубчаниновъ, ч. II, 158.

Письма:

— Евдокіи Ѳеодоровны къ Петру Великому, со снимка, приложеннаго къ «Исторіи Петра Великаго» Устрялова, грав. Зубчаниновъ (на отдѣльномъ листѣ), ч. II, 254.

— Петра Великаго къ Татищеву, грав. Зубчаниновъ (на отдѣльномъ листѣ), ч. IV, 436.

Планъ Петербурга въ 1705 году, со снимка, приложеннаго къ «Исторіи Петра Великаго» Устрялова, грав. Зубчаниновъ, ч. IV, 428.

Заглавный листъ, буквы и заставки рисованы художникомъ Пановымъ, рѣзаны на деревѣ Паннемакеромъ въ Парижѣ и Винклеромъ въ Петербургѣ.

ИЗДАНІЯ А. С. СУВОРИНА.

(Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени" (Суворина) въ Петербургѣ и Москвѣ).

Лѣсковъ, Н. С. Три праведника и одинъ Шерамуръ. Ц. 1 р. 50 к.

— Некуда. Романъ. Ц. 3 р.

— Смѣхъ и Горе. Воспоминанія полинявшаго человѣка. Ц. 1 р. 50 к.

Магаффи. Древне-греческ. жизнь. Съ рис. Ц. 60 коп.

Маркевичъ, Б. Переломъ. Правдивая исторія. Въ 4-хъ частяхъ. Ц. 6 р.

Марковъ, В. Илья Муромецъ. Поэма Ц. 60 коп.

— Трилистникъ. Стих. Ц. 30 к.

Масловъ, А. Н. Завоеваніе Ахалъ-Теке. Очерки изъ послѣдней экспедиціи Скобелева (1880—1881. Ц. 1 р.

Маститый беллетристъ. Изъ современной жизни. Фельетонные разсказы. Ц. 1 р. 50 к.

Молчановъ, А. Н. Между миромъ и конгрессомъ. Письма въ „Новое Время" изъ Константинополя, Измида, съ ПринцевыхъО—въ, изъ Дарданеллъ, Галлиполи Санъ-Стефано и Филиппополя. Ц. 2 р.

— Путевыя письма. Повѣсти, разсказы и наброски. Ц. 60 коп.

Морской, Н. Аристократія Гостинаго двора. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

— Содомъ. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

Москва въ родной поэзіи. Сборникъ стиховъ и прозы о Москвѣ. Ц. 1 р. 25 к. Роскошные экз. по 3 р.

Немировичъ - Данченко, В. И. Годъ войны. Дневникъ русскаго корреспондента (1877—1878). 3 т. Ц. 6 р.

— Святыя горы. (Русскій Аѳонъ). Очерки и впечатлѣнія. Ц. 80 к.

— Быль. Новыя повѣсти, очерки и разсказы. Ц. 2 р.

— Стихотворенія Ц. 2 р. 50 к.

Не-Гомеопатъ. Антиматеріализмъ въ наукѣ. Нейральный анализъ Іегера и гомеопатія Ц. 30 к.

Орловскій. Серьезные люди. Романъ. Спб. Ц. 1 р. 75 к.

Островскій А. и Н. Соловьевъ. Драматическія сочиненія. Ц. 3 р.

Пальмъ. Старый баринъ. Комедія. Ц. 65 к.

— Гражданка. Сцены. Ц. 65 к.

Пассекъ, Т. П. Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія. 2 т. Ц. 4 р.

Розенталь. Общая мышечная и нервная физіологія. Перев. съ нѣмец. подъ редак. проф И. С. Тарханова. Ц. 2 р.

Самсоновъ. Пережитое. Мечты и разсказы русскаго актера. Ц. 2 р.

Салтыковъ, М. Е. (Щедринъ). Господа ташкентцы. Ц. 1 р. 60 к.

— Дневникъ Провинціала въ Петербургѣ. Ц. 1 р. 60 к.

— Круглый годъ. Ц. 1 р. 25 к.

— Господа Головлевы. Ц. 2 р.

— Благонамѣренныя рѣчи. Ц. 3 р.

Скальковскій, К. У скандинавовъ и фламандцевъ. Ц. 1 р.

Случевскій, К. Стихотворенія. 2 т. Ц. 4 р.

Смайльсъ, С. Путешествіе мальчика вокругъ свѣта. Съ 6-ю рис. и картою. Ц. 1 р. 75 к.

Смирнова, С. И. У пристани. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

Соловьевъ, Н. На порогѣ къ дѣлу. Ком. въ 3-хъ д. Ц. 75 к.

Стоюнинъ, В. Историческія сочиненія. 2 тома (т. 1-й Александръ Семеновичъ Шишковъ. Т. 2-й: А. С. Пушкинъ). Ц. каждаго т. 1 р. 50 к.

Трироговъ, В. Община и Подать. Ц. 2 руб.

Уманецъ, Ѳ. М. Изъ моихъ наблюденій по крестьянскому дѣлу. Ц. 1 р. 50 к.

Уэлькенсъ. Древне-Римск. жизнь. Съ 14 грав. Ц. 60 коп.

Фальке, Я. „Эллада и Римъ". Культурная исторія классической древности. Роскошное изданіе иллюстрированное извѣстными знатоками классич. древности. Ц. 24 р., въ роскош. перепл. 30 р.

Фриманъ, Э. А. Очеркъ Исторіи Европы. Ц. 60 к.

Хмыровъ, И. Азбука Икса. Задачи изъ алгебры и геометріи съ подробными вычисленіями искомаго. Ц. 2 р. 50 к.

Шашковъ, С. С. Исторія русской женщины. Ц. 1 р. 75 к.

ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА.

Фонъ-Визинъ, Д. В. Двѣ его комедіи: Недоросль, ком. въ 5 д. и Бригадиръ, въ 5 д. Полный текстъ. Съ біографіей автора. Ц. 15 к., на велен. бум. 40 к.

Грибоѣдовъ, А. С. Горе отъ ума. Ком. въ 5 д. Съ біографіей автора. Ц. 10 коп., на вел. бум. 40 коп.

Карамзинъ, Н. М. Повѣсти. Ц. 20 к., на велен. бум. 40 к.

Эти три томика „Дешевой библіотеки" У. К. М. Н. Просв. рекомендованы, какъ учебныя пособія для всѣхъ учебныхъ заведеній, а также для библіотекъ народныхъ училищъ.

Мерзляковъ и Цыгановъ. Русскія пѣсни. Съ очеркомъ жизни обоихъ поэтовъ. Ц. 10 к., на вел. бум. 30 коп.

Нарѣжный. Бурсакъ. Романъ. Ц. 35 к., на вел. бум. 65 коп.

Bibliothéca Graeca. Homeri Odyssea. Часть I. (12 пѣсней). Ц. 35 коп.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2